

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТЕРЛІГІ
Ә. Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ**

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А. Х. МАРГУЛАНА**

ЖЕТІСУ ӨЛКЕСІНІҢ ТАРИХЫ МЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ДЕРЕКТЕРІ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕМИРЕЧЬЯ

МАҚАЛАР МЕН ЖАРИЯЛЫНЫМДАР ЖИНАҒЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ И ПУБЛИКАЦИЙ

**5 ШЫҒАРЫЛЫМ
ВЫПУСК 5**

Алматы 2017

УДК 902/904 (574)
ББК 63.4 (5 Каз)
И91

Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК

Рекомендовано к изданию Ученым Советом Института археологии им. А.Х. Маргулана

Рецензенты:

Байтанаев Б.А., доктор исторических наук, академик НАН РК
Воякин Д.А., кандидат исторических наук

Редколлегия:

Егорова Т.А. – шеф-редактор, Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Потапов С.А.

ЖЕТІСУ ӨЛКЕСІНІҢ ТАРИХЫ МЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ДЕРЕКТЕРІ

Мақалар мен жариялынымдар жинағы. – 5 Шығарылым. – Алматы, 2017. – б. 212

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕМИРЕЧЬЯ

Сборник статей и публикаций. – Выпуск 5. Алматы, 2017 – 212 с.

ISBN 978-601-7106-28-7

Данный специализированный сборник посвящен памяти одного из основателей настоящего периодического издания Мотова Юрия Аркадьевича. В издании представлены научные работы, освещающие различные аспекты истории и археологии Жетысу – Семиречья и сопредельных регионов. В научный оборот вводятся материалы поселенческих и погребальных комплексов эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Авторы анализируют как развитие отдельных историко-географических микрорайонов в эпоху бронзы и раннем железном веке, так и отдельные археологические артефакты древности и позднего средневековья, предпринимают попытки интерпретации некоторых сюжетов наскального искусства Жетысу и локализации средневековых городов Великого Шелкового пути. Поднимаются актуальные вопросы историографии археологических исследований в Казахстане. Научные публикации отражают современное состояние обсуждаемых научных проблем и многообразие подходов к их решению.

Сборник предназначен как для специалистов – историков, археологов, краеведов, так и для широкого круга читателей.

УДК 902/904 (574)
ББК 63.4 (5 Каз)

*В оформлении обложки использована фотография А.А. Горячева
сцены с тремя «солнцеголовыми» в горах Кульжабасы*

© Базарбаева Г.А., Байпаков К.М., Варфоломеев В.В.,
Горячев А.А., Григорьев Ф.П., Джумабекова Г.С.,
Дмитриев Е.А., Егорова Т.А., Ерофеева И.В.,
Железняков Б.А., Кукушкин И.А., Лихтер Ю.А.,
Марьяшев А.Н., Петров П.Н., Потапов С.А.,
Савельева Т.В., Усманова Э.Р., Хабдуллина М.К.,
Яценко С.А.

© Институт археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК

И91
ISBN 978-601-7106-28-7

Слово о Мотове

СЛОВО О МОТОВЕ...

Ю.А. Мотов родился на Алтае, в с. Троицкое. С переездом родителей жил и учился в с. Майтобе Джамбулской области на берегу озера Биликоль. Он был трогательно привязан к родному краю, в устных своих воспоминаниях не раз возвращался к тому времени, рассказывал, смеясь, как совершались находки на его глазах «под ногами – буквально на дороге, выбитой колесами проезжающего транспорта». Потом в своих изысканиях он с особой трепетностью будет обращаться к этому краю, полным загадок и манящими далями, своей «Биликольской царевне», тогда, видимо, и оформилось яркое желание все это познать, постичь...

Северные склоны хребта Каратау, у подножия которых располагалось озеро Биликоль, богатейший археологический край. Величественные курганы с менгирами одного из крупнейших могильников раннего железного века Казахстана, расположенного близ села Майтобе, могильник эпохи бронзы Биликоль петровско-алакульского типа, который еще в студенческие годы он исследовал самостоятельно в связи с угрозой его поглощения озером, не могли пройти мимо пытливого и неравнодушного Ю. Мотова.

А сначала, как у всех, служба в рядах ВМФ на северном флоте (1968-1971). Там в суровых буднях приобрел навыки завязывать морские узлы, что потом не раз демонстрировал в непростых полевых условиях, вызывая всплеск уважения у молодежи.

Мотов Ю.А. в годы службы в рядах ВМФ СССР

С институтским периодом (1973-1977 гг. – учеба на историческом факультете КазПИ им. Абая) связано формирование Ю.А. Мотова как ученого. Он принимает участие в полевых археологических исследованиях на Талгарском городище под руководством И.И. Копылова, которого считал своим учителем.

Юрий Мотов среди однокурсников КазПИ им. Абая

По окончании учебы Ю.А. Мотов стал работать в Институте «Казреставрация» Министерства культуры КазССР под руководством Б.Т. Туякбаевой, сначала фотографом, затем младшим научным сотрудником. Здесь ему довелось участвовать в научно-исследовательских работах на двух ярчайших памятниках археологии Казахстана – раскопках цитадели г. Туркестана близ мавзолея Ходжа Ахмета Яссауи и первых систематизированных исследованиях петроглифов урочища Тамгалы (Танбалытас). Столь разносторонний опыт полевых работ во многом повлиял на его умения и навыки в области методики археологических раскопок. К исследованиям каждого памятника, где ему приходилось работать, он подходил с полной ответственностью, предварительно изучая не только сам объект и материалы его прежних исследований, но и исторические сведения эпохи, его географическую среду и многое другое.

В июле-сентябре 1979 г. отправляется в составе Гиссарского и Дангаринского археологических отрядов, в отряде каменного века в Таджикистан. О тех временах вспоминал с какой-то задоринкой в глазах, повествуя, как перебирали по крупинкам, выискивая бусины, просеивали материал, занесенный древними песками. Может быть, тогда уже появилась его знаменитая, запомнившаяся многим, алюминиевая рамка с натянутой леской для поквдратной отрисовки, с которой он появлялся в любых выездах в поле. Его задорные байки во время долгих зарисовок и передвижения этой рамки скрашивали неподвижно текущее время сидящих рядом помощников. Сказывалась великолепная начитанность и желание поделиться со всем миром своими знаниями и мысленными открытиями.

С 1979 г. Ю.А. Мотов работал в составе Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции Отдела археологии Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР (руководитель отдела Акишев К.А.). Ответственность и разносторонние навыки, проявленные им при раскопках Отрара, позволили вскоре стать начальником полевого отряда по изучению одного из интереснейших памятников Отрарского оазиса – Куйрыктобе – X-XI вв. Будучи сотрудником Института, он работал в Тараской Новостроечной экспедиции, активно участвовал в раскопках Краснореченского городища в составе совместно казахско-киргизской археологической экспедиции.

Мотов Ю. А. вместе с К.А. Акишевым в экспедиции на городище Бозок в Центральном Казахстане.

Тогда же у него зарождается идея и программа исследований тюркских кочевников раннего средневековья.

За ее реализацию Мотов Ю.А. возьмется уже в Центральном Государственном музее КазССР, куда перейдет в 1986 году в отделе фондов сектора археологии, а затем станет заведующим Отделом археологии и заведующим Сектором археологии отдела дореволюционной истории. В этот период Юрий Аркадьевич начинает активно сотрудничать с Марьяшевым А.Н. на тот момент доцентом КазПИ им. Абая. В этих экспедициях им будет найден, пожалуй, ключевой памятник всех дальнейших изысканий – раннесредневековый тюркский комплекс в урочище Ой-Джайляу в горах Киндыктас. Тогда же сформировался их тандем по воспитанию молодого поколения археологов. Алексей Николаевич «заражал» молодежь археологией, а Юрий Аркадьевич формировал навыки полевой работы на археологических памятниках.

Работа в ЦГМК представляла собой, в том числе, и постоянное пополнение археологических коллекций. Он отыскивал артефакты в разных местах. Многие люди, видя его увлеченность, помогали ему. Зная его дотошность и щепетильность в отношении материалов, передавали целые коллекции археологических раскопок разных памятников в уверенности, что Мотов обработает материалы, как нужно. Однажды, возвращаясь из экспедиции в Ой-Джайляу, заехали в одно село, где Юрий Аркадьевич приметил выброшенное на помойку каменное изваяние. Только загрузили в машину, как тут же нашлись «хозяева» и потребовали вернуть камень, который был им необходим для фундамента нового дома. Объяснения не подействовали, помогли остатки командировочных, за которые он выкупил для музея достаточно редкий по стилистике артефакт. Потом со смехом заявил: «Как я понимаю Бернштама с его знаменитой телеграммой «Шлите деньги. Потратился на «баб»».

Тогда же им изучается серия аварийных археологических памятников в районе ущелий Каргалы и Майбулак. В творческом тандеме с В.В. Сараевым впервые фиксируется и документируется серия палеолитических стоянок у северных склонов Заилийского Алатау и укрепленное поселение эпохи бронзы Майбулак-II.

Мотов Ю.А. на раскопках комплекса Бутакты-I в Алматы

В связи с образованием самостоятельного Института археологии им. А.Х. Маргулана НАН РК под руководством К.М. Байпакова он переходит с ноября 1991 г. сюда в качестве научного сотрудника и проработает до конца 2014 года. В этот период Юрий Аркадьевич будет реализовывать свое направление в археологических исследованиях. Совместно с Г.С. Джумабековой им осуществлены раскопки целой серии тюркских археологических памятников, прежде всего погребений с конем. Его ценность как научного сотрудника в Институте была неоспорима. Долгое время Мотов Ю.А. являлся секретарем Полевого комитета, анализировавшим отчеты о полевых исследованиях и жестко требовавшим исполнения их на высоком уровне.

Отдельного признания заслуживает его работа по изучению древних памятников Алматинской и Жамбылской областей. Он принимал активное участие в составлении Сводов памятников истории и культуры этих регионов, считая, что эти два региона по количеству и богатству археологических артефактов заслуживают отдельного и регулярного освещения в научной литературе. Итогом этих усилий стало создание нашего периодического издания «История и археология Семиречья», где он изначально являлся ответственным редактором. Круг авторов формировался Мотовым из числа историков, археологов, этнографов и краеведов с тем, чтобы как можно всесторонне осветить все основные направления научных исследований в крае. И благодаря его усилиям в сборнике впервые были опубликованы материалы ключевых для региона памятников древности и раннего средневековья.

В последние годы Юрий Аркадьевич вместе с А.А. Горячевым принимал участие в работах по составлению археологических карт малоисследованных территорий г. Алматы и области, исследовал комплекс тюркских памятников в Кызыл-Гайрате и урочище Ой-Джайляу, изучал могильник Нижняя

Мотов Ю.А. на раскопках комплекса Бутакты-I в Алматы

Каменка и археологический комплекс Бутакты на территории г. Алматы. Активно участвовал в исследованиях средневекового городища Бозок в Центральном Казахстане.

Его энциклопедические знания всегда помогали и восхищали.

Он ушел неожиданно быстро и далеко не все успел завершить.

Скромной данью светлой памяти Юрия Аркадьевича Мотова является представленный сборник, в который включены воспоминания коллег, а также научные статьи по различным общим и частным проблемам археологии Семиречья и сопредельных территорий.

От редколлегии

Ермолаева А.С.
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

ВОСПОМИНАНИЯ О ЮРЕ

С Юрой судьба нас свела в 1977 г. в Институте «Казпроектреставрация», которой руководила Б.Т. Туякбаева. В отдел археологии института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР попасть было невозможно, а археологией мы уже «заболели», поэтому выбора особого не было. В это время Баян Туматаевна создала отдел археологии для полного исследования территории вокруг архитектурных памятников при подготовке и проведении реставрационных работ. Юру, недавнего выпускника Каз. ПИ им. Абая, она приняла на работу фотографом, и надо сказать, что он знал эту работу хорошо.

В его обязанности в основном входила распечатка пленок, которыми его загружали архитекторы, приезжавшие с очередных экспедиций по обследованию и обмерам памятников разных эпох. На археологические обследования он выезжал уже как научный сотрудник, прошедший школу археолога И.И. Копылова. Меня он потрясал своей эрудицией и памятью. Напичканный разносторонней информацией, которая «распирала» его, он постоянно нуждался в слушателях и, заполучив «новенького», наслаждался своими лекциями.

В устных рассказах он строил длинные сложные предложения и мало просвещенный собеседник, запутавшись в смысле сказанного, старался деликатно улизнуть от него под разными предлогами. Работа в фотолаборатории требовала уединения, что Юру особенно тяготило, поэтому он, поместив пленку в раствор для проявления, появлялся в кабинетах сотрудников и заводил длинный разговор на какую-нибудь тему, которая могла интересовать всех или одного слушателя. Но всегда пунктуально следил за временем, отведенным на проявление пленки и поэтому зачастую мог неожиданно на полуслове замолкнуть и умчаться в лабораторию. Потрясающим было то, что если он возвращался не раньше чем через полчаса, тем не менее, рассказ свой продолжал с этого самого полуслова, в то время как большинство слушателей не могли вспомнить даже тему разговора. Вызывали уважение его

честность и порядочность в жизни, а в работе скрупулезность и умение увидеть каждую мелочь, а из этих мелочей потом складывалась общая картина исследования.

В молодости у всех нас параллельно с серьезным исследованием в археологии присутствовали и романтические увлечения этой наукой. И эта археологическая романтика привела Юру и меня, каждого в отдельности, на Памир в 1979 году. Сначала Юра оказался в Северном Таджикистане на раскопках погребений у Седова, а я в Кулябской области на раскопках городища Курбон-шеит у И.Г. Гулямовой. Мы в этот период оба были безработными и решили продолжить полевой сезон на Памире до поздней осени у В.А. Ранова в Ховалинге на раскопках стоянки нижнего палеолита. Лагерь располагался на берегу речки Оби-мазар, что в переводе означает святая или мертвая вода.

В 70 км находился город Куляб и виден был Ворзобский хребет. Северо-западный берег речки состоял из 70-100-метровых лессовых разрезов, в которых геологи насчитали 10 почв. Уникальными были эти лессовые разрезы здесь в Ховалинге, а особенно в Хонако, расположенном неподалеку. На их основе В.А. Ранов сделал колонку последовательной смены культур в плейстоцене (период в 700 тыс. лет). Эту работу он проделал совместно с московскими геологами и в частности с А.Е. Додоновым, с которыми была разработана стратиграфия разрезов и выделены почвы. На основе палеомагнитной геологии выделили 9-ю и 10-ю почвы и от них начали отсчет, потому что между ними произошло изменение магнитного полюса земли, когда он 690 тыс. лет назад с юга переместился на север и это перемещение полюсов во всем мире зафиксировалось в глине и лессе.

Палеолитическая стоянка Лахути 1, расположенная в 5-й почве, находилась на крутом семидесятиметровом лессовом склоне. Каждое утро, тяжело дыша, мы вползали на раскоп по крутому склону, а вечером скатывались обратно

вниз. Однажды после дождя к раскопу мы ползли по склону на всех четырех конечностях. Раскоп состоял из 2-х небольших по площади участков на разных склонах, но сколько пота было пролито нами на них. Вначале на склонах были прорублены 2 неширокие полочки, с которых начали углубление. Лессовые накопления 5-й почвы соответствуют рисс-вюрмскому оледенению, поэтому находки каменных орудий в красной почве под слоем лесса относятся ко времени 130 тыс. лет назад.

Ранов выделил нам с Юрой участок на склоне шириной в два метра и высотой пять метров, внизу которого располагался культурный слой с каменными артефактами. В тяжелом грунте лопаты отскакивали как резиновый мяч, поэтому мы их заменили на кирки. На всех уровнях склона слои состояли либо из камнеподобного лесса, либо из сплошных конкреций. И Юру, и меня бог силой не обидел, поэтому во все стороны из-под кирок летели искры от ударов по конкрециям, которые были тверже обычных камней. И в контактных с почвой слоях лесса попадались находки из каменных орудий: чоппер, отщеп, нуклеус, кость. Мы старались активно работать и особенно не роптали. Юра понимающе говорил, что, конечно, своих ребят Ранову жалко, а мы ведь здесь чужие, поэтому и получили самый трудный участок. Но надо сказать, что и им ненамного было легче. Нас оценили и хвалили за выносливость и умение работать.

В.А. Ранов – это человек, достойный восхищения. Юра, который всегда поклонялся перед людьми большого ума, был восхищен и покорен им. Ранов был великолепный рассказчик и в то же время остроумный и язвительный. Вечерами в кухонной палатке мы увлеченно слушали его рассказы о встречах и совместной работе с известными учеными. К себе он относился критически и с великолепным юмором рассказывал о казусах, которые с ним происходили иногда в жизни.

Очень хотел найти неандертальца и предлагал за него большой выкуп тем, кто найдет первым, хотя понимал, что это почти нереально. Одним из призов был коньяк и шампанское, которыми он обещал поить целый

год (это для пьющих). По утрам, которые в октябре на высоте были очень холодными, сам лично будил лагерь, потому что вставал еще до рассвета и писал книгу по палеолиту для иностранного издания. Первой будил повара словами: «Доброе утро, Люда», а ко времени завтрака обходил палатки и поименно приветствовал остальных. А если на клич повара идти завтракать все уставшие от работы не спешили вставать, то подключался Ранов и призывал: «Народы-ы! Кушать вода, кушать!!». А когда кого хвалил, то говорил: «А-а, малядес...». Обед он всегда почему-то называл завтраком, видимо, по-европейски. Ученый мирового уровня, он всегда был прост в общении с окружающими и внимательно и уважительно относился к чужому мнению.

Кроме нас с Юрой в этом сезоне у Ранова в экспедиции работал водителем парень из г. Петропавловска и палеолитчик Валера Волошин из г. Целинограда (ныне г. Астана), поэтому Ранов шутливо говорил: «Опять начались миграции из казахских степей на юг». Вот какие люди были нашими наставниками в жизни и мы подсознательно стремились дотянуться до той планки, которую преодолели такие ученые.

В экспедиции в незнакомой для меня обстановке спасением было присутствие Юры, а он во мне находил понимающего человека, поэтому мы старались держаться друг за друга. Любознательный и мобильный, он «облетел» все окрестные горы и сопки, нашел заросли очень крупной ежевики, грецкого ореха и дикой яблони и как партизан сообщил потихоньку только мне и мы регулярно «паслись» в садах дикой природы.

Юра мог бы еще долго жить и иметь хорошее здоровье, если бы так серьезно и близко к сердцу не принимал все пакости и подлости окружающей нас жизни и людей в ней. Он был открыт к этой жизни, физиологически и психологически не был защищен от ударов, не имел барьера, поэтому все беды мира воспринимал как личное горе. Он так был устроен биологически.

Ах, если бы большинство людей были такими человечными, как Юрий Аркадьевич Мотов, то мир бы достиг совершенства!!!

ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ КАЗАХСТАНСКИХ АРХЕОЛОГОВ-ЭНЦИКЛОПЕДИСТОВ, ИЛИ ТРИ ВСТРЕЧИ С ЮРИЕМ МОТОВЫМ

Конечно же, встреч было гораздо больше: на конференциях, в академии и институте археологии. Но в память врезались три встречи. Как триединство того мироощущения (мысль, слово, дело), которое олицетворял собой, пожалуй, один из самых оригинальных и эрудированных археологов нашего казахстанского пространства науки Юрий Аркадьевич Мотов.

Встреча первая. Алма-Аты, 1977 год. Это была наша первая научная поездка в Алма-Ату с Любой Ермоленко. Будучи студентками исторического факультета Карагандинского государственного университета, мы стали заниматься археологией. В Алма-Ату нас пригласил Мир Касымович Кадырбаев. Добрым было то время, запросто остановились у него дома, в квартире на улице Космонавтов. Мир Касымович, как говорится, представил нас ко «двору» археологов. Вот тогда-то и состоялась моя первая встреча с Юрием Мотовым. Он был очень бравым, любезным, словоохотливым и напоминал своим обликом трубадура-певца из средневековых баллад. Именно словоохотливым, а не болтливым. Человеком, который охотно дарил свои слова, свои мысли. Мы стояли у окна на втором этаже в здании тогдашней академии. Чудилось, что сами его коридоры располагали к той глубине мысли, которая отражала историческую действенность прошлого. И я застряла у этого окна, Юра меня заговорил, околдовал своими знаниями. Что мне, той студентке, которая только что села вести конспекты и читать книги великих?! Облокотившись на подоконник, Юрий сыпал цитатами из классиков-археологов. Хочешь из эпохи бронзы – пожалуйста. А уж мне, увлеченной андроновцами, не ведомы были тюрки. В Юрином рассказе они получались очень живыми: с красивыми глазами, с косами, с чашами в руках. Казалось, что сама богиня Умай приоткрыла ему тайны о тюркском житии-бытии. Ошарашенная и замороженная я его слушала, и мне казалось, что передо мной

стоит самый главный археолог, ведь столько он знает.

Отступление первое. Впоследствии я поняла, как важно, что Юрий смог оформить в статьях свои мысли. Когда он говорил, складывалось впечатление, что кто-то вкладывает в его уста все эти энергии размышлений. И только перо, слово печатное (простите за банальность сравнения) смогли сохранить вольность его мыслей, широту и энциклопедичность его познаний. Читал он невероятно много, как научной, так и художественной литературы.

Встреча вторая. Железнодорожная станция Тобол. Начало 90-х годов прошлого 20-го века. Я работаю на своей «лисаковской Трое», в городе Лисаковске. **Раскопки всех моих прошедших, настоящих и будущих дней жизни. Чего обсуждали в те года?** Открытие Аркаима. Кстати, в этом году юбилейная дата 30-летия его открытия. Нам казалось, невероятным, что иным языком заговорили в степном пространстве памятники эпохи бронзы. Это было настоящее паломничество археологов в «Страну городов», символической столицей которой был признан Аркаим. Дороги вели через ж/д. станции Тобол и Джетыгару, в то время ветки железных дорог были активно связаны с Южным Уралом. Мы из Лисаковска мотались, как челноки, в сторону челябинской Варны, чтобы добраться до Аркаима. Границ еще не было, они только намечались. В конце лета я отправлялась домой в Караганду, закончив очередной полевой сезон. Захожу в помещение здания железнодорожного вокзала станции Тобол и в полутемноте зала ожидания мелькнула знакомая короткая борода. Нет, не может быть, сказала я себе, Мотов в наших краях?! Его присутствие всегда ассоциировалась с южными краями Казахстана. Здесь? Какими археологическими тропами? Рядом с ним была Гуля Джумабекова. Начало их романа. Своего рода путешествие влюбленных археологов. И куда? Конечно же на новый памятник, который стал сейчас

всемирно известным. Влюбленным археологам предначертан только путь к неизведанному, как сама жизнь.

Юра говорил, объяснял, потом резко умолкал. Видно, было, что он проникся Аркаимом. Еще бы! Это же арийцы родом из ведических гимнов. Можно было дать волю фантазиям, которые, впрочем, могут превратиться в гипотезы, а потом их со временем доказать можно. Юрино лицо было озарено светом и нового открытия, и светом своей любви к женщине, которой будет суждено стать его женой и подарить ему доченьку. Все это было единым в круге его жизни, в колесе рождений и перерождений. Это была моя вторая встреча с ним, которая запомнилась особой человечностью. Это была встреча с личностью, увлеченной тайнами древних цивилизаций. Так и осталось в памяти его озаренное лицо в полумраке зала ожидания ж/д. станции Тобол.

Отступление второе. Его очень манила гипотеза о происхождении протоиндоевропейского языка, предложенной Т. М. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым. Его ум волновало появление и миграции индоевропейцев. И два тяжелых тома «Индоевропейский язык и индоевропейцы» были всегда при нем. Он раскрывал нужную ему страницу и начиналось... Эх, Юрий, сейчас бы твой пытливый ум разошелся в интерпретациях. Программы по палеогенетике древних степных народов указывают новые направления в решение миграций индоевропейских народов, которые будоражили твой пытливый ум. Да простит меня современное поколение археологов, мало среди них пытливых. Талантливые, способные – да. А пытливых – мало.

Встреча третья. Алматы, 2010 год. Она произошла относительно недавно, семь лет назад. Хотя кто знает эту меру относительности недавнего... Встреча на конференции «Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства», которую проводил КазНИИ по проблемам культурного наследия кочевников. Вереница знаковых имен: М. В. Горелик, В. П. Никоноров, Л. А. Бобров. И выступает Ю. А. Мотов с докладом «К истории огнестрельной артиллерии Средней Азии и Казахстана» о «глиняных» боеприпасах – ядрах, которые были найдены при раскопках в районе крепостной стены в Туркестане.

Блистательный доклад, расследование-интерпретация. Юрий Аркадьевич был во всей красе своего оригинального ума. Он не затерялся среди знаковых имен, он сам был знаком новых идей. Эта была последняя моя встреча с Юрием.

Отступление третье. Характерная черта Ю. А. Мотова – это способность делиться своими знаниями. Он дотошливо все объяснял. И бежишь ты вся запыленная, погруженная в свои мысли. И на пути встречается Юра, и начинается... И думаешь, что же ты так, Юрка, долго говоришь. А сейчас скучаешь по этим разговорам. В наше тендерное время мало кто делится щедро знаниями. Нет времени, работа, отчеты, и т. д. и т. п. Никто не остановит меня в коридоре, чтобы объяснить устройство швензы на андроновской сережке с раструбом. Скучаю по этому мгновению, познавательная ценность которого незаменима. У Юрия была страсть к науке. Много ли вы можете сейчас назвать археологов, у которых есть страсть к науке? Имя Юрия Аркадьевича Мотова среди тех, кто глубоко предан археологии. О главном качестве, столь необходимому ученому выражено в эпитафии на памятнике физиологу И. П. Павлову: «<...> Третье – это страсть. Помните, что наука требует от человека всей его жизни. И если у вас было бы две жизни, то и их бы не хватило вам. Большого напряжения и великой страсти требует наука от человека».

Ю. А. Мотов был страстным человеком в науке. В его лице мы потеряли одного из последнего энциклопедистов в археологии Казахстана, который знал и исследовал почти все древности: от каменного века до средневековья.

Послесловие. В этом сборнике памяти Ю. А. Мотова мы решили поместить статью, в которой сообразно его стилю, отмечен оригинальный подход к археологическим реалиям. Данная статья – это продукт совместного творчества с московским археологом Ю. А. Лихтер, несколько будет неожиданно для нашего казахстанского археологического формата. Статья посвящена происхождению фаянсовых бусин из андроновских погребений урало-казахстанских степей.

Юрий одобрил бы эти статьи. Он находил способ объяснить необъяснимое. Это его знаковый стиль в науке.

Хабдулина М.К.
НИИ им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан

Ю. А. МОТОВ НА ГОРОДИЩЕ БОЗОК

Наше близкое знакомство с Юрием Аркадьевичем произошло на городище Бозок, где он, по приглашению К. А. Акишева, работал четыре полевых сезона (1999–2002 гг.). Это были первые годы исследования средневекового городища, расположенного на юго-западной окраине г. Астаны. Для меня, археолога, не владеющего методикой раскопок средневековых поселений, участие в раскопках двух прекрасных специалистов-«полевиков»: Юрия Аркадьевича Мотова и Виктора Васильевича Варфоломеева – было спасением. Тем более, что именно в эти годы ежегодный состав экспедиции насчитывал 90–120 человек. Это были студенты – историки Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, вместе с В. В. Варфоломеевым приезжали на археологическую практику студенты Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова и третью часть составляли студенты, будущие медики-фармацевты Степногорского филиала Акмолинской медицинской академии. Организация быта экспедиции с массой хозяйственных дел лежала на мне. В первые годы работа на раскопе была возложена на В. В. Варфоломеева и Ю. А. Мотова.

Археологический лагерь каждое лето стоял на Бозоке полтора-два месяца. Сразу была принята методика вскрытия большими площадями одновременно в разных частях памятника. Наиболее ответственный участок, названный раскоп 1, был в ведении Ю. А. Мотова. Это центральная наиболее возвышенная площадка городища между тремя «кварталами» имела размеры 60 x 12 м. До раскопок на ее поверхности были видны погребальные сооружения в виде круглых и прямоугольных грунтовых оградок. Площадка оказалась многослойной, и раскопу № 1 повезло, что исследование вел Ю. А. Мотов. Он методически тщательно расчистил конструкции верхнего слоя, выявил и зарисовал основания двух кирпичных мавзолеев. В течение трех по-

левых сезонов вскрыл и зарисовал 14 мусульманских погребений, исследовал, зарисовал кирпичеобжигательную печь, сделал стратиграфический разрез на площадке. И сегодня все чертежи, особенно зарисовки скелетов с полным анализом и описанием повреждений, перемещений отдельных костей скелетов – это наиболее качественная часть научного архива городища Бозок.

Все чертежи, замеры, зарисовки Юрий Аркадьевич делал сам и на раскопе проводил практически весь световой день. При этом всегда был окружен группой студентов, которые охотно ему помогали. Юрий Аркадьевич обладал даром рассказчика и знал многое не только из истории. Поэтому студенты, особенно первокурсники, ходили за ним толпой. Не каждый взрослый человек, особенно ученый, может без усталости отвечать на вопросы молодых. Возможно, в общении среди коллег его обвиняли в чрезмерном критиканстве. Но студентов не интересовали такие научные споры. Они интересовались самыми общими вопросами об исторических личностях, о происхождении жизни, истории языка, о войне, трактовке исторических событий. Можно было услышать разговор и про спорт, и про музыку, и про астрономию.

Палатки старшего состава, юрта К. А. Акишева были вынесены за пределы студенческого лагеря и находились на окраине. В первые годы со строек Астаны мы завозили много строительных отходов и использовали их в быту. Помню, В. В. Варфоломеев и Ю. А. Мотов построили деревянную изгородь перед своими палатками. Днем на ней сушили спальное оборудование, устраивали тень для отдыха. Вечерами, опершись на изгородь, мы беседовали, комментируя при этом картину студенческой жизни. У нас было свое «авеню» в виде полевой дороги вдоль берега озера Бузукты. По ней вечерами прогуливались парочки, размахивая ветками полыни. Тучи комаров были принадлежностью Бозока.

Поэтому идти можно было, только отмахиваясь от них ветками. Были у нас вечерами и душевные разговоры в юрте за рюмочкой коньяка. Потом, когда лагерь уже стихал, Юра и Виквас (как звали Варфоломеева студенты) выходили в прохладу ночи. Небо сверкало звездами и их голоса постепенно замирали в отдалении. Я думаю, это было прекрасное время для нас всех. Для меня, Кималь Акишевича, для Юры и Виктора.

Хочу остановиться на мастерстве Юрия Аркадьевича по рисованию скелетов. Помню, самая первая наша встреча произошла в начале 1990-х годов в Институте археологии им. А. Х. Маргулана, когда я увидела, как Юра рисует каменное изваяние, лежащее на полу, под окном. На изваяние была положена прямоугольная рама с леской, натянутой через каждые 10 см. Эту раму он использовал и при зарисовке скелетов на городище Бозок. Далеко не каждый археолог умеет рисовать скелеты, тем более почти портретные творения, которые получались у Юры.

В 2002 г. мы случайно обнаружили на территории городища Бозок женское погребение XIV в. с вооружением, предметами

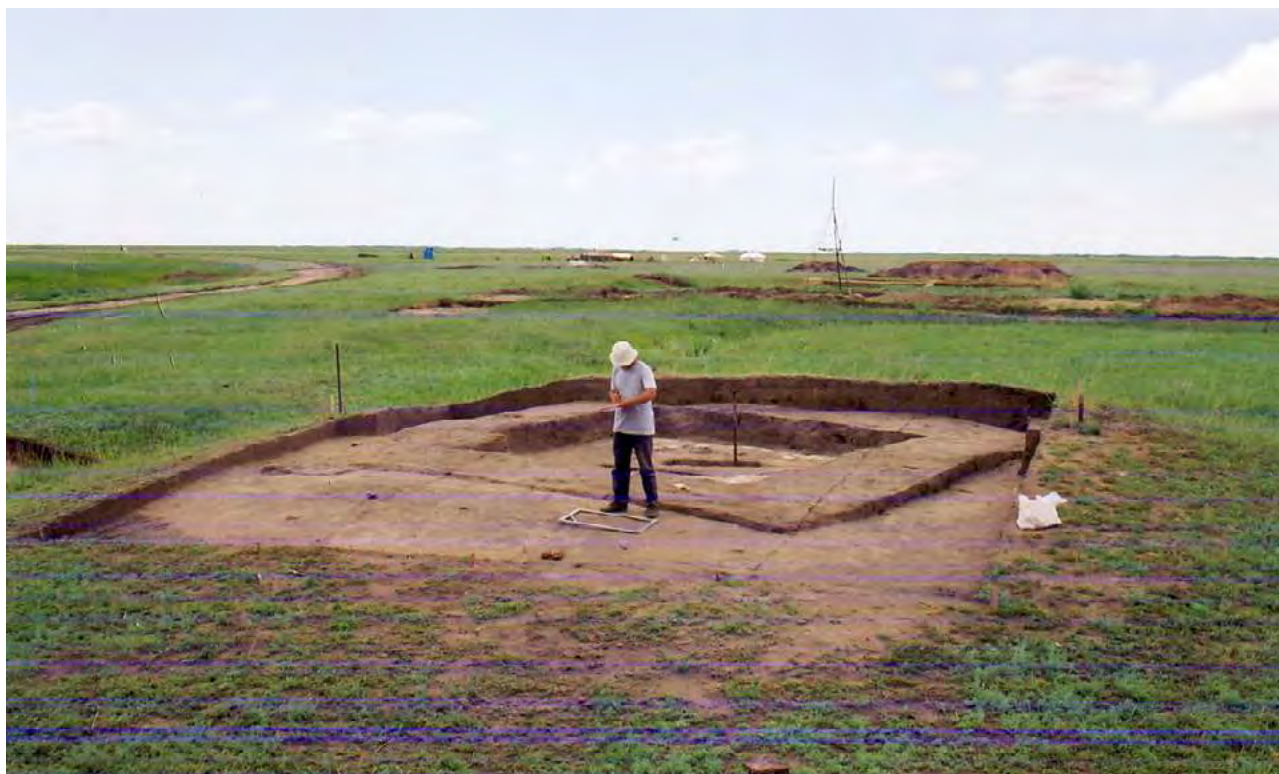
украшения, с многочисленными жемчужинами, украшавшими головной убор – богтак. Расчистку и зарисовку взял на себя Юра. Для фиксации расположения жемчужин вокруг черепа, он изобрел несколько вариантов приспособлений из кальки. Насчитал, что жемчужин было по 300 штук с каждой стороны черепа и еще 51 в районе шейных позвонков. Здесь же находились бусы из стекла, покрытые глазурью и перламутром. Тщательность фиксации и зарисовки деталей, сделанные Ю. А. Мотовым, стали основой реконструкции головного убора, традиционного для женщин золотоордынской эпохи [Акишев, Хасенова, Мотов, 2008; Хасенова, 2011].

С такой же тщательностью он провел раскопки развалин мавзолея, к сожалению, разрушенного при установке геодезического знака. Но то, что осталось от пола и стен, было открыто как на картинке.

Вообще для Юры была характерна убежденность в личной ответственности за работу, которую он делал. И он никогда не халтурил, поэтому нет сомнений в его выводах. У него многому можно было поучиться. Мы работали на разных раскопах, но к нему за

Старшее поколение археологов на Бозоке, 2000 г. Слева направо: Ю. А. Мотов, В. В. Варфоломеев, К. А. Акишев

Юрий Аркадьевич на раскопе. Бозок, 2001 г.

советом и помощью всегда можно было обратиться. И он умел это делать. Мы часто втроем осматривали наши раскопы, совещались. Дело в том, что городище Бозок – сложный и многокомпонентный памятник. И главная проблема – отсутствие массовых находок. Возможности анализа были только по стратиграфии. Каждый год менял наши представления о памятнике, поэтому было о чем поспорить, высказать предположения. Годы совместной работы с Юрием Аркадьевичем я

вспоминаю с большой благодарностью. Он научил меня методике раскопок средневековых многослойных поселений. И не сказать это в сборнике, посвященном памяти археолога Ю. А. Мотова – я не могу.

У Юрия Аркадьевича был широкий охват научных интересов, но предпочтение он отдавал древнетюркской тематике. Поэтому в этот сборник я отсылаю первое свое древнетюркское погребение с конем, открытое на реке Чаглинка в Северном Казахстане.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А., Хасенова Б.М., Мотов Ю.А. К вопросу о монгольских погребениях XIII–XIV вв. (по материалам некрополя Бозок) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: матер. междунар. полевого семинара. – Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2008. – С. 56–65.

Хасенова Б.М. Костюм знатной женщины золотоордынского времени: бокка, шелк, жемчуг // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. – Алматы, 2011. – С. 447–454.

СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

Кукушкин И.А.
Сарыаркинский археологический институт
при КарГУ им. Е.А. Букетова,
г. Караганда, Казахстан

СЕМАНТИКА СОЦИАЛЬНО-СТРАТИФИЦИРОВАННЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ НУРИНСКО-ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Характерной особенностью погребальной архитектуры социально-стратифицированных комплексов нуринско-федоровской культуры Центрального Казахстана является наличие двух-трех концентрических оград, вписанных друг в друга. В центральной части обычно отмечается одиночное высокостатусное погребение. Данные погребальные конструкции зафиксированы в могильниках Аксу-Аюлы II, Ортау II, Бесоба. Рядовые ограды, состоящие из 1-2 однослойных колец, сооруженных из камня, по своей планировке повторяли высокостатусные сооружения, но строились по упрощенному варианту, подчеркивающего основную мировоззренческую модель конструкции.

Вписанные друг в друга концентрические окружности считаются одним из приемов изображения дневного светила – солнца. Близким или аналогичным способом изображалась головная часть «солнцеголовых» при их общей антропоморфности [Горячев, Егорова, 2011, с. 27]. Вероятно, подобное совмещение солярной символики и антропоморфной сущности мы наблюдаем и в федоровских элитарных погребениях. Семантика сооружений укладывается в мифологему «ограда с погребением – солнцечеловек». Иными словами, погребенный являлся своего рода символом солнечного божества и его живым воплощением на земле, например, таким как Митра или Сурья. Четкое разграничение на богов и рядовых смертных, отмечается также в наскальном искусстве, где солнцеголовые антропоморфы гораздо выше и больше изображения обычных людей, что, например, отчетливо зафиксировано на центральной композиции в святилище Тамгалы (Южный Казахстан) [Рогожинский, 2001, с. 39, рис. 12]. «Гигантизм» подчеркивал их

величие и божественную сущность, чему не противоречит и изобразительная традиция Древнего Востока и Египта.

Несомненный интерес в этом плане представляет сооружение, исследованное вблизи элитного некрополя федоровской культуры Бесоба (Центральный Казахстан), расположенного в 100 км юго-восточнее г. Караганды. Оно представляло собой выкладку из массивных гранитных четырехгранных удлиненных блоков, расположенных лучеобразно вокруг округлой центральной площадки, выложенной в один слой камнем, так называемое «солнце». После проведения раскопочных работ, под камнями обнаружены скопления угля и золы, а также фрагменты типичной андроновской керамики. Исследователи считают, что конструкция, безусловно, имеет ритуальный характер и является наглядным свидетельством существования у андроновского населения солярного культа [Киселев, 1959, с. 3-4].

Не исключено, что в одном ряду с этим объектом стоят кольцевидные выкладки из 8-9 крупных камней. В центре сооружений отмечалось наличие угля и золы, а также терочников, зернотёрок, мотыг. Они определены как ритуальные жертвенники и датированы эпохой бронзы [Маргулан и др., 1966, с. 154-155].

Показательно и отсутствие ярко выраженных «милитаристических» черт в погребальном обряде нуринско-федоровской культуры. Находки в захоронениях какого-либо оружия в виде наконечников стрел, ножей, топоров исчисляются единицами в отличие, например, от алакульских памятников. Характерно, что без оружия, обычно, изображались и «солнцеголовые» божественные антропоморфные существа, которые, очевидно, не имели отношения к военной сфере.

В то же время некоторые исследователи

считают, что в нуринской среде процветала металлургия и металлообработка цветных металлов [Аванесова, 1991, с. 82; Ткачев, 2002, с. 195]. Находки крупных бронзовых изделий часто связаны с поселенческими материалами или случайными находками в ареале распространения федоровской культуры. Погребальный инвентарь нуринско-федоровских погребений, за редким исключением, представлен различными видами украшений, связанных в основном с женскими захоронениями.

Видимо, можно говорить о широком распространении солярного культа, занимающего господствующее положение в мировоззренческой сфере нуринско-федоровского общества. Реалистично предположить, что и социум в этом случае был организован по теократическому принципу. Вершину социальной пирамиды занимало лицо с беспрецедентно высоким статусом и, соответственно, широчайшими полномочиями. Нижнюю ступень, видимо, без каких-либо существенных промежуточных структур, занимала основная масса населения.

Думается, что главной функцией правителя, олицетворявшего солнце, и небольшой группы его приближенных было отправление основного культа, т.е. выполнение жреческих обязанностей. Учитывая, что даже повседневная жизнь воспринималась в древности через призму идеологических представлений, то воля правителя, а, следовательно, божества, являлась непререкаемым законом.

На основании имеющихся материалов судить о других слоях общества довольно затруднительно, так как они никак не проявляются по данным погребальной обрядности. Однако, если формирование федоровской культуры произошло на территории Центрального Казахстана [Кузьмина, 2008, с. 247; Стефанов, Корочкова, 2006, с. 135], а, возможно, и южнее, то судя по далеким миграциям в Южное Зауралье, Южную и Западную Сибирь в нуринско-федоровской среде существовали хорошо вооружённые отряды, обеспечивающие охрану и защиту остального населения и имущества от враждебной реакции и нападений аборигенных групп.

Не исключено, что такой силой могли быть сейминско-турбинские военизированные

группы, вероятно, близкие по содержанию к тайным мужским союзам, «расчищавшим» дорогу мигрантам. На определенные связи федоровцев и носителей сейминско-турбинских культурных традиций уже обращалось внимание [Кузьмина, 1992, с. 45; Аванесова, 1991, с. 82; Михайлов, 2001, с. 60]. Косвенным подтверждением могут служить находки золотых сережек с двумя фигурками лошадей, изображенных в характерном сейминском стиле, зафиксированных в федоровских могильниках Мыншункур III [Акишев, 1992, с. 7, 233, рис. 1] и Чесноково I [Кирюшин, Шульга, 1996, с. 33-38].

Нуринские правители, очевидно, не обладали какой-либо значительной реально выраженной личной собственностью. Они владели всем сразу, так как являлись ядром, цементирующей основой родоплеменного общества. Если различия в сооружении надмогильных конструкций рядовых захоронений и элитных погребений трудно соизмеримы, то анализ размеров погребальных камер и сопровождающего инвентаря таких контрастов не выявил. Каменные могильные ящики или цисты довольно стандартны для всех членов общества независимо от статуса. Следовательно, речь может идти не о социально-экономической, а исключительно о социальной, но невероятно высокой, ранжированности общества нуринской культуры.

Внешнее отличие, которое могло выделять выдающихся членов общества из остальной массы соплеменников, по предварительным данным погребального обряда, это ношение золотых серег с раструбом. Такие серьги были найдены только в экстраординарных погребальных сооружениях и, видимо, являются своего рода «визитной карточкой» нуринской элиты.

Для определения реального уровня градации между рядовым погребением и социально-стратифицированным сооружением необходимо просчитать реальные трудозатраты по проведению курганостроительных работ на крупном объекте.

В качестве примера возьмем курган 3, исследованный на могильнике Бесоба [Кукушкин, Дмитриев, 2016]. Визуально он представлял собой земляной холм диаметром 26 м,

высотой 1,5 м. На подкурганной площадке отмечены внешняя и внутренняя кольцевые ограды из вертикально установленных плит. Диаметр внешней ограды составлял 14 м, внутренней – 6 м.

Начнем с анализа предварительных работ. Необходимо было выровнять площадку, выкопать котлован и установить каменный ящик. После проведения вербальной части погребального обряда и непосредственно захоронения умершего, над погребением из крупного камня возвели, видимо, купольную конструкцию, окружили двумя кольцевыми оградой из крупных плит и все это перекрыли земляной насыпью. Часть грунта была взята из больших чашевидных ям, со всех сторон окружающих курган в виде кольцевого прерывистого рва.

Необходимо сразу оговориться, что отсутствие технических средств, современного шанцевого инструмента существенно затрудняло и замедляло проводимые работы. В древности использовались различного рода деревянные или каменные клинья, молоты, мотыги, заостренные колы, лопатки из дерева и кости.

Попробуем вычислить тоннаж гранитных плит, установленных в оградах. По формуле $P = 2\pi R$ находим длину окружности оград. Ограда внутренняя (P_1) $P_1 = 2 \times 3.14 \times 3 \text{ м} = 18,84 \text{ м}$. Ограда внешняя (P_2) $P_2 = 2 \times 3.14 \times 7 \text{ м} = 43,96 \text{ м}$. Чтобы получить площадь стены (S_1) внутренней ограды результаты P_1 умножаем на высоту плит ограды $18,84 \text{ м} \times 1,6 \text{ м} = 30,144 \text{ кв. м}$. С округлением площадь поверхности ограды соответствует 30 кв. м.

Для получения площади (S_2) стены внешней ограды, результаты P_2 умножаем на высоту плит ограды $43,96 \text{ м} \times 1,8 \text{ м} = 79,128 \text{ кв. м}$. С округлением площадь поверхности ограды соответствует 79 кв. м.

По технической спецификации вес 1 кв. м гранита при толщине плиты 10 см равняется 275 кг, что соответствует толщине плит ограждения. Суммируем общую площадь ограждения и умножаем на вес: $110 \text{ кв. м} \times 275 \text{ кг} = 29975 \text{ кг}$ или порядка 30 т. С учетом веса камней для внутреннего сооружения, заполнения кольцевого рва, системы внутренних подпорок, общий вес увеличивается как минимум до 50 т.

Причем вес только одной плиты, из которой состояла внешняя ограда, мог достигать 600 кг, что требовало усилий для её перемещения и установки не менее 8-10 человек.

Если заготовку и сбор крупного камня можно было организовать в окрестных горах, то выходы гранита с расслаивающимся плитняком расположены в 15-20 км юго-западнее от месторасположения могильника. Заготовка, обработка и доставка нужных плит требовала значительных коллективных усилий и достаточно длительного срока.

Тоннаж курганной насыпи вычисляется на основании формулы объема сегмента с учетом специфики технических характеристик веса сухого песка, составляющего 1500 кг /1,5 т на 1 куб. м. Согласно используемой формуле $1/6 \pi h (h^2 + 3R^2)$, где h – высота курганной насыпи, а R – его радиус, получаем следующие результаты $1/6 \times 3.14 \times 1.5 (1,5^2 + 3 \times 13^2) = 400 \text{ куб. м}$. Результат следующего действия – $400 \text{ куб. м} \times 1,5 \text{ т} = 600 \text{ т}$ – будет соответствовать тоннажу курганной насыпи.

Предполагая, что выемка земли из небольших по глубине ям-западин, расположенных вокруг кургана, не могла в полной мере обеспечить необходимый объем насыпи, основное количество грунта доставлялась с берега реки Байкожа, расположенной в 2 км севернее. С учетом достаточно примитивных земледельческих орудий труда, необходимости рыхления, загрузки, доставки, засыпки грунта, норма выработки на человека вряд ли могла превышать более 500 кг / или 0,5 т в день. Таким образом, только для сооружения насыпи кургана необходимо было 1200 чел/дней.

Приведенные расчеты сделаны условно, но они показывают, что родовому коллективу или группе родственников из 50-60 человек с учетом специфики строительных работ и наличия гужевого колесного транспорта, чтобы справиться с этой задачей могло потребоваться не менее 1 месяца.

Если предположить, что вес камней ограждения рядового сооружения достигает 1 т, а мы просто суммируем вес плит, камня и грунта, необходимых для сооружения высоко статусного кургана без учета доставки и строительных работ, то общие трудозатраты превысят усилия по сооружению рядовой

ограды фактически в 650 раз, а с учетом последних – гораздо выше, что сопоставимо с царским статусом. Из расчетов исключаются трудозатраты, необходимые для устройства погребального ящика, которые практически идентичны для обоих сооружений.

Строительство столь грандиозных для эпохи бронзы объектов могло себе позволить только высокоорганизованное и хорошо управляемое общество со значительными человеческими ресурсами и централизованной властью.

Могильники, на которых расположены социально-стратифицированные курганы, обычно, небольшие и захороненные в них, вероятно, состояли в близкородственных отношениях. В то же время эти некрополи расположены на довольно значительном удалении друг от друга. Расстояние между памятниками с высоким социально-стратифицированным статусом составляет порядка 100-150 км. Эти могильники, видимо, были оставлены управляющими привилегированными родами, имеющими свою округу, заселенную подчиненными или зависимыми родовыми общинами, на что могут указывать многочисленные погребальные поля с менее значимыми и рядовыми погребениями.

Предположительно, такую округу можно охарактеризовать как место проживания одного племени или группы племен очень близких в культурном отношении. Дробление на мелкие поселки, видимо, было связано с необходимостью полноценного содержания скота и избежание перевыпаса на прилегающих пастбищных угодьях. Элитарные курганы маркировали собой сакральные и политические центры, распространявшие свое влияние на подконтрольную территорию, населенную сплоченными родовыми коллективами.

При проведении различного рода общеплеменных обрядов, решении общих задач, например, строительства высокостатусных погребальных сооружений, участие в них

принимали все родовые общины, входящие в это родоплеменное объединение.

Данный вывод находит свое логическое подтверждение в масштабности и сложности курганоустроительных работ, выполнение которых вряд ли было под силу одному, сравнительно немногочисленному, родовому коллективу, проживающему, как правило, в небольшом поселке, состоявшего из 5-6 жилищ полуперемывочного типа. Так, например, по подсчетам В.В. Евдокимова население Верхнего Притоболья в андроновскую эпоху одновременно составляло всего 450-550 человек [Евдокимов, 1984, с. 18], что, видимо, правомерно и для отдельных районов распространения нуринской культуры Сарыарки.

Таким образом, нурино-федоровская культура Центрального Казахстана представляла собой высокоцентрализованное и хорошо организованное родоплеменное общество, видимо, разделенное по племенному признаку на обособленные объединения родовых групп. Социальная структура одного такого объединения состояла из обожествленного высоко статусного лидера и рядовых общинников. Функции властного и духовного лидера, возможно, передавались по наследству, приобретая характер династийного управления. Например, только на одном могильнике Бесоба при двух десятках рядовых погребений зафиксировано четыре крупных социально-стратифицированных сооружения, строительство которых было явно не по силам для одной небольшой родовой общины.

Данный вывод подтверждается и рядом дополнительно исследованных одиночных оград, в которых были выявлены только захоронения детей и подростков, своего рода детей «солнца» под патронажем первопродка, что указывает на элитный статус некрополя и явное социальное превосходство определенной родовой группы среди родственного этнокультурного окружения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племён азиатской части СССР (по материалам металлических изделий). – Ташкент: Изд-во «ФАН» УзССР, 1991. – 200 с.
- Акишев К.А. Происхождение «звериного» стиля в изобразительном искусстве саков // Маргулановские чтения-1990 (сборник материалов конференции). Часть I. – М., 1992. – С. 4-9.
- Горячев А.А., Егорова Т.А. Художественное своеобразие и семантический анализ образов «солнцеголовых» эпохи бронзы урочища Тамгалы в свете материалов письменной и изобразительной традиции древних цивилизаций // История и археология Семиречья. - Выпуск 4. – Алматы: Фонд «Родничок», 2011. – С. 27-47.
- Евдокимов В.В. Народонаселение Степного Притоболья в эпоху бронзы: автореф. дисс. ... к.и.н. – Киев, 1984. – 21 с.
- Киселев С.В. Предварительный отчет о раскопках Карагандинского облмузея в местности Бес-Оба, Карагандинского района, Карагандинской области в сентябре 1940 года // Научные отчеты по археологии за 1940-1959 гг. Книга 1. Архив Карагандинского областного музея. Инв. №№ 1791-1799-1999а. – Караганда, 1959. – С. 1-5.
- Кирюшин Ю.Ф. Шульга П.И. Андроновское погребение на р. Чарыш // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул, 1996. - С. 33-38.
- Кузьмина Е.Е. Три направления культурных связей андроновских племен и хронология андроновской культурной общности // Северная Евразия от древности до средневековья. – СПб, 1992. – С. 43-45.
- Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе, 2008. – 358 с.
- Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Полевые исследования на могильнике Бесоба (Казахстан) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сборник научных статей. Вып. XXII. – Барнаул: Алтайский университет, 2016. – С. 142-147.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. – 436 с.
- Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. – 363 с.
- Рогожинский А.Е. Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы // История и археология Семиречья. - Выпуск 2. – Алматы: Фонд «Родничок», Фонд «XXI век», 2001. – С. 7-44.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. – Екатеринбург, 2006. – 160 с.
- Ткачёв А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – Ч. 2. – 243 с.

**ОРТАЛЫҚ ҚАЗАҚСТАННЫҢ НҰРА-ФЕДОРОВ МӘДЕНИЕТІНЕ ЖАТАТЫН
ӘЛЕУМЕТТІК-СТРАТИФИКАЦИЯЛАНҒАН ЖЕРЛЕУ КЕШЕНДЕРІНІҢ
СЕМАНТИКАСЫ**
Түйін

Нұра-Федоров мәдениетіне жататын әлеуметтік-стратификацияланған жерлеу кешендері құрылыстарының негізінде, кейде 2-3 сақина тәріздес шоғырланған шұңқырлар көрінісінде айнала қоршалған тас шарбақ және орлар жатады. Олардың семантикасы, шамасы, күн символикасымен байланысты және де «қоршалған жерлеу орындары – күн-адам» мифологемасына сәйкес келетін, жартасқа қашау өнерінде белгілі, «күн басты» антропоморфтардың бейнесіне теңестіруге болады.

Оба салу жұмыстарын ұйымдастыру науқаны есептерінің нәтижесінде, жоғары дәрежелі жерлеу құрылыстарын салу шығындары, құрастыру жағынан ұқсас келетін, қарапайым жерлеу құрылыстары шығындарынан жүз есе асып түсетіні анықталды. Сөзсіз, қола дәуірі үшін, осыншама ғаламат объектілерін салу, жоғары ұйымдасқан және дұрыс басқарылатын қоғамның ғана қолынан келеді.

Кілт сөздері: нұра-федоровтық, әлеуметтік-стратификацияланған, оба (қорған), тас шарбақ, қорым, жерлеу орны, құрылыс.

**SEMANTICS OF SOCIAL-STRATIFIED FUNERARY COMPLEXES OF NURINSKO-
FEDOROVO CULTURE OF CENTRAL KAZAKHSTAN**
Annotation

The construction of socio-stratified funerary complexes of the Nurinsko-Fedorovo culture is based on the tradition of the device of rounded fences and earthen fosses, sometimes in the form of concentric pits forming 2-3 rings. Their semantics, apparently, is associated with solar symbolism and can be equated to the image of «sun-headed» anthropomorphs well known in rock art, which corresponds to the mythologem «a fence with burial – the sun-man».

Thanks to the calculations carried out on the organization of kurgan-building works, it is established that the labor costs for erecting a high-status funerary structure can be hundreds of times higher than those of a conventional funerary construction. Undoubtedly, only a highly organized and well-managed society could afford to build such grandiose objects for the Bronze Age.

Key words: Nurinsko-Fedorovo, socially stratified, barrow, fence, burial ground, burial, construction.

Дмитриев Е.А.
Сарыаркинский археологический институт
при КарГУ им. Е.А. Букетова,
г. Караганда, Казахстан

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ НУРИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

(взгляд сквозь призму историографии и современные реалии)¹

Центральный Казахстан богат разнообразными памятниками историко-культурного наследия, отражающими общемировой исторический процесс в широком временном диапазоне от каменного века вплоть до этнографической современности. Но объектом рассмотрения данной статьи будет довольно узкая и даже специальная тема – наименование комплексов бронзового века региона, которые первоначально были выделены как федоровские. В территориальном плане они обнаружены на обширных пространствах от Южного Зауралья на западе и, Енисея на востоке, от предтаежной зоны Южной Сибири на севере до Средней Азии на юге, с форпостом Шортугай в Северном Афганистане.

В начале 2000-х гг. федоровские памятники Центрального Казахстана было предложено считать самостоятельной нуринской археологической культурой (Ткачев, 2002; Ткачев, 2003), что аргументировалось их самобытностью по отношению к однокультурным комплексам сопредельных регионов и было отмечено еще в 50-60-е гг. XX в. В рамках данной статьи предлагается вернуться к проблеме выделения нуринской культуры и рассмотреть фактологическую основу для такого заключения исходя из результатов новых полевых исследований.

Историографический аспект.

С позиции историографии этап первичного накопления материалов по эпохе бронзы Урало-Енисейского региона окончился с докладом С.А. Теплоухова в Русском Музее в 1923 г., в котором исследователь аргументировал выделение целой свиты археологических культур Минусинского края, выстроенных согласно «Городцовского» теоретического

подхода. Колонная секвенция С.А. Теплоухова предполагала непосредственную генетическую связь между афанасьевской – андроновской – карасукской – минусинской курганный культурами региона (Теплоухов, 1929), а выделение андроновской культуры на материалах могильников в местности Ярки и Андроново стало поворотным событием, собственно сформировавшим такую область знаний в археологии как андроноведение.

В 1927 г. М.П. Грязновым (Грязнов, 1927) и С.Н. Дурылиным (Дурылин, 1927) к андроновским были отнесены комплексы Южного Зауралья и Западного Казахстана. Причем М.П. Грязновым была отмечена специфика посуды западного и восточного ареалов культуры.

Несмотря на оформление первых представлений о памятниках бронзового века Южной Сибири, Зауралья и Западного Казахстана, территория Центрального Казахстана длительное время оставалась в этом плане «белым» пятном. Ситуация начала меняться в начале 30-х гг. в связи с деятельностью экспедиции Государственной Академии Истории Материальной Культуры им. Н.Я. Марра (ГАИМК) под руководством П.С. Рыкова, которая в 1932-1933 гг. произвела обследование в долинах рек Нура, Шерубай-Нура, Жаман и Жаксы Сарысу. Раскопками были изучены около трех десятков погребальных сооружений, большая часть которых относилась к бронзовому веку (Рыков, 1935). Исследования у аула Дандыбай выявили замечательный памятник, известный, прежде всего как эпонимный для яркой бегазы-дандыбаевской культуры. Могильник интересен также обнаруженными фёдоровскими захоронениями и является од-

¹ Работа выполнена при поддержке грантового проекта МОН РК 437-А-17 (1344/ГФ4) «Исследование социально-стратифицированных погребальных комплексов Сарыарки в эпоху бронзы»

ним из первых исследованных памятников данной культуры в регионе. К сожалению, материалы раскопок не были полностью освещены, а осуществленная повторная попытка (Телятникова, 2011) содержит досадные неточности, оставляя вне поля зрения часть важных сведений.

Ключевое значение для андроноведения имело 1-е Уральское совещание, на котором К.В. Сальников на основании анализа материалов памятников Кипель, Замараево, Алакуль, Федоровский предложил трехчленную периодизацию андроновской культуры, согласно которой, в ней выделялись три хронологически последовательных и генетически связанных этапа: федоровский, алакульский и замараевский (Сальников, 1967, с. 325). Заданный К.В. Сальниковым вектор осмысления данных древностей был подхвачен многими исследователями и перенесен на другие регионы.

Так, в 1953 г. К.А. Акишевым была защищена диссертация, посвященная анализу материалов бронзового века Центрального Казахстана (Акишев, 1953). В ней исследователь принял предложенную К.В. Сальниковым схему, что аргументировал близким сходством с челябинскими древностями, а также произвел сравнительный анализ характеристик погребального обряда федоровцев обеих территориальных групп.

Однако, в 1966 г. произошел резкий поворот в вопросах терминологии. Было предложено ввести дублирующие нуринский и атасуский этапы как синхронные федоровскому и алакульскому, но имеющие некоторое своеобразие. Главное отличие нуринских комплексов заключалось в широком применении неполного сожжения тела умершего, наличии специфических черт в орнаментике, форме посуды, различном наборе костей животных в погребальных комплексах и устройстве цист (Маргулан и др., 1966, с. 61, 63).

Масштабные полевые исследования в Центральном Казахстане в 70-80-х гг. способствовали накоплению обширной базы источников по бронзовому веку, что позволило в 1991 г. А.А. Ткачеву разработать новую периодизационную модель региона (Ткачев, 1991), которая была отчасти основана на

терминологических позициях, предложенных К.В. Сальниковым, но учитывала результаты последних открытий. Наиболее ранний этап бронзового века был представлен раннеалакульскими древностями.

Последующий – связан с сосуществованием двух археологических культур: алакульской и федоровской, между которыми происходили активные процессы ассимиляции и интеграции, что привело к формированию россыпи синкретических комплексов, которые плавно перетекали в культуру поздней бронзы.

В 90-е гг. какие-либо значительные исследования памятников бронзового века в Центральном Казахстане не проводились, а фактическая база накопленных источников была получена еще до развала СССР. Однако в 2003 г. А.А. Ткачевым были кардинальным образом пересмотрены наименования предложенных ранее этапов (Ткачев, 1991, с. 20).

Раннеалакульские древности стали нурунскими, алакульские – атасускими, а федоровские – нуринскими (Ткачев, 2003). Причем рассматривая нуринские древности как особую археологическую культуру, имеющую свои специфические черты (Ткачев, 2003, с. 26), исследователь не подкрепляет декларируемую самостоятельность аргументами.

Такова в общих чертах историография вопроса. Резюмируя, можно констатировать, что основные доводы, выдвигаемые для подкрепления специфичного характера нуринского этапа, а впоследствии и культуры сводятся к отмеченным К.А. Акишевым и А.Х. Маргуланом следующим «специфичным» чертам:

а) обнаруженные в погребальных комплексах кости домашних животных имеют следующий набор: череп и кости конечностей (Центральный Казахстан) и ребра, позвонки, тазовые кости (район Челябинска) (Акишев, 1953, с. 5);

б) сосуды могильника Бугулы 1 имеют некоторое своеобразие, хотя и наиболее близки к горшкам Челябинска (Акишев, 1953, с. 5);

в) преобладание в Центральном Казахстане обряда неполного сожжения тел умерших (Маргулан и др., 1966, с. 63);

г) захоронения в цисте (Маргулан и др., 1966, с. 65);

д) установка «изголовной» стелы (Бугулы 1) (Маргулан и др., 1966, с. 63, 65);

е) наличие глубоких ям с заплечиками, в которые впущены каменные ящики (Ткачев, 2003, с. 28).

Последний аргумент не был выделен А.А. Ткачевым непосредственно, но подразумевается по тексту диссертационного исследования. Иные какие-либо специфические черты федоровских памятников Центрального Казахстана выступающие как весомые аргументы самостоятельности не выделены.

Контрдоводы.

Интенсификация полевых археологических исследований на территории Центрального Казахстана в XXI в. позволила выявить целый ряд «чистых» в культурном плане федоровских комплексов (Дарьинский, Жиланды 1, 3, Коржар, Бада, Бесоба, Акшоки и др.) (Ломан, Кукушкин, 2012; Кукушкин, 2014; Дмитриев, 2014; Макен, 2016, Кукушкин, Дмитриев, 2016) и расширить наши представления о погребальном обряде, материальной культуре, тем самым создав условия для обращения к острому вопросу о наименовании комплексов исследуемого явления.

а) Выдвинутое К.А. Акишевым предположение об определенном устойчивом сочетании костей домашних животных в отдельных территориальных группах не подтвердилось дальнейшими исследованиями. При сравнительном анализе материалов из могильников федоровской культуры со всего ареала ее распространения можно констатировать, что набор костей домашних животных сопоставим (Маргулан и др., 1966; Кадырбаев, 1969; Максименков, 1978, с. 63; Вадецкая, 1986, с. 44; Бобров, Михайлов, 1989, с. 13, 26; Могильников, 1998; Усманова, Варфоломеев, 1998, с. 46; Котельникова, 2001, с. 57; Матющенко, 2004; Ткачева, Ткачев, 2008, с. 125; Ермолаева, 2012, с. 32; Кукушкин, Дмитриев, 2016, с. 146) и не несет локальной специфики.

б) Как отмечала Е.Е. Кузьмина объединение федоровских памятников в особый тип, производится именно на основании керамического комплекса (Кузьмина, 2008, с. 160). Федоровские гончары конструировали тулово лоскутно-комковатым или спирально-

лоскутным способами, а оформление других частей сосуда шло емкостным начинном с последующим вмазыванием дна (Ломан, 1995, с. 97). Еще одним важным диагностирующим признаком является наличие округлого плеча.

Культуроопределяющие черты орнаментации охарактеризованы достаточно полно (Кузьмина, 2008, с. 162), освещены морфология и осуществлена попытка ее интерпретации (Рудковский, 2013; Ковтун, 2016). Считается, что федоровцы наносили мотивы именно по косой сетке. Однако, согласно И.В. Рудковскому, нанесение орнамента по прямой сетке и соотношение прямых и скошенных фигур у федоровцев при статичности базовых свойств орнаментики (65,1%), не следует превращать в стереотип (Рудковский, 2013, с. 44, 46).

Широкое территориальное распространение, связанное с экспансией носителей федоровской культуры привело к инкорпорации отдельных традиций автохтонных племен в федоровское гончарство. Прежде всего, это связано с орнаментикой, которая в Южном Зауралье испытала сильное алакульское воздействие, выражающееся в наличии неорнаментированной полосы на шейке (Рудковский, 2013, с. 55), в Восточном Казахстане, Верхнем Приобье, Барабинской лесостепи, Кузнецкой котловине и на Енисее отмечено влияние местных раннебронзовых культур (елунинская, кротовская, самусьская, окуневская). Возможно, воздействием окуневцев объясняется наличие у федоровцев сосудов с квадратным устьем. Однако, несмотря на порой «распестренный» характер керамического комплекса, его федоровская принадлежность безусловна, что указывает на гибкость гончарства федоровцев, отмеченную ранее И.В. Рудковским (Рудковский, 2013, с. 55-56).

в) Постулирование преобладания неполного сожжения у федоровцев Центрального Казахстана (Маргулан и др., 1966, с. 63; Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 37) вызывает резонные возражения. Известные случаи такого обряда (Канаттас, Мыржик 1, Бельасар, Бугулы 1) (Оразбаев, 1959, с. 65-66, 71; Маргулан и др., 1966, с. 78; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 120) довольно малочисленны и не влияют на общую картину. Справедливости ради можно

отметить, что вариантом неполного сожжения являются захоронения, исследованные на могильниках Тартас-1 (Барабинская лесостепь) (Ковыршина, 2014, с. 188) и Еловка 2 (Верхнее Приобье) (Матющенко, 2004, с. 166).

г) В настоящее время можно констатировать, что цисты имеют довольно широкое распространение и отмечены в Центральном Казахстане на могильниках Ботакара, Егизек, Акшатау, Бельсар, Бугулы 1, Аксу-Аюлы 2, Жиланды, Дандыбай, Мыржик, Сангуыр 2, Бада, Дарьинский, Коржар (Рыков, 1935; Кадырбаев, 1961; Маргулан и др., 1966; Кадырбаев, 1974; Кадырбаев, Курманкулов, 1992; Телятникова, 2011; Ломан, Кукушкин, 2012; Дмитриев, 2014; Макен, 2016). Известны они в котловинах по среднему течению Енисея, где отмечены 80 раз (Подкунинский Улус, Мохов 3, Лебяжье 1, 5, Устье-Бири 4, Каменка 2, Усть-Ерба, Новая Черная 2, 3, Пристань 1, Сухое Озеро 1, Соленоозерная 1, 3, 4, Ужур, Орак 1, 2, Косоголь 3) (Рахимов, 1968; Максименков, 1978; Вадецкая, 1986; Леонтьев Н., Леонтьев С., 2006; Иванчук, Михайлов, 2011; Красниенко, Субботин, 2013), в Верхнем Приобье на могильнике Сигнал (Грушин, 2009), в Зауралье на могильниках Федорово и Туктубаево (Кузьмина, 2008, с. 170), в Восточном Казахстане (Айна-Булак 3, Жартас, Кылтаз, Меновое 9, Березовский, Зевакино) (Арсланова, 1973; Ковалев и др., 2004; Ткачева, Ткачев, 2008; Ермолаева, 2012).

Показательно, что Центральный (Дандыбай, Егизек, Бугулы 1, Дарьинский) (Рыков, 1935; Маргулан и др., 1966; Маргулан, 1979; Телятникова, 2011; Ломан, Кукушкин, 2012), Восточный Казахстан (Белокаменка, Беткудук, Малый Койтас, Маринка) (Ткачева, Ткачев, 2008; Ермолаева, 2012), Среднее Прииртышье (Акмола) (Кадырбаев, 1969) и Енисей (Устье-Бири 4, Каменка 2, Усть-Ерба, Новая Черная 2, Пристань 1, Сухое Озеро 1, Соленоозерная 1, Орак 1, Косоголь 3, Ужур) (Максименков, 1978; Леонтьев Н., Леонтьев С., 2006; Иванчук, Михайлов, 2011; Красниенко, Субботин, 2013) схожи в использовании комбинированной погребальной камеры – цисты-ящика.

Как тип, цисты широко известны в материалах Бактрийско-Маргианского археологического комплекса в Средней Азии, и пред-

ставляют собой кирпичные конструкции. Считается, что они появились в III тыс. до н. э. и зафиксированы в памятниках по среднему течению Евфрата (Тилмен, Кархемиш, Барсип, Лидар). Согласно В.И. Сарианиди их распространение вплоть до Центральной Азии связано с миграцией племен из первоначального ареала (Сарианиди, 2001, с. 21-22).

д) Отмеченная установка «изголовной» стелы на могильнике Бугулы 1 (Маргулан и др., 1966, с. 63, 65) возвращает к вопросу о вертикально установленных объектах у носителей федоровской культуры. Данная проблема имеет свою историографию (Бобров, 1992; Сотникова, 2014) и в настоящее время можно констатировать, что они известны также в Восточном Казахстане и Южной Сибири, распределяясь в погребальных комплексах на двух уровнях: в надмогильной конструкции и могиле.

Бликие по содержанию Бугулы 1 случаи отмечены в Центральном Казахстане на могильниках Аккойтас, где у курганов она устанавливалась с западной стороны (Байтанаев и др., 2014, с. 663) и Бегазы, где у западно-западной стороны могилы был вкопан каменный столб высотой 97 см (Маргулан и др., 1966, с. 129).

Довольно необычный случай отмечен на некрополе Аксу-Аюлы 2, где в 17 м северо-восточнее кургана обнаружено каменное антропоморфное изваяние, обращенное личиной на комплекс (Маргулан и др., 1966, с. 168).

Следует отметить каменные стелы, которые были поставлены внутри погребальных сооружений на могильнике Аир-Тау (Восточный Казахстан). В одном случае это составленный из двух частей каменный столб высотой 2,5 м, стоящий у западной стенки каменного ящика от самого его основания. В другом – каменный столб, установленный на перекрытии цисты. Еще две стелы стояли у каменного ящика с западной стороны грунтовой ямы (Куш, 1989, с. 228).

Вкопанные в дно могилы деревянные столбы широко известны в Кузнецкой котловине (Юрман-1 и др.) (Бобров, Михайлов, 1989; Савинов, Бобров, 1995, с. 88) и в Сыдо-Ербинской группе памятников на Енисее (Ланин Лог) (Рахимов, 1968). При этом не

стоит путать комплексы, где столбы не несут никакой конструктивной нагрузки и скорее вызваны опредмечиванием мировоззренческих представлений в погребальном обряде с памятниками иной функционально-семантической группы (Косоголь 3, Урефты-1) (Иванчук, Михайлов, 2002; Стефанов, Корочкова, 2006, с. 80).

е) Заглубленные в грунт каменные ящики довольно специфический вариант погребальной камеры, имеющий, во всяком случае, в Центральном Казахстане четкое территориальное размежевание с остальными типами могил. Такие погребения известны на северо-восточной окраине Карагандинской области в могильниках Тундык, Жиланды 1, 3, Аяпберген, Самара, Акшоки (Ткачев, 2002; Кукушкин, 2014; Кукушкин, Дмитриев, Кукушкин, 2015), а также в составе некрополей на периферии группы (Бесоба, Канаттас, Алпымса, Ботакара) (Маргулан и др., 1966; Евдокимов, 1981; Кукушкин, Дмитриев, 2016). Главной отличительной особенностью погребального обряда северо-восточной группы федоровцев является устройство в сильно заглубленной грунтовой яме каменного ящика. Данное конструктивное решение прослежено во всех исследованных комплексах.

Однако устройство заглубленного в грунт

товую яму ящика известно в материалах могильников Кызылтас (Восточный Казахстан) (Ткачева, Ткачев, 2008, с. 171-195), Чесноково (Алтай) (Киришин, Шульга, 1996) и на Енисее (Максименков, 1978, с. 57).

Выводы.

Таким образом, в настоящее время накопленная обширная база источников позволяет по-новому взглянуть на обоснованность выделения нуринской культуры Центрального Казахстана. Приведенные аналогии показывают единство федоровской культуры. При этом действительно не стоит игнорировать локальные особенности, но и не следует их гипертрофировать.

Признавая некоторое своеобразие федоровских памятников Центрального Казахстана (большее разнообразие надмогильных конструкций), автор не поддерживает использование термина нуринский, который выделен в 60-е гг. XX в. в качестве аналога федоровскому этапу андроновской культуры (Маргулан и др., 1966, с. 61). Создание целой свиты «самостоятельных» (федоровских по сути) археологических культур (нуринская, канайская) (Ткачев, 2002; Ткачев, 2003; Ткачева, Ткачев, 2008, с. 286) отражающих одно явление только усложняет понимание историко-культурных процессов протекавших в бронзовом веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев К.А. Эпоха бронзы Центрального Казахстана: автореф., дисс. ... к. и. н. – Л., 1953. – 18 с.
- Арсланова Ф.Х. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области // СА. – М., 1973. – №4. – С. 160-168.
- Байтанаев Б.А., Ахатов Г.А., Казизов Е.С. Культново-погребальный комплекс Каракойтас и Аккойтас «Долины батыров» // Восхождение к вершинам археологии: сб. материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященный 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. – Алматы, 2014. – С. 659-668.
- Бобров В.В. К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Северная Евразия от древности до средневековья. – СПб.: ИИМК РАН, 1992. – С. 54-57.
- Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Памятники андроновской культуры Обь-Чулымского междуречья. – Кемерово, 1989. – 199 с.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л., 1986. – 180 с.
- Грушин С.П. Итоги исследования могильника Сигнал I // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2009 г.: Археология, этнография, устная история. – Барнаул, 2009. – Вып. 6. – С. 14-18.

- Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. – 1927. – Вып. 2. – С. 172-221.
- Дмитриев Е.А. Могильник Коржар. Андроновские-федоровские погребения // XLVI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: тезисы докладов. – Ульяновск: ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И.Н.Ульянова», 2014. – С. 84-86.
- Дурылин С.Н. Челябинские курганы // Сборник материалов по изучению Челябинского округа. – Челябинск, 1927. – Кн. 1. – С. 56-71.
- Евдокимов В.В. Отчет об археологических исследованиях Карагандинского археологического отряда летом 1981 года на территории Карагандинской области. – Караганда, 1981. – 38 с.
- Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 2002. – 138 с.
- Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). – Алматы, 2012. – 238 с.
- Иванчук В.В., Михайлов Ю.И. Каменные гробницы андроновского могильника «Косоголь-3» // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2011. – №3. – С. 23-34.
- Иванчук В.В., Михайлов Ю.И. Обряд кремации и погребальная архитектура: проблемы культурно-исторической интерпретации // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул, 2002. – С. 45-47.
- Кадырбаев М.К. Акмола – памятник андроновской культуры // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата, 1969. – С. 91-106.
- Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. – Алма-Ата, 1974. – С. 25-45.
- Кадырбаев М.К. Могильник Сангуыр II // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. – 1961. – Том 12. – С. 48-61.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). – Алма-Аты: Гылым, 1992. – 247 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновское погребение на реке Чарыш // Известия Алтайского госуниверситета. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. – № 2. – С. 33-38.
- Ковалев А.А., Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Грушин С.П., Варенов А.В., Омаров Г., Сунгатай С. Изучение археологических памятников в Восточном Казахстане // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул, 2004. – С. 183-190.
- Ковтун И.В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. – 547 с.
- Ковыршина Ю.Н. Изучение андроновских (федоровских) кремаций на могильнике Тартас-1 (некоторые методические аспекты) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2014. – С. 187-190.
- Котельникова И.А. К вопросу о генезисе федоровской и черкаскульской культур (по материалам погребального обряда) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2001. – Вып. 3. – С. 55-61.
- Красниенко С.В., Субботин А.В. У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. – СПб., 2013. – 200 с.
- Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: ПринТА, 2008. – 358 с.
- Кукушкин И.А. Доандроновские погребения Центрального Казахстана // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. – Астана: Сарыарка, 2014. – С. 401-414.
- Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Полевые исследования на могильнике Бесоба (Казахстан) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2016. – Вып. XXII. – С. 142-147.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Могильник Тундык: предварительные результаты исследований // Этнические взаимодействия на Южном Урале (VI Всероссийская научная конференция). – Челябинск, 2015. – С. 136-143.

Куш Г.А. Могильник Аир-Тау в Восточном Казахстане // Маргулановские чтения. – 1989. – С. 227-228.

Леонтьев Н.В., Леонтьев С.Н. Могильник андроновской культуры Устье Бири IV // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2006. – Вып. 3-4. – С. 66-78.

Ломан В.Г. Андроновское гончарство: общие приемы изготовления сосудов // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Челябинск: ЧелГУ, 1995. – Ч. V, кн. 1. – С. 96-100.

Ломан В.Г., Кукушкин И.А. Могильник Дарьинский // Археология и история Сарыарки. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2012. – С. 81-106.

Макен А.Б. Цисты могильника Бада // Материалы LVI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 136-137.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л., 1978. – 191 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1966. – 436 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – Омск, 2004. – 468 с.

Могильников В.А. Курганы Корболиха I – памятник андроновской культуры в предгорьях Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1998. – №3. – С. 29-43.

Оразбаев А.М. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. – 1959. – Том 7. – С. 59-74.

Рахимов С.А. Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде // КСИА. – М., 1968. – Вып. 114. – С. 70-75.

Рудковский И.В. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. – Алматы: «Хикари», 2013. – 192 с.

Рыков П.С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // Археологические работы академии на новостройках в 1932-1933 гг. – М.-Л., 1935. – С. 40-68.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Курганы андроновской культуры могильника Юрман I в Западной Сибири // Археологические вести. – СПб., 1995. – №4. – С. 83-90.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с.

Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. – М.: «Мир медиа» World media, 2001. – 246 с.

Сотникова С.В. Андроновские (федоровские) погребения с кремацией и вертикально установленными объектами (по материалам юга Западной Сибири) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2014. – №10 (48): в 3-х частях. Ч. III. – С. 189-194.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 160 с.

Телятникова Н.В. Архивные материалы о могильнике Дандыбай // Маргулановские чтения-2011. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. – С. 146-150.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV. Вып. 2. – С. 41-62.

Ткачев А.А. Бронзовый век Центрального Казахстана: автореф. дисс., ... д. и. н. – М., 2003. – 50 с.

Ткачев А.А. Культура населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы: автореф., дисс. ... к. и. н. – М., 1991. – 26 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – Ч. 2. – 243 с.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. – Новосибирск, 2008. – 304 с.
Усманова Э.Р., Варфоломеев В.В. Уйтас-Айдос – могильник эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы-Москва: Гылым, 1998. – Выпуск 2. – С. 46-60.

Дмитриев Е.А.

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ НУРИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Түйін

2000 жылдардың басында Орталық Қазақстандағы қола дәуірінің ескерткіштері әуелі Федоров мәдениетімен байланысқан, кейін Андронов мәдениетінің Нұра кезеніне жатқаны ой болған. Андронов мәдениетінің Нұра кезенін өздік мәдениет санауға болжау болды, оның өздігі аймақтық комплекстардың ерекшелігімен байланысты. Осы мақалада Нұра кезені, кейін Нұра мәдениетін ерекшелеу сұрағына қайта ораламыз. Сонымен бірге, мәдениетті ерекшелеу деректі негізін қорытындысың және жаңа зерттеулер нәтижелерін талдау жұмыс өткіземіз.

Annotation

In the early 2000's, Bronze Age monuments of the Central Kazakhstan, originally identified as belonging Fedorov period, and subsequently attributed to the Nurin stage of Andronovo culture, were proposed to be considered as independent archaeological culture, which is argued by their originality in relation to similar complexes of adjacent regions. Within this article it is proposed to return to the problem of isolating the Nurin stage, and then culture, and to consider the factual basis for such a conclusion based on the results of new research.

О НЕКОТОРЫХ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ МОТИВАХ В КЕРАМИКЕ
ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕМИРЕЧЬЯ

В значительной мере представления о характере развития культурных традиций эпохи бронзы складываются на основе изучения древних поселений и могильников, среди которых вещевой и керамический материалы играют ведущую роль. Особенностью керамического производства на территории Семиречья на всех этапах развития культур эпохи бронзы было резкое сокращение объема и отсутствие орнаментации на погребальной посуде. Этот нюанс позволил Е.Е. Кузьминой выделить семиреченский вариант андроновской культуры [Кузьмина, 1970, с. 44-48], который объясняется близостью региона к Средней Азии. По мере накопления материалов выяснилось, что несмотря на бедность орнаментации погребальной керамической посуды она типологически и хронологически коррелируется с керамикой из соседних регионов Казахстана. В орнаментации этой посуды встречаются, в том числе и оригинальные варианты, на которые следует обратить внимание.

При раскопках могильников в разных горных районах Жетысу были обнаружены два горшка с нетрадиционными для орнамента мотивами (рис.1: 1, 2). Один из них зафиксирован в конструкции 6 могильника Калакай-I у северных склонов хребта Джунгарский Алатау, который датируется позднеандоновским временем [Горячев, 2007, с. 37-39]. Другой обнаружен в составе жертвенника могильника кульсайского типа Кызылбулак-I в верховьях ущелья Тургенъ хребта Заилийский Алатау и относится к андроновскому периоду [Гасс, Горячев, 2016, с. 108-112; Горячев, 2011, с. 111-115]. Сосуды с геометрическим декором, подобные найденным, не составляют представительных серий в общей массе погребальных материалов.

Могильник Калакай-I, где обнаружен первый сосуд, находится у подножия северных склонов хребта Джунгарский Алатау в долине Каскарау в 30 км к востоку от города Капал. Особенностью его является сложность

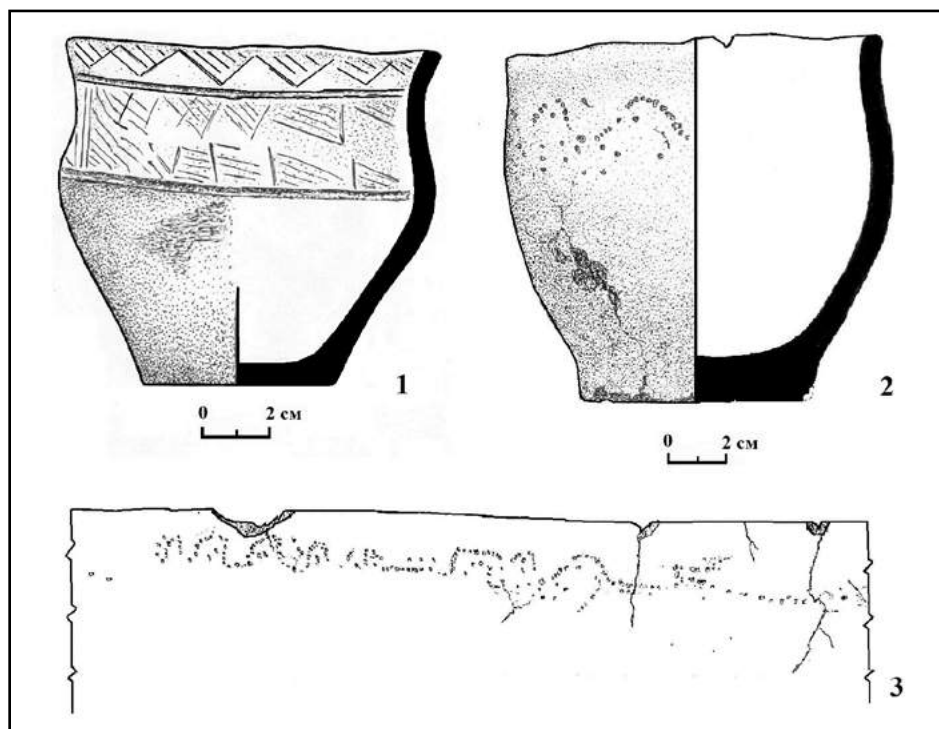

Рис. 1. Керамические сосуды из Семиречья: 1 – керамический сосуд из погребения 11 конструкции 6 могильника Калакай-I; 2 – керамический сосуд из жертвенника 38 могильника Кызылбулак-I; 3 – развертка орнамента по шейке сосуда из могильника Кызылбулак-I

надмогильных погребальных сооружений в виде групп оград, устраиваемых вокруг центральных захоронениями. Здесь они скорее напоминают некоторые солярные или зооморфные символы. В любом случае при их сооружении вокруг центрального захоронения возводились при помощи оград округлой, овальной, спиралевидной (сегментовидной по классификации Карабаспаковой [Карабаспакова, 1987, с. 94]), квадратной и прямоугольной и инвариантов этих форм определенные многофигурные знаковые символы. В частности, конструкция 6, где был найден сосуд, в основе своей очень напоминала так называемый «очковидный» знак (ограды 1-3) с последующими пристройками к нему более поздних захоронений (рис. 2).

Сосуд из погребения в ограде 11 конструкции 6 могильника Калакай-1 был помещен в каменный ящик, составленный из 4 плит, вкопанных вертикально. Плиты перекрытия были уложены поперек погребения в 3 слоя. На дне ящика перед лицом погребенного младенческого возраста был установлен приземистый сосуд горшковидной формы. Прямой венчик слегка отогнут наружу, высокая шейка переходит в слегка профилированное плечико. Сосуд изготовлен ленточным способом на твердой основе, орнаментирован в верхней части по венчику, шейке и плечу. Под венчиком и по плечу прорезаны по две линии. По венчику орнамент представлен рядом треугольников вершинами вниз, выполненными резьбой с заполнением внутреннего пространства 3-4 резными линиями. По шейке от резной линии прослеживается неровный ряд треугольников, которые выглядят и как прямые, и как косые, выполненные аналогичной техникой. От плечика по шейке также имеется орнамент в виде треугольников и прямоугольников вершинами вверх. Причем выделяется один крупный треугольник, соединяющий вертикально ряды резных линий под венчиком и по плечу (рис. 1: 1).

Особенностью этого достаточно традиционного набора элементов орнамента является асимметричность их взаиморасположения по шейке сосуда. Ближайшие аналогии подобным формам посуды и орнаментальным традициям прослеживаются в материалах семиреченских

могильников урочищ Ой-Джайляу и Тамгалы в Шуилийских горах, датируемых в пределах XIV-XIII вв. до н.э. [Горячев, 2013, с. 3-28]. На могильнике Калакай-1 среди горшковидной посуды распространены только сосуды с плавным профилированным плечиком, что больше характерно для восточно-казахстанского ареала распространения традиций андроновского культурно-исторического периода, также датируемого федоровским временем [Ермолаева, 2001, рис. 5]. Однако до сих пор в материалах Жетысу и сопредельных регионов этого хронологического периода не встречалось такое асимметричное расположение элементов орнамента.

Зато подобная традиция отмечается в керамике синташтинской культуры Южного Зауралья, причем как в орнаментике и островерхих, так и плавно профилированных сосудов [Ткачев, Хаванский, 2006, рис. 27, 33, 37, 55]. Авторы объясняют подобные варианты украшения посуды творческой инициативой гончаров при наличии у них определенного творческого замысла [Ткачев, Хаванский, 2006, с. 62; Ткачев, 2007, с. 166, 182]. Для нас важен еще и тот факт, что все сосуды этой серии имеют симметричный орнамент в виде треугольников вершинами вниз, а асимметричный размещен по шейке и представляет собой набор треугольников разных видов вершинами вниз и трех- и четырехугольников вершинами вверх. Однако крупный треугольник, соединяющий вертикально ряды резных линий под венчиком и по плечу и фактически начинающий орнаментальные ряды (как организующий элемент) нам пока не известен.

На северных склонах Заилийского Алатау орнаментированная посуда в погребениях встречается редко. Только в жертвенных захоронениях за пределами погребальных сооружений на могильнике Кызылбулак-1 найдены горшки, орнаментированные в основном геометрическим штампом и резными линиями. Еще один сосуд с нетипичным орнаментом найден в жертвеннике могильника Кызылбулак-1 в центре округлой каменной выкладки на глубине 30 см, зафиксированный в положении на боку, накрытый керамической крышкой от стенки крупного сосуда (рис. 1: 2). Сосуд лепной, широкогорлый, плоскодонный, горшковидной формы изготовлен ленточным способом на

твердой основе. Сосуд орнаментирован по шейке и плечу серией мелких наколов, выполненных острым инструментом. Точки наносились на шейку и плечо сосуда прямыми и косыми насечками. Толщина рабочего края инструмента не превышала 2 мм. Нанесенный мелкими точками узор имеет не геометрическую характеристику, а вид единичного орнаментального сюжета.

В композиционной развертке узор представляет следующую картину при прочтении слева направо (рис. 1: 3). Пять зигзагообразных линий, внутри и над которыми нанесено разное количество отдельных точек, переходят в серию расположенных плотно друг с другом точек, вытянутых в ровную линию. Линия сменяется тремя крупными зигзагами, внутри которых нанесено множество точек, уходящих ниже зигзагов и объединяющих их в один сюжет. От последнего зигзага линия точек плавно снижается на плечо сосуда и переходит в ровную прямую линию.

В месте перехода узора с плеча на шейку над снижающейся линией нанесено три ряда точек «в перспективе» (ближние – нижние наиболее крупные, дальние – верхние более мелкие). За 2 см до «начального» зигзага основная линия точек прекращается. Подобный вид орнаментального узора на керамике эпохи бронзы Жетысу встречается впервые.

Орнаментальная форма в искусстве древних народов определяется ритмическими построениями повторяющихся абстрактно-геометрических элементов [Брей, Трамп, 1990, с. 182]. Основными идеями орнамента с эпохи палеолита являются такие понятия, как ритм, упорядоченность, симметрия, а также скрытый смысл, символизм, знаковость. Идея ритма и симметрии считается большинством исследователей ключевой в понимании построения орнамента, «одним из важных факторов красоты форм» [Шубников, Копчик, 1972, с. 12-13] и именно повторяемость, симметричность отличает орнамент от простого украшения керамической посуды.

Большинство исследователей ограничивается формально-логическим описанием и классификацией типов орнаментации керамической посуды [Кузьмина, 1994, с. 106-107]. Основополагающим признаком при изучении

строения отдельными исследователями полагается композиционный строй орнамента, как наиболее консервативная его часть, в отличие, к примеру, от технических приемов исполнения или материалов.

Андроновский погребальный керамический инвентарь, как правило, имеет богатую геометрическую орнаментацию. В ее украшении имеются мотивы, которые делают узнаваемой андроновскую посуду среди керамических комплексов родственных культурных традиций. В нашем случае соблюдена орнаментальная традиция лишь в общих схемах заполнения композиционного поля сосудов: несмотря на иконографическую самобытность орнамент базируется на трехчастной структуре. В первом случае мотив цепочки треугольников на венчике сосуда в сочетании с трехзональным членением орнаментального поля по вертикали отражает композиционный канон для орнаментальных традиций восточной части андроновского ареала.

В целом о нанесении рисунка можно говорить как о технологии резьбы и геометрического штампа, поскольку в целом он соответствует базисным технологиям нанесения орнамента. Подчеркнуто графически, двумя линиями поделено пространство на три зоны. Зону шейки заполняет композиция из двух противопоставленных друг другу цепочек треугольников. В зоне плечиков в нашем случае представлены наиболее сложные конфигурации, имеющие общие очертания «заштрихованных» треугольников, обращенных вершинами вниз и вверх.

В общем сочленении противопоставленных конфигураций треугольников в мотиве «верх-низ» создаются планы позитив-негативных изображений в композиции. Исследователи считают подобный прием важнейшей чертой андроновской орнаментальной традиции [Сорокин, 1960; Кузьмина, 1986, рис. 3]. «Позитивные» и «негативные» изображения при визуальном восприятии демонстрируют одну из фундаментальных оппозиций «видимое» – «невидимое». Эта своеобразная «игра» фоном и изображением может быть воспринята, по мнению исследователей, «рефлексом представлений об особом чудесном зрении магов и прорицателей» и «могла использоваться

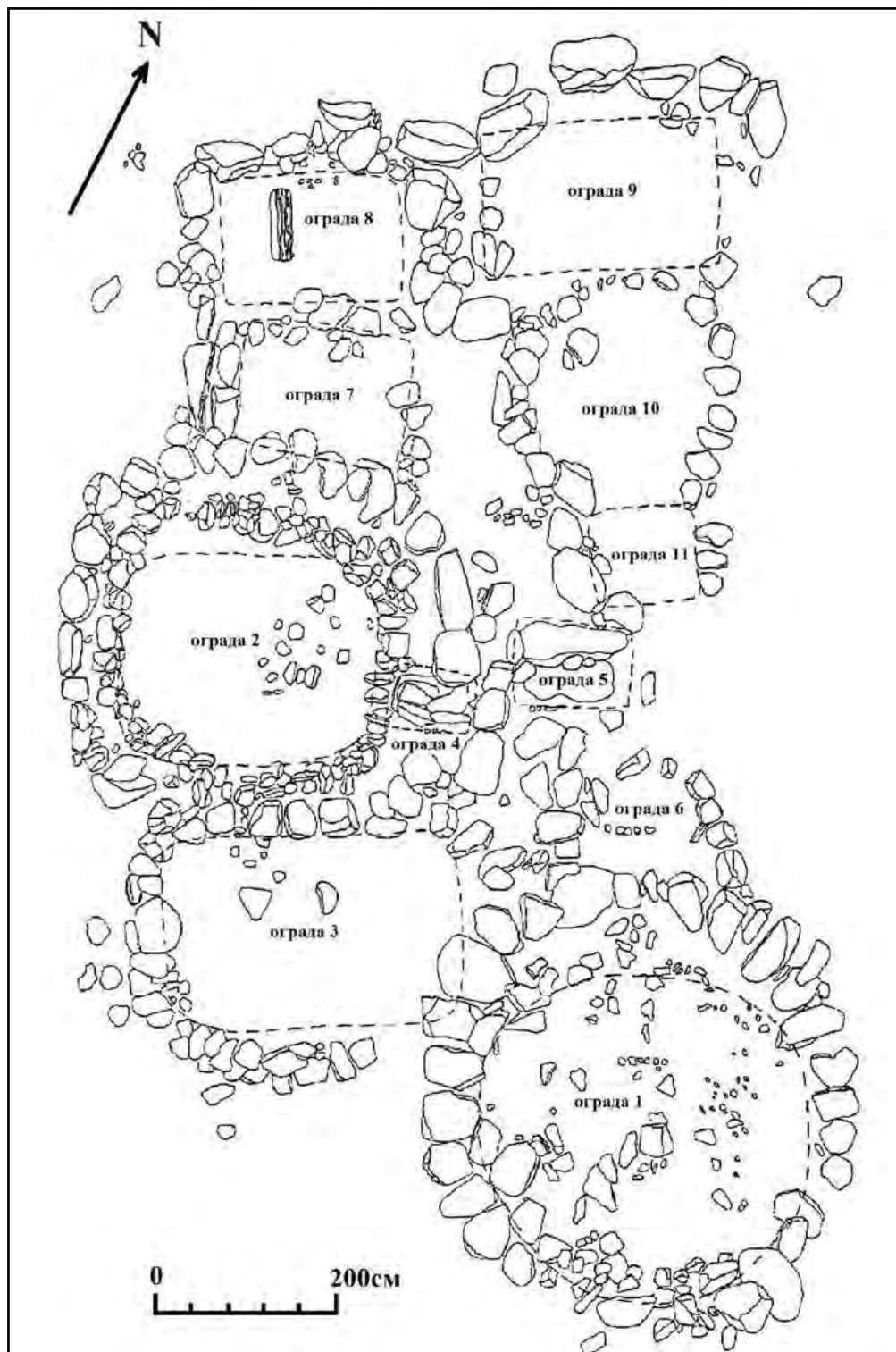

Рис. 2. План конструкции 6 могильника Калакай-I

в ходе обрядовых манипуляций с сосудами» [Михайлов, 2001, с. 239].

Вместе с тем различные вариации треугольников нередко создают неординарные мотивы в орнаментике посуды. Это и горизонтальный зигзаг, образующий цепочку треугольников, с многообразной очерченностью линиями, и направленные вершинами вниз равнобедренные треугольники с заполнением и без.

Выразительны узкие свисающие треугольники с горизонтальной или вертикальной штриховкой. К ним в ряд можно включить ассиметричные узкие четырехугольники в вертикальной проекции, заштрихованные параллельно одной из длинных сторон. Исследователи отмечают отличие значительной части этих элементов от своих аналогов в других региональных группах памятников рубежа

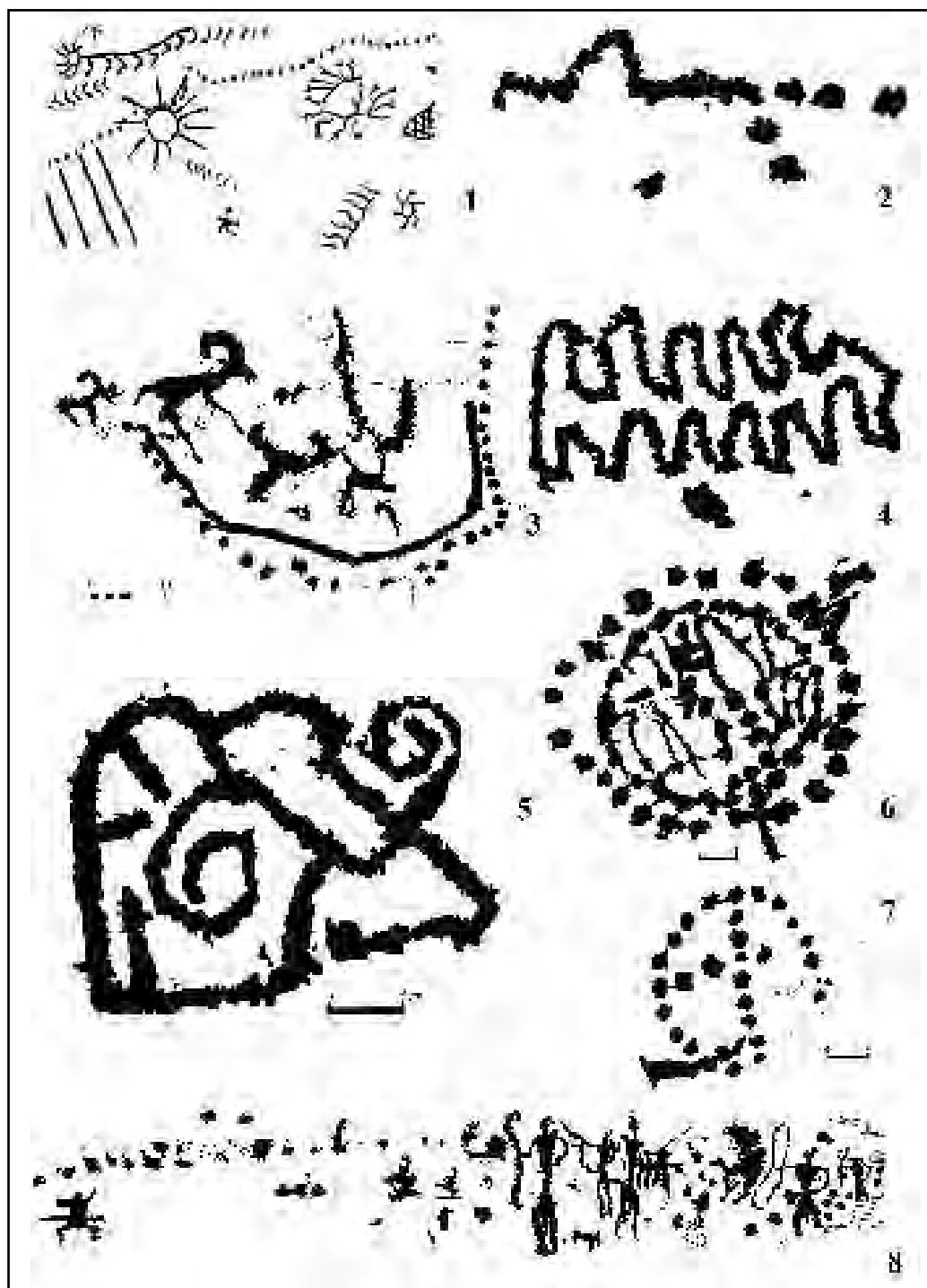

Рис. 3. Аналогии орнаментальным мотивам сосудов эпохи бронзы Семиречья в наскальном искусстве Армении, Киргизии, Казахстана: 1 – петроглиф с горы Севсар [по: Мартиросян, Израелян, 1971]; 2, 4 – Саймалы-Таш [по: Мартынов, Марьяшев, Абетеков, 1992, рис. 9, 10]; 3, 5, 6, 7, 8 – Сауыскандык [по: Самашев, 2914, рис. 428, 488, 489, 497]

эпох средней и поздней бронзы Волго-Уралья [Ткачев, Хаванский, 2006, с. 90].

Несомненно, сложные фигуры на калакайском сосуде образуют нестандартный (нетипичный для андроновской посуды) рисунок этих двух планов, свой алгоритм. Видится, что семантика может быть реконструирована на уровне смысловых планов всей

орнаментальной композиции. Назвать орнаментом узор второго сосуда можно лишь условно: сложный сюжетный рисунок из повторяющихся неодинаковых зигзагов и линий точек образует композицию, осмысление которой предполагает обращение к принципам пиктографического письма. Пиктографическое письмо (от лат. *pictus* — нарисованный и

греч. γράμμα — запись) — пиктография, отображение содержания сообщения в виде рисунка или последовательности рисунков, изображающих важнейшие узнаваемые черты объекта в схематическом виде [Ожегов, 1990, с. 515]. Таким пиктографическим элементом, на наш взгляд, обладает надпись, сделанная на серебряной чаше из Иссыка [Акишев, 1978].

В ряду таких примеров, близких к узору на сосуде, можно привести петроглиф с горы Севсар (Армения) [Мартirosян, Исраелян, 1971] (рис. 3: 1). Множество точек вытянуты в некую линию движения, где есть зигзагообразный «скачок», в котором размещен рисунок «солнца». Композиции из ровных, плавных, пересекающихся-решетчатых линий

часто встречаются на керамических сосудах. Элементы в этом рисунке схожи с узором на сосуде из Кызылбулака. Узор, нанесенный на этот сосуд, представляет собой некие символические знаки имеющие определенную семантическую нагрузку.

Те же явления отражены и в наскальных рисунках соседних регионов в Киргизии и в горах Каратау. В частности, значительную серию наиболее древних рисунков святилища Саймалы-Таш в Ферганском хребте составляют знаковые символы (рис. 3: 2, 4). В первую очередь это зигзагообразные линии и точки. Похожие мотивы отмечены в петроглифах Сауыскандыка в северной оконечности Каратау (рис. 3: 3, 5-8). Интересно, что точечные

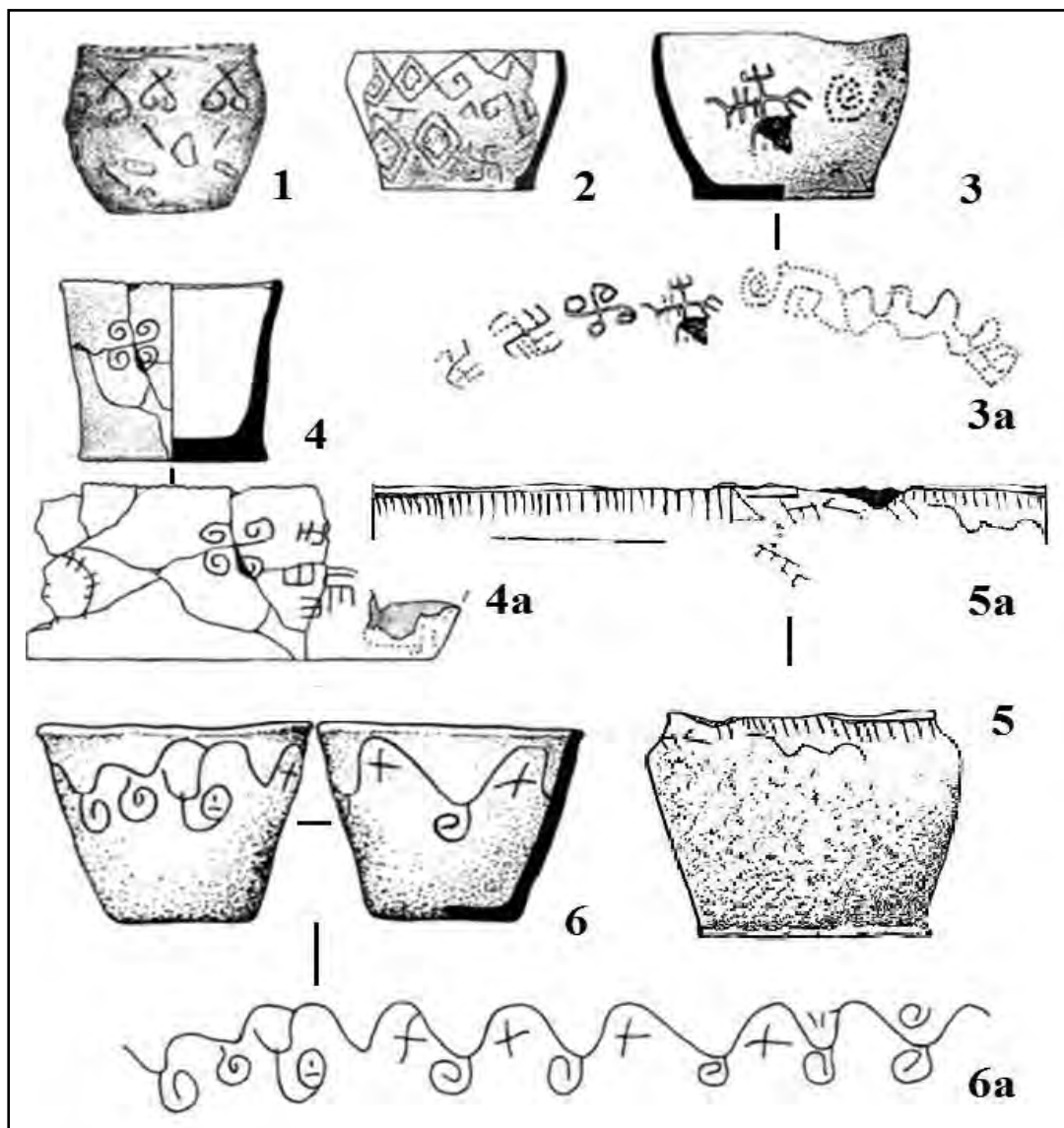

Рис. 4. Орнамент с завитками на срубной керамике: 1 – Захоперский II; 2 – Перещепино; 3, 3а – Советское I; 4, 4а – Греки II [Приводится по: Полидович, Усачук, Цимиданов, 2015, с. 27, рис. 3: 1, 2, 3, 4]; 5, 5а – керамический сосуд из раскопок в Воронежской области, с. Монастырщина [по: В. Березуцкому, 2017]; 6, 6а – Орлик II [Приводится по: Полидович, Усачук, Цимиданов, 2015, с. 27, рис. 3:5]

знаки, образуют схожий ряд с мотивом на кызылбулакском сосуде, но при этом он вписан в композицию с фигурами людей с луками в руках (рис. 3: 8).

На керамической посуде похожие узоры отмечены в материалах памятников срубной культуры в долине р. Дон. На сосуде из кургана у села Советское (рис. 4: 3, 3а) показаны слева три свастики, справа – змеевидное существо, а в центре – стилизованное изображение человека. Характерно, что значительная часть композиции также выполнена точечной техникой. На сюжете из кургана у села Монастырщина (рис. 4: 5, 5а) точками изображены геометрические фигуры, в которых исследователи видят реальных животных — змея, быка с рогами

[Березуцкий, 2017]. Орнаментированная такими способами посуда широко представлена в традициях срубной культуры (рис. 4: 1, 2, 4, 4а, 6, 6а) Интересно, что в мотивах этих орнаментов исследователи в большинстве случаев видят зооморфные сюжеты, связанные с религиозными представлениями и создателей [Полидович, Усачук, Цимиданов, 2015, с. 25-30].

В традициях украшения посуды эпохи бронзы орнаментальная форма видится как универсальная знаковая система, тесно связанная с мифологическим комплексом моделирования окружающего мира древними племенами. Семантическая дешифровка элементов орнамента требует отдельного специализированного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- К.А. Акишев Курганы Иссык. Искусство саков Казахстана. - М.: Искусство. 1978. - 132 с.
- Березуцкий В. Д. Трезубец вместо головы // газета «Коммуна» №68 (26712) от 29 августа 2017 года. [Электронный ресурс]. URL: http://communa.ru/nauka_i_obrazovanie/trezubetz_vместo_golovy/ (дата обращения 07.10.2017).
- Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. - М., 1990. – 368 с.
- Гасс А., Горячев А.А. К вопросу о типологии и хронологии могильников эпохи бронзы в высокогорной зоне Заилийского Алатау // Вестник НГУ: Серия история, филология. - 2016. - Т15, №5: Археология и этнография. – С.85-123.
- Горячев А. О погребальном обряде в памятниках кульсайского типа // История и археология Семиречья. - Алматы, 2001. – Выпуск 2. - С. 45-62.
- Горячев А.А. Археологический комплекс Калакай-1 из Северного Придунгарья // История и археология Семиречья. – Алматы, 2007. - Выпуск 3. - С. 21-41.
- Горячев А.А. О погребальных традициях племен эпохи бронзы Шуилийских гор // Известия НАН РК / Серия общественных и гуманитарных наук. - 2013. - № 3. - С. 3-28.
- Ермолаева А.С. Погребения эпохи бронзы могильников Малое Карасу и Ковалевка Левобережного Иртыша // История и археология Семиречья. - Алматы, 2001. - Выпуск 2. – С. 102 -111.
- Кузьмина Е.Е. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА. - М., 1970. - Вып.122. - С. 44-48.
- Кузьмина Е.Е. Гончарное производство у племен андроновской культурной общности (об одном археологическом аспекте проблемы происхождения индоиранцев) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур Древнего и Средневекового Востока. - М., 1986. – С. 152-182.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. - М., 1994.- 464 с.
- Мартirosян А.А., Израелян А.Р. Наскальные изображения Гегемских гор. - Ереван, 1971.
- Мартынов А. И., Марьяшев А.Н., Абетеков А.К. Наскальные изображения Саймалы-Таша. – Алма-Ата, 1992. – 120 с.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Вопросы типологии и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // РА. - М, 1993. - № 1. – С. 5-19.
- Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). - Кемерово, 2001. – 364 с.

- Ожегов С. И. Словарь русского языка: / под ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Рус. яз., 1990. – 921 с.
- Полидович Ю.Б., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Завитки в орнаментации срубной культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2015. - №3 (30). – С. 23-31.
- Самашев З. Петроглифы Сауыскандыка /Самашев З., Мургабаев С., Елеуов М. – Астана: Филиал Института археологии им. А.Х.Маргулана, 2014. – 374 с.
- Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Булак-1 в Западном Казахстане. - М., 1962. – 208 с.
- Ткачев В.В., Хованский А.И. Керамика Синташтинской культуры. - Орск-Самара, 2006. – 181 с.
- Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы.- Актобе, 2007. – 384 с.
- Шубников А.В., Копчик В. А. Симметрия в науке и искусстве. - М., 1972. – 340 с.

Горячев А.А., Егорова Т.А.

Жетісудың қола ғасырындағы жерлеу қыш ыдыстарындағы кейбір оюлау дәстүрлері бойынша мәселелер

ТҮЙІН

Жетісудың әртүрлі таулы аудандарындағы қорымдарды қазу кезінде ерекше оюы бар екі көзе табылды (сурет 1 және 2). Біреусі Жоңғар Алатауының солтүстік шатқалындағы Қалақай 1 қорымының алтыншы конструкциясынан табылды, кейінгі андрон кезеңіне жатқызылады. Ал келесісі көлсай типтес Қызылбұлақ I қорымынан табылды, ол кейінгі қола дәуіріне жатқызылады.

Қалақайдан алынған ыдыстағы үш және төрт бұрышты ойып жасалған ою бөлшектерінің ерекшелігі оның мойын бойымен орналасуы жағынан бір біріне қарама қарсы тең орналасуы болып табылады. Мұндай дәстүр Оңтүстік Орал бойындағы синташты мәдениетіне жататын қыш ыдыстарда кездеседі. Түрген шатқалынан алынған ыдыста салынған өрнектер ұсақ нүктелермен жасалып геометриялық сипат бермейді, ал түрі біркелкі оюлы. Күрделі әртүрлі зигзаг түріндегі бір-бірін қайталайтын сюжетті сурет пен нүктелердің қатары пикторафиялық хат принципіне қарай қарастыруды ойға салатын бір композицияны құрайды.

Goryachev A.A., Egorova T.A.

To a question of some ornamental traditions in the funeral ceramic ware of the Bronze Age of Zhetysu

SUMMARY

Two pots with an unusual ornament (fig. 1 and 2) were found during excavation of burial grounds in different mountain regions of Zhetysu. One of them is recorded in the construction 6th of the burial ground of Kalakay-I at northern slopes of Dzungarian Alatau Ridge which is dated Late Andronovo period. Another is found as were included as a part of an altar of a burial ground of Kyzylbulak-I of the Kulsay type in upper courses of the Turgen Gorge of Zailiysky Alatau Ridge and relate to the Late Bronze period.

One of the main features of the set of elements of an ornament executed by a carving of triangles and quadrangles on a Kalakay vessel is the asymmetry of their interposition on the vessel's neck. The similar tradition is noted in ceramics of Sintashta culture of South-Eastern Ural. The pattern put with small points on the ware from Turgen Gorge has not the geometrical characteristic, but a type of a single ornamental plot. Difficult subject drawing forms the composition of repeating unequal zigzags and lines of points which judgment assumes the appeal to the principles of the pictographic letter.

Лихтер Ю. А.¹, Усманова Э. Р.²

¹ООО «Археологические изыскания в строительстве»,
г. Москва, Россия;

²Сарыаркинский археологический институт КарГУ
им. академика Е. А. Букетова,
г. Караганда, Казахстан

БУСЫ ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ФАЯНСА ИЗ КАЗАХСТАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ АНДРОНОВСКОЙ ОБЩНОСТИ

В статье рассматриваются бусы первой половины II тыс. до н. э., найденные в казахстанских памятниках: могильник Лисаковский I (курган 1, № 2), поселение Лисаковское (№ 4), Новоильиновский (сооружение 2, № 1) Костанайская обл.; могильники Майтан (ограда 10–4, № 3), Сатан (курган 2, № 5), Карагандинская обл. Общее число бус насчитывает 43 экземпляра, плюс неопределённое количество обломков бусин (табл. 1). Четыре бусины – медные (№ № 11, 32, 36, 38¹). Таким образом, в статье рассмотрено 39 бусин. Описание бус проводилось по методике Ю. Л. Щаповой, предполагающей изучение морфологии, которая включает форму конструктивных элементов, размеры и цвет², химического состава и технологии [Щапова, 1989].

Форма тулова. Все бусины округлые, подавляющее большинство – шаровидные усечённые дважды (зонные). Некоторые бусины состоят из нескольких секций – одна из четырёх и две сдвоенные, так называемые пронизи (табл. 2). *Размеры* бус расположены в промежутке от 0.14 см до 0.43 см; бусы большего размера – многочастные (табл. 3). По классификации Ю. Кальмера [Callmer, 1977, р. 35] все укладываются в группу микро-бус: подгруппа малые и средние. По *цвету* преобладают бирюзовый, серо-голубой и сине-зелёный цвета (табл. 4). Для анализа химического состава было отобрано три обломка бус (могильники Лисаковский I, Майтан, Сатан). Эмиссионно-спектральный анализ был выполнен к. т. н., с. н. с. лаборатории археологической технологии Института исто-

рии материальной культуры РАН А. Н. Егорьевым (табл. 5).

Дальнейшее исследование результатов анализа химического состава бусин базируется на методике, разработанной Ю. Л. Щаповой [Щапова, 1989]. Для понимания специфики химического состава тех или иных стёкол важны данные о следующих компонентах: основные стеклообразующие, красители, обесцвечиватели и глушители. К основным стеклообразующим компонентам относятся песок (окись кремния), щёлочи (соединения на основе натрия и калия) и щелочноземельные компоненты (соединения на основе кальция и магния). В качестве красителей, обесцвечивателей и глушителей используют различные металлы.

Песок является основой стекла, но температура плавления чистого стекла очень высока, чтобы её понизить, добавляют щёлочи (флюсы). Однако такое стекло химически нестойкое, оно быстро разрушается под действием атмосферной влажности. Для придания стеклу химической устойчивости нужны соединения щелочноземельных металлов (кальция и магния) [Качалов, 1959, с. 20].

В качестве источника щелочей используют минеральную соду либо золу растений. Минеральная сода практически не содержит калия, а в золе растений его довольно много. Ю. Л. Щапова предложила методику определения видов щелочного сырья [Щапова, 1989], базирующуюся на методике Т. Ставярской, основанной на различии видов растительной золы [Stawiarska T., 1984, s. 24–27]. В наших

¹ Номера здесь и далее соответствуют номерам в составленном авторами каталоге. Бусины для анализа переданы директором САИ В. Г. Ломаном из фондов музея САИ. Авторы раскопок: Лисаковский, Новоильиновский – Э. Р. Усманова; Майтан – А. А. Ткачев, Сатан – В. В. Евдокимов.

² Полное описание включает декор, однако в нашей выборке декорированные бусы отсутствуют.

анализах окись калия полностью отсутствует, таким образом, можно утверждать, что в качестве флюса использовали минеральную соду.

В качестве источника щёлочных земель использовали мел. По мнению многих исследователей, источником щелочных земель могли служить остатки раковин, содержащихся в некоторых песках. Однако Е. К. Столярова, изучавшая бусы катакомбной культуры из Калмыкии, полагает, что во II тыс. до н. э. такие пески ещё не использовались и поддерживает мнение Ю. Л. Щаповой, что в это время мел добавлялся специально [Столярова, 2000, с. 96–97]. В качестве красителя использовалась окись меди.

По мнению Ю. Л. Щаповой, соотношение щелочей и щелочных земель может характеризовать определённую школу стеклоделия. Этот параметр ею назван рецептурной нормой [Щапова, 1983, с. 46; Щапова, 1989, с. 99–100]. В полученных нами анализах как щелочей, так и щелочных земель очень мало и соотношение их составляет около 0.10 (табл. 6).

Для упорядочивания и графического представления наших знаний о легкоплавких фракциях, Ю. Л. Щаповой было разработано корреляционное поле, на оси абсцисс которого откладывается рецептурная норма (R_0 / RO), а по оси ординат – содержание щелочных земель. После наложения на это поле обработанных таким образом анализов древних стёкол [Щапова, 1983, с. 189, рис. 46], они сгруппировались в шесть гипербола, описывающих основные стеклоделательные школы [Щапова, 1983, с. 190, рис. 47].

Проанализированные нами бусы располагаются в самом низу корреляционного поля (рис. 1). Это характерно для египетского фаянса, который исследователи рассматривают как предшественника полноценных стёкол [Лукас, 1958, с. 267; Щапова, 1983, с. 59]. Он состоит из тех же компонентов, однако содержание легкоплавких фракций значительно меньше, чем у стекла. Это позволяет произойти реакции спекания песка (силикатообразования), но не приводит к реакции стеклообразования. Для получения изделий из египетского фаянса к песку добавляли раствор соды и мела, а также окись меди, и из получившейся пластической массы лепили небольшие изделия – бусы,

амулеты. Затем их обжигали. Как показали многочисленные опыты по моделированию этого процесса, при обжиге появляется эффект самоглазурования – расплавленные легкоплавкие фракции вместе с красителем поднимаются на поверхность и там застывают, образуя блестящую плёнку [Щапова, 1983, с. 61].

Итак, проделанный химический анализ бусин из андроновских погребений (могильники Лисаковский I, Майтан, Сатан) характеризует очень малое количество щелочей и щелочных земель, в качестве источника щёлочи использована **минеральная сода**. Интерпретация анализа по методике Ю. Л. Щаповой и Терезы Ставярской показала, что мы, по всей видимости, имеем дело с египетским фаянсом.

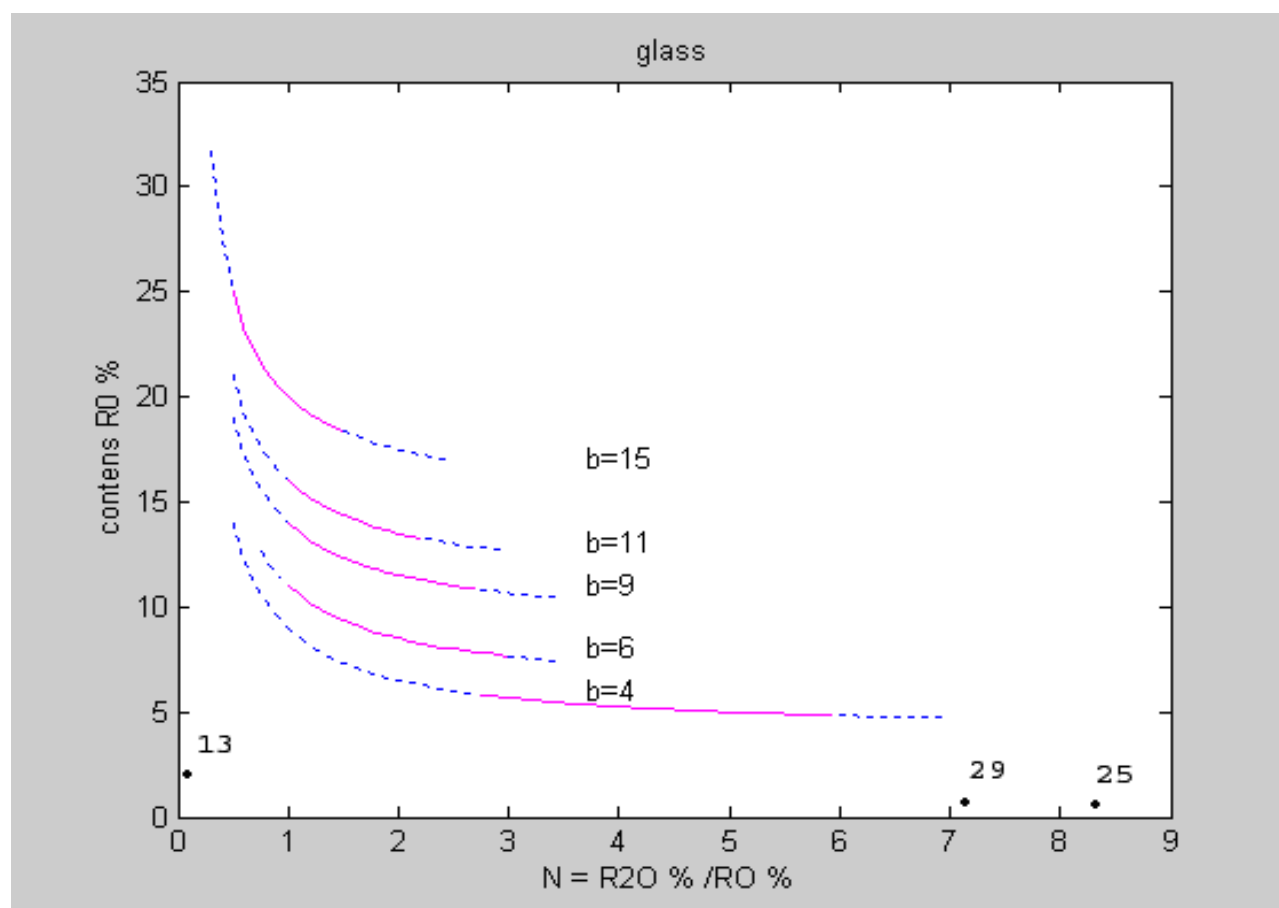
Подавляющее большинство рассмотренных бус по внешним данным также можно отнести к этому материалу. Исключением являются бусы из медного сплава (№ № 11, 32, 36, 38), а также две бусины (№ № 27, 28) отличающиеся от остальных по цвету (пурпурные) и по размерам (№ 27 – 0.64; № 28 – 0.43). По их внешнему виду можно предполагать, что это не египетский фаянс, а стекло. В отличие от остальных, они происходят с поселения, причём найдены на поверхности, а не в культурном слое, и, потому их трудно хронологически и культурно атрибутировать.

Плохая сохранность бус не позволяет делать надёжные заключения о **технологии** производства бус, однако для бус из египетского фаянса обычно использовалась техника лепки.

Аналогичные бусы из египетского фаянса, происходящие из могильников катакомбной культуры в Калмыкии, исследовала Е. К. Столярова. В статье подробно изложена методика, основанная на методах Ю. Л. Щаповой и Терезы Ставярской, на которой базируются выводы автора [Столярова, 2000].

Как видим, **химический состав** показывает, что мы имеем дело с египетским фаянсом. Однако какие у нас основания считать их произведёнными в Египте? Производство как система [Щапова, 2015, с. 9; Столярова, 2015, с. 236] включает:

- сырьё
- технология изготовления
- огнеупорная глина – основа печи
- топливо

Рисунок 1. Соотношение щелочных земель (RO) и рецептурной нормы (R_2O / RO)

b=15 месопотамские древние и ближневосточные средневековые

b=11 провинциально-римские

b=9 древнеегипетские

b=6 западноевропейские средневековые

b=4 финикийские

Номера соответствуют номерам бус в таблице 2

Сырьём, в данном случае, послужили песок и минеральная сода. В рассматриваемый период в ходу была только египетская сода из Вади Натрун. Как показывают письменные источники, для стеклоделия использовали песок из определённых месторождений [Безбородов, 1969, с. 56–62].

Для изготовления изделий из египетского фаянса был необходим зернистый материал (песок), чтобы сделать пластичным и сохранить созданную форму после тепловой обработки (обжига). Для этого к песку добавляли раствор щёлочей. Главная сложность здесь заключалась в том, что необходимо было точно выдержать соотношение воды, щёлочей и песка. При недостаточном их количестве изделие разваливалось, а при избытке оно сильно оплавливалось и теряло форму.

По мнению М. А. Безбородова, «умение изготавливать огнеупоры, к числу которых относятся прежде всего тигли и кирпичи для стекловаренных печей, а также находить для них подходящее сырьё, исторически должно было предшествовать стеклоделию» [Безбородов, 1969, с. 75].

В качестве топлива использовали древесный уголь, также готовившийся профессионалами — углежогам. Для его производства требовалось большое количество древесины.

Итак, уровень ремесленных знаний указывает на районы древних цивилизаций, то есть Древний Египет или Месопотамию. Изготовление фаянса — это сложная химическая технология, сложнее технологии плавки меди и изготовления бронзы. С другой стороны, использование минеральной соды, харак-

теризующее египетское ремесло, служит доказательством именно египетского, а не месопотамского происхождения рассматриваемых андроновских бус.

Заключение. Один из авторов статьи (Ю. А. Лихтер) на основании **химического состава** силикатообразующей массы, приходит к выводу, что андроновские фаянсовые бусы относятся к египетскому фаянсу и, вполне возможно, импортированы из Египта. При этом, столь дальние торговые связи во II тыс. до н.э. не должны смущать. Исследователи других вещевых категорий фиксируют передвижение вещей в эпоху бронзы на дальние расстояния. Так, к примеру, прослежена торговля шерстью между Месопотамией и Скандинавией (Arvidsson Strand, 2016, p. 594).

Комментарии соавтора Э. Р. Усмановой. В контексте данного вывода, другой соавтор статьи Э. Р. Усманова предлагает следующий вариант интерпретации появления и способа изготовления фаянсовых бусин в андроновской среде (в археологической литературе встречается часто термин – пастовые бусины). Прежде всего, хочется отметить, что пастовые бусины имеют массовый характер распространения в андроновских погребениях в урало-казахстанских степях. Исходя из условий местонахождения в погребениях, они декорировали одежду, обувь, головной убор погребенных женщин и детей. В мужских погребениях они встречаются весьма редко. Фаянсовые бусины, которые были представлены как образцы для анализа, происходят именно из массового материала, не являя собой нечто особенное или оригинальное. Причем, как исследователь и реконструктор женского андроновского костюма эпохи бронзы, хочу отметить, что количество таких бусин огромно. Даже из нарушенных проникновениями погребений они происходят десятками. В цельных погребениях, где сохранился декор костюма, они насчитываются несколькими сотнями. Вполне вероятно, можно говорить в количественном отношении о миллионах таких бусин, которые еще таятся в андроновских погребениях II тыс. до н. э. В данном случае в широком смысле термина под *Андроном* принимается обозначение семьи андронидных культур урало-казахстанских степей II тыс. до н. э.

Итак, возникают несколько достаточно банальных вопросов. Неужели миллионы фаянсовых (пастовых) бусин могли каким то образом транспортироваться из Египта в наши степи, и еще по дороге срубникам что-то оставлялось? И почему, кроме бусин, ничего египетского не найдено в андроновских памятниках? Мог же хоть один фаянсовый скарабей попасть в эти миллионные поставки или другой вотивный египетский предмет. Однако, возможно, что фаянсовые бусины могли изготавливаться в местной андроновской среде.

Андроновцы достаточно хорошо были знакомы с понятием «химический процесс». Им были доступны знания по химии металлургии меди и бронзы. Процесс плавления окисленный и сульфидной меди был освоен ими в совершенстве [Курманкулов, Ермолаева, Ержанова, 2012]. Они прекрасно справлялись с таким сложным химическим процессом как крашение текстильного сырья (шерсти) и нитей. А это, как известно, достаточно трудоемкий и многокомпонентный процесс [Усманова, 2010]. Андроновцы овладели процессом крашения достаточно эффективно на основе краппа, добываемого из корней растений различных Мареновых из рода Rubium, окрашивая шерсть в красный цвет. Технология крашения, скорее всего, была заимствована из регионов с теплым климатом. Так как процесс закрепления краски на волокне квасцами (протрава) требует определенных знаний и навыков, выработанных в результате длительного опытного пути в условиях теплого климата [Полосьмак, Кундо, 2005, с. 589–600]. После заимствования андроновские красильщики смогли применить знания по крашению уже в условиях теплого лета в регионе с более холодным климатом.

Анализ технологии крашения, например, лисаковского плетеного текстиля, указал, что красили шерсть до ее прядения в нити, что явно указывает на местный характер крашения [Орфинская, Голиков, 2010, с. 114–121]. Так что знания о химических процессах в разных технологиях присутствовали в производственной деятельности андроновцев. Вполне возможно, что андроновцы познакомились с процессом изготовления фаянсовых бусин, разгадав секрет их изготовления,

смогли адаптировать и наладить бусинное производство у себя, соответственно требованиям декора своего традиционного костюма. Такого же мнения придерживается и другой исследователь андроновского костюма Е. В. Куприянова, к. и. н., директор учебно-научного центра изучения проблем природы и человека Челябинского государственного университета (из частной переписки с Э. Р. Усмановой, 30.04.2017 г.). Не исключено, что существовали в «андроновском крае» несколько центров с мастерами, кстати, они могли быть приглашенными, по изготовлению это популярного элемента костюмного декора. Мы до сих пор не можем найти или распознать оформленное место по технологическим требованиям для изготовления фаянсовых бусин (печь? мастерская?) на андроновских поселениях эпохи бронзы. Не исключено, что они могли быть совмещены в едином рабочем пространстве с местом, где изготовлялась и обжигалась глиняная посуда. Поскольку в изготовлении бусин и керамики использовался песок.

Другой вопрос, где находился источник добычи минеральной соды (щелочного сырья) в урало-казахстанском степном регионе и песок какого качества использовался? Этот вопрос требует отдельного исследования, и ответить пока на него не представляется возможным.

То, что редкие импортные бусины «докатывались» до степи в качестве украшения андроновского костюма, указывает находка стеклянной бусины из погребения Лисаковский III, которая происходит из Индостана [Смирнову, Петерс, 2013, с. 253–258]. Несколько египетских

стеклянных бусин времен правления Тутанхамона, например, «докатились» до Дании, и были обнаружены археологами в женском погребении эпохи бронзы [<http://scienordic.com/danish-bronze-age-glass-beads-traced-egypt>]. Расстояние не помеха. Такова коммуникативная сущность и культурная функция бусин, которые позже перемещались по Лазуритовому и Нефритовому путям, объединяя культуры и народы.

Итак, вопрос о происхождении и месте изготовления фаянсовых бус из андроновских погребений казахстанских степей остается открытым и скорее всего, решение его зависит от определения источника минерального щелочного сырья, без которого невозможно понять химию процесса бусинного производства. Если сделать масштабный анализ вместе с геологами и установить отличаются ли бусы из андроновских погребений разных мест Зауралья и Казахстана, и насколько сходен их химический состав, то при разнице источников минерального сырья, можно говорить о местном производстве. А если химический состав силикатообразующей массы бусин из разных мест распространения *Андрона* одинаков, то тогда импорт из одного производственного центра может быть очевиден (из частной переписки Э. Р. Усмановой с Е. В. Куприяновой, 30.04.2017 г.). В любом случае, в производственной сфере Андрона существовали собственно разработанные технологии, и технологии, которые были заимствованы и адаптированы в трудовой деятельности андроновских мастеров.

Таблица 1. Каталог бус

№ памятника	№ по порядку	Сохранность	Материал	Форма	Высота тулова	Цвет основной	Цвет оттенок
1	1	обломки	фаянс егип	н/у ¹	н/у	н/у	н/у
1	2	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.2	бежевый	средний тёмный
1	3	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.22	белый	ахроматический
1	4	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.27	бежевый	средний
1	5	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.33	серо-голубой	слабый
1	6	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.4	серо-голубой	слабый
1	7	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.31	серо-голубой	сильный светлый
1	8	полн.форма	фаянс егип	Биконическая усечённая дважды	0.28	серо-голубой	слабый
1	9	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.28	серо-голубой	слабый
1	10	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.31	серо-голубой	сильный светлый
1	11	полн.форма	металл	Шаровидная усечённая дважды	1.22	серо-голубой	сильный
2	12	обломки	фаянс егип	н/у	н/у	н/у	н/у
2	13	0.5	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.21	бирюзовый	сильный светлый
2	14	0.5	фаянс егип	Цилиндрическая	0.26	бирюзовый	сильный светлый
2	15	0.5	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.14	бирюзовый	сильный светлый
2	16	полн.форма	фаянс егип	Цилиндрическая	0.2	бирюзовый	сильный светлый

¹н/у – нельзя установить

№ памятника	№ по порядку	Сохранность	Материал	Форма	Высота тулова	Цвет основной	Цвет оттенок
2	17	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.15	бежевый	слабый
2	18	полн.форма	фаянс егип	Цилиндрическая	0.38	бирюзовый	сильный светлый
2	19	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.21	сине-зелёный	средний
2	20	полн.форма	фаянс егип	Яйцевидная усечённая дважды	0.27	сине-зелёный	средний светлый
2	21	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.29	сине-зелёный	средний светлый
2	22	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.25	бирюзовый	средний
2	23	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.41	бежевый	средний тёмный
2	23	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.35	бежевый	средний тёмный
2	24	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.97	серо-голубой	сильный тёмный
3	25а	обломок	фаянс егип	Коническая усечённая	0.24	бежевый	слабый
3	25	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.24	бежевый	слабый
4	27	0.5	стекло?	Шаровидная усечённая дважды	0.64	пурпурный	сильный светлый
4	28	0.5	стекло?	Цилиндрическая	0.43	пурпурный	средний тёмный
5	29	обломки	фаянс егип	н/у	н/у	бежевый	слабый
5	30	0.5	фаянс егип	Цилиндрическая	0.33	бирюзовый	средний
5	31	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.27	серо-голубой	сильный
5	32	полн.форма	металл	Цилиндрическая	0.19	сине-зелёный	средний

№ памятника	№ по порядку	Сохранность	Материал	Форма	Высота тулова	Цвет основной	Цвет оттенок
5	33	полн.форма	фаянс егип	Цилиндрическая	0.22	серо-голубой	сильный тёмный
5	34	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.24	серо-голубой	сильный тёмный
5	35	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.25	серо-голубой	сильный
5	36	полн.форма	металл	Шаровидная усечённая дважды	0.18	сине-зелёный	средний
5	37	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.19	бирюзовый	средний
5	38	полн.форма	металл	Яйцевидная усечённая дважды	0.3	сине-зелёный	сильный светлый
5	39	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.24	сине-зелёный	сильный светлый
5	40	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.31	серо-голубой	сильный
5	41	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.22	серо-голубой	сильный
5	42	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.29	бирюзовый	сильный светлый
5	43	полн.форма	фаянс егип	Яйцевидная усечённая дважды	0.34	серо-голубой	сильный
5	44	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.24	н/у	н/у
5	44	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.44	н/у	н/у

№ памятника	№ по порядку	Сохранность	Материал	Форма тулова	Высота тулова	Цвет основной	Цвет оттенок
1	11	полн.форма	металл	Шаровидная усечённая дважды	1.22	серо-голубой	сильный
5	36	полн.форма	металл	Шаровидная усечённая дважды	0.18	сине-зелёный	средний
5	38	полн.форма	металл	Яйцевидная усечённая дважды	0.3	сине-зелёный	сильный светлый
5	32	полн.форма	металл	Цилиндрическая	0.19	сине-зелёный	средний
4	28	0.5	стекло?	Цилиндрическая	0.43	пурпурный	ср. тёмный
4	27	0.5	стекло?	Шаровидная усечённая дважды	0.64	пурпурный	сильный светлый
1	10	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.31	серо-голубой	сильный светлый
1	09	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.28	серо-голубой	слабый
1	08	полн.форма	фаянс егип	Биконическая усечённая дважды	0.28	серо-голубой	слабый
1	07	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.31	серо-голубой	сильный светлый
1	06	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.4	серо-голубой	слабый
1	05	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.33	серо-голубой	слабый
1	04	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.27	бежевый	средний
1	03	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.22	белый	ахроматический
1	02	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.2	бежевый	средний тёмный
1	01	обломки	фаянс егип	н/у	н/у	н/у	н/у
2	17	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.15	бежевый	слабый

№ памятника	№ по порядку	Сохранность	Материал	Форма тулова	Высота тулова	Цвет основной	Цвет оттенок
2	18	полн.форма	фаянс егип	Цилиндрическая	0.38	бирюзовый	сильный светлый
2	19	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.21	сине-зелёный	средний
2	20	полн.форма	фаянс егип	Яйцевидная усечённая дважды	0.27	сине-зелёный	средний светлый
2	16	полн.форма	фаянс егип	Цилиндрическая	0.2	бирюзовый	сильный светлый
2	15	0.5	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.14	бирюзовый	сильный светлый
2	21	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.29	сине-зелёный	средний светлый
2	13	0.5	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.21	бирюзовый	сильный светлый
2	14	0.5	фаянс егип	Цилиндрическая	0.26	бирюзовый	сильный светлый
2	24	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды. Многочастная	0.97	серо-голубой	сильный тёмный
2	22	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.25	бирюзовый	средний
2	23	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная, усечённая дважды. Сдвоенная	0.76	бежевый	средний тёмный
2	12	обломки					
3	25	полн.форм+	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.24	бежевый	слабый
3	25a	Обломок	фаянс егип	Коническая усечённая	0.24	бежевый	слабый
5	34	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.24	серо-голубой	сильный тёмный
5	44	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная, усечённая дважды. Сдвоенная	0.68	н/у	н/у

№ памятника	№ по порядку	Сохранность	Материал	Форма тулова	Высота тулова	Цвет основной	Цвет оттенок
5	43	полн.форма	фаянс егип	Яйцевидная усечённая дважды	0.34	серо-голубой	сильный
5	42	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.29	бирюзовый	сильный светлый
5	41	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.22	серо-голубой	сильный
5	40	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.31	серо-голубой	сильный
5	39	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.24	сине-зелёный	сильный светлый
5	35	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.25	серо-голубой	сильный
5	33	полн.форма	фаянс егип	Цилиндрическая	0.22	серо-голубой	сильный тёмный
5	31	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.27	серо-голубой	сильный
5	30	0.5	фаянс егип	Цилиндрическая	0.33	бирюзовый	средний
5	37	полн.форма	фаянс егип	Шаровидная усечённая дважды	0.19	бирюзовый	средний
5	29	обломки					

Таблица 2. Форма тулова бусин

Форма	Количество
Биконическая усечённая дважды	1
Коническая усечённая	1
Цилиндрическая	6
Шаровидная усечённая дважды	29
Яйцевидная усечённая дважды	2
	39

Таблица 3. Размеры бусин

№ по порядку	Форма	Высота тулова	Диаметр тулова
15	Шаровидная усечённая дважды	0.14	0.29
17	Шаровидная усечённая дважды	0.15	0.32
37	Шаровидная усечённая дважды	0.19	0.45
16	Цилиндрическая	0.2	0.31
2	Шаровидная усечённая дважды	0.2	0.44
19	Шаровидная усечённая дважды	0.21	0.32
13	Шаровидная усечённая дважды	0.21	0.43
3	Шаровидная усечённая дважды	0.22	0.57
41	Шаровидная усечённая дважды	0.22	0.46
33	Цилиндрическая	0.22	0.43
34	Шаровидная усечённая дважды	0.24	0.39
44	Шаровидная усечённая дважды	0.24	0.37
39	Шаровидная усечённая дважды	0.24	0.47
25	Шаровидная усечённая дважды	0.24	0.45
25a	Коническая усечённая	0.24	0.3
35	Шаровидная усечённая дважды	0.25	0.41
22	Шаровидная усечённая дважды	0.25	0.43
14	Цилиндрическая	0.26	0.37
20	Яйцевидная усечённая дважды	0.27	0.33
31	Шаровидная усечённая дважды	0.27	0.48
4	Шаровидная усечённая дважды	0.27	0.51
8	Биконическая усечённая дважды	0.28	0.5
9	Шаровидная усечённая дважды	0.28	0.53
21	Шаровидная усечённая дважды	0.29	0.42
42	Шаровидная усечённая дважды	0.29	0.48
10	Шаровидная усечённая дважды	0.31	0.41
40	Шаровидная усечённая дважды	0.31	0.46
7	Шаровидная усечённая дважды	0.31	0.42
30	Цилиндрическая	0.33	0.44
5	Шаровидная усечённая дважды	0.33	0.45
43	Яйцевидная усечённая дважды	0.34	0.45
23	Шаровидная усечённая дважды	0.35	0.46
18	Цилиндрическая	0.38	0.38
6	Шаровидная усечённая дважды	0.4	0.55
23	Шаровидная усечённая дважды	0.41	0.44
44	Шаровидная усечённая дважды	0.44	0.45
24	Шаровидная усечённая дважды	0.97	0.37

Таблица 4. Цвет бусин

Цвет	Количество
белый	1
Пурпурный	2
н/у	3
сине-зелёный	4
бежевый	6
бирюзовый	9
серо-голубой	14

Таблица 5. Химический состав бусин

(Эмиссионно-спектральный анализ был выполнен к.т.н., с.н.с. лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН А.Н. Егорьевым)

№ по порядку	№ анализа	Na ₂ O	CaO	MgO	Fe ₂ O ₃	CuO
13	888-18	0.2	1.2	0.8	1.2	2.2
25	888-19	0.05	0.4	0.2	0.2	0.2
29	888-20	0.05	0.4	0.3	0.3	0.3

Таблица 6. Рецептурная норма (R₂O / RO)

№ по порядку	R ₂ O (Na ₂ O)	RO (CaO+ MgO)	Норма
13	0.2	2	0.1
25	0.05	0.6	0.08
29	0.05	0.7	0.07

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безбородов М. А. Химия и технология древних и средневековых стёкол. – Минск: Наука и техника, 1969. – 274 с.
- Курманкулов Ж, Ермолаева А. С., Ержанова А. Е. Поселение Талдысай – памятник древней металлургии. – Алматы, 2012. – 132 с.
- Лукас А. А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. – М.: Восточная литература, 1958. – 747 с.
- Орфинская О. В., Голиков В. П. Экспериментальное исследование текстильных изделий из раскопок могильника Лисаковский II Приложение 1 // Усманова Э. Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. – Караганда-Лисаковск, 2010. – С. 114 – 124.
- Полосьмак Н. В., Кундо Л. П. Пазырыкцы в поисках красного цвета // Центральная Азия: источники, история, культура. – М.: Восточная литература, 2005. – С. 589–600.
- Смирноу Мелина, Петерс Рената. Бусина из могильника Лисаковский III // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. – Караганда – Лисаковск, 2013. – С. 253 – 258.
- Столярова Е. К. Сырьевые материалы и происхождение бус эпохи бронзы западной части Евразийских степей / Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке // Труды ГИМ. – Вып. №120. – 2000. - С. 91–99.
- Столярова Е. К. О признаках местного производства стекла (на примере Древней Руси) // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 336–345
- Усманова Э. Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. – Караганда-Лисаковск, 2010. – 176 с.
- Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 198 с.
- Щапова Ю.Л., 1989. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. – М.: МГУ. – 117 с.
- Щапова Ю.Л. Мир древнего стекла: проблемы и перспективы // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 9–27.
- Arvidsson Strand, Eva. (SAXO institute, Denmark) Transmission and transition, relationships between craftknowledge and textiles across Europe. 22nd Annual Meeting of the EAA. Vilnius. 31st August-4th September 2016. http://eaavilnius2016.lt/wp-content/uploads/2016/08/Book-Abstract-A4_08-23_net.pdf p.594
- Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca 800-1000 A.D. - Lund, 1977. (Acta archaeologica Lundensia. Series in 4°, No 11). 230 p.
- Stawiarska T., 1984. Szkła z okresu wpływów rzymskich z Północnej Polski. Studium technologiczne. Ossolineum. Wrocław etc., 1984. – 156 P.; tab., map.
- Интернет ресурс, дата обращения 11. 04. 2017 г. [<http://sciencenordic.com/danish-bronze-age-glass-beads-traced-egypt>].

Лихтер Ю. А., Усманова Э. Р.

**Андроновтың қоғамның Қазақстандық ескерткіштерінен алынған Египет
фаянсынан жасалған моншақтар**

Түйін

Мақалада Қазақстан жазықтарындағы б.з. д. II мыңжылдықтағы андроновтық қорымдардан: Лисаковск, Новоильиновский, Майтан, Сатан алынған фаянс моншақтардың сараптамасы беріледі. Фаянс моншақтары – жерлеу орнынан көптеп табылған материалдар. Олар жерленген әйелдер мен балалардың бас киімін, аяқ киімін, киімін әшекейлеген. Мақала авторының бірі

Ю.А. Лихтер моншақтың минералдық жасалған материалын химиялық талдау жасау негізінде ол Египетте жасалған деп болжайды. Бұдан ары андроновтық моншақтар египет фаянсынан жасалған моншақтар деп есептейді. Ал мақаланың екінші авторы Э.Р. Усманова андроновтық өндіріс ортасындағы технологияның дамуын қарастыра келе фаянс моншақтарды жергілікті жерде жасалған деп ойлайды. Алайда моншақ жасауда шетелдік технологияның болғанын және оның жергілікті жағдайға ыңғайластырылғанын жоққа шығармайды.

**Summary to the article by Yu. A. Likhter, E. R. Usmanova
Egyptian faience beads from Andronovo community sites in Kazakhstan**

The article presents an analysis of faience beads from the Andronovo burial sites of the 2nd millennium BC in the Kazakhstan steppes: Lisakovskiy, Novoiliinovsky, Maytan. Satan. Faience beads represent a widely used material from the Andronovo burial sites. They were used to decorate clothes, shoes, headdresses of buried women and children. One of the authors of the article, Yu. A. Likhter, assumes the beads were produced in Egypt, as based on chemical analysis of mineral raw materials. Another author of the article, E. R. Usmanov, assumes local manufacture of the faience beads, with consideration of the development of technology in the Andronovo production environment. At the same time, it does not exclude the possibility of imported technologies and their adaptation to local conditions which enabled the production of beads within the Andronovo culture.

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЛИЩ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ГОРНОЙ ЗОНЕ ЗАИЛИЙСКОГО АЛАТАУ

Возможность воссоздания исторических процессов, происходивших в позднюю бронзу на территории Жетысу, во многом зависит от степени изученности исходного базового материала, к каковому в первую очередь относятся древние поселения. Из-за неравномерной и слабой изученности региона, особенно в горной местности, решение данной проблемы затруднено. Поэтому комплексное исследование каждого археологического объекта крайне актуально в силу сложности выявления памятников особенно эпохи бронзы в условиях аллювиальных заносов молодых гор Заилийского Алатау. Исследуемый участок выделяется, прежде всего, своим географическим местоположением. Он наиболее отдален от мест земледелия, находящихся на выходе из ущелья, располагается на высокогорном джайлау и на близком расстоянии от проходящей кочевой дороги через перевал Асы.

В ходе археологической разведки по проекту «Свод памятников истории и культуры Алматинской области» в 2004-2008 гг. в урочище были найдены два древних поселения и серия курганных могильников, обнаружены каменное изваяние тюркского времени рядом со средневековым могильником и железоплавильные печи позднего средневековья и нового времени. Археологические исследования 2010-2016 гг. в ущелье Тургенъ по разным проектам Института археологии им. А.Х. Маргулана и ТОО «Археологическая экспертиза», проведенные автором, позволили обобщить эти данные. По совокупности накопленных материалов стало возможным в настоящей работе представить динамику освоения и использования земель высокогорной зоны ущелья Тургенъ на базе реконструкций древних технологий домостроительства и ремесел.

В древности эти процессы связаны с освоением высокогорной зоны ущелья. Верховья ущелья Киши-Тургенъ состоят из двух урочищ – Ойжайлау, Кызылбулак и двух плато

Батан и Калкан. Именно этот участок высокогорной ниши оказался наиболее заселенным во все исторические периоды (рис. 1). Здесь обнаружено 13 древних поселений и стоянок и свыше 30 могильников (Горячев, Сараев, 2016, с. 94-95). Наиболее ранние археологические памятники на территории ущелья Тургенъ датируются эпохой бронзы и располагаются, как правило, по берегам рек, на ровных площадках древних морен и на выходе из боковых ущелий горных урочищ на склонах с южной экспозицией. Памятники устроены в средней части урочищ на наиболее выгодных и легкодоступных участках. В районе мест заселения функционировали древние родники. Поселения состояли из серии полуземлянок прямоугольной и квадратной форм каркасно-столбовой конструкции. Основным строительным материалом при сооружении жилищ служили бревна тянь-шаньской ели. Вещевой и керамический материал позволяет датировать их периодами средней и поздней бронзы (Марьяшев, Горячев, 2001, с. 112-123).

Наиболее ярким памятником, характеризующим основные этапы заселения и освоения древним населением горной зоны ущелья, является археологический комплекс Тургенъ-II. Он расположен на ровной площадке древней морены, в 500 м к северо-востоку от места слияния ручья Кызылбулак с одноименной речкой (рис. 2: 1). В результате полевых изысканий были получены материалы этого сложносоставного памятника, состоящего из поселений эпохи бронзы и сакского времени и могильника раннего железного века (усуньского периода) (Горячев, 2011, с. 256-266). Выявлены материалы усуньского поселения Кызылбулак-I и могильника Кызылбулак-IV (Горячев, 2011а, с. 325-341). В устье урочища обнаружен и обследован могильник эпохи бронзы (Гасс, Горячев, 2016, с. 85-123).

В 2016 году в центральной части археологического комплекса Тургенъ-II было раскопано жилище позднебронзового века, материалы

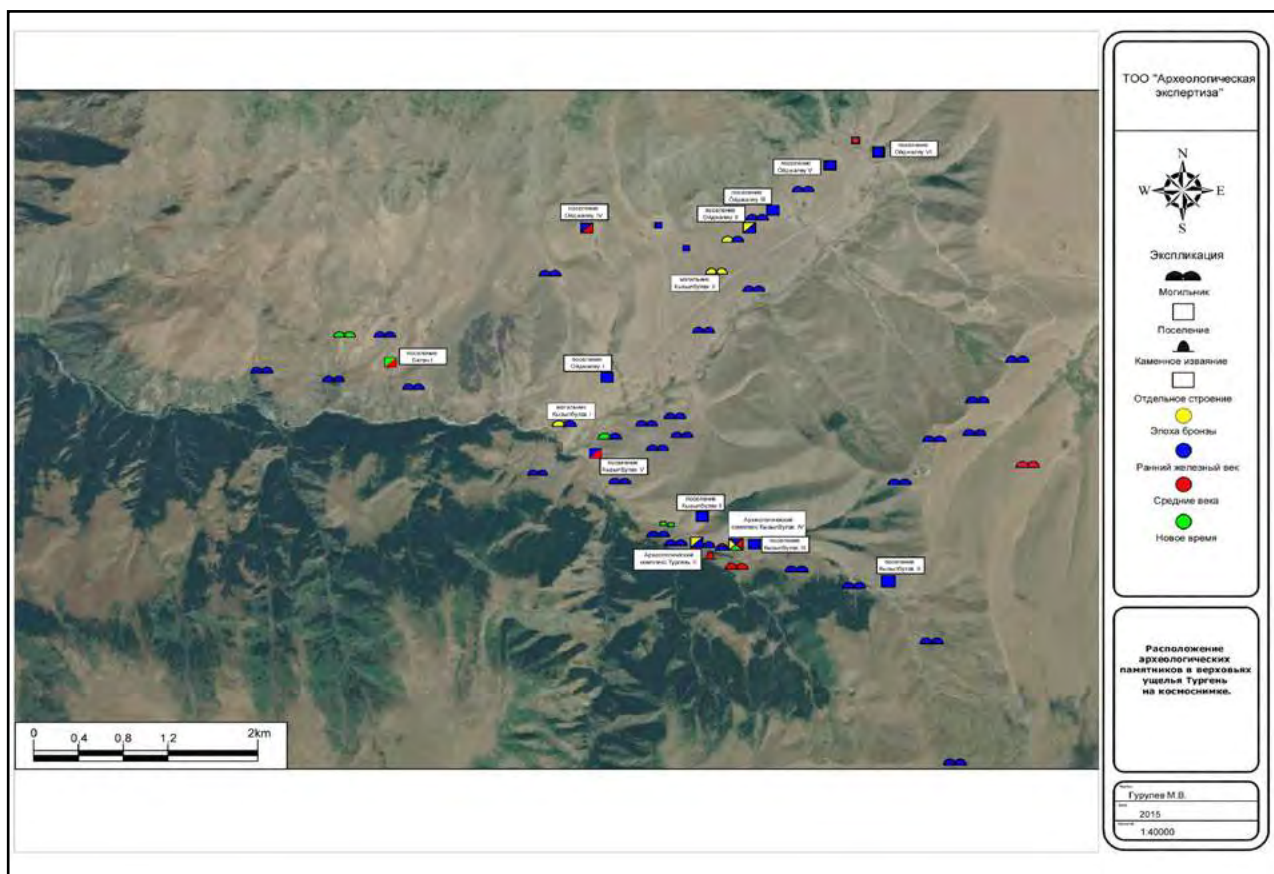

Рис. 1. Расположение археологических памятников в верховьях ущелья Тургенъ на космоснимке.

которого позволили реконструировать традиции домостроительства и керамического, кожевенного и ткацкого ремесел. Жилище 3 находилось в северо-восточной части общего раскопа (рис. 2: 2). За пределами площадки исследованного жилища с северо-восточной и юго-восточной сторон прослеживались стенки котлована более раннего строения. Это жилище было устроено внутри котлована древней полуземлянки, до уровня которой остается 30-50 см. Контур жилища 3 на поселении бронзового века Тургенъ-II определялся по столбовым ямам, диаметром 25-30 см и глубиной до 30 см. Конструкция его представляла собой полуземлянку подквадратной формы, размерами 8,5х8,2 м, ориентированная углами по странам света. Она была врезана в склон сопки таким образом, что с восточного угла и сторон крыша едва возвышалась над поверхностью земли, а с западного угла и сторон была полностью открыта. Столбовые ямы расположены по периметру контура на расстоянии 2-2,5 м друг от друга, внутри них обнаружено значительное количество древесного угля. На дне ям, как правило, укла-

дывался камень; у их стенок отмечены речные камни мелких и средних размеров, применявшиеся для укрепления столбовой конструкции.

Строительные материалы в эпоху бронзы зависели от природно-климатических условий высокогорной зоны урочища. Основные материалы – это дерево, глина с примесью извести, камни, ветви. Несущие конструкции жилища выполнены из бревен тьянь-шаньской ели (рис. 3: 1, 2). Обмазка внутреннего и наружного пространства – глина. Полы – щебень, глина, возможно с травой или кизяком. Конструкция наружных стен состояла из бревен, высотой 2,5-2,7 м. Кровля была четырехскатной, что определялось природно-климатическими условиями – быстрое изменение направления ветров и обильные осадки (рис. 4: 1).

Четырехскатная кровля не позволяла осадкам задерживаться на ее поверхности. Высота вертикальных опорных столбов под квадратной рамой – до 3 м. Они располагались по периметру очага. Рама служила основанием отверстия для дымоотвода и располагалась прямо над очагом. Кровля укладывалась на

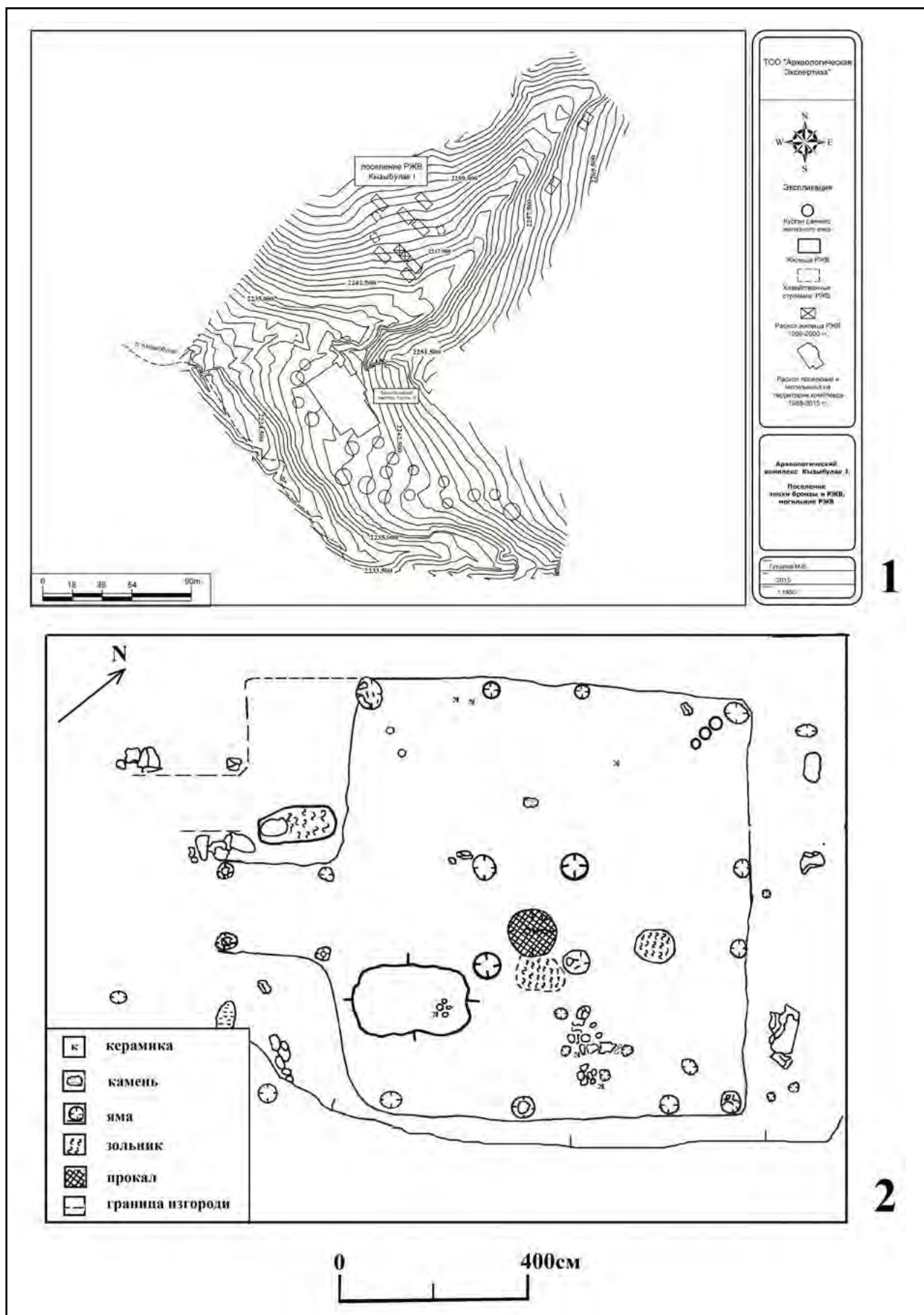

Рис. 2. Топографические материалы и план раскопа жилища эпохи бронзы на комплексе Тургень-II:
 1 – топографический план археологического комплекса Тургень-II;
 2 – план раскопа жилища эпохи поздней бронзы.

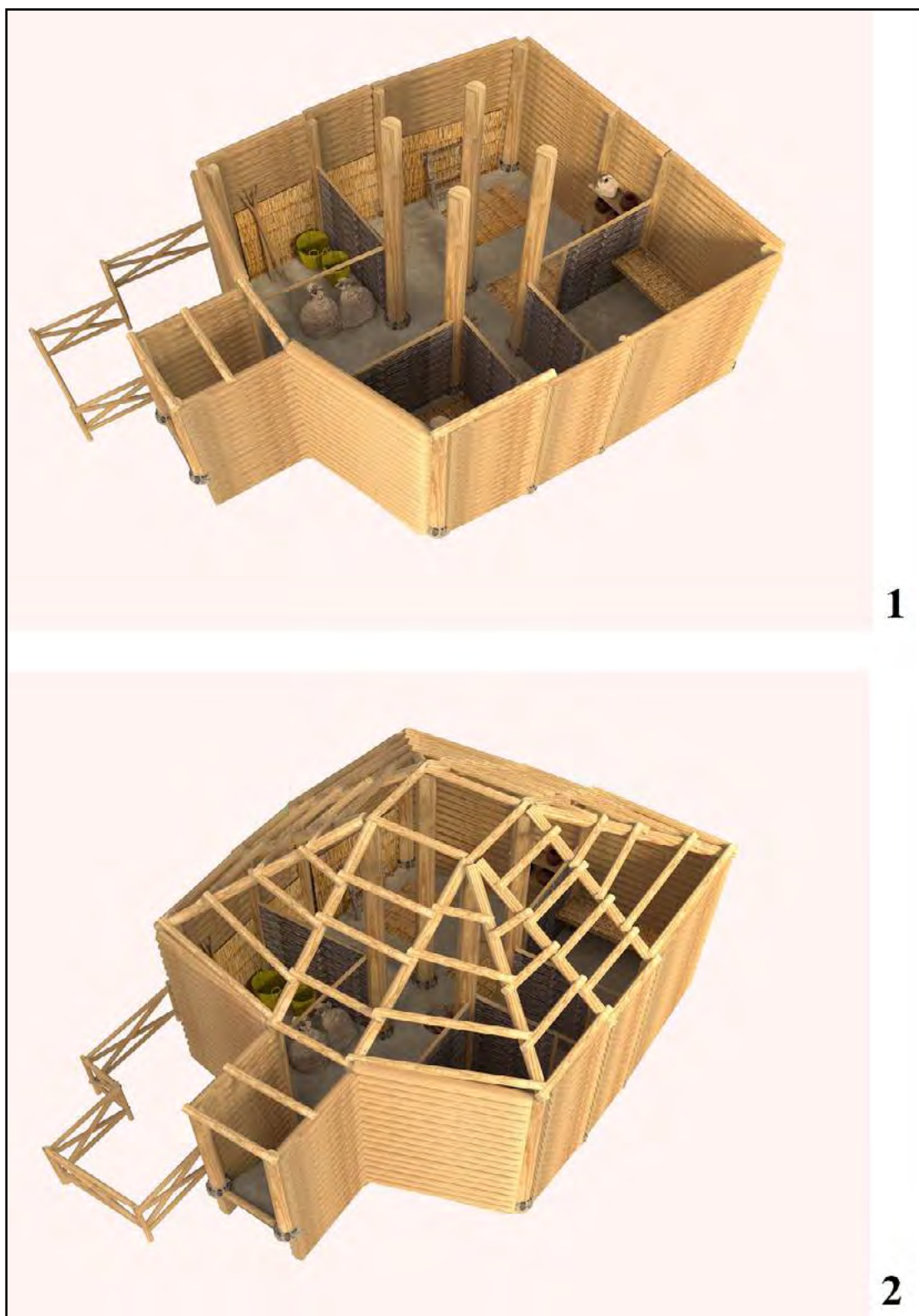

Рис. 3. Графическая реконструкция полуземлянки позднебронзового века археологического комплекса Тургень-II: 1-2 – устройство столбовых конструкций и стен жилища (реконструкция – Потапов К.С.).

опорные балки и на основные перекладины и обмазывалась глиной (рис. 4: 2).

Вход в жилище был обозначен с юго-западной стороны четырьмя столбовыми ямами, диаметром 20 см и глубиной 25 см. Через кори-

дорообразный вход шириной 1,2 м и длиной 2 м (рис. 5: 1) можно было попасть во внутренние помещения строения. Обустройство жилого пространства демонстрирует необычную для этого времени крестообразную внутреннюю

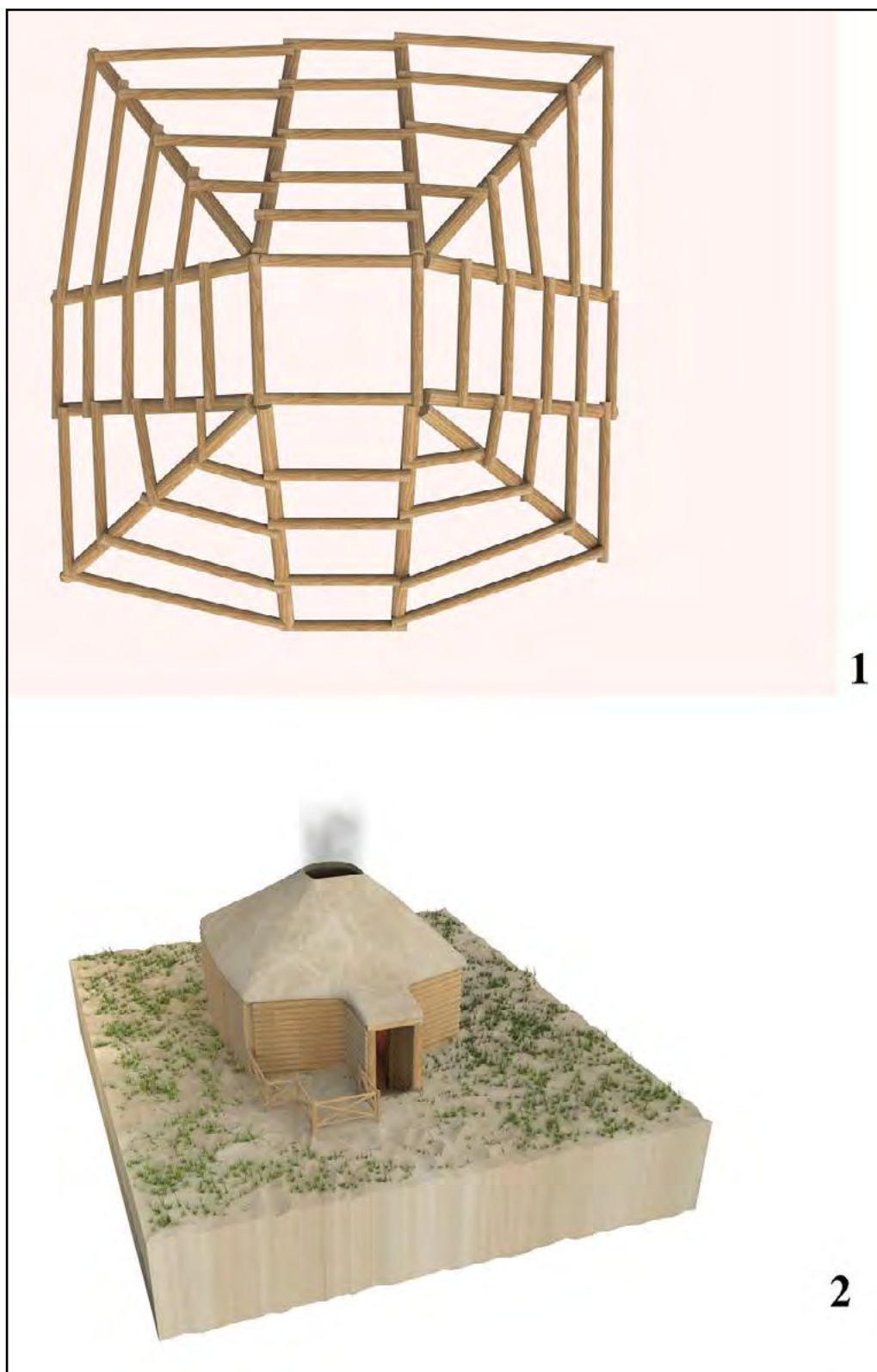

Рис. 4. Графическая реконструкция полуземлянки позднебронзового века археологического комплекса Тургень-II: 1 – устройство опорных конструкций крыши, вид сверху; 2 – внешний вид жилища со стороны ручья Кызылбулак; (реконструкция – Потапов К.С.).

планировку. Коридор между комнатами вел к очагу, устроенному в центре жилища (рис. 5: 2). Очаг представлял собой грунтовую яму, диаметром 80 см и глубиной 40 см. Внутри очаг имел красновато-кирпичный цвет от прокала.

Глубина прокала составляла 30-40 см, что свидетельствует о длительном использовании очага. Пространство вокруг очага покрыто зольным слоем.

Для прочности пол жилища равномерно

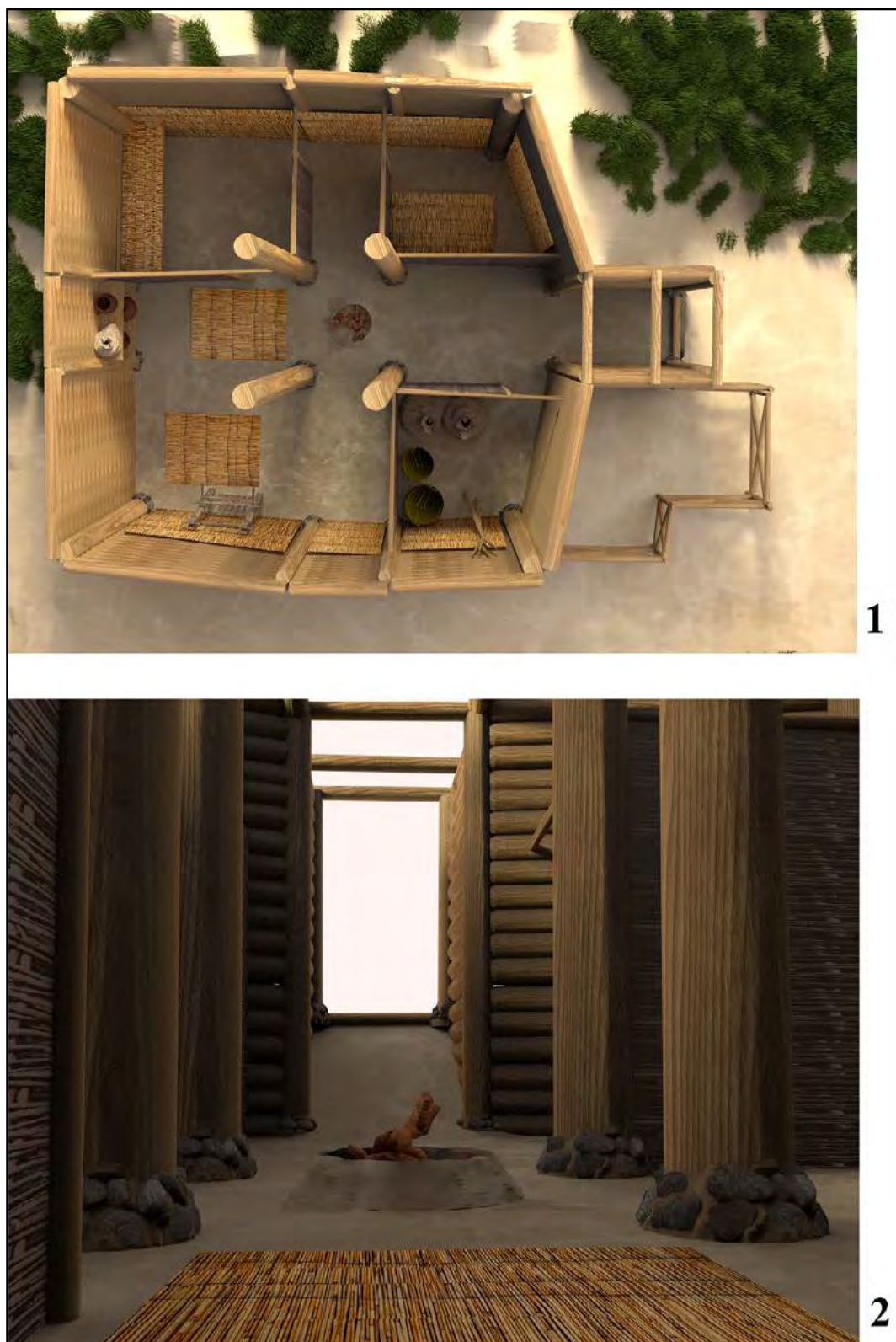

Рис. 5. Графическая реконструкция полуземлянки позднебронзового века археологического комплекса Тургень-II: 1 – внутренне устройство помещения, вид сверху; 2 – очаг в центральной части помещения; (реконструкция – Потапов К.С.).

заливали жидкой глиной с примесью известковых пород. Это было необходимо в условиях урочища Тургень для защиты пола от грунтовых увлажнений. В отличие от андроновских жилищ, он не понижался к центру, а был выров-

нен по всему его периметру. Небольшое возвышение зафиксировано в одном из помещений к востоку от очага. Из глины светложелтого цвета была произведена забутовка на высоту 35-40 см размерами 2х1,3 м, ори-

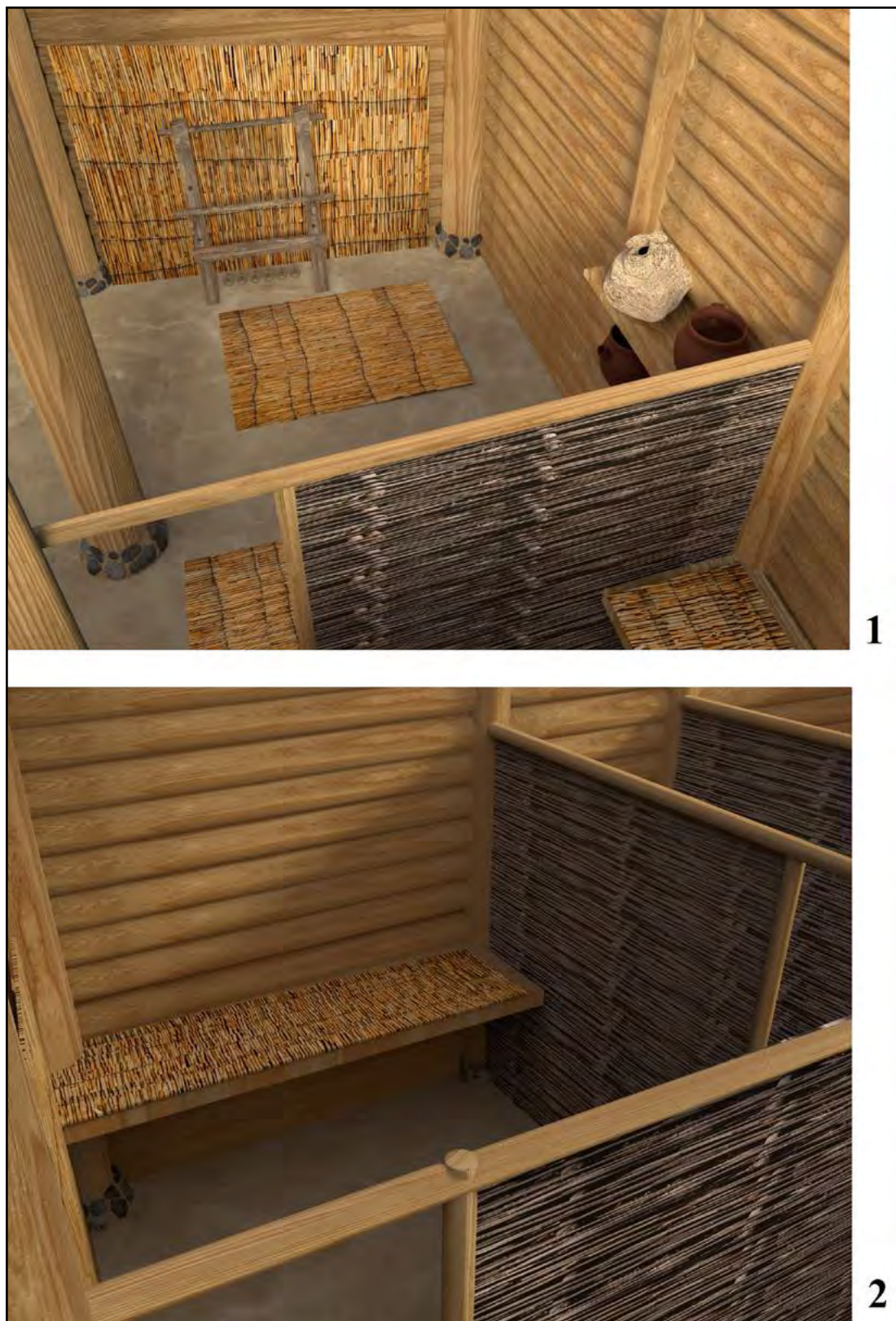

Рис. 6. Графическая реконструкция полуземлянки позднебронзового века археологического комплекса Тургень-II: 1 – обустройство хозяйственного помещения жилища; 2 – обустройство спального помещения жилища (реконструкция – Потапов К.С.).

ентированная продольно помещению. Вероятно, она фиксирует создание спального места типа суфы внутри жилой комнаты. Помимо комнаты с суфой вдоль юго-восточной стенки отмечено еще одно жилое помещение, вход

в которое читается в южном углу комнаты и обозначен скоплением камней, закрывших ямку под столбовую конструкцию входа. В юго-западной части комнаты обнаружены скопление камней и небольшое углубление между

ними, заполненное золой. Здесь наиболее сильно проявились следы горения жилища в виде слоя древесного угля и золы. Спальные места сооружали из древесных конструкций, пристроенных к стенкам жилища (рис. 6: 2).

Пространство вдоль западной стенки жилища представляется хозяйственным помещением (рис. 6: 1). Во-первых это наиболее холодная часть дома, почти полностью открытая снаружи обильным осадкам высокогорной части ущелья Тургень. Во-вторых именно в этом углу и вдоль стенки зафиксированы многочисленные орудия труда кожевенного ремесла и ткачества, что дало основание предположить его использование как хозяйственной мастерской.

Снаружи с западной стороны от входа в домостроение скоплениями камней закрыты еще 4 ямки под столбовые конструкции, вероятно, изгороди хозяйственной площадки. Хозяйственная площадка состояла из двух частей: прохода 2x2 м и собственно загона, размерами 4x2,5 м. В восточной части загона расчищено крупное зольное пятно 1,5x0,6 м, ориентированное по оси север-юг. В целом жилище 3 эпохи бронзы комплекса Тургень-II представляет собой типичную долговременную стоянку древних скотоводов горной зоны Заилийского Алатау.

Такой тип жилищ относится к однокамерным каркасно-столбовым конструкциям I категории андроновского времени по классификации Е.Е. Кузьминой (Кузьмина, 1994, с. 74-77). Характер строительных приемов, реконструируемого жилища позволяет предположить, что строение представляло собой сруб с сочленением в лапу (4 тип каркасно-столбовых конструкций). Форма крыши предположительно относится к 3 варианту устройства крыш андроновских жилищ (Кузьмина, 1994, с. 78-79). Очаг характерен для II типа андроновских очагов, наиболее распространенных на территории Северного и Центрального Казахстана в эпоху поздней и финальной бронзы (Кузьмина, 1994, с. 80). С этими данными согласуется и вещевой материал памятника, который представляет все виды домашних промыслов, которыми древние жители могли заниматься в горной зоне Заилийского Алатау (Горячев, Чернов, 2007, с. 106-119).

Вещевой материал жилища богат и разно-

образен. Он представлен 4 археологически целыми сосудами, многочисленными фрагментами битой керамической посуды и серией костяных и каменных инструментов. Наибольший интерес из них представляет набор инструментов кожевенного и ткацкого ремесел, состоящий из костяных «коньковых» инструментов, наконечника для прялки, астрагалов-лощил, каменных и керамических лош и пряслиц (рис. 7: 1-16).

К «коньковым» инструментам среди археологических материалов принято относить трубчатые кости крупного рогатого скота (КРС) или лошади, одна из сторон которых зашлифована и имеет ровную площадку или грань (Семенов, 1956, с. 353). Данную группу представляют собой два типа орудия труда, различающиеся по форме обработки рабочей поверхности. Оба инструмента изготовлены из пястных костей лошади, задней и передней конечностей, и имеют размеры соответственно 26,8 см и 22,3 см (рис. 7: 1, 2).

У большей кости тщательно стесана и отшлифована фронтальная сторона, таким образом, что представляет собой идеально ровную поверхность шириной 23 мм заполированную до блеска в процессе эксплуатации. Рабочая плоскость инструмента с ярко выраженными ребрами по боковым краям имеет на полированной поверхности царапины. Их широкий диапазон свидетельствует о том, что эти следы оставлены шлифовальным инструментом при формировании рабочей плоскости. У меньшего по размеру конькового инструмента фронтальная плоскость также шлифована, но в меньшей степени. В срединной части кости площадка имеет ширину 20 мм, а в области нижней суставной головки – 29 мм, что указывает на неглубокое шлифование, задачей которого было достичь выравнивания поверхности по одной линии.

Костяной наконечник для прялки сложной конической формы длиной 36 мм, посередине имеет утолщение со сквозным поперечным отверстием (рис. 7: 3). От основания есть коническое углубление по центральной оси на 21 мм. Углубление своим краем пересекает поперечное отверстие диаметром 4 мм.

На конце изделия срез конической формы диаметром 7 мм и высотой 2 мм. Форма и

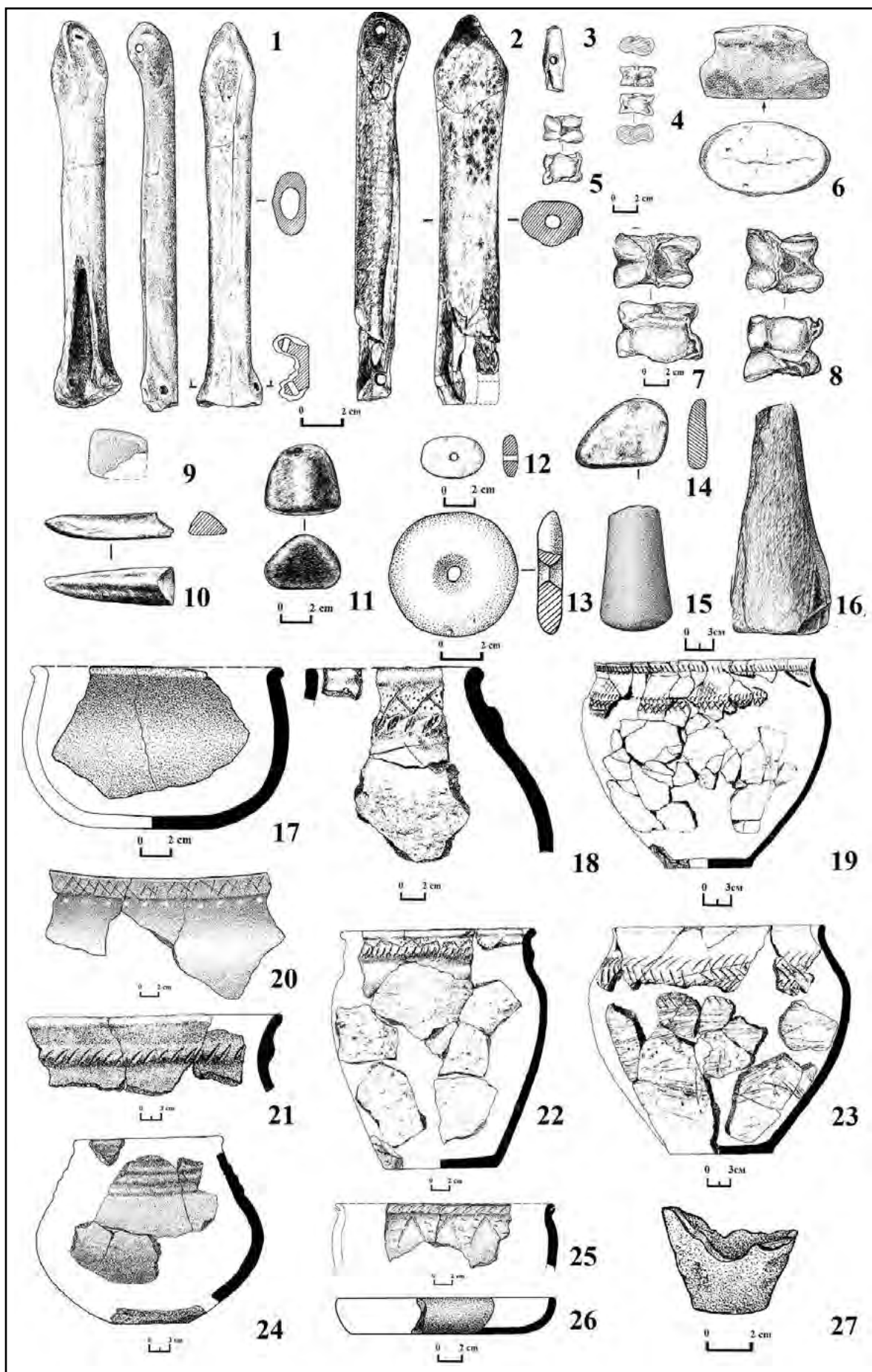

Рис. 7. Вещевой материал раскопок жилища 3 поздней бронзы археологического комплекса Тургенъ-II:
1-5, 7, 8 – кость; 6, 17-27 – керамика; 9-16 – камень.

конструкция изделия позволяют трактовать его как наконечник, одеваемый вместе с пряслицем на стержень-ось для производства пряжи. Также степень обработки поверхности лощением говорит о том, что изделие должно было совершать вращательные действия с малым коэффициентом трения, что и отразилось на заполированности вершинки конуса.

Лощило в форме ступенчатой пирамиды изготовлено из грубой керамической массы с плоским, ровным, овальной формы основанием 70 x 40 мм, имеет высоту 40 мм (рис. 7: 6). Ручка инструмента была сделана путем сжатия в пальцах верхней части заготовки. В результате оно удобно удерживается большим пальцем с одной стороны и указательным и средним с другой стороны ручки, как правой, так и левой руки. По ее верхнему краю проходит валик, образованный придавливанием верхней части. Таким образом, между основанием поверхности инструмента и валика возник желоб, в который хорошо ложатся пальцы и прочно удерживают инструмент.

Каменные лощила:

а) инструмент из плоского галечника темно-коричневого цвета треугольной формы с закругленными углами (рис. 7: 14). Две стороны этого треугольника дугообразны, третья в срединной части – прямая. Инструмент по периметру хорошо зашлифован. Боковые поверхности имеют следы шлифовки-полировки лишь на выступающих частях.

б) исходный материал – галька темного с зеленым оттенком цвета в форме усеченной пирамиды с треугольным основанием (h – 42 мм, a – 46 мм, b – 32 мм). Ребра инструмента, возможно, подшлифованы вручную. Основание пирамиды отшлифовано и округлено в отличие от боковых граней. Усеченная вершина также скруглена (рис. 7: 11). Весь камень гладкий, легкие впадины на боковых поверхностях делают удобным удержание его пальцами, как зажатыми в кулак, так и щепотью.

в) фрагмент каменного орудия пирамидальной формы из темно-зеленого с серым оттенком камня мелкозернистой структуры, длиной – 7,2 см (рис. 7: 10). В основании пирамиды – треугольник с основанием 21 мм и высотой 15 мм. Боковые ребра слегка округлены и хорошо прочитываются.

Каменное пряслице – овальная плоская галька белого цвета 35x 3мм, толщиной 8 мм (рис. 7: 12). Предмет правильной овальной формы, края равномерно скруглены по всему периметру. В центре камня просверлено отверстие конической формы. Диаметр на входе 4 мм, на выходе – 3 мм. На месте выхода сверла имеется чешуйчатый скол по краю отверстия. Другое округлое пряслице, диаметром 6 см, изготовлено из кварцита молочно-белого цвета теми же технологическими приемами (рис. 7: 12). Их применение при производстве шерстяных нитей широко известно.

Другие каменные орудия труда из жилища представлены пестами (рис. 7: 15, 16). Крупный пест пирамидальной формы изготовлен из камня мелкозернистой структуры темно-зеленого оттенка. Его длина 20 см, ширина по рабочему краю 8 см, в верхней части ручки 3 см, толщина 4,5 и 3,5 см соответственно. Пест в сечении трапецевидной формы. Малый пест конусовидной формы изготовлен из камня мелкозернистой структуры темно-серого цвета. Округлый в сечении в длину он достигает 9 см, диаметр рабочей поверхности 5,5 см, верхнего края ручки 3,5 см. Оба инструмента имеют очень высокую степень сработанности и сколы, образовавшиеся в рабочем процессе.

Костяные инструменты представлены лощилами-астралами (рис. 7: 4, 5) и фрагментами лощил из рогов диких травоядных, резак, прокол, обломками ручек из рогов марала, тупиков и трепал, которые обнаружены в более полном виде в жилище поздней бронзы в западной части комплекса (Горячев, Чернов, 2007, рис. 6: 1, 7). Их функциональное назначение также связано с кожевенным и ткацкими промыслами. Среди остеологического материала преобладают кости мелкого (51%) и крупного (45%) рогатого скота. Оставшаяся часть представлена (2%) останков лошадей и (2%) диких травоядных – оленей и хищников.

Наиболее массовый материал жилища представлен обломками керамической посуды. Найдено свыше 100 фрагментов, из которых удалось восстановить формы 5 горшков полностью и 2 баночных сосудов частично.

Среди всех форм керамики жилища преобладающими являются горшковидные с

раздутым туловом и баночные сосуды (рис. 7: 17-27). Венчики – преимущественно плоские, с утолщением, округлые, со скосом или бортиком. Сосуды крупных и средних размеров с округлым плечиком, судя по фрагментам донцев, плоскодонные.

Около 15 % всей керамики принадлежит орнаментированной посуде. Орнамент в основном размещался в верхней части тулова: по венчику, под венчиком, по шейке. Наряду с формованным валиком появляется наlepной. Основными видами орнамента являются косые и вертикальные насечки, ногтевые вдавления, ямки “елочки”, зигзагообразные линии из косых насечек, каннелюры, “сеточки” и треугольники. Ряд венчиков украшен “жемчужинами” и “крестами”. Все виды орнамента встречаются в комбинированном виде. Наиболее распространенными являются косые насечки и сеточки по валику, размещенные по шейке сосудов (более 20 % орнаментированной посуды).

Керамический материал жилища 3 археологического комплекса Тургенъ-II наиболее близок материалам поселения Талапты-I (Горячев, Потапов, 2015, с. 342-351). Аналогии подобной керамике можно обнаружить в центрально-казахстанских поселениях саргаринского и донгальского типа (Маргулан, Акишев, Оразбаев, Кадырбаев, 1966, с. 204-257; Ломан, 1987, с. 115-123). По ряду показателей она сближается с керамикой поселения Кент из Центрального Казахстана (Варфоломеев, 1987, с. 60). Подобные способы формовки посуды являются характерными для среднеазиатских комплексов, как в позднюю бронзу, так и на переходном этапе к раннему железному веку (Мандельштам, 1968, табл. XXIII). Таким образом, время функционирования жилища 3

археологического комплекса Тургенъ-II в рамках существующей периодизации может быть отнесено к позднебронзовому веку и определено XIII-X вв. до н.э.

Реконструкции древних жилищ и иных объектов способствуют не только изучению хозяйственно-культурного типа населения в отдельные исторические периоды, но и позволяют создать источниковедческую базу для анализа социокультурных процессов древнего общества. Не стоит также забывать, что, имевшиеся ранее реконструкции жилищ предгорной полосы, относились к группам древнего населения, занимавшихся земледелием и ремеслами. Памятники высокогорной зоны представляют нам становление и развитие традиций домостроительства древних скотоводов (Горячев, 2013, с. 348-370).

Существенными отличиями от традиций домостроительства андроновского периода в предгорной зоне Заилийского Алатау в позднебронзовом жилище поселения Тургенъ-II являются его размеры и внутреннее устройство. Древние скотоводы верховьев ущелья Тургенъ строили жилища, не превышавшие 60-80 м² по площади, что говорит уже о традиции проживания малыми семейными группами. Внутреннее устройство жилищ также претерпевает изменения. Центральное помещение вокруг очага заменяется простым коридором, хозяйственная зона размещается не у входа, а внутри жилища. Подобная внутренняя планировка в жилищах эпохи бронзы не встречалась ранее не только на территории Жетысу, но и в пределах всего андроновского ареала. Вероятно, на поселении Тургенъ-II нами отмечена переходная форма устройства домов от андроновских к традициям культур раннего железного века Жетысу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. - Караганда, 1987. - С. 56-68.
- Гасс А., Горячев А.А. К вопросу о типологии и хронологии могильников эпохи бронзы в высокогорной зоне Заилийского Алатау // Вестник НГУ: Серия история, филология. - 2016. Т 15, №5: Археология и этнография. – С. 85-123.
- Горячев А.А. Археологический комплекс Тургенъ. Эволюция древних культур // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы / Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (12-15 декабря 2011 г.). – Алматы, 2011. – Т. I. - С. 256-266.
- Горячев А.А. Поселение и могильник раннего железного века археологического комплекса Тургенъ-II // Вопросы археологии Казахстана. Выпуск 3. – Алматы, 2011а. – С. 325-341.
- Горячев А.А. Вопросы типологии и хронологии поселений эпохи бронзы на северных склонах Заилийский Алатау // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. - Алматы, 2013. - С. 348-370.
- Горячев А.А., Потапов С.А. К вопросу о реконструкции жилища эпохи бронзы поселения Талапты-I // Казахское ханство в потоке истории / Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 550-летию Казахского ханства. – Алматы, 2015. - с. 342-351.
- Горячев А.А., Сараев В.В. Древний археологический комплекс ущелья Тургенъ // Актуальные проблемы археологии Евразии / Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. – 18-19 октября 2016 г. - Алматы, 2016. – С. 94-110.
- Горячев А.А., Чернов М.А. Орудия кожевенного ремесла и ткачества из археологического комплекса Тургенъ-II // История и археология Семиречья. Выпуск 3. - Алматы, 2007. - С. 106-119.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. - М., 1994.- 464 с.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Поселения эпохи бронзы в верховьях ущелья Тургенъ и на плато Асы // История и археология Семиречья. Выпуск 2. - Алматы, 2001. - С. 112-123.
- Семенов С.А. О назначении «коньков» и костей с нарезками из Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции / МИА. № 75. - М. - Л., 1956.
- Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. - Караганда, 1987. – С. 115-123.
- Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. - МИА № 145. - Л., 1968. – 184 с.
- Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1966.- 436 с.

Іле Алатауының таулы аймағындағы кейінгі қола дәуірі тұрғынжайларын қалпына келтіру мәселесі

Түйін

2016 жылы Түрген II археологиялық кешенінің орталық бөлігінде кейінгі қола дәуірінің тұрғынжайы қазылды, оның материалдары үй құрылысы мен керамика, тері және тоқыма бұйымдарының дәстүрлерін қалпына келтіруге мүмкіндік берді.

Тұрғын үй құрылысы өлшемді 8.5x8.2 м. төртұрышты бұрыштары жарыққа бағытталған жартылай жертөле сияқты болды. Ол төбе беткейіне кіргізіліп салынды, шығыс бұрышынан және шатыры жағынан жер бетінен аздап қана көтеріліп тұрды, ал батыс бұрышы мен шеті толықтай ашық болды. Заттай материалдар ескерткіш қабатын б.з.д. XIII-X ғғ. деп мерзімдеуге мүмкіндік береді.

Іле Алатауы етегіндегі Түрген II қонысының кейінгі қола дәуірінің тұрғынжайы мен андронов кезеңіндегі үй құрылысы дәстүрінен елеулі айырмашылығы оның мөлшері мен ішкі құрылымы болып табылады. Түрген шатқалының жоғарғы жағындағы ежелгі малшылар 60-80 шаршы метрден аспайтын тұрғын үйлер салған, бұл шағын отбасылық топтармен тұру дәстүрінің сол кезден-ақ болғанын білдіреді. Тұрғын үйдің ішкі құрылысы да өзгерістерге ұшыраған. Түрген II қонысындағы үйлердің құрылысы андроновтықтан Жетісудың ерте темір дәуірі мәдениеті дәстүріне өтпелі формасы болуы мүмкін.

Goryachev A.A.

The approach to the question of reconstruction of dwellings of the Late Bronze in a mountain zone of Trans Ily Alatau

Summary

The dwelling of the Late Bronze Age which artifacts and materials have allowed reconstructing traditions of a constructing also ceramic, tanning and weaver's crafts has been excavated in 2016 in the central part of the archaeological complex of Turgen-II. The structure of the dwelling represented a semi-dugout of sub square shape, the sizes: 8,5x8,2 m, focused by corners over the parts of the world. It has been cut in a hill slope in such a way that from east corner and the parties the roof hardly towered over the soil of the slope surface, and from the western corner and the parties has been completely open. Founded artifacts allows to date the researched site layer within XIII-X cc. BC.

Essential differences from traditions of a dwelling construction of the Andronovsky Period in the foothill zone of Trans Ily Alatau were that in the Late Bronze Age dwelling of the settlement Turgen-II were its sizes and the internal structure. The ancient cattle-farmers of upper courses of the Turgen Gorge built the dwellings which weren't exceeding the 60-80 m² on the area that speaks already about tradition of accommodation by small family groups. The internal structure of dwellings also undergoes changes. Possibly, on the settlement Turgen-II we have noted a transitional form of the structure of houses from the Andronovo to traditions of cultures of the Early Iron Age of Zhetysu.

КАРГАЛИНСКИЙ ДРЕВНИЙ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН

В восьмидесятых годах прошлого столетия, будучи руководителем школьного краеведческого музея, я попросил Нурмуханбетова Б.Н. познакомить меня с профессиональным специалистом по древней керамике. Бекен Нурмуханбетович живо откликнулся на просьбу, и вскоре в краеведческом музее Каргалинской сш. №2 появился Мотов Юрий Аркадьевич. Он осмотрел наши с учениками находки с окраин п. Фабричный, приблизительно датировал их, рассказал, как лучше и правильно их оформить и дал рекомендации, как точно фиксировать подъемный материал с разведочных походов.

С тех пор Юрий Аркадьевич более тридцати лет оставался для меня советчиком, помощником, коллегой, очень честным и удивительно трудолюбивым археологом. Практически все историко-археологические работы и изыскания в Жамбылском районе Алматинской области, проведенные за тридцать лет, в той либо иной форме коснулись содействия Юрия Аркадьевича. С ним довелось работать на раскопках исторических памятников в ущелье Майбулак, памятниках Каргалы, исследовать наскальные рисунки северных склонов Заилийского Алатау, Ойжайляу, комплекса Тамгалы, паспортизировать исторические и культурные памятники Жамбылского района Алматинской области, обследовать ирригационные системы предгорной полосы. Мотов Юрий Аркадьевич запомнился как человек очень добрый и всегда готовый всячески посылить помогать в исторических исследованиях. Отличительной чертой Мотова Ю.А. было неустойчивое и бескорыстное желание делиться со всеми своим бескрайним багажом знаний и практических навыков. Данная работа – результат многолетних исследований автора также во многом состоялась при его непосредственной поддержке и деятельном участии.

Наиболее значительную по территории часть Северного Притяньшанья составляет исто-

рико-географический регион Жетысу, занимающий юго-восток Казахстана. Узловым районом, связывающей его транзитными маршрутами с Иссыкульским котлованом, а через Чуйскую долину со Средней Азией, являются северные склоны Заилийского Алатау. Самые крупные реки Заилийского Алатау берут свое начало среди его ледников и снежных вершин и являются основой для жизнедеятельности людей в историческом прошлом. Древние комплексы, состоящие из поселения и могильника, фиксируются практически на выходе из каждого ущелья по северным склонам Заилийского Алатау. Они обычно располагаются на высоких надпойменных террасах лессовых отложений. Поселения состоят из нескольких (до 10-12) усадеб, которые концентрируются у небольших естественных водоемов, и чаще всего вытянуты в линию по берегу крупной речки. Привычным явлением для жителей региона было содержание животных. Но наличие большого их количества не совместимо с возделанными полями. По этой причине земледельцы содержали свои стада на периферических землях контролируемых территорий (Сараев, 2016, с. 78).

Ущелье Узын Каргалы расположено близ западной оконечности гор Заилийский Алатау, являющихся частью горной системы Северного Тянь-Шаня. После чего хребет резко деградирует, и его высота понижается. Ущелье граничит с урочищами Улькенсаз и Майбулак на западе, с ущельем Кайнар и урочищем Ушконыр на востоке. В верховьях хребет начинает превышать отметку 400 м над уровнем, и здесь же на северных склонах появляются небольшие ледники.

Истоки реки Узын-Каргалы лежат на северном склоне главного хребта Заилийский Алатау. Река образуется от слияния рек Каргалы, Майбулак, Егарджан, Сары-Сай и Алеяк, которые берут начало в снежниках и ледниках. В самом ущелье вдоль реки произрастает ту-

гайный лес, заросший облепихой, шиповником, боярышником и барбарисом. Река Узын-Каргалы относится к бассейну реки Курты впадающей в реку Или. На всем протяжении ущелье имеет общее направление юго-запад – северо-восток. Протяженность водной поверхности составляет более 100 км. Соответственно ручьи Кайнар и Майбулак являются восточным и западным притоками реки Узын-Каргалы.

Структурно к этим водным источникам принадлежит серия родниковых ручьев в районе села Ынтымак. Расположенные в ущельях и в поймах рек поселения и могильники составляют единый комплекс археологических памятников эпохи бронзы и раннего железного века данного микрорайона (рис. 1).

Археологические исследования в ущелье и на выходе реки в предгорную зону были начаты

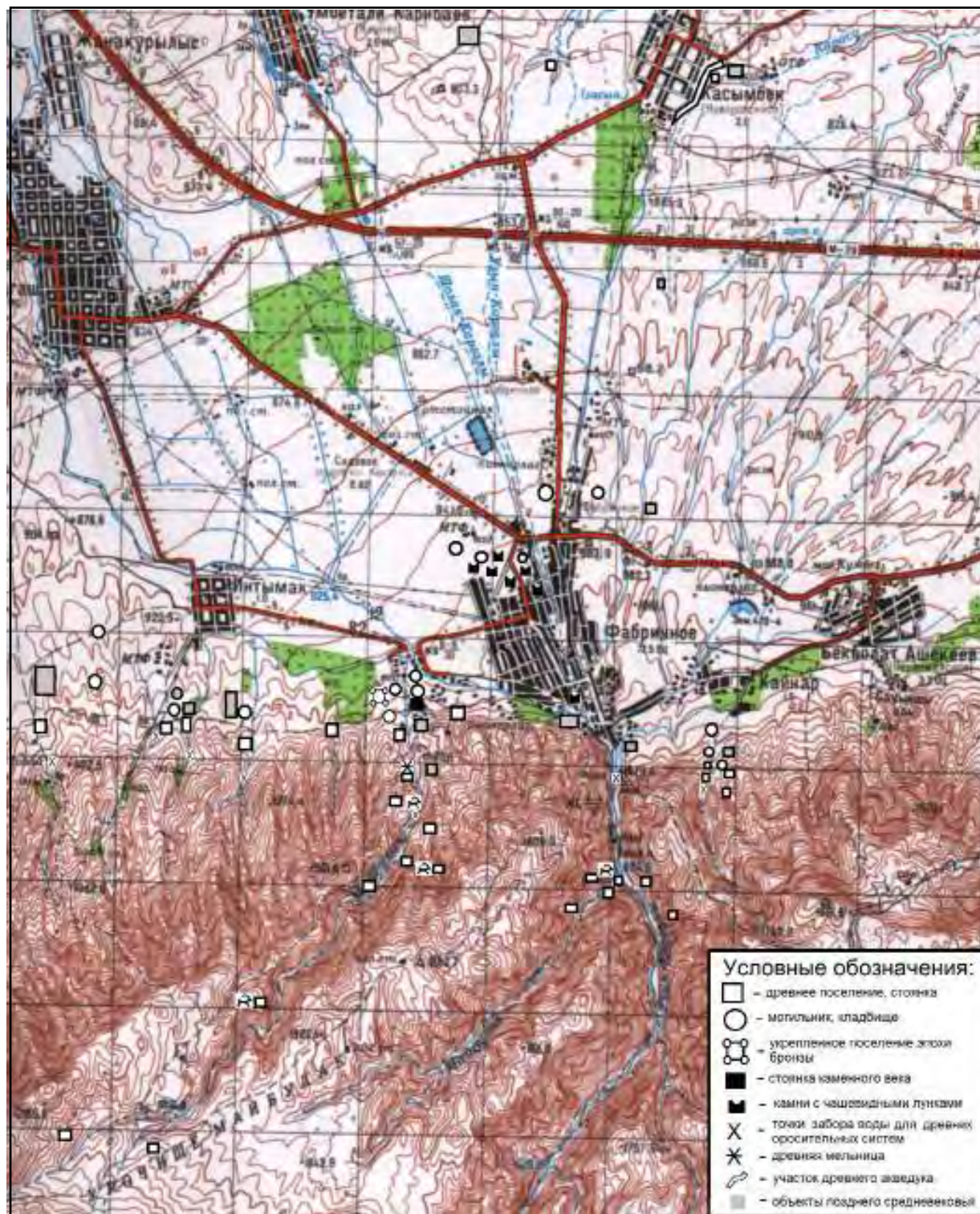

Рис. 1. Карта археологических памятников предгорной зоны Каргалинского историко-географического микрорайона.

Фото 1. Стоянка раннего железного века и средневековья в ущелье Узын-Каргалы:
1 – близ водопада по основному руслу; 2 – в правом боковом сае Кайнарбулак.

ещё в 30-е годы 20 века А.Н. Бернштамом (Бернштам, 1952). Им были обследованы древние курганы и камни с чашевидными лунками в окрестностях поселка Фабричный (нынешний

Каргалы). Ему же принадлежит честь первой публикации Каргалинского клада, жемчужиной которого является знаменитая Каргалинская диадема (Бернштам, 1940, с. 23-31).

В 70-90-е гг. XX века здесь периодически сотрудниками Института «Казпроект-реставрация», ЦГМК и Института изучались преимущественно аварийные памятники эпохи бронзы и раннего железного века археологии. Была открыта древняя ирригационная система региона (Сараев, 1992, с. 82-88). В начале XXI века в рамках программы «Культурное наследие» часть памятников предгорной зоны микрорайона была систематизирована и включена в «Свод памятников истории и культуры Алматинской области» (Свод... , Алматинской области, 2009). Но значительную их часть составляли курганы раннего железного века. Систематизированное изучение древних поселений и их хозяйственной структуры было проведено в рамках настоящего проекта.

Исследования Каргалинского микрорайона по проекту «Генезис древних поселений Северного Притянь-Шанья» в ущельях Каргалы, Кайнар, Майбулак и Ынтымак позволили вывести свыше 80 различных памятников древности и раннего средневековья, в том числе древнюю разветвленную ирригационную систему, включающую каналы, арыки, водосборы и акведуки. Обследованы древняя мельница в устье ущелья Майбулак и акведук в районе села Касымбек. Полученные материалы позволяют отнести время их сооружения к раннему железному веку и возможность использования в раннем средневековье (Горячев, Сараев, Потапов, 2016, с. 19).

Серия древних поселений была обнаружена в 3-5 км вглубь ущелья Узын-Каргалы. Они занимают относительно ровные площадки у крупных скальных блоков или массивов (фото 1). На поверхности иногда просматриваются каменные основания изгородей или стенок жилых и хозяйственных помещений. Обычно на них устраивались 1-2 жилища с пристройками, что дает основание считать их принадлежащими одной малосемейной группе. Почти на каждом скальном выходе рядом с такими поселениями имеются наскальные рисунки раннего железного века, реже эпохи бронзы и средневековья (фото 2).

Расположение площадок именно у скал обусловлено климатическими условиями региона. Они имеют экспозиции южного направления, в зимнее время подвергаются более

интенсивному прогреву солнечными лучами, чем ближайшее окружение. Наличие же массы скальных нагромождений позволяет аккумулировать солнечное тепло, что и создает локальный микроклимат с положительными температурами для проживания и содержания скота. Таким образом, подобные поселения представляют собой стоянки-зимовки древних скотоводов.

В отличие от этих стоянок поселения, расположенные на редких удобных для проживания площадках в устье боковых саев на стыке с основным ущельем, состоят из серии 8-10 жилых и хозяйственных помещений. Места поселений выбирались с учетом возможных селевых сходов и паводковых аномалий на высоких площадках с южной экспозицией. Как правило, жилища врезались в склоны по берегу ручья, как поселение Кайнар А. В конструкции жилищ четко просматриваются каменные основания фундаментов древних полуземлянок. Жилища небольшие однокомнатные, размерами от 4х4 м до 7х5 м, что также позволяет предполагать их принадлежность малой семье.

Выяснить хронологические рамки существования стоянок и поселений в ущелье Узын-Каргалы позволили рекогносцировочные раскопки на стоянке Кайнар Б. Исследования, проведенные на поселении, показали, что оно возникло в позднесакский период раннего железного века (Отчет о НИР... , 2016, с. 71-73), как стоянка-зимовка древних скотоводов.

Вещевой материал с нижнего строительного горизонта жилища представлен фрагментами костяных изделий, двумя каменными ложилами терочниками и фрагментами керамики (рис. 2). Костяные изделия и орудия труда в материалах этого полевого сезона представлены двумя фрагментами орудий труда. Наиболее многочисленной группой среди остеологического материала жилища в целом являются фрагменты костей мелкого рогатого скота (61%), затем следуют костные останки крупного рогатого скота (20%). В оставшейся части представлены останки лошади (15%). Около 4% составляют кости диких животных.

Керамический материал раннего железного века отмечен на всех площадках с древними поселениями, а эпохи бронзы – только на

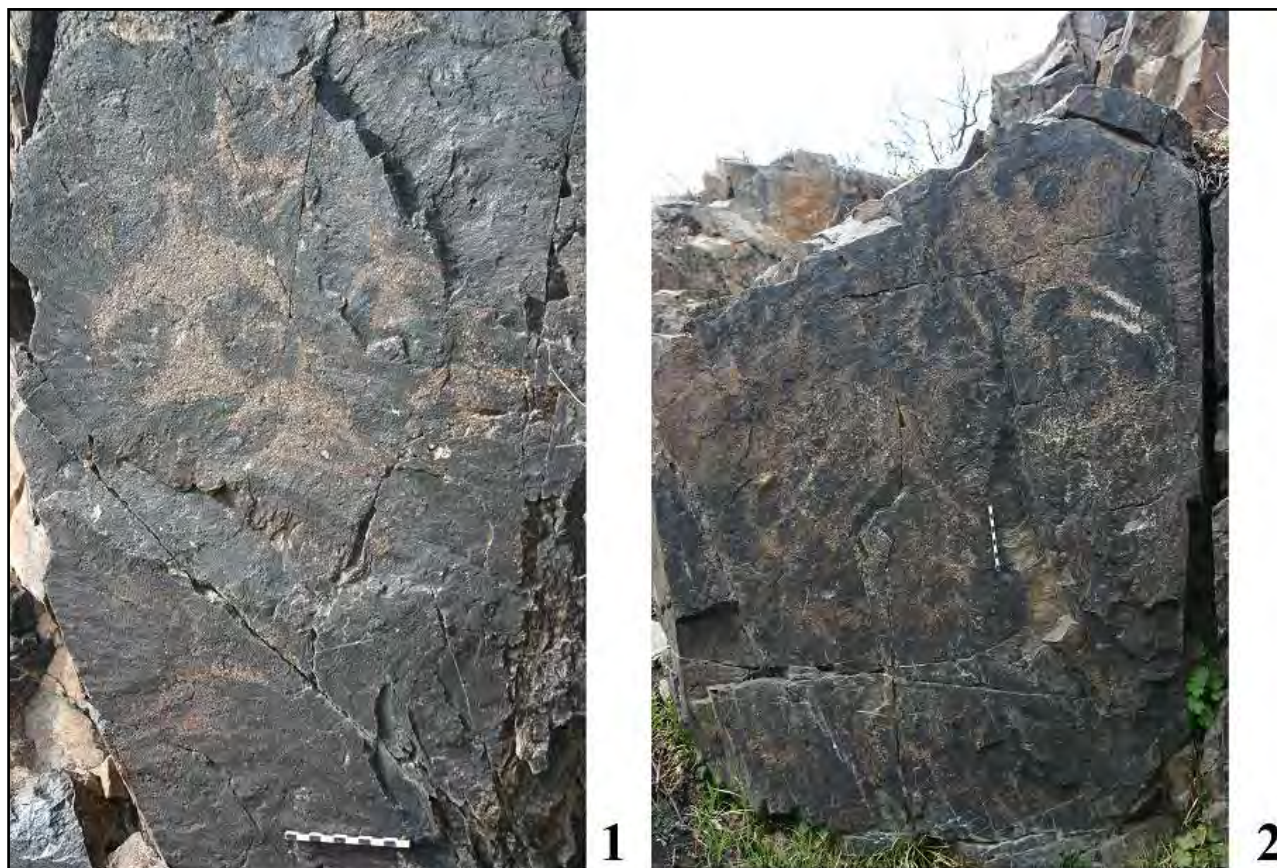

Фото 2. Петроглифы близ стоянок раннего железного века в ущелье Узун-Каргалы.

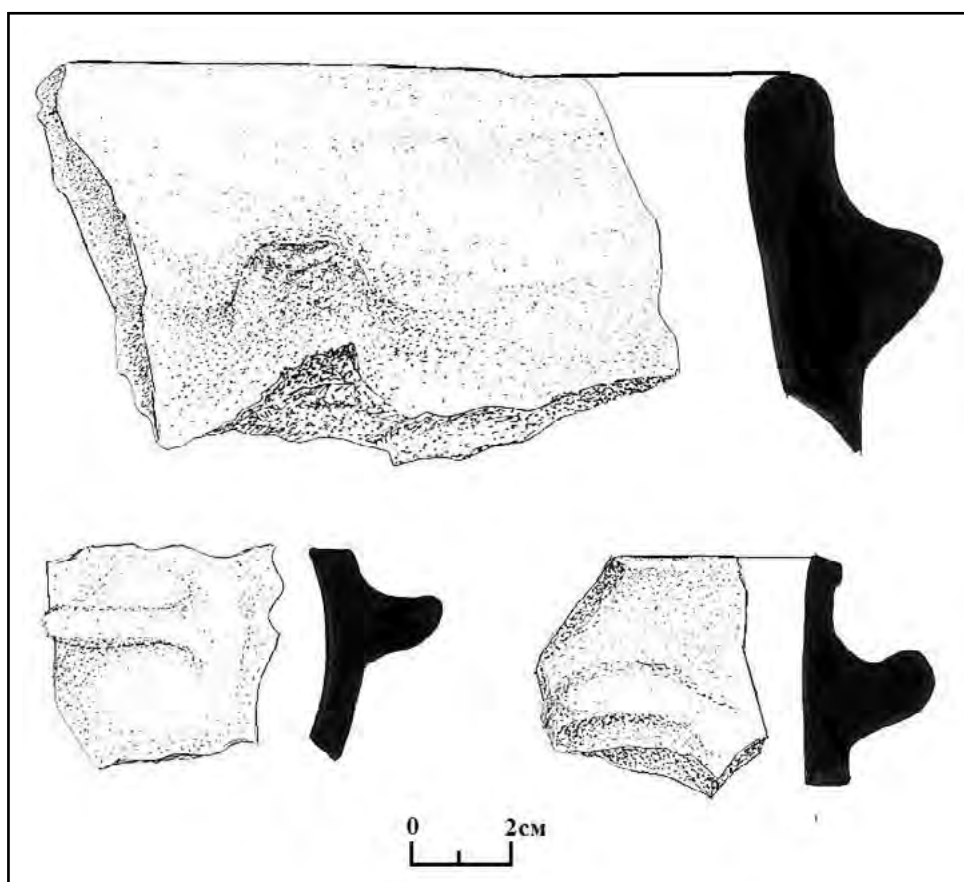

Рис. 2. Керамика из слоя стоянки раннего железного века поселения Кайнар Б.

нижнем поселении Кайнар А. Можно предположить, что в эпоху бронзы отделившаяся от основной группа древних скотоводов создала свое поселение-зимовку вблизи жителей предгорной долины. В раннем железном веке процесс выделения малосемейных групп привел к тому, что они стали устраивать зимние стоянки на удобных склоновых площадках с особым микроклиматом.

Если места поселений у входа в ущелье Узын-Каргалы выбирались по тому же принципу, что и в ущелье Майбулак, то в настоящее время они практически уничтожены при застройке поселка Каргалы (Фабричный). На территории поселка сохранились данные о древних курганах и особой разновидности древних памятников – камнях с чашевидными углублениями. Всего обнаружено 33 таких камня, в большинстве своем уничтоженные или перевезенные в 1990-2000 гг.

Наиболее яркую группу составили 8 камней в кольцевую кладку, исследованная А. Н. Бернштамом на северо-западной окраине поселка (фото 3). Зольное заполнение вперемешку с костями животных и мелкими предметами

позволили определить его как жертвенник (Сараев, Первых, 2001, с. 165-170).

На территории Жетысу камни с такими углублениями встречаются повсеместно у выходов горных ущелий, из которых в свое время происходили селевые выбросы потоков с большими каменными валунами и выявляются следы древних поселений либо захоронений (Сараев, с. 104-109).

К числу наиболее исследованных памятников ущелья относится археологический комплекс Каргалы-I (рис. 3). Памятник располагается на останце увала правобережной террасы реки Узын-Каргалы на северной окраине села Каргалы. Памятник представляет собой часть археологических комплексов (поселение и могильник), располагавшихся на террасе, сохранившихся после обширной нивелировки рельефа при прокладке трассы автомобильной дороги к северу от села, проводившейся в 80-е годы XX века. Останец представляет собой холм, размером 130x30 м, подовальных очертаний, с естественным пологим спуском к реке и крутым обрывистым восточным краем, непрерывно разрушаемым при выборке

Фото 3. Поселение Кайнар Б в ущелье Узын-Каргалы. Вид сверху.

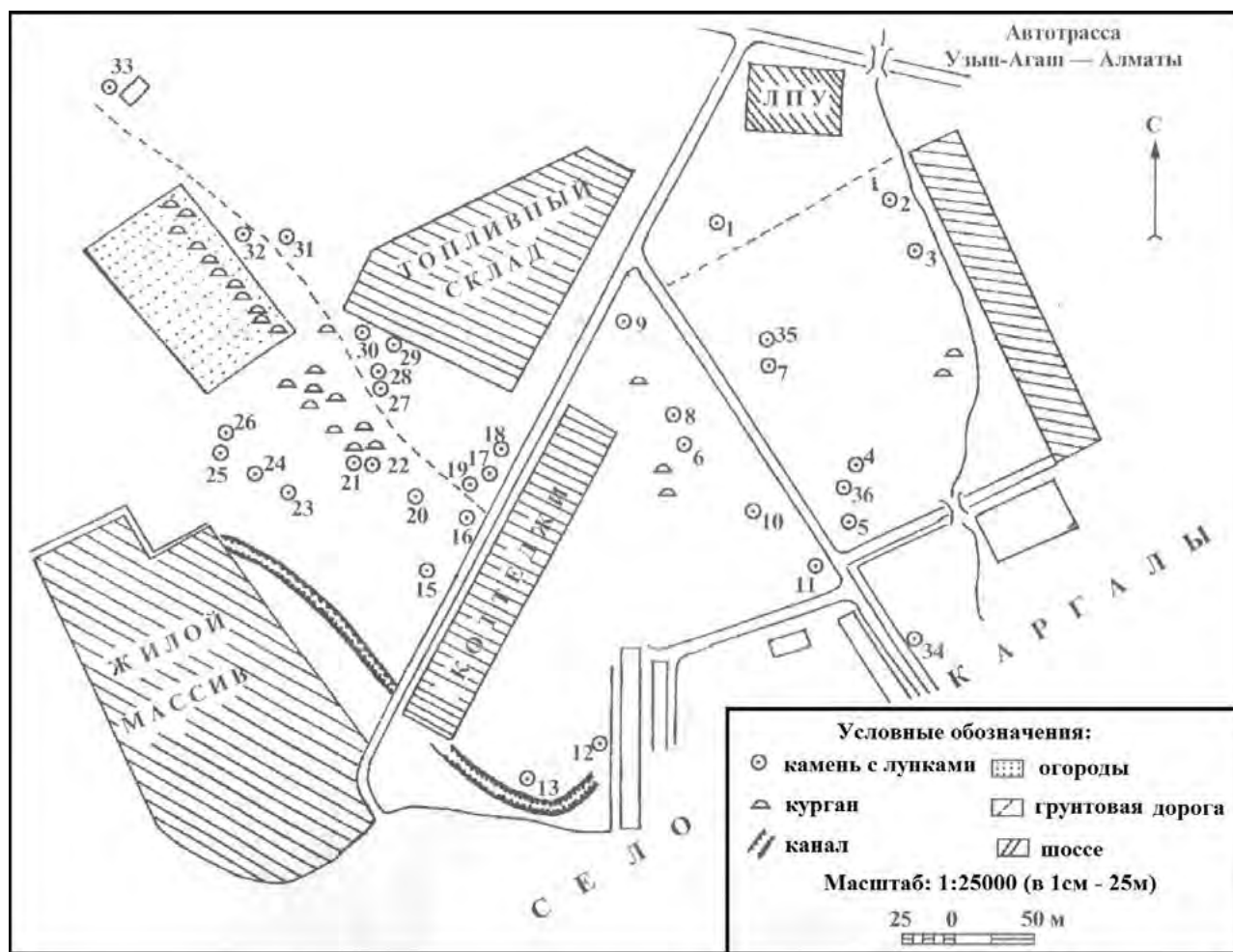

Рис. 3. Камни с чашевидными лунками на северо-западной окраине села Каргалы.

глины местным населением. По краю останца обнажаются погребальные сооружения с каменными конструкциями или характерным выделяющимся слоем. На поверхности останца зафиксированы 6 курганов, располагающихся цепочкой по линии север – юг. Насыпи сооружены из земли с каменной обкладкой, диаметры их от 5 до 8 м, высота от 0,2 до 0,6 м (фото 4). На западном склоне холма, за пределом могильника, зафиксирован участок водовода, сохранившийся на отрезке в 150 м.

Всего в могильнике Каргалы I исследовано 7 погребений эпохи бронзы и 3 кургана раннего железного века, исследованные объекты находились в аварийном состоянии. К эпохе бронзы относятся грунтовые ямы различной конфигурации и параметров трапециевидные в плане. В могилах открыты захоронения взрослых и парное погребение детей. Положение погребенных – скорченно на левом боку, головой на запад, либо на дне могилы хранились кости кремированного скелета. В головах устанавливались керамические со-

суды – горшки с округлым плечиком. На тулове одного из них – зигзагообразная линия, выполненная наколами. Из украшений – проволочные кольцевые или овальные серьги, пастовая ребристая и бронзовые бусы, бронзовые нашивные бляшки, зажимы, пара бронзовых височных подвесок с раструбом (рис. 4). Материал погребений эпохи бронзы соотносится с признаками федоровской археологической культуры эпохи поздней бронзы (Мотов, 2011, с. 80-87).

Насыпи курганов раннего железного века земляные от 6 до 18 м в диаметре. Встречаются захоронения в могилах с подбоем или в катакомбах. Обычно погребальная камера овальная, размером 2,3х 1 м, глубина – 1 м, вытянута по линии восток-запад. Погребенный уложен на спине, вытянуто, головой ориентирован на запад. За головой установлена круглодонная кружка с вертикальной ручкой и положен бронзовый нож. У крупного кургана обнаружен крупный керамический котел с двумя ручками. Среди находок – каменное пряслице,

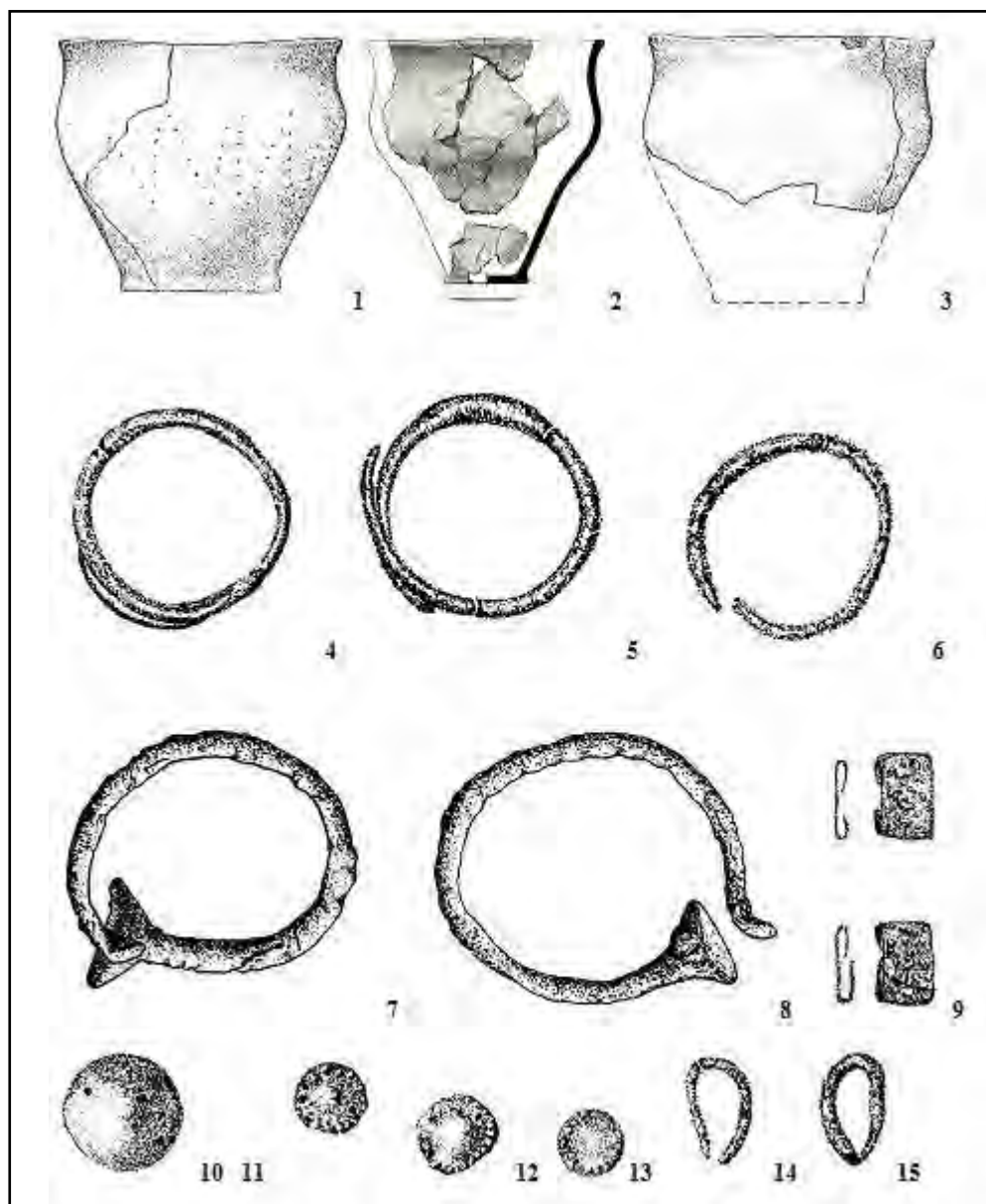

Рис. 4. Могильник Каргалы-I на северной окраине села Каргалы.
Керамика и бронзовые украшения из аварийных погребений эпохи бронзы (по Мотову, 2007).

круглые подвески из золотой фольги, обрывки серебряной цепочки, серебряная бляшка, бусы из янтаря и стекла. Исследованные курганы датируются по материалу III-II вв. до н.э. и II-I вв. до н.э.

В устье ущелья ниже скотоводческих стоянок зафиксированы несколько водозаборов по обоим берегам реки, выводившими воду на поля (Сараев, 1992, с. 104-109; Сараев, 2007, с. 120-128). Часть участков таких каналов и арыков использовалась по настоящее время. Вода из ущелья Узын-Каргалы доставлялась в древности в Узынагашскую долину (16 км), вниз по течению реки через увалы и возвышенности благодаря системе акведуков доставлялась в сухие долины за 17-20 км от ущелья.

Нами зафиксирован участок акведука с водораспределителем на восточной окраине села Касымбек, который представляет собой участок водовода с водозабором по правому берегу реки Узын-Каргалы (рис. 5). Обследован аварийный участок протяженностью 300 м. Ширина акведука в верхней части от 1,5 до 2,5 м, по основанию до 12 м. В северной части участка обнаружен водораспределитель, который перенаправлял от основного русла водные потоки в северо-восточном и северо-западном направлении. Причем северо-восточный рукав, огибая поселение Нового времени, расположенное в 100-300 м к востоку, доставлял воду в широкий сухой лог, использовавшийся под пашню (фото 5).

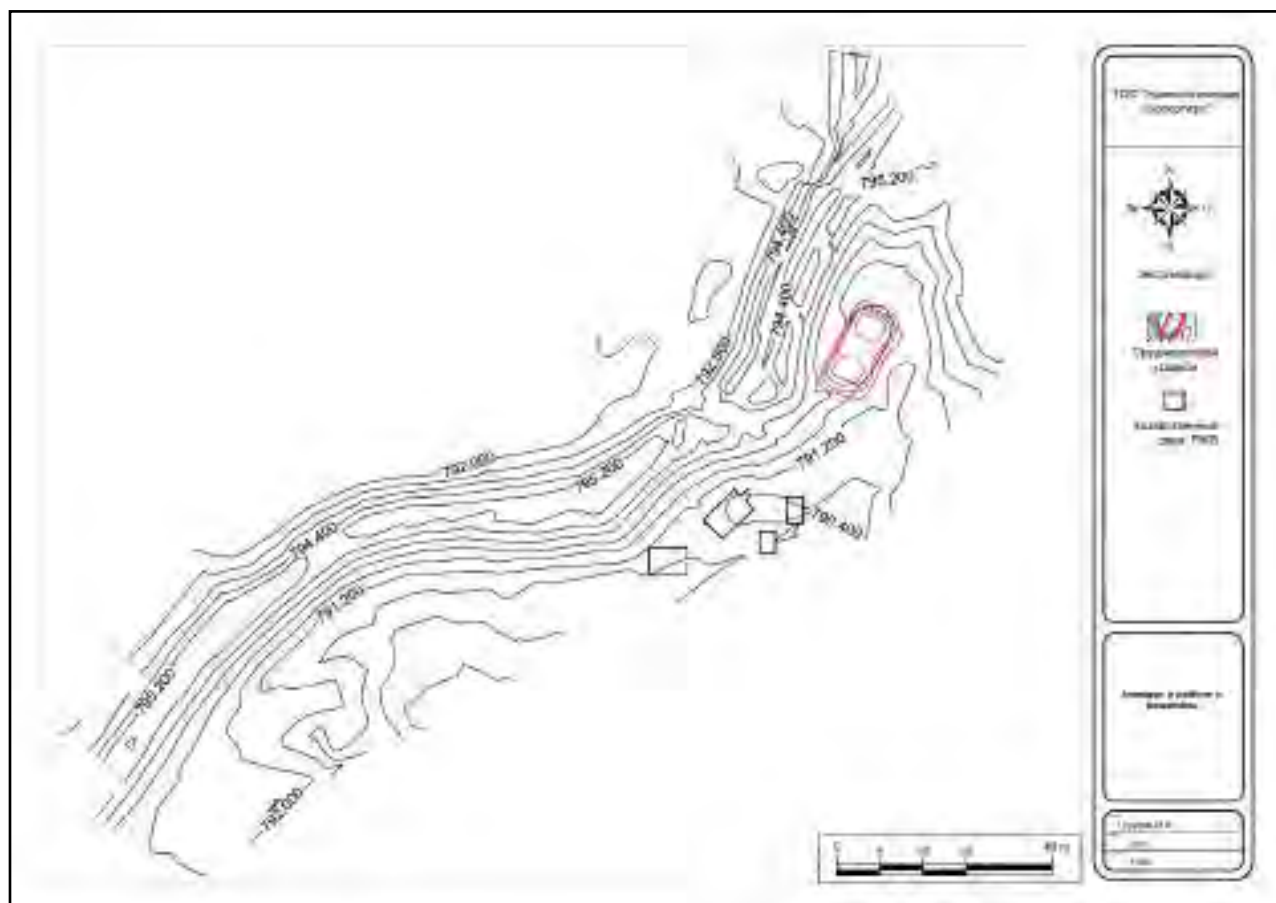

Рис. 5. Топографический план участка акведука на восточной окраине села Касымбек.

В районе водораспределителя зафиксированы остатки наземного строения – жилища в виде холма подовальной формы, размерами 22x11 м по основанию и 13x6 м в верхней части. В 30 м к югу в восточном склоне акведука у основания зафиксированы две древние полуземлянки, размерами 8x5 м, представлявшие собой двухкомнатные помещения с коридорообразным (2x1 м) выходом. В 8-10 м к востоку зафиксированы выровненная площадка (5x3 м) и остатки строения – полуземлянки (4x3 м), вероятно, хозяйственная постройка и двор. Найденные фрагменты керамики позволяют отнести полуземлянки к раннему железному веку, наземное строение у водораспределителя к средневековью. Встроенные в систему акведука усадьбы позволяют предположить, что развитие оросительных систем подобного масштаба происходило у северных склонов Заилийского Алатау ещё с древних времен.

В предгорной зоне этого микрорайона сохранилось одно крупное поселение эпохи бронзы и раннего железного века археологического комплекса Кайнар-I. Комплекс нахо-

дится в 1,5 км к югу от села Кайнар (рис. 6). Памятник располагается на левом борту внутренней части ущелья Кайнар. Комплекс состоит из канала – водовода, поселения, могильника, к нему, возможно, относится загон для скота со «сторожевыми землянками». Его основу представляет канал – водовод, выведенный по склону горы. Водозаборное устройство в реке Кайнар к настоящему времени не сохранилось. Трасса водовода читается на местности в виде заплывшего арыка, протяженностью 275 м. На линии канала прослеживается расширение – следы хозяйственной площадки (?). Северный его край фиксируется по оврагу, образованному «срывом» водовода в овраг. В стенках оврага читаются следы 2 помещений, судя по керамике раннего железного века.

На пологом склоне левого берега ручья Кайнар, ниже уровня водовода, фиксируются площадки 16 полуземлянок и 4 хозяйственных построек. Размеры жилищ квадратной и прямоугольной форм от 5x5 до 7x5 м, хозяйственных площадок овальной и прямоугольной форм от 7x6 до 20x8. Дома-полуземлянки

Фото 4. Могильник Каргалы-I на северной окраине села Каргалы. Вид на север.

Фото 5. Участок акведука на восточной окраине села Касымбек. Вид на северо-восток.

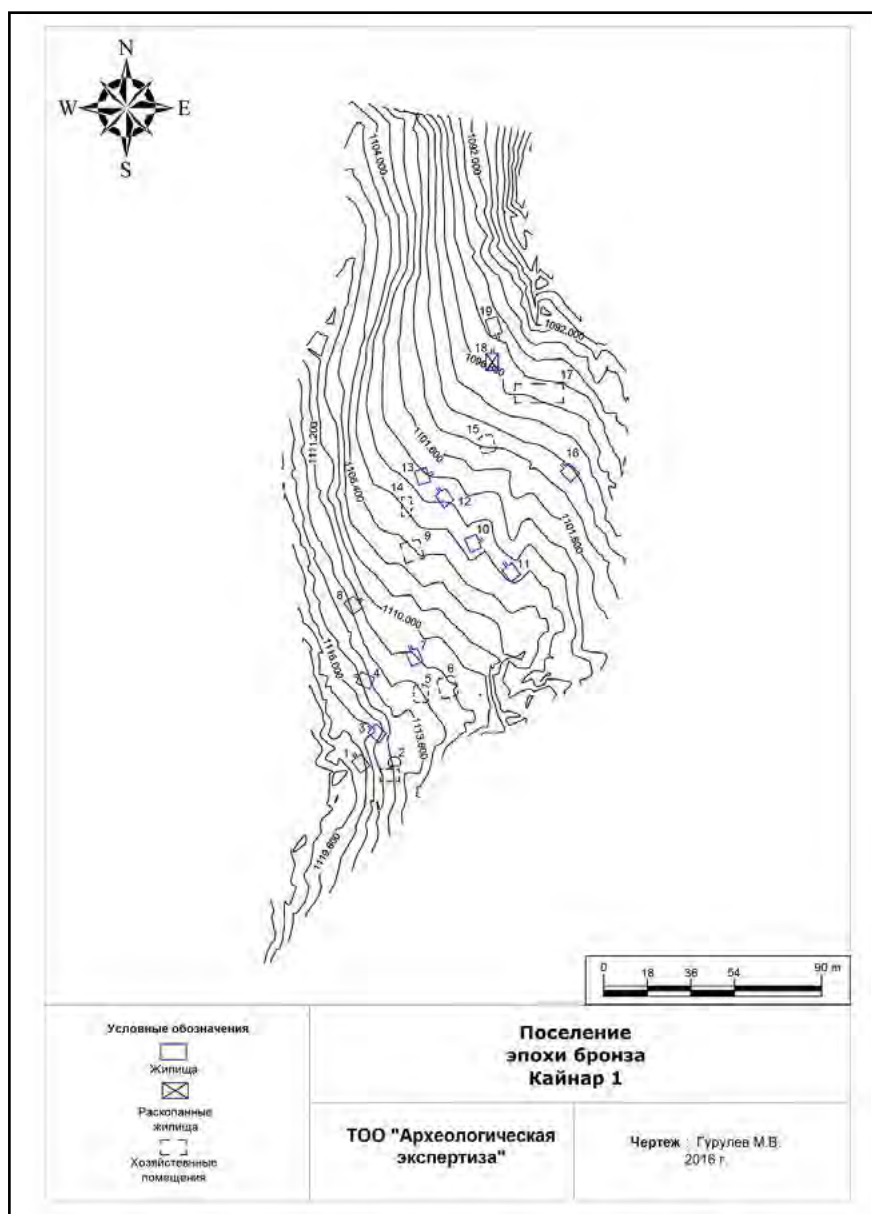

Рис. 6. Топографический план древнего поселения Кайнар-I в устье одноименного ущелья.

расположены в 4-5 ярусов по всему периметру левого берега ручья. Входом они обращены в разные стороны и имеют различные внешние признаки, что позволяет предположить, что более ранние из них (эпохи бронзы) сосредоточены в южной части поселения, а более поздние (раннего железного века) – в центральной. Хозяйственные площадки обозначены по периметру каменными кладками основания изгородей и чаще всего представляют собой загоны для скота.

К северному краю водовода «привязан» могильник, располагающийся на террасовидной площадке. Аварийными раскопками Ю.А. Мотова исследованы 3 погребальных сооружения, в виде каменных ящиков, стенки которых были составлены из 4 и более камней. Конструкции

зафиксированы в развале, под развалом камней обнаружены следы детских погребений. На третьем объекте зафиксирован развал погребального сооружения. Здесь выявлены кости погребенного и керамический сосуд. Наличие керамики эпохи бронзы позволяет связать с ней начальный этап функционирования археологического комплекса.

Северная часть комплекса разрушена в результате срыва водовода и образовала глубокий овраг, в стенке которого фиксируются остатки жилищ бронзового века. В овраге и на склоне обнаружен многочисленный керамический материал и каменный инвентарь. Керамика представлена фрагментами плоскодонных чашек, горшков и мисок (рис. 7). У горшководных сосудов встречаются тулова с плавно

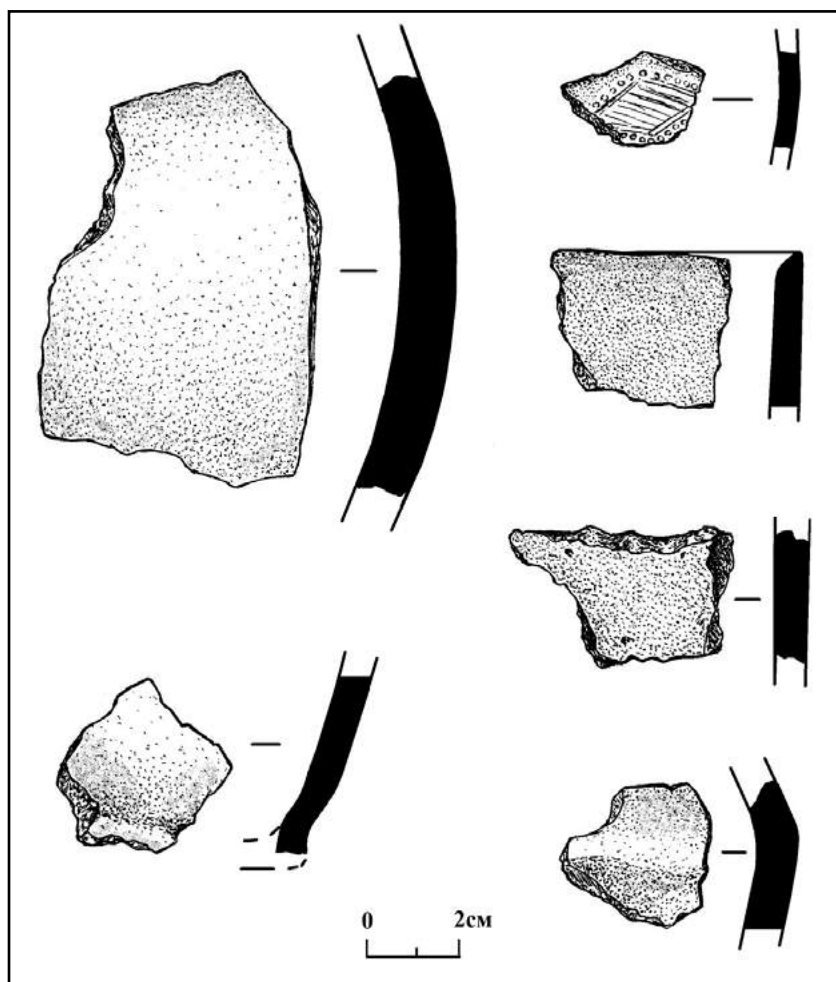

Рис. 7. Фрагменты керамики андроновского периода эпохи бронзы из поселения Кайнар I.

профилированным и «ребристым» плечиком. Ряд из них орнаментирован геометрическим штампом, резными линиями, составляющими геометрические фигуры (ромб, зигзаг). Интересен набор каменных орудий труда и предметов быта (рис. 8). Помимо традиционных форм пестов и зернотерок с курантами (рис. 8: 2-4) встречается ступка с чашевидным углублением (рис. 8: 1) и фрагмент каменной чаши с резным орнаментом из мягкого минерала (рис. 8: 5). Стенки чаши украшены «сеточным» орнаментом, а дно спиралевидным. Природа исходного материала такова, что он обладает достаточной прочностью для того, чтобы из достаточного крупного фрагмента выдолбили чашу и при этом тщательно ее заполировали.

В то же время он достаточно мягок для того, чтобы орнаментировать его тонким острым инструментом. В раннем железном веке как поделочный камень местного происхождения при изготовлении украшений достаточно часто применялся агальматолит (Горячев,

2011, с. 336-337). Для периода бронзового века в Жетысу подобная находка встречается впервые.

Формы посуды и ее орнаментация, а также каменные зернотерки, песты, ложила, терочки и ступы по аналогиям из поселения Бутакты-I позволяют датировать эти жилища андроновским периодом эпохи бронзы (Горячев, 2008, с. 69-76). Могильник андроновского времени обнаружен в 100м от жилищ по увалу. Он завершается могильником раннего железного века, который с разрывами тянется до села Кайнар, края предгорной подошвы.

Обнаруженные в урочище Майбулак, хозяйственно-жилые комплексы эпохи бронзы и раннего железного века являются частью общей хозяйственно-экономической системы древнего населения, которая включает и близлежащие ущелья Узын-Каргалы, Кайнар и Ынтымак. Урочище расположено западнее на 1,5 км от ущелья Узын-Каргалы и также имеет одноименную реку, но значительно мень-

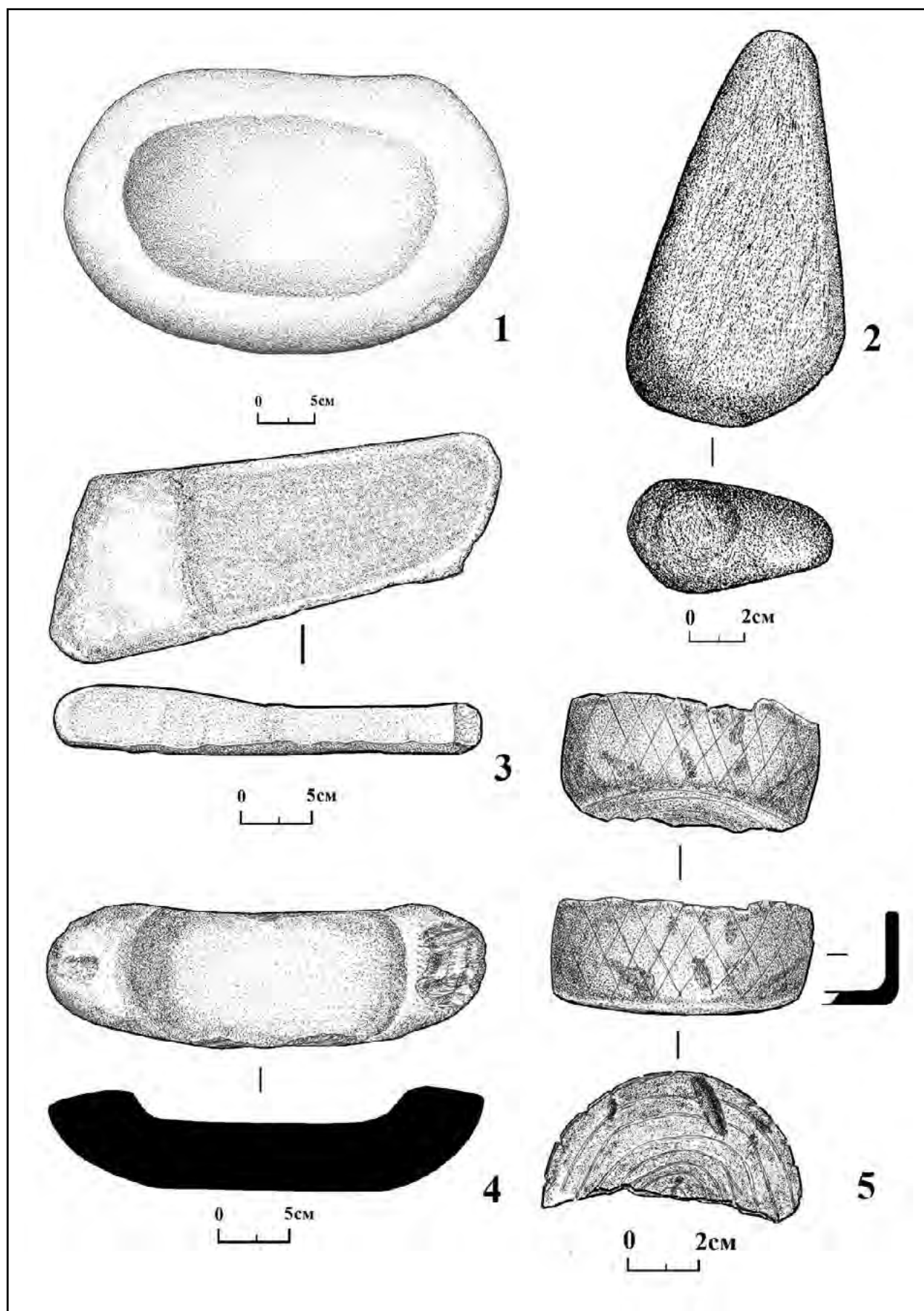

Рис. 8. Каменные орудия труда и предметы быта андроновского периода эпохи бронзы из поселения Кайнар I.

шую, образовавшуюся вследствие слияния нескольких небольших родников. В результате археологических исследований в устье ущелья зафиксировано 12 поселений эпохи бронзы и раннего железного века, помимо уже известных хозяйственно-жилых комплексов древности (рис. 1). Столь плотное расположение памятников обусловлено рядом природных условий. В совокупности таких условий обязательными будут такие как родниковая вода, широкий и сравнительно пологий выход ущелья на предгорную равнину, наличие большого количества различной природы не крупных камней в русле реки, глиняные борта ущелья. Кроме того, ущелье, не будучи “проходным”, вместе с тем позволяет при необходимости подняться до высокогорных жайлау и далее.

В ущелье Майбулак в течение круглого года течет чистая вода. В больших горных реках вода, особенно в весенний и осенний периоды, мутная перемешанная с песком, илом и глиной – не пригодная для питья. Глиняные борта ущелья дают возможность без особого труда вырыть землянку, при необходимости арыком провести воду к нужному месту. Небольшие камни дна ущелья — природный, легко переносимый материал для выкладки стен полуземлянки либо фундамента наземной постройки. Их так же можно использовать для изготовления различного бытового инструмента. Таким образом, природная экосистема предгорной полосы района ущелье Майбулак, по жизненным основополагающим потребностям человека в древности обладает полным набором свойств, пригодных для проживания и с перспективой хозяйственного развития.

Название ущелья, вероятно, возникло от одноименного ручья. Гидроним «Майбулак» в свою очередь унаследован от древних тюркоязычников, у которых май (букв. «жир») имело значение «святой» или «покровитель» и служило символом веры, в частности как имя богини – покровительницы детей. Надо полагать, что здесь оно выступает также в значении «священный» (родник)” (Койчубаев, 1974, с. 165). Действительно, на скальной гряде, напротив родника, ближайшего от входа в ущелье есть петроглифы. Всего на территории ущелья Майбулак выявлено три группы скопления наскальных изображений.

Основным мотивом петроглифов является изображение каких-то символов. Также на плоскостях скал встречаются изображения животных и сцены охоты. Судя по светлой патине рисунков изображающих тамгообразные знаки, изображения нанесены сравнительно недавно. Вместе с тем, многие плоскости содержат палимпсесты. Рисунки на них можно рассмотреть только под определенным углом. Патина их по цвету не отличается от патины фона.

Во второй группе петроглифов ущелья встречаются наиболее интересные и богатые в изобразительном плане и по количеству персонажей сюжеты. Основная плоскость с петроглифами имеет ширину 9 м и высоту – 4,5 м. В центральной части у подножия в скале имеется ниша высотой 1,8 м, шириной 2 м и имеющая углубление в скальный массив на глубину 0,8 м. Весьма вероятно образовавшаяся в результате разжигания костра у скальной плоскости. Ниша, в центральной части скального блока делит камень с рисунками на две части – левую и правую (фото 6). Условленная левая сторона имеет рисунки в нижней части, поскольку выше монолитного блока скала не имеет достаточно ровных плоскостей. На поверхности этого блока нанесен ряд различных изображений реализованных различными способами техники исполнения – точечной выбивкой и резьбой.

Правая сторона скального монолита представляет собой целостную плоскость, на которой встречаются отдельные участки наиболее пригодные для нанесения изображений. Нижняя треть всей скалы испещрена рисунками, наложенными друг на друга. Наиболее четко просматриваются поздние изображения каких-то знаков и совмещенные с ними фигуры животных. Эти рисунки нанесены поверх более ранних, патина которых практически не отличается от патины фона плоскости. Рисунки выполнены высокопрофессионально, с художественной точки зрения, и объединены общим смыслом. Центральным действием сюжета, по-видимому, является изображенная в правой верхней части сцена охоты тигра на лошадь (фото 7). Однако в этой композиции задействовано большое количество и других персонажей: показаны лошади, олени, козлы, птица, напоминающая страуса, либо это дрофа, лучники, кабан и др.

Фото 6. Урочище Майбулак. Основная плоскость с петроглифами второго скопления. Вид на северо-запад.

Фото 7. Урочище Майбулак. Центральная композиция со сценой охоты тигра. Вид на северо-запад:
1 – правая часть плиты с рисунками; 2 – левая часть плиты с рисунками.

В целом складывается впечатление, что в рассматриваемом сюжете отображена идея противоборства сил добра и зла. Сцена “охоты тигра”, вероятно, и была положена в основу композиции всех изображений, нанесенных на правую сторону скального среза.

Древние стоянки во внутренней части ущелья Майбулак организованы по тому же принципу, что и в ущелье Узын-Каргалы. Большая часть их представляет собой типичные для северных склонов Заилийского Алатау зимовки скотоводов, устроенные близ границ раздела зон землепользования между ними и земледельческой округой. Выделяются два поселения, устроенные близ родника Майбулак. Для их устройства использовались широкая площадка по берегу реки и относительно пологий склон с южной экспозицией. На каждом поселении было устроено 12-15 хозяйственно-жилых дворов, что для древних периодов означало достаточно крупное поселение. Столь плотное скопление скотоводов на одной территории дает основание предполагать, что среди них проживали не только животноводы, но и ремесленники. Иначе хозяйственная деятельность была бы затруднительна и вызывала

бы существенные конфликты (до сих пор в ущелье скот в зимнее время выпасается тебеневкой на склонах с южной экспозицией).

Отдельный интерес представляет поселение в 400 м вглубь ущелья по западному борту. В его структуре обнаружены остатки древней водяной мельницы и арык, который берет начало от поворота склона, где кончается скальный массив с изображениями третьей группы. Искусственно вырытый он предназначался для подачи воды на все поселения и стоянки, расположенные ниже по левому берегу ущелья включая “протогород” и полива полей древних земледельцев. Плотное “зажатое” между арыком и подножием склона подворье имело каменную кладку длиной 10 м в качестве обозначения его границы. Ближе к водопроводному арыку отмечены следы жилого помещения. Протяженность внешнего двора 23 м. Ниже через 46 м обнаружен водонакопитель 15х11 м (фото 8), который образован созданием искусственной плотины. Плотина сложена из земли и камней, имеет высоту 1,15 м и ширину 1,5 м у поверхности. На прилавке западного борта бассейна располагается горизонтальный участок 6,3х6,3 м, огороженный каменной клад-

Фото 8. Урочище Майбулак. Водонакопитель на территории поселения с древней мельницей. Вид на юго-восток.

кой. Ниже от водоема на расстоянии 18 м прослеживаются остатки строения 5,6х4,6 м, севернее которых на 18 м находится камень, окруженный овальной каменной выкладкой размерами 4,5х6 м. На 67 м ниже по ущелью от плотины водоема выявляются конструкции, задействованные в организации мельницы. Это рукав сброса воды неработающей мельницы, через 8,5 м водослив на лопасти мельничных жерновов. Часть русла, подающая воду на мельницу, расширяется и становится защищенной от промоин и срывов вниз бортом. Рядом с рабочим водосбросом мельницы находится подсобное помещение мельника. Помещение 5,7х5,7 м с восточной стороны обрушено, с северной сохранился след защитного арыка и часть стены. Его детальное изучение – предмет уже специализированного исследования.

На выходе из ущелья в древности традиционно устраивались наиболее крупные поселки. В районе ущелья Майбулак таковым оказалось укрепленное поселение бронзового века (рис. 9). Раскопом – траншеей 1987 года произведена зачистка стенок оврага на протяжении 36 м, в глубину до 3,2 м и на юго-западном участке террасы раскопом площадью 220 кв.м. исследован верхний строительный горизонт. В результате раскопок выяснено, что поселение на юго-западном и северо-западном участке террасы имело глинобитную оборонительную стену, сооруженную на фундаменте из крупного речного камня. На дне оврага расчищен жертвенник, представляющий собой круглый «стол» диаметром 1,1 м, вырезанный из глины. Получена коллекция стратифицированного материала в виде фрагментов керамической

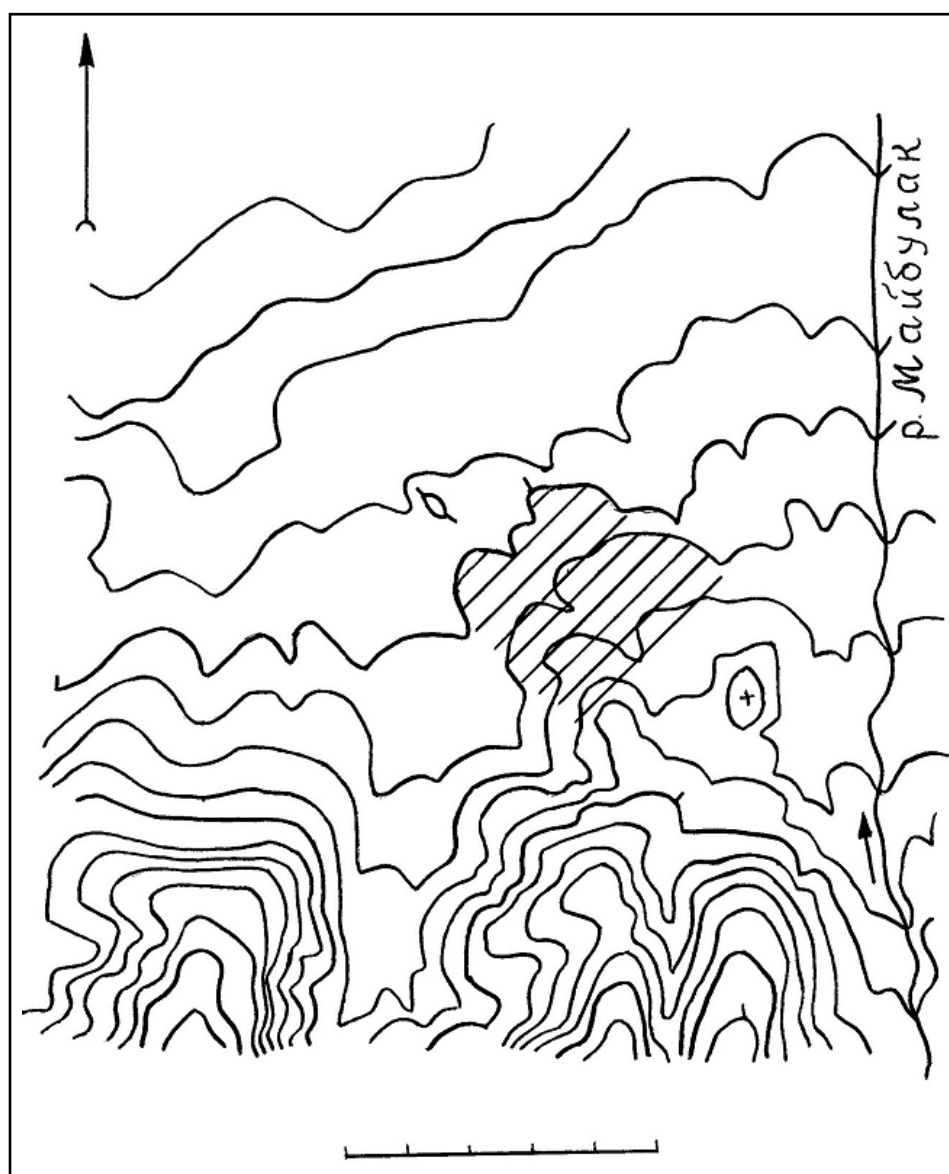

Рис. 9. План месторасположения укрепленного поселения Майбулак-II. Чертеж Ю.А. Мотова.

посуды, костяного инструмента гончара, каменной поделки, каменных инструментов эпохи бронзы. На территории памятника отмечены курганные захоронения раннего железного века и средневековья.

Серия могильников (Майбулак I–IV) на сегодняшний день практически полностью уничтожены застройками, показывает, что в эпоху бронзы и раннем железном веке захоронение умерших производилось на выходе из ущелья. Если погребальные памятники бронзового века концентрировались в основном на правом противоположном от укрепленного поселения берегу (Майбулак III и V), то могильники раннего железного века устраивались группами цепочек курганов по обоим берегам ручья. Всего было зафиксировано около 50 древних курганов на 6 могильниках.

Наиболее ярким и исследованным археологическим объектом на выходе из ущелья является комплекс разновременных памятников палеолита-неолита, эпохи бронзы и раннего железного века Майбулак V (рис. 10). Его исследованием длительное время занимался Ю.А. Мотов. Памятник расположен на останце предгорной возвышенности правого борта ущелья Майбулак. Холм-останец в течение ряда десятилетий используется местным населением в качестве глиняного карьера.

Останец представляет собой многослойную стоянку каменного века. У северо-восточного края останца выявлен древний могильник с разновременными погребениями, частично исследованный. Могильник эпохи бронзы находится на северной части холма-останца предгорной возвышенности правого борта ущелья Майбулак. Выявлены погребения в цистах – конструкциях элитного статуса. Цисты округлые или овальные в плане, размером 2,85х 2,30 м и диаметром до 1,76 м, высотой от 0,57 до 1,3 м. В ряде цист зафиксирована ингумация. В цисте 1 открыты останки погребенного ребенка – в скорченном положении на левом боку, головой на запад. Инвентарь: бронзовые серьги с раструбами, на щиколотках – бронзовые бусы. У северо-западного края камеры – сосуд с крышкой. Сосуд – горшок грубой формы. В двух цистах в напольном слое или над полом зафиксирован слой кремированных костей. В других цистах –

перемешанные кости неполного скелета. Среди инвентаря цист имеется четыре керамических сосуда, два из них с остро реберным туловом. Вещевой материал указывает на наличие элементов федоровской и алакульской культур эпохи бронзы (Горячев, Сараев, Потапов, 2016, с. 84-92).

Погребение раннего железного века раскопано у южного склона холма. Оно совершено в каменной конструкции овальной в плане – 2,05х1,3 м, высотой 0,64 м, вытянутой по запад–юго-запад – восток-северо-восток. Четырехрядная кладка завершена перекрытием камеры. Открыто погребение на древней поверхности: вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Обнаружены проволоочные серьги, свернутые спиралью «в полтора оборота». Погребение по материалам отнесено к III-I вв. до н.э.

С 2005 года Ж.К. Таймагамбетовым у северо-западного края холма заложен раскоп с целью исследования слоев палеолитической стоянки, раскопки которой свидетельствуют о значительной древности проживания у выхода этого ущелья в низину – 35000 лет тому назад (Таймагамбетов, 2008, с. 34-41).

Несколько иную систему расположения древних поселений демонстрирует нам археологический комплекс в районе села Ынтымак, расположенный в 1 км к западу от ущелья Майбулак. Очень узкие каньоны неглубоких саев с ручьями родникового происхождения не позволяли использовать ущелья для жилья. Все поселения зафиксированы на выходе из этих ущелий. Характер их устройства и структура соответствует поселкам земледельцев и ремесленников, традиционно занимавших такие участки у северных склонов Заилийского Алатау (Горячев, Сараев, 2016, с. 5-18). Однако рядом с такими поселками на ровных площадках высоких склонов в устьях ущелий отмечаются небольшие семейно-родовые стоянки в 3-4 двора, вероятно, принадлежавшие группам населения, занимавшимся скотоводством.

Наиболее крупные из них – это поселения Ынтымак-I и Ынтымак-II, устроенные на выходе из центрального и западного ущелий. Они насчитывают до 20-ти хозяйственно-жилых дворов в своей структуре. Поселения расположены на высоких надпойменных террасах по берегам действующего и высохшего

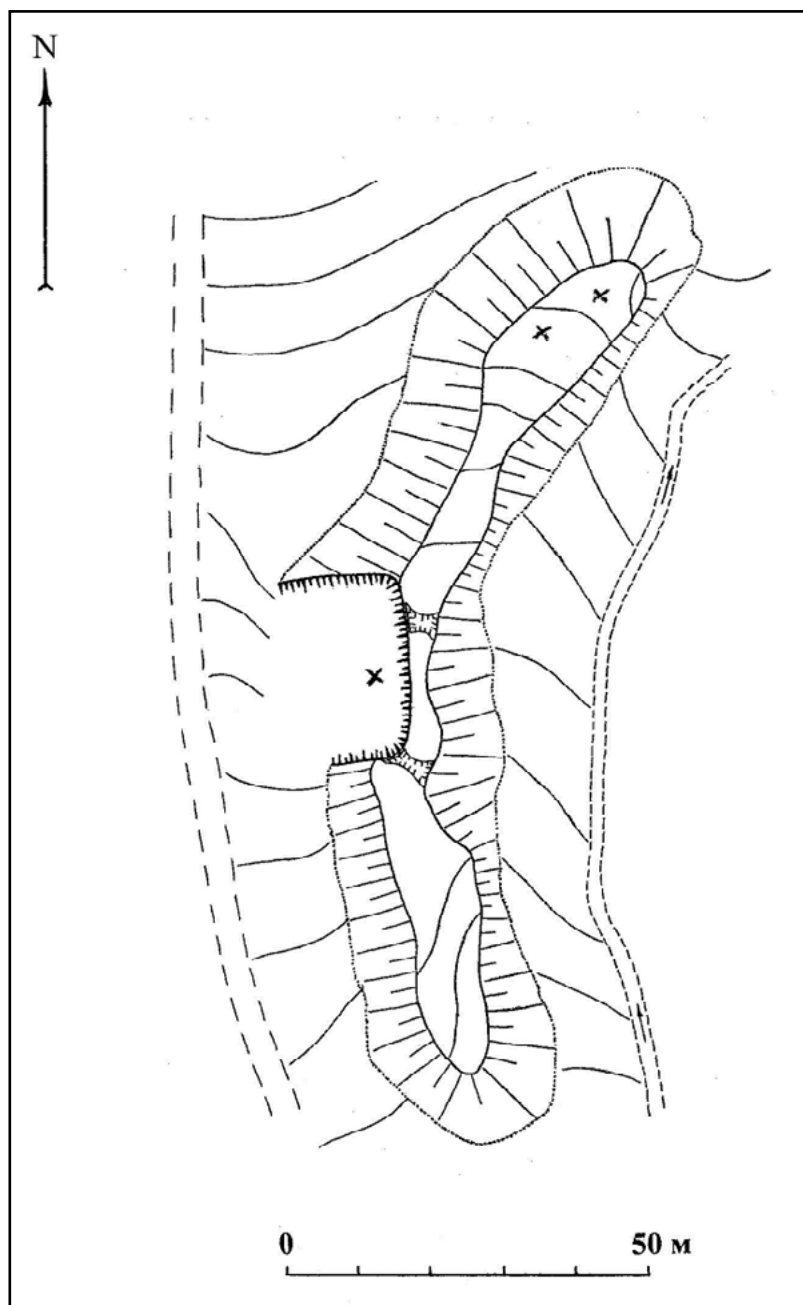

Рис. 10. План останца, где расположен комплекс разновременных памятников палеолита-неолита, эпохи бронзы и раннего железного века Майбулак V. Чертеж Ю.А. Мотова.

родника. С юга территории поселений ограничены узким каньоном ущелья. Они состоят из серии однокомнатных и многокомнатных жилых помещений, врезанных в склон. Жилища представляли собой полуземлянки прямоугольной и квадратной форм с каменными основаниями фундаментов несущих стен (фото 9), ориентированные по оси юго-восток – северо-запад. Напротив каждого жилого строения по краю террасы устроены подворья. Размеры жилищ от 6 x 4 м до 8x12 м, размеры подворий до 10x12 м. Древние поселки эпохи бронзы насчитывали обычно 7-8 дворов, в

раннем железном веке площади этих поселений увеличиваются в два-три раза. Появляются соседние дворы скотоводов. В средневековую эпоху именно эти поселки становятся крупными селениями, простирающимися на расстояние до 1 км от устья ущелий. На выходе из третьего небольшого сая устроен таган (водонакопитель), рядом с которым обнаружено еще одно небольшое поселение раннего железного века (фото 10). Именно с этого тагана вода подавалась в хозяйственную зону обоих крупных поселений. Древние могильники эпохи бронзы устраивались к востоку от

Фото 9. Каменные конструкции фундамента жилища 1 поселения эпохи бронзы Ынтымак-I.

Фото 10. Водонакопитель-“тоған” в устье ущелья Ынтымак.

поселков на вершинах увалов. В раннем железном веке курганные захоронения производились по вершинам тех же увалов, где устраивались поселения.

Анализируя материалы региона можно отметить, что предгорная полоса и равнина были задействованы земледельцами эпохи бронзы, которые строили крупные поселения вплоть до укрепленных глинобитными стенами и валами (Майбулак-II). Водоснабжение поселков производилось за счет каналов и арыков, доставлявших воду из родников.

В раннем железном веке древнее население использует для получения муки первые водяные мельницы, что свидетельствует о высоком уровне специализации производства. Речная вода из ущелья Узын-Каргалы использовалась не только населением предгорной зоны, но и, благодаря развитой ирригационной системе в раннем железном веке, селениями предгорной равнины на расстоянии до 20 км от гор. Жители горных ущелий занимались полукочевым скотоводством, устраивая дома-зимовки в устье, а летом выпасая скот на высокогорных плато Майбулак и Ушконыр и широкой части ущелий у истоков реки Узын-Каргалы и ее притоков. Границей между хозяйствующими субъектами ущелий служили водозаборы каналов и поливных арыков, обычно в 1-3 км вглубь ущелий в зависимости от мощности водного источника. Основу отношений между земледельцами и скотоводами северных склонов Заилийского Алатау составляла меновая торговля.

Природно-географическая ситуация, климатические и экологические условия способствовали возникновению и долговременному функционированию выявленной своеобразной структуры жизнеобеспечения населения раннего железного века у северных склонов Заилийского Алатау. Согласно исследованиям, земледельцы проживали отдельными хозяйственными дворами и небольшими поселками на предгорных равнинах.

Крупные поселения на выходе из горных ущелий представляли собой ремесленно-земледельческие центры, где все поселения долины горной реки составляли их округу. Зонай преимущественного развития скотоводства становится территория от устьев горных ущелий

до высокогорных плато в районе альпийских лугов. Хозяйственная структура и природные ресурсы позволяли достаточно успешно развивать ремесла (металлургию, гончарство и ткачество) и домашние промыслы (обработка кож, косторезное дело и т.д.).

Исследования хозяйственно-жилых комплексов равнинной части позволяют установить их взаимосвязь с крупными поселениями предгорной зоны. Как правило, водозаборы оросительных систем в раннем железном веке располагались в устьях горных ущелий (Сараев, 2007, с. 120-128). Территории вокруг таких поселений предгорной части сохранили следы достаточно разработанной системы орошаемого земледелия (каналы, арыки). Например, выявлены водоотводные каналы протяженностью более 15 км Узын-Каргалы – Узынагаш, длиной 17,5 км Узын-Каргалы – Касымбек. В составе последнего сооружен акведук длиной более километра. Приблизительные расчеты показывают, что на возведение акведука, трудозатраты по перемещению грунта, превышают усилия по созданию среднего канала той же длины в 18-20 раз. На создание акведука длиной в один километр требовалось переместить приблизительно 20 тысяч тонн грунта, что невозможно без перспективного планирования и административной организации проведения подобных работ. Небольшие семейные дворы земледельческих хозяйств имеют 3-5 ям для хранения зерна, но у некоторых хозяйств их встречается по 18, 30, 50 и даже 147.

В среднем одна яма вмещает 2,5 тонны зерна (Сараев, 2011, с. 195-199), что позволяет предполагать развитие обменных процессов и торговли. Следовательно, небольшие поселки и усадьбы предгорных равнин являлись пользователями этих систем и представляли собой земледельческую округу крупных поселений предгорной зоны.

Значение Каргалинского древнего историко-географического района сложно переоценить. Он представляет все этапы развития человечества на данной территории от палеолита до современности. При этом мы провели краткий обзор только его предгорной части. Высокогорная зона уже отмечена в истории Казахстана уникальной находкой Кар-

галинского клада. Надеемся, что дальнейшие исследования позволят более детально и широко представить развитие микрорайона на ранних этапах отечественной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. - № 26 - М.- Л., 1952. – 346 с.
- Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке // КСИИМК. – Вып. 5. – 1940. – С. 23-31.
- Горячев А.А. Археологический комплекс Бутакты-I на юго-восточной окраине города Алматы // Алматы – история тысячелетия. - Алматы, 2008. - Выпуск первый. - С. 69-76.
- Горячев А.А. Стоянка и могильник раннего железного века археологического комплекса Тургенъ-II // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. - Алматы, 2011. - С. 325-341.
- Горячев А.А., Сараев В.В. К вопросу о хозяйственно-культурном развитии древнего населения Алматы // Известия НАН РК / Серия общественных и гуманитарных наук. – Алматы, 2015. - № 6 (304). - С. 5-18.
- Горячев А.А., Сараев В.В. К вопросу о хозяйственно-культурном развитии древнего населения Алматы // Известия НАН РК / Серия общественных и гуманитарных наук. – Алматы: Изд-во НАН РК, 2015. – № 6 (304). – С. 5-18.
- Горячев А.А., Сараев В.В., Потапов С.А. Археологические памятники эпохи бронзы и раннего железного века Жамбылского района Алматинской области // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района – Алматы, 2016. - С. 19-26.
- Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. - Алма-Ата, 1974. – 273 с.
- Мотов Ю.А. Могильник эпохи бронзы Каргалы-I // История и археология Семиречья. - Выпуск 3. - Алматы, 2007. – С. 80-87.
- Отчет о НИР «Генезис древних поселений Северного Притяньшанья» // Архив ТОО «Археологическая экспертиза». - Алматы, 2016. – 281 с.
- Сараев В.В. К вопросу изучения археологических памятников Заилийского Алатау // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата, 1992. – С. 82-88.
- Сараев В.В., Первых Н.М. Каргалинские камни с чашевидными знаками // История и археология Семиречья. - Выпуск 2. – Алматы, 2001. – С. 165-170.
- Сараев В.В. Принцип построения оросительных систем в предгорьях древнего Семиречья (К вопросу о земледелии на территории Семиречья в древности) // История и археология Семиречья - Выпуск 3. - Алматы, 2007. – С. 120-128.
- Сараев В.В. К вопросу о функциональном назначении хозяйственных ям при поселениях позднего средневековья и нового времени северного склона Заилийского Алатау // История и археология Семиречья - Выпуск 4. - Алматы, 2011. – С. 195-199.
- Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Алматинская область – Алматы, 2009. – 106 с.
- Таймагамбетов Ж.К. Древнейшая стоянка первобытного человека вблизи г. Алматы // Алматы. История тысячелетия. Выпуск 1 - Алматы, 2008. – С. 34-40.

Ежелгі Қарғалы тарихи-географиялық микроауданы

Түйін

«Солтүстік Тянь-Шанның ежелгі қоныстарының генезисі» жобасы бойынша Қарғалы микроауданында жүргізілген зерттеулер Қайнар, Майбұлақ, Ынтымақ және Қарғалы шатқалдарынан 80-нен аса әртүлі ежелгі және ерте ортағасырлық ескерткіштерін ашуға мүмкіндік берді, оның ішінде ежелгі каналдарға қосатын тармақталған суару жүйесі, арықтар, су жинақтаушылар және акведуктер бар. Ежелгі Қарғалы тарихи-географиялық микроауданы осы территориядағы адамзат дамуының тас ғасырынан бастап қазіргі уақытқа дейінгі бар кезеңдерді көрсетеді.

Табиғи-географиялық жағдай, климаттық және экологиялық шарттар Іле Алатауының солтүстік беткейлеріндегі ерте темір дәуірі тұрғындарының өмір сүруінің өзіндік құрылысының пайда болуы мен ұзақ уақыт тұруына ықпал етті. Зерттеулерге сәйкес жер игерушілер жеке шаруашылық аулалар және тау аңғарындағы жазықтардағы шағын ауылдарда тұрды. Тау шатқалынан шығар тұстағы ірі қоныстарда қолөнер-ауыл шаруашылығы орталықтары болды, онда тау өзені аңғарының барлық қоныстары олардың ауданын құрады. Мал шаруашылығын дамытудың бастапқы аймағы таулы шатқалдардың аузынан альпі шалғындарындағы биік таулы шоқыларға дейінгі аумақ болып табылады. Шаруашылық құрылымы мен табиғи ресурстар қолөнердің (металлургия, көзешілік және тоқымашылық) және үй саудасының жақсы дамуына мүмкіндік берді.

Sarayev V.V.

Kargaly ancient historical and geographical residential district

Summary

Researches of the Kargaly residential district within the Project: “Genesis of Ancient Settlements Northern Tien-Shan region” in Kargaly’s gorges, Kainar, Maibulak and Yntymak allowed to designate over 80 various sites of Antiquity and the Early Middle Ages, including the ancient branched irrigational system which includes channels, aryk, reservoirs and aqueducts. Ancient Kargaly historical and geographical the residential district represents all stages of development of humanity in this area from the Paleolithic to the present days.

The natural and geographical situation, climatic and ecological conditions promoted emergence and long-term functioning of the revealed peculiar structure of life supporting of the population in the Early Iron Age at northern slopes of Trans Ily Alatau. According to results of researches, farmers lived the certain economic yards and small settlements on foothill plains. Large settlements at the exit from mountain gorges represented the craft and agricultural centers where all settlements of the valley of the mountain river made to their district. The territory from mouths of mountain gorges to mountain plateaus around the Alpine meadows becomes a zone of primary development of cattle breeding. The economic structure and natural resources allowed developing rather successfully crafts (metallurgy, pottery and weaving) and house crafts.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Потапов С.А.
Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ ХРЕБТА ЕШКИОЛЬМЕС

Горная система Жетысу (Джунгарского) Алатау состоит из нескольких параллельных высоких хребтов, расположенных между долинами реки Или и Алакольской впадиной. Главные из них – Северный и Южный – соприкасаются друг с другом в Коксу-Боротальском горном узле, служащем водоразделом между верховьями противоположно текущих рек: Коксу (на запад) и Боротал (на восток). Севернее и южнее главных хребтов расположен ряд коротких отрогов. Абсолютные высоты хребтов превышают 4000 м; они имеют снежные вершины и многочисленные ледники длиной до 5-6 км. Кроме острых вершин для рельефа Джунгарского Алатау типичны высоко лежащие платообразные пространства, расположенные на разных уровнях. Они как бы придают внешним склонам всей горной системы ступенчатый характер.

Климат Джунгарского Алатау характеризуется переходными чертами – от влажного к более засушливому. В джунгарском типе структуры высотно-зональных геосистем наблюдается своеобразное сочетание сибирских и среднеазиатских горных видов ландшафтов. На северных склонах хребтов достаточно четко выражен сибирский облик (доминируют луга и леса), а южным свойственны среднеазиатские черты горной природы (преобладают степи) [Чупахин, 1987, с. 121-122].

По своим природно-климатическим характеристикам Джунгарский Алатау соответствует провинциям Северного Тянь-Шаня благодаря географической близости, где имеются все условия для развития комплексной системы хозяйствования. В пределах определенных микрорайонов возможно параллельное сосуществование у древнего населения поливного земледелия, отгонного скотоводства, садоводства и бахчеводства. Наличие в горной зоне открытых источников полезных ископаемых способствовало развитию металлургии, гончарства и других видов ремесел.

Археологические комплексы эпохи бронзы и раннего железного века на северных склонах Джунгарского Алатау известны в долинах рек Тентек, Биен, Лепсы и Аксу, в долинах Арасан, Капал и Каскарау, в районе гор Баянжурек и т.д. Как правило, на выходе из горных ущелий и в предгорных долинах расположены цепочки курганов, некоторые из которых насчитывают несколько десятков курганов. Древние поселения расположены преимущественно в устьях горных ущельев или небольших закрытых долинах. Археологические исследования проводились на поселениях Буйен, Тасбас, Калакай [Марьяшев, 2002, с. 113-115; Горячев, 2007, с. 21-4; Карабаспакова, 2011, с. 23-30]. Это многослойные памятники, включающие в себя слои эпохи бронзы и раннего железного века, что свидетельствует о традиционности выбора мест поселений, системе хозяйственного использования территории региона и укладе жизни древнего населения.

У южных склонов хребта Джунгарский Алатау, выходящих с севера к долине самой крупной реки региона – Или, известны крупные могильники раннего железного века, часть из которых ныне затоплена Капчагайским водохранилищем после предварительного их исследования [Акишев, Кушаев, 1963].

Изучение южных склонов хребта началось позднее – в 80-90-е гг. XX века. В результате выяснено, что данный регион был плотно заселен как в эпоху бронзы, так и в раннем железном веке. Поселения и погребальные памятники сосредоточены на невысоких плато и в небольших саях вдоль русел горных рек Борохудзир, Усек и других, являющихся правыми притоками реки Или [Марьяшев, Мотов, Горячев, Потапов, 2007, с. 210-212].

Но наиболее изученными из всех являются археологические памятники древних периодов у западных отрогов Джунгарского Алатау. Здесь же протекают две крупнейшие реки Жетысу – Коксу и Каратал. Археологические

комплексы эпохи бронзы и раннего железного века в районе аулов Бигащ, Жалгызгащ и Шанырак представляют наиболее известные памятники региона [Марьяшев, 2002, с. 37-112; Байпаков, Марьяшев, Горячев, Потапов, 2005; Фрачетти, Марьяшев, Доумани, 2014, с. 15-22].

Хребет Ешкиольмес является западным отрогом Джунгарского Алатау (высота над уровнем моря 1300 м), вытянутым в широтном направлении на расстояние около 30 км. Южные склоны хребта круто обрываются к одной из многоводных рек Жетысу – Коксу. На сегодняшний день в долине реки Коксу, протекающей вдоль южных и западных склонов хребта Джунгарский Алатау, известны могильники и поселения различных эпох. Так наиболее древние комплексы эпохи бронзы сосредоточены в основном на выходе реки из горных теснин в районе хребта Ешкиольмес (Куйган, Талапты, Шанырак), у перевала Оркайынды. Поселения и могильники раннего железного века помимо перечисленных районов обследованы ранее на высокогорных долинах в районе поселка Рудничный и аулов Коксу, Бериктас, Шубар и других.

Живописная и плодородная долина реки Коксу стала для древних людей своеобразной экологической нишей (рис. 1). Более четырех тысячелетий назад долина была освоена и плотно заселена. Горы прикрывали поселения от холодных ветров в зимнее время, а когда равнина была закрыта снегом, на южных бес-снежных склонах для скота был корм. Лес в пойме реки шел на отопление. Воды было достаточно и в реке, но население использовало небольшие ручьи, стекающие с гор, для орошения полей и в хозяйстве. Вверх по течению реки в горах Шыбынды расположены летние пастбища-джайлау, которые использовались как древним, так и современным населением. Крупные могильники раннего железного века, состоящие из курганов диаметром свыше 20 м и до 50 м, также занимают холмы и возвышенности на всем протяжении реки от села Шанырак в низовьях и до села Коксу в верховьях. В сравнении с эпохой бронзы в раннем железном веке численность населения района значительно увеличилась: об этом свидетельствуют многочисленные могильники сакских племен. Они тянутся по

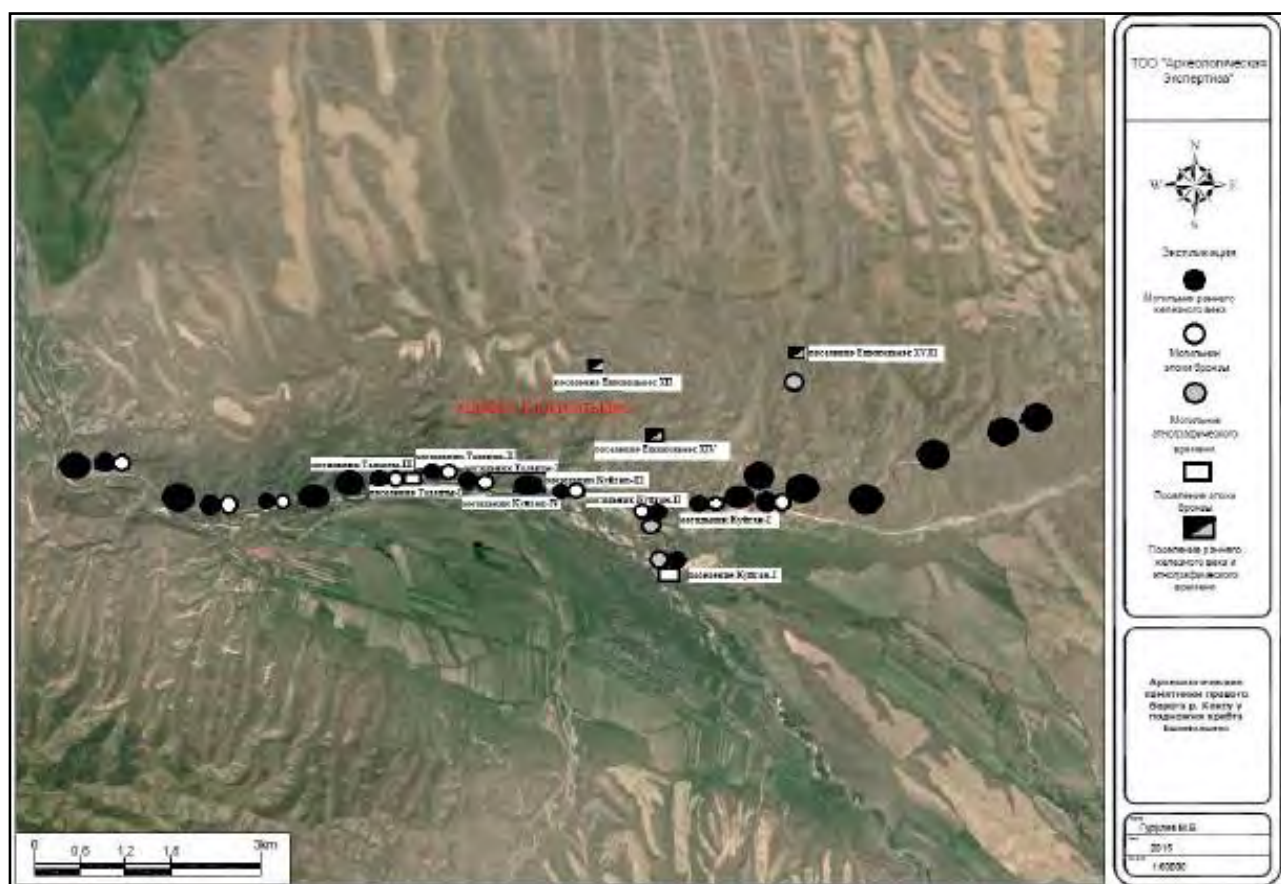

Рис. 1. Google-карта археологических памятников по правому берегу реки Коксу у южных склонов хребта Ешкиольмес.

правому берегу Коксу на 20-25 км почти не прерываясь. Раскопки погребений позволили установить, что могильники принадлежали разным племенам: встречаются захоронения в грунтовых ямах, в каменных конструкциях и в курганах с подбоем с северной стороны. Иногда погребения этого времени устраивались прямо поверх захоронений эпохи бронзы. Однако скотоводческих стоянок найдено немного. Вероятно, это было связано с тем, что они строили временные легкие жилища, следы которых не прослеживаются на поверхности [Байпаков, Марьяшев, Горячев, Потапов, 2005, с. 44-46].

На террасах и по правому берегу притока реки Коксу Ащибулак, а также у подножия и в предвершинной части хребта Ешкиольмес обнаружено около двадцати древних поселений. Как правило, они находятся на пологих склонах с южной экспозицией и состоят из 5-10 полуземлянок. Жилища устраивались на узких площадках в несколько ярусов. Стены выкладывались из камней, кое-где сохранились на высоту около 1 м. В некоторых случаях прослеживаются входы в помещения.

Наиболее крупные из таких поселений сосредотачиваются обычно в ущельях гор Ешкиольмес с большим количеством петроглифов (ущелья 5, 12, 14, 18, 19, 20, 24).

Древнейшие могильники региона относятся к эпохе бронзы. В западной части хребта погребальные конструкции в виде оград, каменных ящиков и цист отмечены по берегу реки или у подножия крутых южных склонов горной гряды. Исследования, проведенные на некоторых из них, показали, что они относятся как к андроновскому времени (XVI-XIII вв. до н.э.), так и к периоду поздней и финальной бронзы Жетысу (XII-IX вв. до н.э.) [Байпаков, Марьяшев, Горячев, Потапов, 2005, с. 50-52]. Но если погребальные конструкции андроновского времени обнаружены на участке между ущельями №2 и №8, то памятники поздней бронзы концентрируются в районе ущелий №9 и №10. Интересно также то, что в верховьях ущелий №2, №5 и №6 известны следы древних поселений, а поселение поздней и финальной бронзы Талапты-I устроено на территории кладбища андроновского периода Талапты-III.

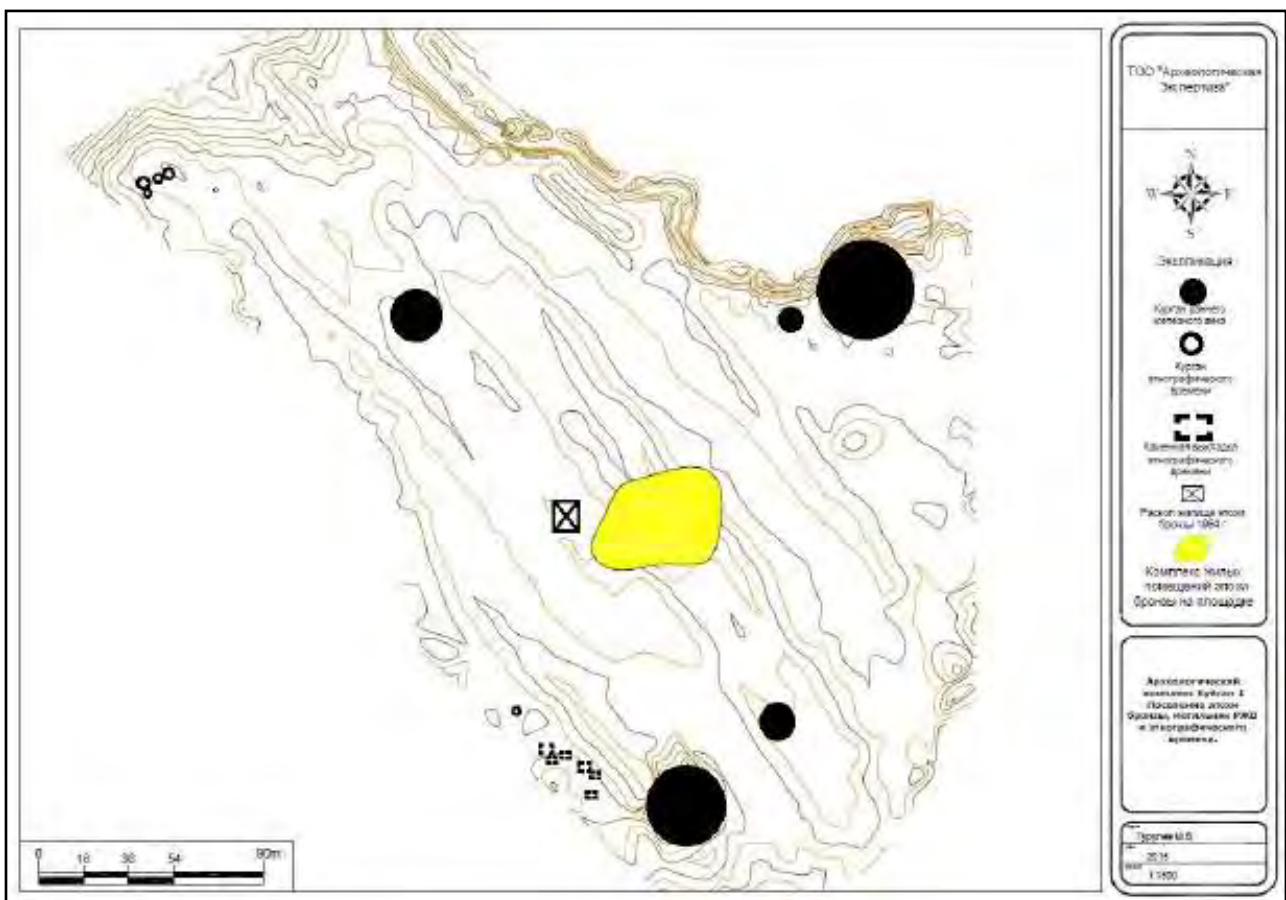

Рис. 2. Топографический план археологического комплекса Куйган-I.

В центральной части у южных склонов хребта поселение эпохи бронзы зафиксировано на мысу между рекой Коксу и ручьем Ащибулак (рис. 2). Археологический комплекс Куйган-I находится в 10,5 км вверх по течению по правому берегу р. Коксу от плотины, в 800 м к востоку от села. Комплекс расположен на ровной площадке между левым берегом ручья Ащибулак и правым берегом реки Коксу, на пашне. Комплекс состоит из поселения эпохи бронзы, слой которого установлен раскопом, размерами 12x9 м, на глубине ниже 1 м могильника, состоящего из 5 курганов раннего железного века (в 2004 году их было еще 14) и 11 этнографических захоронений.

Площадь поселения, по предварительным подсчетам, составляет 6000 м². Его центром является крупная площадка подпрямоугольной формы, расположенная в наиболее широкой части мыса. Размеры площадки 52x36 м. На ее территории фиксируется керамика эпохи бронзы. Также достаточно плотно скопления фрагментов керамики обнаруживались по берегу реки и на восточном склоне мыса, где прослеживаются площадки пригодные для

жилища. Часть жилищ эпохи бронзы и погребений раннего железного века уничтожены в результате постепенного разрушения берега реки Коксу. Вероятно, это было наиболее крупное поселение земледельцев данного участка Коксуской долины.

Напротив поселения у подножия хребта фиксируются могильники эпохи бронзы. Всего на сегодняшний день зафиксировано около 100 погребальных сооружений этого времени. Однако опыт их изучения показывает, что многие объекты сокрыты под аллювиальными наносами из горных ущелий. Интересно также, что скопления наскальных рисунков с наиболее яркими и многочисленными сюжетами эпохи бронзы концентрируются как раз в ущельях (№ 5, 6, 10, 14, 18), на выходе из которых устроены древние кладбища.

Могильники раннего железного века занимают практически всю террасу правого берега реки Коксу от западной оконечности хребта до его центральной части. В отличие от многих регионов Северного Приитальянья в долине реки Коксу поселения бронзового века не перекрыты слоями жилищ раннего железного

Рис. 3. Поселение раннего железного века и средневековья Ешкиольмес XIV на космоснимке в верховьях ущелья №14 хребта Ешкиольмес.

века. Они обнаруживаются в верховьях горных ущелий, где сохранились следы действовавших в древности родников, ныне почти полностью пересохших. Исследования проводились на поселении Ешкиольмес XIV.

Поселение находится в 3 км к северу от села Талапты. Памятник расположен на южном склоне хребта Ешкиольмес, спускающегося в долину Коксу, в глубине ущелья № 14 по обоим берегам ручья, функционирующего сезонно (рис. 3). На поверхности прослеживаются остатки 17 каменных фундаментов жилищ позднего средневековья и этнографического времени, небольшие западины и 11 жилищных ям, врезанных в склон – котлованы жилищ раннего железного века. В восточной части поселения зафиксированы наскальные изображения на скале у ручья.

Жилища раннего железного века представляют собой полуземлянки прямоугольной и округлой форм, состоящих из 1-3 секций-комнат. Размеры жилищ от 4х4 м до 18х6 м, глубиной до 0,8 м. Полуземлянки расположены в 2 ряда вдоль левого берега ручья на крутом склоне. С юга они окружены обваловкой, высотой 0,3–0,5 м и размерами 16х42 м, вероятно, служившим загонem для скота. Общая площадь жилых конструкций раннего железного века составляет около 3000 м². Фундаменты стенок наземных жилищ сложены из крупных плоских камней, уложенных плашмя и обмазанных глиной. Внутри жилища разделены на секции – комнаты от одной до трех, основания стенок которых также выложены из камней. Размеры жилищ варьируют от 2х3 м до 9х12 м. Площадь поселения, по предварительным подсчетам, составляет 4000 м².

В результате археологического шурфа установлено, что наземные многокомнатные жилища функционировали как в средневековье, так и в этнографическое время. Кроме того, на выходе из ущелий 12, 14, 18, 22 были обнаружены остатки каменных конструкций одиночных этнографических жилищ, что заставило обратить внимание и на этот вид памятников хребта Ешкиольмес. В результате было выяснено, что в районе скоплений петроглифов в предвершинной части хребта устраивались как отдельные такие жилища, так и целые поселки, насчитывающие до 20

конструкций. Это типичные зимовки, в укрытых от ветра горных ущельях на площадках с южной экспозицией в районах сезонных родников, действующих обычно от поздней осени до ранней весны.

Крупные поселки зафиксированы в верхней части ущелий 11, 12, 14, 18, 19, 22. В ущелье 18 над поселком обнаружен крупный этнографический могильник, занимающий всю территорию небольшого перевала (рис. 1). Первые предварительные археологические исследования показали, что поселения функционировали неоднократно в течение позднего средневековья и этнографического времени, о чем свидетельствуют и находки фрагментов крупных сосудов типа хумчи и фарфоровых кисе. Хотя не исключено, что впервые подобные поселки появляются еще в раннем железном веке.

Наиболее крупным памятником исследуемого участка является могильник Куйган-II (рис. 4:1). Он находится в 10 км вверх по течению по правому берегу р. Коксу от плотины, в 1 км к северу от с. Талапты, на выходе из ущелья № 13. Могильник расположен на второй и третьей надпойменных террасах правого берега реки Коксу, структурно сложносоставной.

Всего на нем обнаружено 60 оград эпохи бронзы, из них было раскопано 25, в которых зафиксировано свыше 40 погребений. Размеры оград от 3х2 м до 8х6 м, высотой 0,1-0,2 м. Однако, значительная их часть находится под конусом выноса из ущелья № 13 и на поверхности не прослеживается. Часть оград сползает постепенно в овраг, разрушается полевыми дорогами. В центральной части могильника фиксируются каменные ограды квадратной или прямоугольной форм, внутри которых найдено по одному захоронению в каменных ящиках, размерами до 2х1,2 м (рис. 4: 2). Умерших хоронили по обряду трупоположения, скорчено на левом боку, головой на запад. В некоторых случаях внутри или с наружной стороны ограды находятся каменные ящики с захоронениями детей.

В западной части могильника обнаружены от двух до семи погребений в каменных цистах внутри каждой ограды, к тому же разделенных внутри на несколько секций (рис. 4: 3, 4). Погребальный обряд представлен захороне-

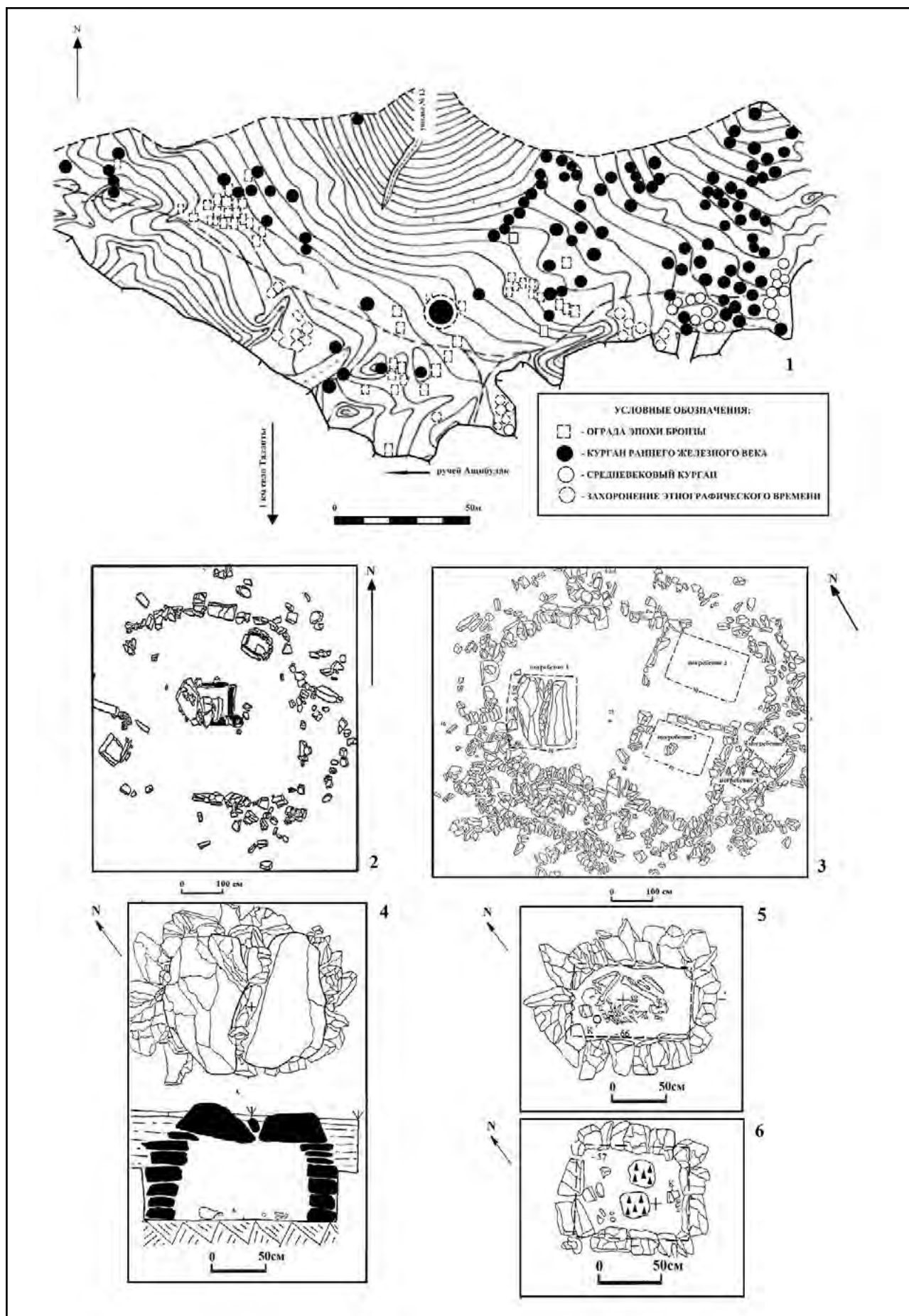

Рис. 4. Могильник Куйган-П: 1 – могильник Куйган-П на космоснимке;
2-6 – погребальные сооружения эпохи бронзы могильника.

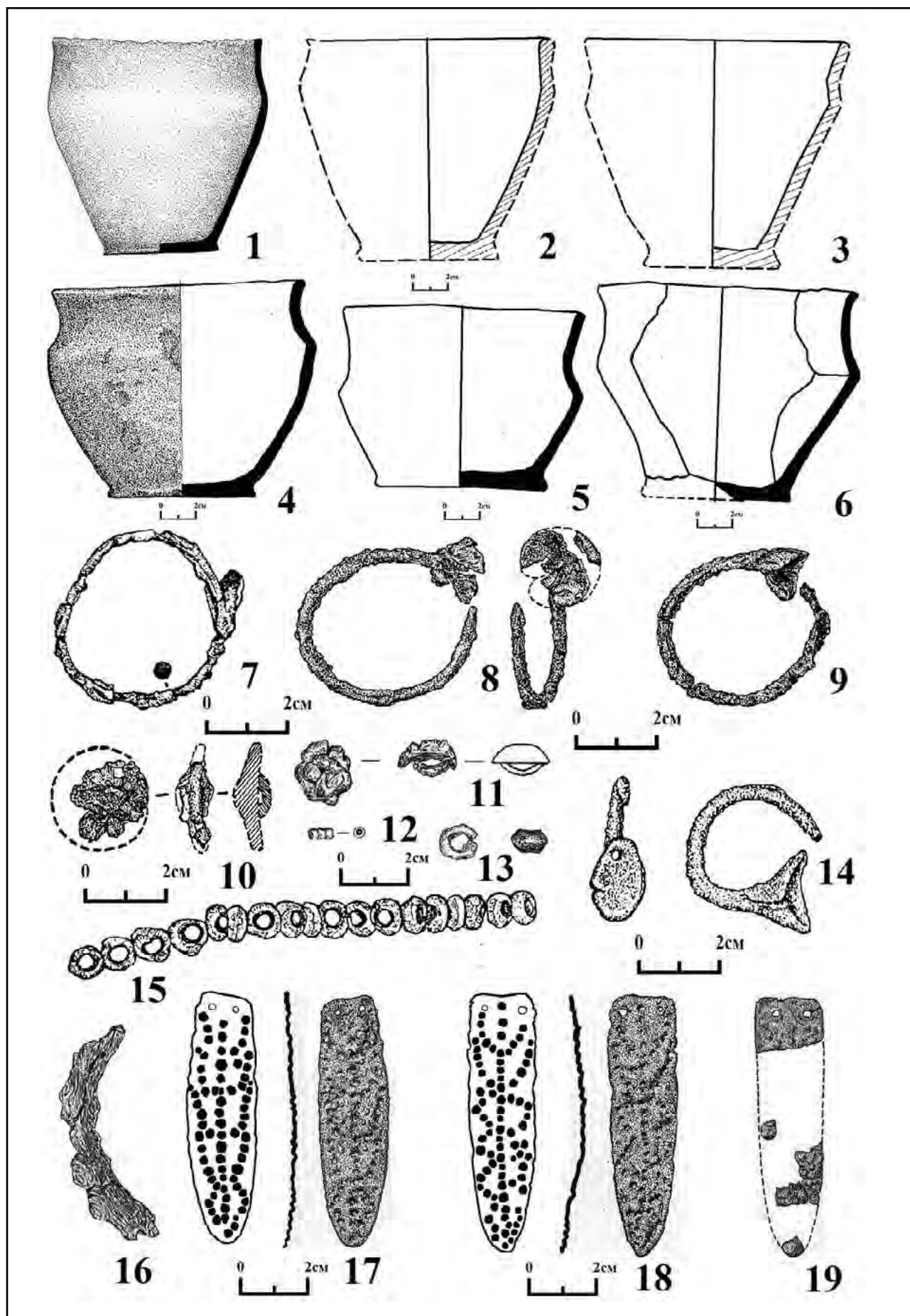

Рис. 5. Вещевой инвентарь из раскопок погребений эпохи бронзы могильника Куйган-II:
1-6 – керамика, 7-19 – бронза.

ниями по обряду трупоположения, скорчено на левом боку, головой на запад или по обряду трупосождения (рис. 4: 5, 6). Прах погребенного обычно фиксируется в виде скопления кальцинированных костей у западной стенки могилы. В некоторых случаях оба обряда встречаются внутри одной ограды, иногда даже в одном погребении. Полученный вещевой и керамический материалы (рис. 5) позволили считать более древними захоронения в западной части могильника и датировать их XVI–XIII вв. до н.э. Погребения эпохи бронзы в центральной части могильника соотносятся с памятниками рубежа II–I тысячелетий до н.э.

В состав могильника входят 93 кургана и 13 оград раннего железного века, из которых 6 курганов были исследованы. Также много курганов западной и центральной части могильника находятся под конусом выноса ущелья № 13. Насыпи курганов сложены из земли и камней пологие оплывшие, сильно задернованы, в некоторых случаях в верхней части уплощены. Диаметры насыпей курганов от 4 до 25 м, высота от 0,1 до 2,5 м. По периметру и в центре насыпи некоторых курганов прослеживаются кольцевые каменные выкладки. В некоторых случаях с северной и западной сторон курганов обнаруживаются каменные жертвенные выкладки. Округлой формы до 1,5 м в диаметре, и овальной, размерами до 3х1,5 м. Ограды кольцевых и овальных форм сложены из крупных речных валунов. Диаметры оград от 3 до 8 м, высотой от 0,1 до 0,4 м. Часть курганов сползает постепенно по берегу ручья, разрушаются полевыми дорогами и оврагами. Курганы и ограды раннего железного века рассредоточены по всей территории могильника компактными группами и цепочками, ориентированными по оси как запад – восток, так и север – юг. Это означает, что могильник этой эпохи формировался постепенно и, вероятно, также от западной части памятника на восток, что подтверждается результатами раскопок. Основная часть исследованных курганов относится к периоду от III века до н.э. до II века н.э.

В центре всего могильника расположен наиболее крупный курган диаметром 25 м и высотой 2,5 м. Вокруг кургана прослеживается двойная кольцевая каменная ограда диамет-

ром 40 м. С западной стороны ограды выделяются несколько каменных конструкций разнообразных форм. Местоположение кургана и особенности устройства не исключают ритуальный характер объекта и принадлежность к эпохе бронзы.

Захоронения этнографического времени сосредоточены вдоль берега ручья Ащибулак в южной части могильника и представляют собой каменные выкладки округлой и овальной форм, как примыкающие друг к другу, так и стоящие отдельно и вытянутые в цепочку, ориентированную по оси запад – восток. Всего обнаружено 19 погребений квадратной и овальной форм, размерами от 2х3 м до 7х7 м, высотой от 0,1 до 0,4 м и 7 курганов округлой формы, диаметрами от 3 до 9 м, высотой от 0,2 до 0,4 м. Часть могил сползает постепенно по берегу ручья.

Другим наиболее крупным комплексом эпохи бронзы и раннего железного века в долине реки Коксу в районе хребта Ешкиольмес является комплекс Талапты-I (рис. 6). Памятник состоит из поселения поздней бронзы и могильников андроновского периода эпохи бронзы и раннего железного века. Достаточно длительное время этот памятник являлся одним из ключевых при изучении поселений бронзового века Жетысу. На правом берегу реки Коксу от ущелья № 8 до ущелья № 10 сосредоточены другое поселение и могильники археологического комплекса эпохи бронзы Талапты. Как правило, поселение и могильники в долине реки Коксу находились на некотором расстоянии друг от друга (300–400 м) и были устроены на сухой верхней террасе реки Коксу на ровном месте.

Поселение Талапты-I расположено на правом берегу р. Коксу, на 10–12 м выше уровня реки, в 5 км к востоку от западной оконечности хребта, в 600 м западнее могильника Талапты-II. Общая площадь поселения, по предварительным подсчетам, составляет 4000 м². Изучение жилища производилось в полевых сезонах 1987–1989 гг. авторами под руководством д.и.н. А.Н. Марьяшева. Реконструируемое большое жилище (рис. 7: 1) представляет собой полуземлянку прямоугольной формы, размерами 12 х 18 м, по внешнему периметру. Котлован жилища составлял грунтовую яму, размерами 16х11 м. Вход в жилище находился с

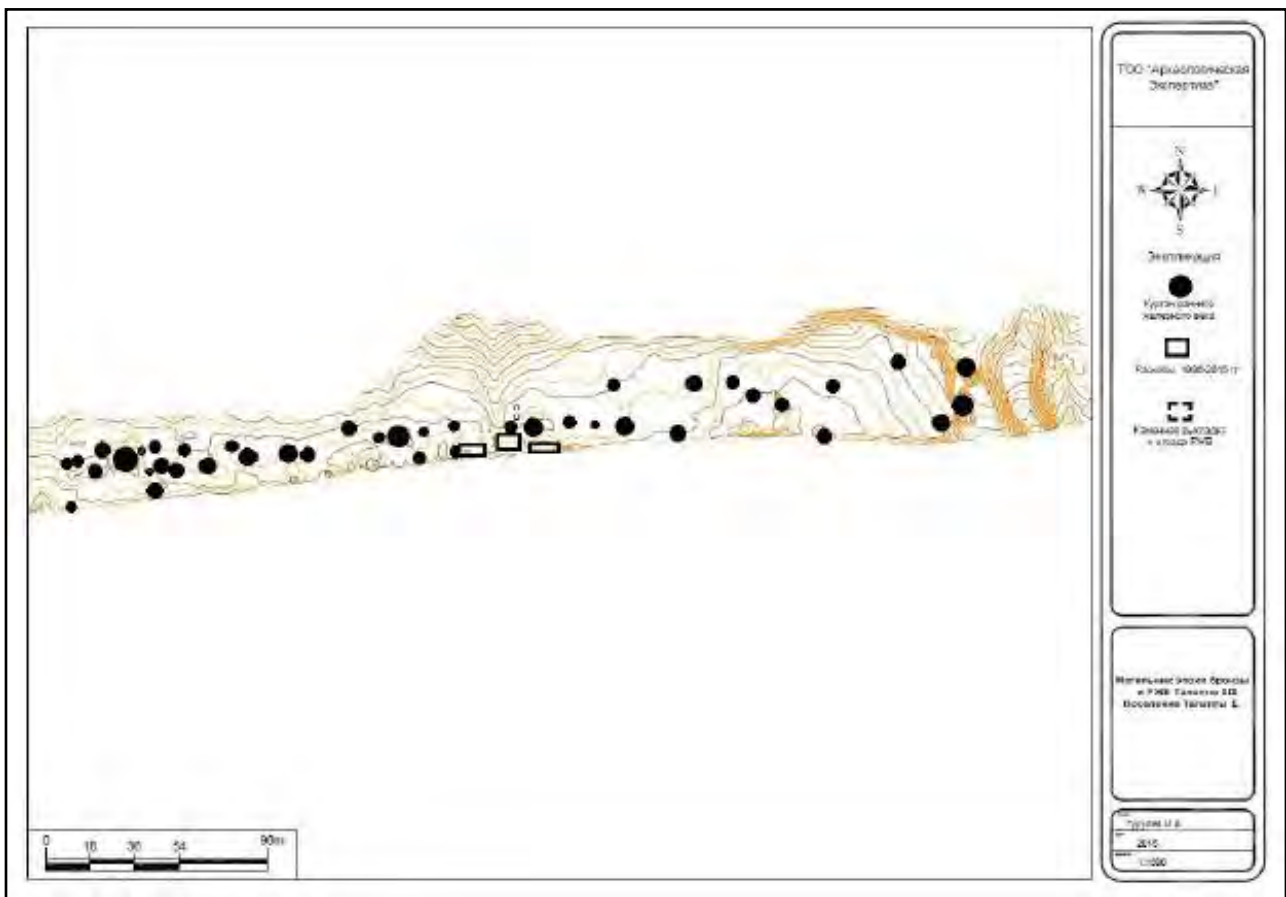

Рис. 6. Топографический план поселения Талапты-I и могильника Талапты-III.

восточной стороны и имел Г-образную форму. Пол в полуземлянке плотно утрамбован, к центру слегка понижался (глубина 1,05-1,2 м), к входу постепенно повышался (глубина 60 см). По периметру жилища располагались столбовые ямы для несущих деревянных конструкций полуземлянки.

В центре жилища размещен единственный очаг прямоугольной формы, сложенный из крупных каменных плит, вкопанных на ребро. Размеры очага – 2,4 x 2,2 м. Вокруг очага располагалось несколько ям хозяйственного назначения. В них обнаружены кости мелкого и рогатого скота (в одной – почти полный разрозненный скелет молодняка домашней овцы). К востоку и югу от жилища устроены две крупные хозяйственные ямы, обложенные внутри ровными каменными плитами по дну и стенкам, сверху также перекрывались крупными камнями. Они могли выполнять функции холодильных камер – хранилищ продуктов питания.

Такой тип жилищ относится к однокамерным каркасно-столбовым конструкциям I категории андроновского времени по классификации

Е.Е. Кузьминой [Кузьмина, 1994, с. 74-77]. Очаг характерен для I типа андроновских очагов, наиболее распространенных на территории Северного и Центрального Казахстана в эпоху поздней и финальной бронзы [Кузьмина, 1994, с. 80].

Основной вещевой материал жилища керамический (рис. 7: 8-16, 18-21). Два сосуда обнаружены внутри северной стенки у входа в жилище. Один из сосудов с узкими каннелюрами по шейке и плавной профилировкой тулова был вставлен в сосуд со слабовыраженным уступом. Архаичность форм и необычность местонахождения позволяют считать эти сосуды ритуальными. У остальной посуды в виде горшков округлые плечики, и только на трех из них имелся уступ при переходе от шейки к тулову. Сохранились фрагменты двух сосудов с валиками по венчику. Орнамент на сосудах беден и размещался полосой по шейке сосуда к плечу, в основном это ряды косых и вертикальных насечек, зигзаги, горизонтальные линии, ряды круглых и ромбовидных вдавлений. Много фрагментов орнаментировано каннелюрами по шейке в два-три ряда. Изредка встречаются “жемчужины”.

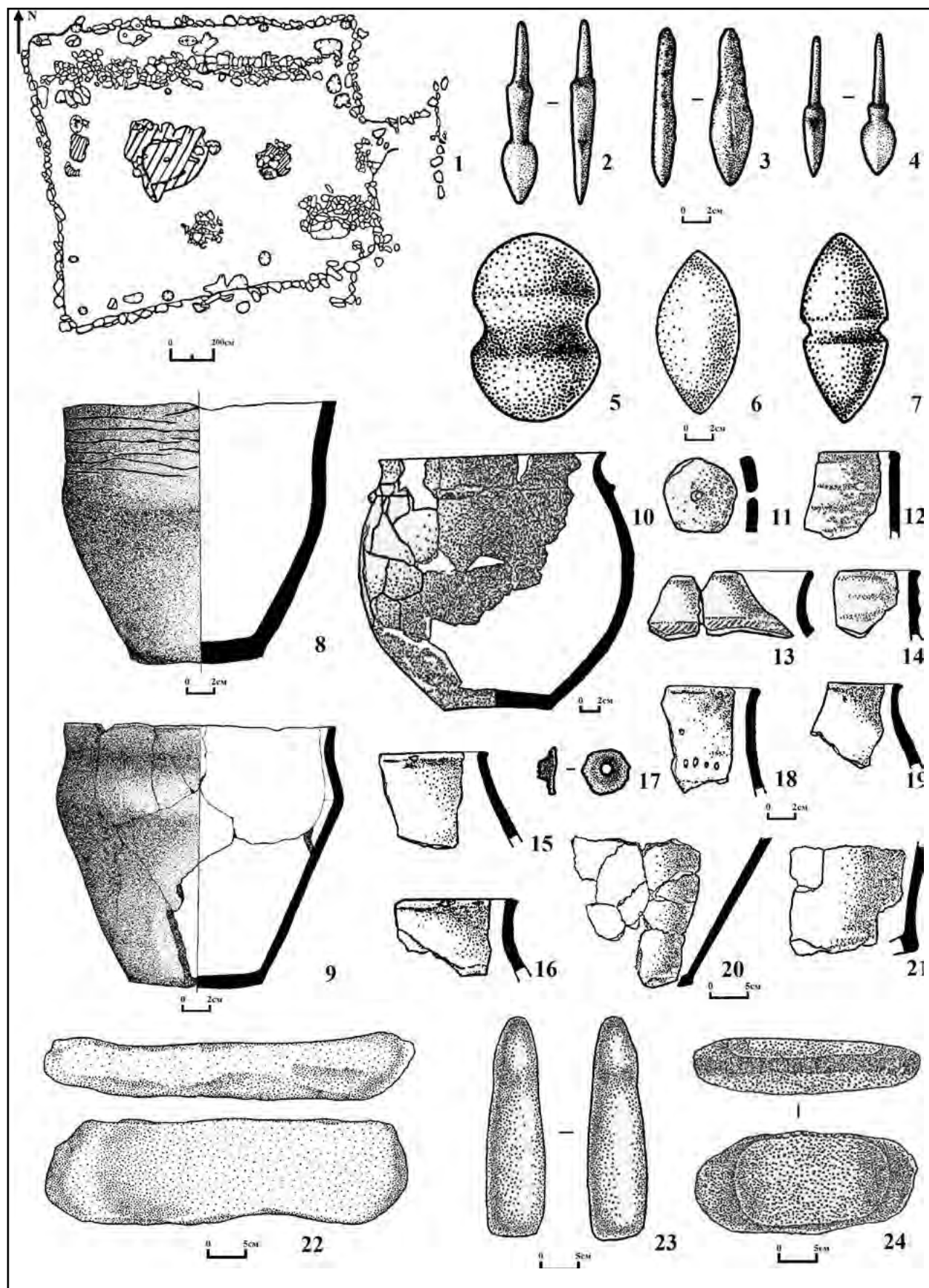

Рис. 7. Материалы археологических исследований жилища 2 поселения Талапты-I:
1 – план жилища, 2-4 – кость, 5-7, 22-24 – камень, 8-16, 18-21 – керамика, 17 – бронза.

Другой материал из жилищ – каменные изделия. Это песты, точила, терочки, ножевидные пластины, каменные ножи, изделия яйцевидной формы, скребла, мотыга, крышки к сосудам, пряслица (рис. 7: 5-7, 22-24). Костяные инструменты представлены целой серией черешковых наконечников стрел листовидной формы, проколок и шильев (рис. 7: 2-4). Интересно, что подобной формы наконечники стрел присутствуют в позднебронзовых батальных сюжетах петроглифов близлежащего ущелья [Марьяшев, Горячев, 2002, с. 31-32, табл. VI: 4, 5, 15].

Судя по материалу, поселение было однослойным и недолговременным. Керамика поселения близка саргаринским памятникам поздней бронзы [Маргулан, 1979, рис. 140], по ряду показателей она сближается с керамикой поселения Кент из Центрального Казахстана [Варфоломеев, с. 60]. Таким образом, поселение Талапты-I может быть отнесено к эпохе поздней и финальной бронзы и датировано рубежом II-I тыс. до н.э.

Строительство жилищ эпохи бронзы в долине реки Коксу имело свои особенности. Поверхность участков, которые выбирались для обустройства домов, представляли собой ровные площадки. Нормативная глубина сезонного промерзания грунта для суглинков составляет 92 см, для крупнообломочных грунтов и насыпных грунтов – 136 см, на данной территории – 95 см. В геолого-литологическом строении площадки принимают участие аллювиально-пролювиальные отложения верхне-четвертичного возраста, представленные суглинком и галечниковыми грунтами, перекрытыми почвенно-растительным слоем и местами насыпным грунтом. Насыпной грунт представлен суглинком с включением гравия, гальки, мощностью 0,2 м. Почвенно-растительный слой – суглинок гумусированный, твердой консистенции, с корнями растений, мощностью 0,3–1,5 м. Суглинок светло-бурого цвета, лессовидной просадочный, твердой консистенции, с включением карбонатов и ракушек, у подошвы слоя – с включением гальки и гравия до 20-30%, мощностью 0,4-2,4 м.

Грунтовые воды залегают на глубине более 20,0 м. Участок работ потенциально неподтопляемый. Данные грунтовые условия соот-

ветствуют условиям сейсмического участка II – А – 1 с сейсмичностью 9 баллов. Суглинки проявляют просадочные свойства от дополнительных нагрузок. Грунтовые условия площадки относятся к первому типу грунтовых условий по просадочности.

Основа жилища представляет полуземлянку трапециевидной формы (рис. 8: 1). Котлован жилища был устроен на глубине 1000–1200 мм от уровня древней поверхности земли, исходя из этого, следует, что по современной классификации этажности здания, жилище относится к цокольному устройству этажа. Внутреннее устройство комнат составляют общий объем жилища, которое имеет лишь один этаж.

Строительные материалы эпохи бронзы зависели от природно-климатических условий региона. Основные материалы – это дерево, глина с примесью извести, камни, солома. Несущие конструкции жилища выполнены из дерева (рис. 8: 2, 3). Обмазка внутреннего и наружного пространства – глина. Полы – щебень, глина, возможно солома. Очаг – каменная выкладка. Верхнее покрытие кровли – животные шкуры или дерн.

В предгорной и горной зоне Жетысу еще с периода ранней бронзы появляется традиция устройства каменных оснований стен как наружных, так и внутренних [Фрачетти, Марьяшев, Доумани, 2014, с. 20]. В жилище 2 таковой оказалась только северная стена, обращенная к горам. Ее укрепление, вероятно, потребовалось с тем, чтобы предотвратить оплыв стенки во время весенних паводков, которые регулярно проходили по устьям горных саев, близ которых было устроено поселение. Сами стены и крыши по-прежнему изготавливаются из местных пород деревьев.

Основная часть жилищ становится прямоугольной формы, общей площадью 80-120 м², хотя для жилищ общей площадью менее 80 м² сохраняется его квадратная планировка. Пол жилища равномерно засыпался щебнем, а затем заливался жидкой глиной с примесью известковых пород. Глубина ям для основных опорных столбов варьировалась от 100 до 400 мм, ямы заливались жидкой глиной. Столбы устанавливались по периметру жилища на расстояние 2-2,5 м. Высота этих столбов – 2,2-2,5 м. Стены штукатурились глинис-

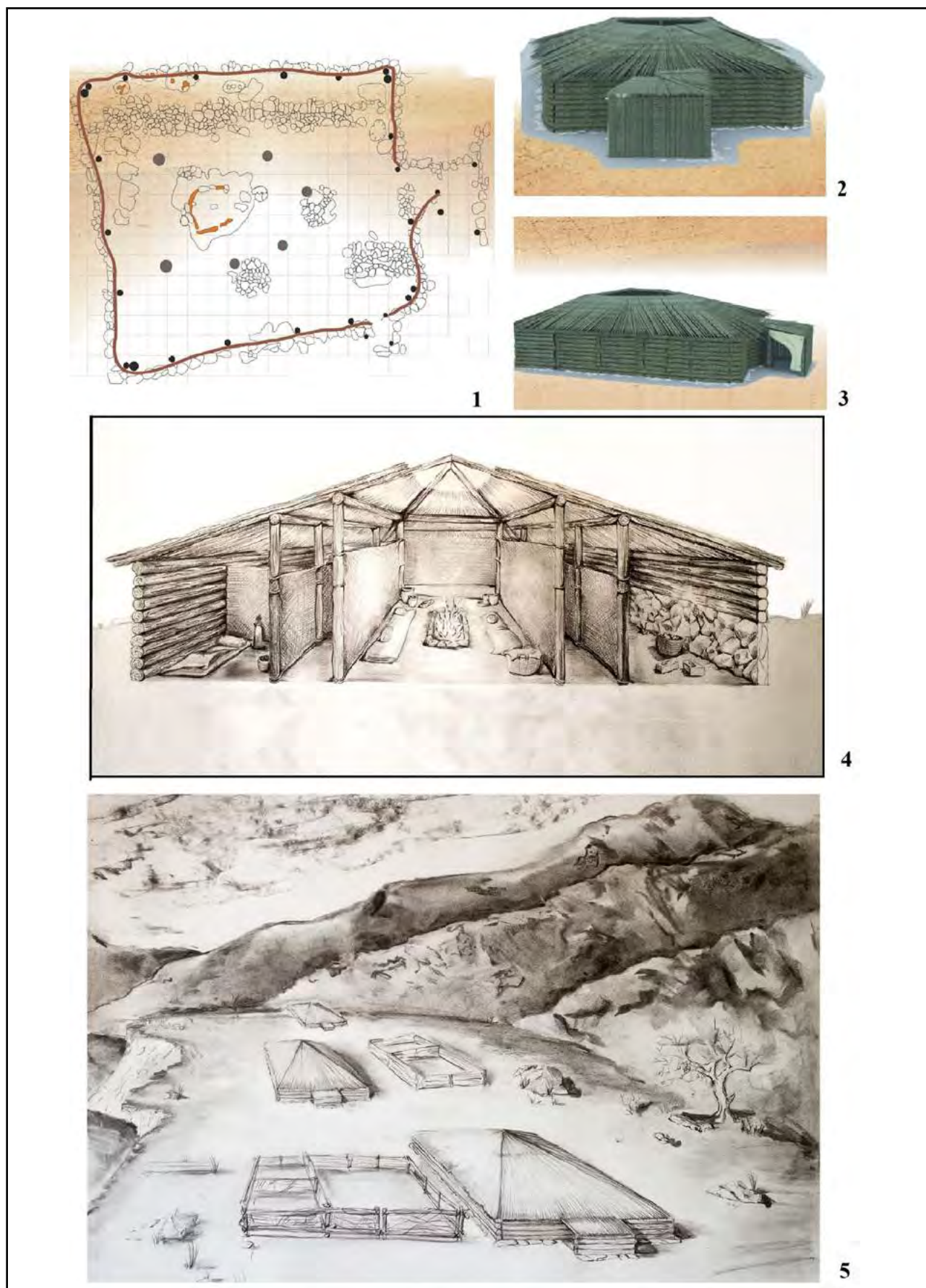

Рис. 8. Компьютерное макетирование и графические реконструкции жилища 2 поселения Талапты-I:

1, 3 – компьютерный макет плана жилища (инженер-архитектор – Мутагирова М.В.); 2 – план жилища;

4 – графическая реконструкция жилища эпохи бронзы, вид с восточной стороны (художник – Потапов К.С.),

5 – графическая реконструкция расположения жилищ на поселении эпохи бронзы Талапты-I, вид с восточной стороны (художник – Потапов К.С.).

тым раствором с примесью извести, это являлось сверхпрочным скреплением стен. На стены укладывались балки, длиной до 4 м, которые являлись опорой для конструкции кровли (рис. 8: 4).

Вокруг очага также устанавливались столбы, которые были основной опорой конструкций крыши. На эти столбы укладывались балки, которые составляли собой раму подквадратной или пятиугольной формы. Внутренние стены представляли собой плетение из вертикальных жердей и горизонтальных ветвей. Вся плоскость стен штукатурилась глинистым раствором так же, как и внешние стены. Дверные проемы устраивались до потолка и закрывались шкурами или тканями.

Кровельное покрытие было четырехскатным, это обусловлено природными условиями - быстрое изменение направления ветров и обильные осадки. Четырехскатная кровля позволяет осадкам не задерживаться на поверхности крыши. Кровля укладывалась на опорные балки и на основные перекладыны. Достаточно крупные ветки располагались вертикально. С внутренней стороны кровля предположительно обмазывалась глиной.

Таким образом, мы можем отметить в развитии домостроительства населения эпохи бронзы предгорной и горной зоны Джунгарского Алатау следующие традиции. При устройстве поселений на всех этапах выбирались места на выходе из горных ущелий или отдельных саев на высоких надпойменных террасах горных рек и ручьев (рис. 8: 5). Дома располагались на поселениях в виде отдельно стоящих хозяйственных дворов в 1-2 ряда по абрису надпойменных террас. Следы деревянных изгородей подтверждают наличие ограждающих конструкций по периметру отдельных жилых комплексов. Сооружались они из дерева, земли и камней. В некоторых случаях к жилищам пристраивались хозяйственные постройки.

В устройстве древних жилищ Талапты-I, в целом, отчетливо прослеживаются черты, характерные для культурно-бытовых традиций племен андроновской культурно-исторической общности: степных и лесостепных районов Казахстана, Южного Зауралья и Западной Сибири [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев,

1966, с. 126; Зданович, 1988; Зах, 1997]. Их дальнейшее развитие привело к появлению каменных оснований фундаментов стен, известных на территории Джунгарского Алатау с раннебронзового века. В позднебронзовом веке данная традиция распространяется повсеместно в горной зоне Заилийского Алатау и в Шуилийских горах [Марьяшев, Горячев, 2001, с. 112-123].

Интересный материал был обнаружен при раскопках древних захоронений эпохи бронзы на двух могильниках близ поселени Талапты. Могильник Талапты-I находится на верхней террасе р. Коксу, в 3 км к северу от села Талапты (рис. 9). Выявлено и раскопано 18 погребений. Могильник представлял собой конструкции из отдельных каменных оград, которые почти полностью разрушены. В могильнике Талапты-I существовали три варианта погребальных сооружений: ящики (10), ящикоцисты (6), цисты (2). Цисты в отличие от ящиков сооружались из каменных плит, уложенных горизонтально. Ящик-циста представляет собой комбинированный вариант погребальной камеры, в которой обычно восточные и западные стенки образованы вертикально вкопанными плитами, а южные и северные – уложенными горизонтально. Погребальные камеры в основном ориентированные по оси запад-восток, были заключены в ограды. Захоронения совершались по обряду кремации (3), ингумации (11) и кенотаф (4). Захоронения по обряду ингумации проводились в скорченном положении на левом боку, головой на запад. В одном случае скелет женщины лежал на правом боку. Сосуд устанавливался в изголовье. Вещественный материал беден, кроме керамики представлен только бусами (рис. 12: 5-7, 9-11). По типу надмогильных сооружений, обряду захоронения и сопровождающему инвентарю могильник Талапты I близок могильнику Каракудук, находящемуся близ урочища Тамгалы [Максимова, 1961, с. 62-71].

Могильник Талапты-II находится в 400 м западнее могильника Талапты-I (рис. 10). Могильник состоит из отдельных оград и цепочек оград каменных конструкций квадратной и прямоугольной форм, в которых обычно фиксируется 1-2 захоронения (рис. 11).

Раскопано 20 погребений, которые совер-

Рис. 9. Могильник эпохи бронзы и раннего железного века Талапты-I на космоснимке у ущелья №10 в западной части хребта Ешкюльмес.

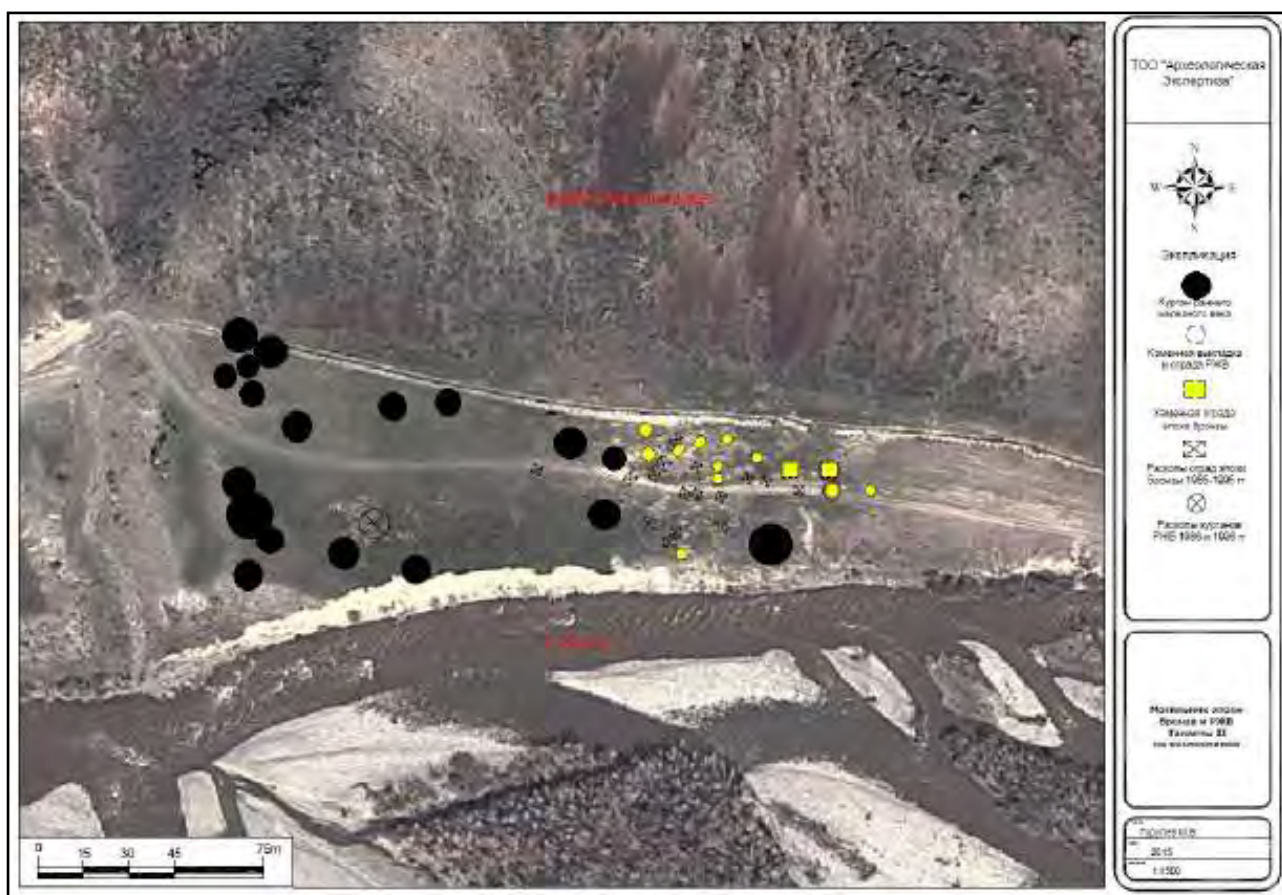

Рис. 10. Могильник эпохи бронзы и раннего железного века Талапты-II на космоснимке у ущелья №9 в западной части хребта Ешкюльмес.

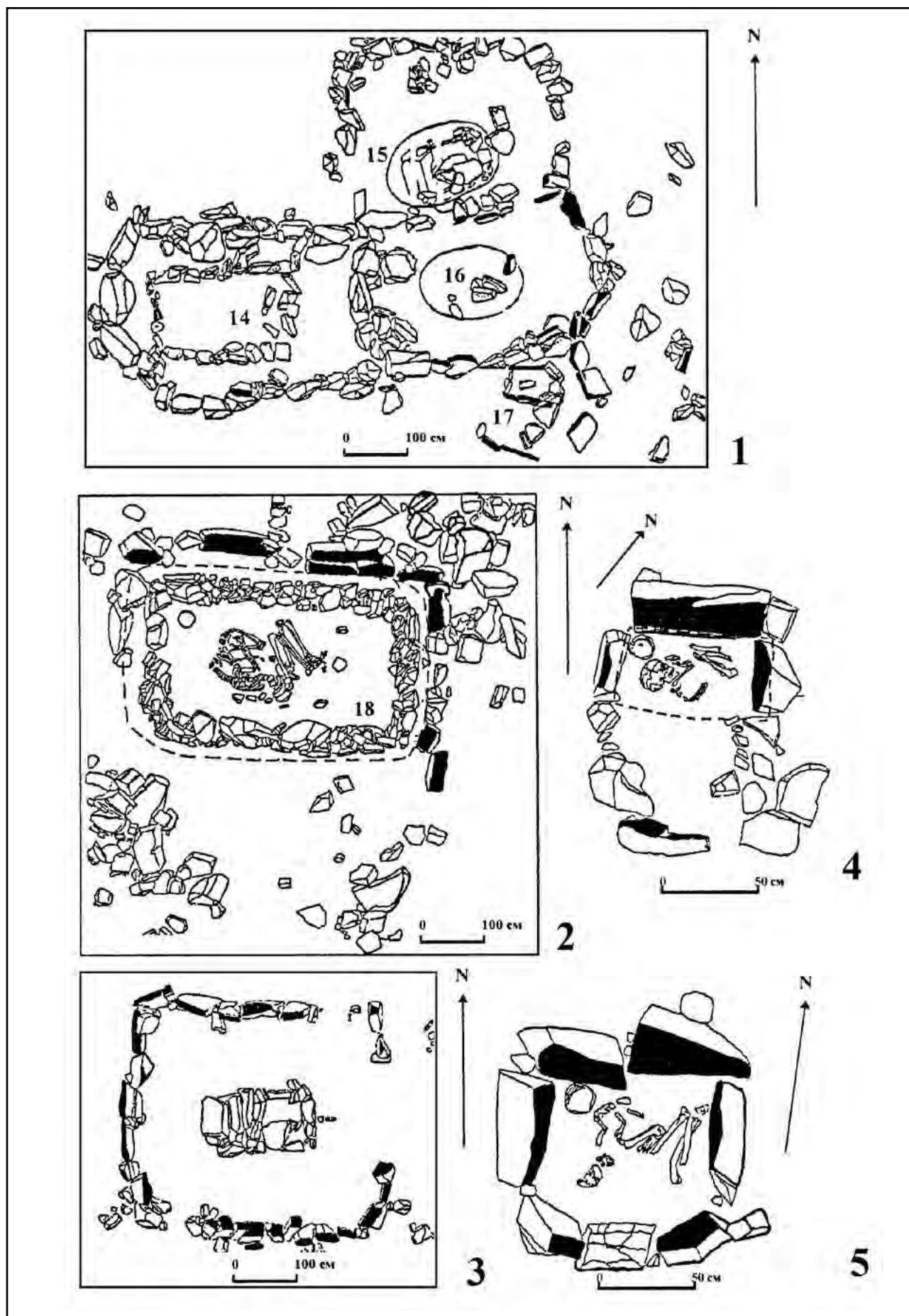

Рис. 11. Погребальные сооружения эпохи бронзы могильника Талапты-II.

шались в погребальных камерах четырех типов: в грунтовых ямах (4), в грунтовой яме с прямоугольной выкладкой на дне (5), в ящиках (10 случаев), в цисте (1). Почти все захоронения ориентированы по оси запад-восток и совершались по обряду ингумации в скорченном виде на левом боку, головой на запад. Сосуды устанавливались в изголовье. Вещевой материал представлен керамическими сосудами, бронзовыми бусами, проколкой, бляшками, браслетом и двумя серьгами (рис. 12: 1-4, 8, 12-14). Серьги сделаны из тонкого бронзового листа, свернутого в полую трубочку на органической основе. Один конец заострен и входит в трубчатое расширение другого. Диаметр серег различный – 4,5 и 3 см. Меньшая серьга изготовлена необычным способом: органическая основа была обернута золотой фольгой, поверх которой наложен бронзовый лист.

Появление подобных металлических изделий, как по форме, так и по технологии изготовления отмечается на территории Казахстана XIV-XIII вв. до н.э. [Ткачев, Ткачева, 1996, с. 81] и связывается с развитием восточно-казахстанских и алтайских традиций [Зданович, 1988, рис. 69].

Керамический материал обоих могильников представлен горшками и банками. Техника их изготовления аналогична технике изготовления керамики других семиреченских могильников. В сравнении с комплексами Юго-Западного Семиречья керамика могильников Талапты-I и II отличается единообразием форм и ornamentацией. Горшковидные сосуды в основном имеют плавную профилировку низко посаженного плечика. Баночные сосуды низкие, приземистые, с прямыми стенками. Среди элементов орнамента ведущими являются ряды каннелюр, косых насечек, ногтевидных вдавлений, косых треугольников. Изредка встречаются меандр и зигзагообразные линии.

Частичные аналогии керамическому комплексу Талапты наблюдаются в федоровских комплексах Жетысу и сопредельных территорий [Марьяшев, Горячев, с. 313-337]. Подобные формы и ornamentация сосудов почти всегда встречаются совместно с валиковой керамикой, что подтверждается раскопками поселения Талапты I. Эти данные позволяют датировать

время функционирования могильников Талапты-I и -II рубежом II-I тыс. до н.э.

Несколько иной материал дает могильник Талапты-III, обнаруженный на территории поселения Талапты-I. Могильник представлял собой конструкцию, состоящую из цепочек каменных оград, внутри которых устраивалось по одной могиле с захоронением взрослого. С внешних сторон оград пристраивались ящики с захоронениями детей. Погребальные конструкции на могильнике представлены каменными ящиками и ящиками-цистами. Все захоронения на могильнике Талапты-III совершались по обряду ингумации в скорченном виде на левом или правом боку, головой на запад (юго-запад). У лицевой стороны черепа обычно устанавливался керамический сосуд. Вещевой материал представлен лишь керамическими сосудами в виде банок и горшков. Керамика с подобными признаками достаточно широко представлена в материалах алакульских памятников Центрального Казахстана [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, табл. XIII], которые датируются в пределах XVI-XIII вв. до н.э.

По ближайшим аналогиям из семиреченских памятников Ой-Джайлау и Тамгалы мы можем соотнести материалы данного могильника с позднеалакульским временем и датировать его андроновским этапом эпохи бронзы Казахстана [Карабаспакова, 2011, с. 117, 126-128]. Позднее в XIV-XIII вв. до н.э. возникают могильники Куйган-I и Талапты-I. Эти же памятники функционируют и в позднюю бронзу.

Характеризуя в целом археологические памятники долины реки Коксу в районе хребта Ешкиольмес, следует также отметить, что этот природно-географический микрорайон, благодаря своим особенностям, был плотно заселен практически во все эпохи. Природно-географическая, климатическая ситуация и экологические условия привели к специфической структуре возникновения и функционирования археологических памятников эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Предгорная зона, представляющая наиболее удобные для проживания условия, была занята древними племенами земледельцев и ремесленников. Их жилища в бронзовом веке демонстрируют традиции

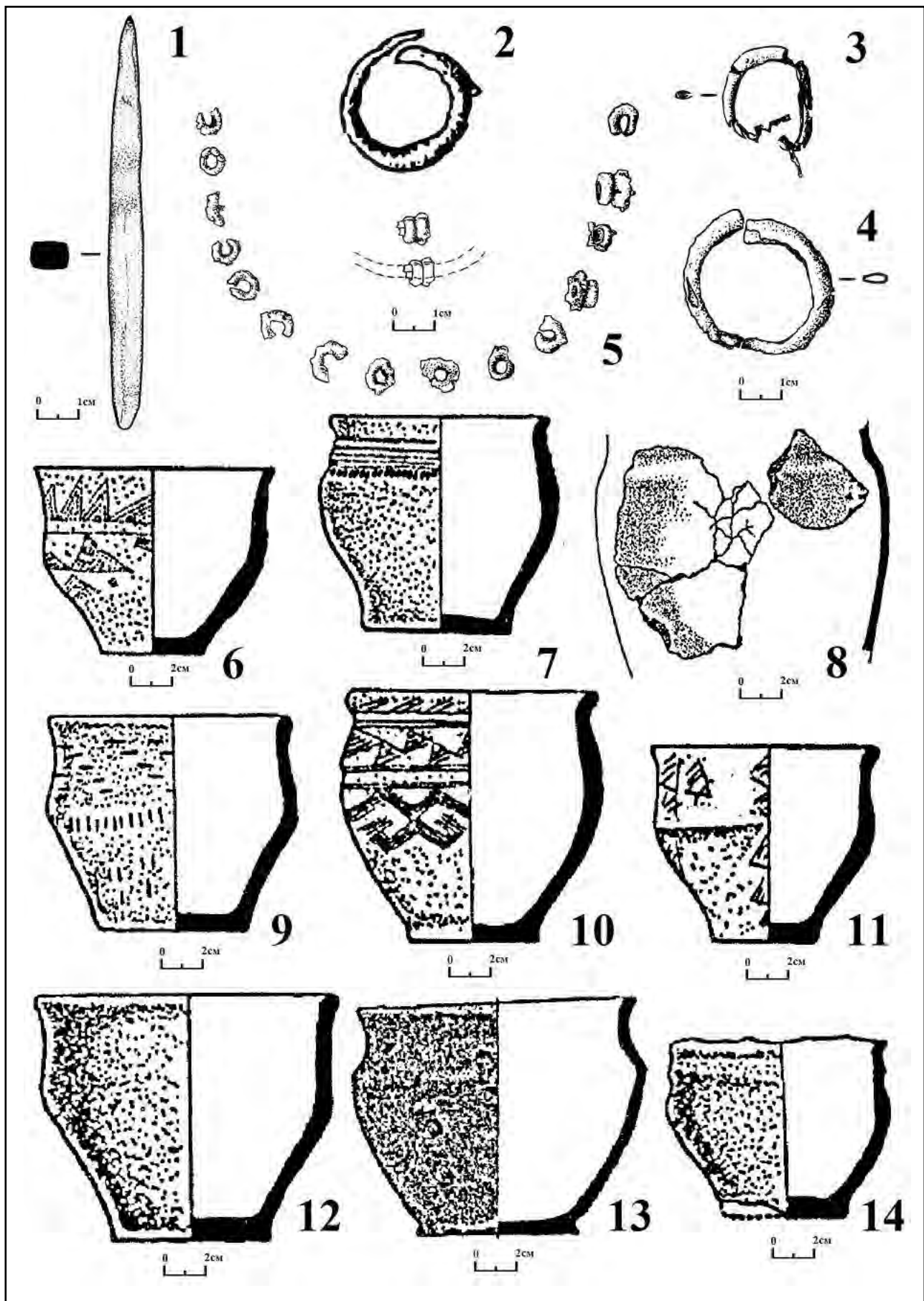

Рис. 12. Вещевой инвентарь могильников Талапты-I и Талапты-II: 1-5 – бронза, 6-14 – керамика.

совместного проживания большесемейных групп. Поселения устраиваются на высоких лессовых террасах по берегам рек и ручьев. Хозяйственно-жилые комплексы представляют собой землянки и полуземлянки, выстроенные в один-два ряда по принципу отдельных друг от друга усадеб.

На первоначальном этапе скотоводство в этом регионе носило характер пастушеского. В связи с увеличением численности населения в предгорной полосе Джунгарского Алатау в результате как хозяйственного развития, так и при переселении в регион племен андроновской культурно-исторической общности начинается массовое освоение горных ущелий и высокогорных плато, где у населения формируется скотоводческая форма хозяйства. Древние скотоводы занимают практически все экологические ниши горной зоны и устраивают стационарные поселения, которые в наибольшем виде состояли из нескольких десятков дворов. Дома и жилища на этом этапе развития представляли собой каркасно-столбовые конструкции полуземлянок, устроенных как на площадках древних морен, так и врезались в склоны сопки с южной экспозицией. Поселки состояли из отдельных хозяйственных дворов с группой хозяйственных помещений, вынесенных за пределы жилой зоны строения. Такие дома-усадыбы устраивались обычно в

горных условиях в два – три яруса. Могильники сако-усуньского времени тянутся по правому берегу Коксу на 20-25 км почти не прерываясь. Общая численность погребальных сооружений раннего железного века в этом регионе достигает свыше 2000 курганов. Отдельные выборочные раскопки погребений этого времени позволили установить, что они принадлежали разным племенам: встречаются захоронения в грунтовых ямах, в каменных конструкциях и в курганах с подбоем с северной стороны. Их этно-культурная принадлежность остается неизученной.

Между земледельцами предгорной зоны и скотоводами горной зоны складывается единая хозяйственно-экономическая система с территориальным разделением видов производств. При циклических изменениях климата она позволяла переходить от одной формы хозяйствования к другой более подходящей в изменившихся экологических условиях.

Подобная структура хозяйства способствовала росту благосостояния населения, увеличению территорий охваченных хозяйственной деятельностью людей, а, следовательно, увеличению численности населения в этот период и усложнению их социальной системы. Ее окончательное формирование происходит уже в раннем железном веке в сако-усуньский период развития древнего Жетысу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Саки и усунь долины реки Или. - Алма-Ата, 1963. – 310 с.
- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Потапов С.А. Наскальные изображения в горах Ешкюльмес. - Алматы, 2005. – 226 с.
- Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. - Караганда, 1987. – С. 56-68.
- Горячев А.А. Археологический комплекс Калакай-1 из Северного Придунгарья // История и археология Семиречья. - Вып. 3 - Алматы, 2007. – С. 21-41.
- Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. – Алматы, 2011. – 220 с.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. - М. 1994. – 464 с.
- Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. - Т. 12. - Алма-Ата, 1961. – С. 62-71.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1979. – 360 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1966. – 436 с.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. - Свердловск, 1988. – 184 с.

Марьяшев А.Н. Новые материалы о поселениях эпохи бронзы в горах Баян-Журык // Известия МОН РК, НАН РК / Серия общественных наук. – Алматы, 2002. - № 1 (236). – С. 23-30.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Поселения эпохи бронзы в верховьях ущелья Тургень и на плато Асы // История и археология Семиречья. - Вып.2. - Алматы, 2001. - С. 112-123.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. - Алматы, 2002. – 264 с.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Итоги изучения памятников эпохи бронзы Жетысу // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991-2011). - Алматы, 2011. - С. 313-337.

Марьяшев А.Н., Мотов Ю.А., Горячев А.А., Потапов С.А. Свод памятников истории и культуры Алматинской области // Отчет об археологических исследованиях по программе «Культурное наследие». - Алматы, 2007. – С. 210-212.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Серьги андроновской культуры (проблема датировки) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края (Материалы научно-практической конференции). - Барнаул, 1996. - С. 76-81.

Фрачетти М. Д., Марьяшев А.Н., Доумани П.Н. Поселения горной части Семиречья и вопросы экологии и хозяйства в бронзовом веке // Известия НАН РК. / Серия общественных и гуманитарных наук. – Алматы, 2014. - № 5 (297). - С. 15-22.

Чупахин В. М. Высотно-зональные геосистемы Средней Азии и Казахстана. – Алма-Ата, 1987. – 256 с.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Потапов С.А.

Ешкіөлмес жотасының ежелгі қоныстары мен қорымдары

Түйін

Ешкіөлмес жотасы Жоңғар Алатауының 30 шақырымға дейін созылып жатқан (теңіз деңгейінен 1300 м биік жатқан) батыс сілемі болып табылады. Жота ауданында кең танымал петроглифтерден бөлек жиырмаға жуық ежелгі қоныстар, қола және ерте дәуірінің бірнеше ондаған қорымдары орналасқан. Жота ауданындағы Көксу өзенінің аңғары төрт мыңнан аса жыл бұрын игеріліп, тығыз қоныстанған. Қола, ерте темір дәуірі және ортағасырларда табиғи-географиялық, климаттық және экологиялық жағдайлар археологиялық ескерткіштердің пайда болу және өмір сүруінің арнайы құрылымына әкелді. Тау етегінің өмір сүруге ыңғайлы аңғары ежелгі жер игеруші және қолөнершілермен толық болды.

Ережеге сәйкес қоныстар оңтүстіктен қарағандағы беткейлерде орналасты және 5-10 жер-төлелерден тұрды. Үйлер жіңішке ауданда бірнеше қабатта орналасты. Қабырғалары тастан қаланды, олар кейбір жерлерде 1 м-ге дейін биіктікте сақталған. Кейбір жағдайларда тұрғынжайға кіретін есіктер байқалады. Қола дәуіріндегі олардың тұрғын үйі көп отбасылық топтардың бірге тұру дәстүрін көрсетеді. Қоныстар өзендер мен ағындардың жағалауларында биіктеу жерлерде орналасты. Шаруашылық-тұрғын кешендері бір-бірінен аула арқылы бөлініп тұрған бір және екі қатар болып орналасқан жертөле және жартылай жертөлелерден тұрды. Қола дәуірінің қонысындағы зерттеу көрсеткендей олар жотаның оңтүстік беткейінің етегінде орналасты. Зерттелген қоныстардың көпшілік материалдары б.з.д. II-I мыңжылдықтармен мерзімделеді.

Ерте темір дәуірінің қоныстарының көп бөлігі көп мөлшердегі петроглифері бар шатқалдың жоғарғы жағында және олар зерттелмеген. Дамудың бұл кезеңіндегі үйлер мен тұрғынжайлар ағаш діңгекті конструкциядағы жартылай жертөле, төбе беткейіне оңтүстік жағынан кіргізіліп салынған. Қоныстар құрылыстың тұрғын аймағынан алыстау орналасқан жеке тұрған шаруашылық орындары тобы бар шаруашылық аулалардан тұрады. Мұндай үй-аулалар таулы жағдайда екі-үш қабат болып орналасты.

Аймақтың ежелгі қорымдары қола дәуіріне жатады. Жотаның батыс бөлегіндегі қоршау және тас жәшік түріндегі жерлеу конструкциялары таудың оңтүстік баурайының бұрылысты етегінде немесе өзен жағалауларында кездесті. Олардың кейбіріне жүргізілген зерттеулер олардың андронов кезеңіне (б.з.д. XVI-XIII ғғ.) және Жетісудың қола дәуірінің кейінгі кезеңі мен шегіне (б.з.д. XII-IX ғғ.) жататынын көрсетті. Сақ-үйсін кезеңінің қорымдары Көксу өзенінің оң жағалауымен 20-25 шақырымда үздіксіз созылып жатыр. Бұл аймақтағы ерте темір дәуірінің жерлеу құрылыстарының жалпы саны 2500 қорғаннан да көп. Бұл кезеңнің жерлеу орындарында жүргізілген жекелеген қазбалар, олардың әр түрлі тайпалардікі екенін анықтауға мүмкіндік берді: үйілген топырақ астындағы жерлеу, тас конструкциядағы және солтүстік жағынын астында орналасқан қорған кездеседі. Олардың этномәдени байланысы әлі зерттелмеген.

Maryashev A.N., Goryachev A.A.

Ancient settlements and burial grounds of the Eshkiolmes Ridge

Summary

The Eshkiolmes Ridge is the western spur of the Dzungarian Alatau (the height above the sea level is 1300 m) extended in the latitude direction on a distance about 30 km. There are about twenty ancient settlements, several dozens of burial grounds of the Bronze Age and the Early Iron Age are concentrated near the ridge besides widely known petroglyphs depictions. More than four Millennia ago the valley of the Koksui River near the Eshkiolmes Ridge was mastered and densely populated. The natural and geographical and climatic situation and ecological conditions have resulted in specific structure of emergence and functioning of archaeological sites of the Bronze, Early Iron and Middle Ages. The foothill zone representing the conditions, most convenient for inhabiting, has been occupied with ancient tribes of farmers and handicraftsmen.

This settlements were on gentle slopes with the southern exposition and consist of 5-10 semi-dugouts as a rule. Dwellings were arranged on narrow platforms in several tiers. Walls were paved from stones, somewhere have preserved to the height about 1 m. Entrances to rooms are in certain cases are traced. Their dwellings in the Bronze Age show traditions of cohabitation of the big families groups. Settlements are arranged on high loessial terraces on coast of small rivers and streams. Economic housing estates represent the dugouts and semi-dugouts built in one-two rows by the principle of estates certain from each other. As have shown researches of the settlement of the Bronze Age settled usually at the bottom of the southern slopes of the ridge. The majority of materials of the explored settlements are dated with the turn of the II-I Millennia BC.

The most part of settlements of the Early Iron Age in upper courses of gorges with a large number of petroglyphs and they are almost not explored. Houses and dwellings at this stage of development represented frame and pole designs of the semi-dugouts arranged as on platforms of ancient moraines and crashed into slopes of hills with the southern exposition. Settlements consisted of the certain economic yards with group of the economic rooms which are taken out for repartitions of a residential zone of a structure. Such houses estates were arranged usually in mountain conditions in two – three tiers.

The most ancient burial grounds of the region belong also to the Bronze Age. In the western part of the ridge funeral designs in the form of fencings and stone boxes and tsists are noted on the river bank or at the bottom of steep southern slopes of a mountain ridge. The researches conducted on some of it have shown that they treat as Andronovsky Time (the 16-13th centuries BC), and by the period of the Late and Final Bronze Zhetysay (the 12-9th centuries BC). Burial grounds of Saka - Wusun time extend on the right bank of the Koksui River on the length of 20-25th almost without being interrupted. Total number of funeral constructions of the Early Iron Age in this region reaches over 2000 barrows. Separate selective excavation of burials of this time has allowed establishing that they belonged to different tribes: burials in soil holes, in stone designs and in barrows meet a lining from North side. Their ethnocultural accessory remains not studied.

Железняков Б.А.
Заповедник-музей «Танбалы»,
с. Каргалы, Алматинская обл.

АЛТАРНЫЕ НАСКАЛЬНЫЕ КОМПОЗИЦИИ С ОЛЕНЯМИ ЖЕТЫСУ (КАЙШИ, АКТЕРЕК)

Культурно-исторический фон. Хорошо известно, что в течение основной части древнего периода истории человеческого общества храмы-святилища, преимущественно располагались прямо в природном ландшафте, как и вся жизнь человека проходила в единстве и часто в неравной борьбе с Природой.

Помимо угроз со стороны хищных животных и ядовитых насекомых и пресмыкающихся, а также от неких духов, наши предки нуждались в определенном упорядочении жизни (календарь), толковании погодных явлений и других основ миропонимания. Это «знание» заключалось, не просто в мудрости старожил, сколько в неких магических манипуляциях, внутренняя природа которых не подвластна для понимания нас профанов, но независимо от этого развивалась в течение нескольких тысячелетий, притом повсеместно во всех древних цивилизациях.

Большинством ученых, в особенности уже посвятившим десятки лет изучению загадок петроглифов, отмечалась невозможность их полной трактовки. Лучше многих о попытках разгадать сложный процесс рассказала норвежский исследователь А.-С. Хиген. Она очень образно и точно описывает и то, что, казалось бы лишь внешне окружало процесс выбивки и сам этот процесс: «...звуки ветра, пения птиц, и бегущего ручья нарушают тишину; лучи солнца, пробираясь сквозь верхушки деревьев освещают поверхность мокрого камня... Художник нарушает это спокойное течение жизни (пояснение авт.) и начинает свою работу. В результате чего его (автора) внутренний образ становится явлен миру на фрагменте скалы. Спустя, возможно, 3 тысячи лет, зачастую, при всей совокупности внешних атрибутов, исследователя – нашего современника, стоящего перед той же скалой с тем же, выбитым в древности образом обуревают буря вопросов, сомнений и идей,

зачем это было тут изображено, и что может значить? Теперь это воспринимается совсем иначе, поскольку совершенно иные образы владеют нами» (Hugen, Bengtsson, 2000, 7)..., другие звуки сопровождают. Действительно, исследователь оказывается в подобной тишине и внешне в сходных же условиях, но внутренне стать аутентичным этим образам не может, даже при максимальном погружении в древнюю культуру.

Воздействие на ландшафт было едва заметным, основные изменения связаны именно с петроглифами, но эти изображения носили определенно знаковый характер для местных жителей и для посетителей этих мест. Тем самым, природа и ландшафт играли свою особую роль и в духовной жизни, прежде всего, своей малой потревоженностью в бронзовом веке и все большими изменениями в последующие эпохи. Древние храмы обустраивались по своим законам, которые нам еще не вполне понятны, там сотворялись особые ритуалы – мистерии, которые, видимо, воспроизводили основополагающие акты, отраженные в мифопоэтическом мировоззрении.

Мистерии были призваны «объяснять» основные вопросы, связанные с происхождением всего мира/зарождением отдельной жизни, сменой циклов, календарем; другие краеугольные основы миропорядка, притом не только профанам, но и самим жрецам и шаманам позволить постоянно глубже проникать в суть мироздания, носили некие гадательные функции. С другой стороны, связь образа и самого объекта не подвергалась сомнениям. Основной проблемой мифопоэтического мировоззрения той поры являлось то, что объяснить сложные вопросы мироздания было невозможно, но на основе внешних атрибутов и данных «памяти предков» многое удавалось объяснять. Многие из достижений жрецов той эпохи, облеченные в самые разные формы,

остаются загадками нашего просвещенного века.

О связях образов в наскальном искусстве с шаманизмом или жречеством писали многие (Розвадовский, 2014; Rozwadowski, 2001), другие, напротив, придерживаются рационалистического объяснения изображений. По-видимому, была иерархия в жречестве (Таймагамбетов, Железняков, 2016) и в сакральной структуре изображений, по их принадлежности к разного уровня святилищам, путям сообщений, жилой зоне, погребальной и т.д. (о чем уверенно говорить сложно, поскольку данная тематика является неразработанной в силу разных причин, различного подхода к проблеме). Одна из попыток провести анализ процесса теоретического осмысления, в частности европейской религии бронзового века, выглядит как две последовательные волны: с романтического (+) осмысления к рационалистическому (-), сменяющие друг друга каждые 50 лет, т.е. 20-е гг. – расцвет романтизма, а 70-е рационалистического отношения к религии (Kristiansen, 2012; Kristiansen, 2013). И так, уже на протяжении 2 веков, когда происходит активное изучение древних религий по имеющимся источникам в Северной Европе. Тем самым, можно заключить, что это не просто личностный подход, но и нечто большее, эпохальное. При этом, в схеме приводятся самые известные фамилии ученых своего времени. Можно усмотреть и провести параллели между поэзией Серебряного века и шестидесятниками, то есть, возможно, что колебания от романтизма к рационализму носят полувековые циклы в разных сферах общественной жизни и в различных странах.

Известно о номинации: «Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы» и о связях ландшафтов и изображений на скалах. Вероятно, что именно в горных и предгорных районах Центральной Азии (при массовых миграциях в эпоху бронзы, преимущественно из равнинных зон) творцами мифопоэтической картины мира было глубже осознано значение вертикали в сакральных изображениях, в наскальных рисунках, как изобразительной или иконографической основы храмов под открытым небом. Две плоскости с оленями, публикуемые здесь относятся именно к

такому ландшафту, фиксируют период или этапы бронзового века, когда образ оленя с древовидными рогами мог наилучшим образом привлечь внимание местного сообщества, вызвать глубокие религиозные переживания.

Место, где устраивался храм, считалось едва ли не «пупом Земли», через него проходила «невидимая» мировая ось или столб. Храмы всегда играли роль мест, где «соединялись» видимое и невидимое, верхнее и нижнее, прошлое и будущее и другое несоединимое, недаром одним из главных сюжетов всех народов является «мировое древо», коновязь, позже сложная символика головных уборов сакских вождей, жрецов и красавиц, бронзовые алтари и курильницы. Для следующего периода в Жетысу стали характерными курильницы или жертвенники круглой или квадратной формы на конической подножке. И, видимо, лишь особые образы и сюжеты благополучно «перекочевали» в эти художественные бронзы. Один из вероятных способов использования курильниц, как предполагает целый ряд ученых (А.К. Акишев, Б.М. Зимма), это – помещение курильницы в центр жертвенного стола – аналог Мировой горы в центре земли (Джумабекова, Базарбаева, 2013, 23). И сама по себе курильница, представляла собой Мировую гору, ось или древо, давшее начало всей жизни и «питавшее» ее.

Многофигурные композиции Жетысу с широким мифологическим подтекстом. В статье пойдет речь о двух изображениях пар оленей из Жетысу в сопровождении более мелких животных и птиц. Это могло иметь отношение к местному населению, но предпочтительнее версия о миграции населения с востока, северо-востока, с Алтая и Южной Сибири. Поневоле аналогами данных изображений справедливо могут считаться сюжеты с многочисленными изображениями, причем как антропоморфных (божеств (?) или людей), так и животных. Это уже хорошо известные сюжеты эпохи бронзы Жетысу. Подобные сюжеты, как правило, занимают всю плоскость целиком (как будто и были предназначены для того). Эти плоскости самые крупные и удобно обозреваемые. Очевидно, что над изображениями трудились лучшие

мастера. Это относится как к антропоморфным изображениям, самым известным является так называемый «пантеон» – плоскость 118, IV группы петроглифов Тамгалы (Рогожинский, 2009), так и изображения животных, в эпоху ранней и средней бронзы, в первую очередь, быков (рис. 1).

Композиция на рис. 1 (размерами: 1,7х1,15 м) объединена общим сюжетом или «историей» (мифологическим сюжетом), изображения выдержаны в строгой единой манере, относящейся к рубежу ранней и средней бронзы. Заметно влияние так называемого «битреугольного» стиля у наиболее крупного быка. Спереди от него еще одно изображение крупного быка, судя по сохранившейся задней его части.

Изображены люди с посохами и собаки. Очевидно, изображено «райское стадо на выпасе», судя по благодному ощущению от этой композиции. Изображение было выбито на горизонтальной поверхности достаточного крупного валуна, на вершине одной из сопок.

На другой композиции, как мы считаем, среднего этапа бронзового века (рис. 2) было выбито также многофигурное изображение

животных и антропоморфов уже не столь «архаичное»: рука художника была свободна (менее привязана стилистически) в изображении мелких животных и птиц. Обе композиции объединяют еще и направления «движения» или «притяжения» основного числа изображенных в них образов. Они обращены идущими направо или в определенную сторону света, куда ориентирована плоскость в каждом конкретном случае.

Мифологичность или сакральный характер данного изображения (рис. 2), «осененного» двойным нимбом, отчасти похожего на «луноголового», также не подвергается особым сомнениям. Косвенно на это указывает и то, что птицы летают ниже основных образов, расположенных в центре и верху композиции. Эта композиция, видимо, хронологически примерно соответствует двух фигурному изображению быка и «солнцеголового» из Тамгалы – очень известного образа, ставшего символом заповедника-музея, а также дававшее легкое основание для интерпретации Тамгалы как святилища, где поклонялись солнцу, посредством многоликой символики:

Рис. 1. Быки и люди с посохами. собаки. Кулжабасы, ущелье 2, эпоха бронзы (прорисовка О.Н. Гумировой, по Марьяшев А.Н., Железняков Б.А. Древности Кулжабасы, - Алматы, 2014)

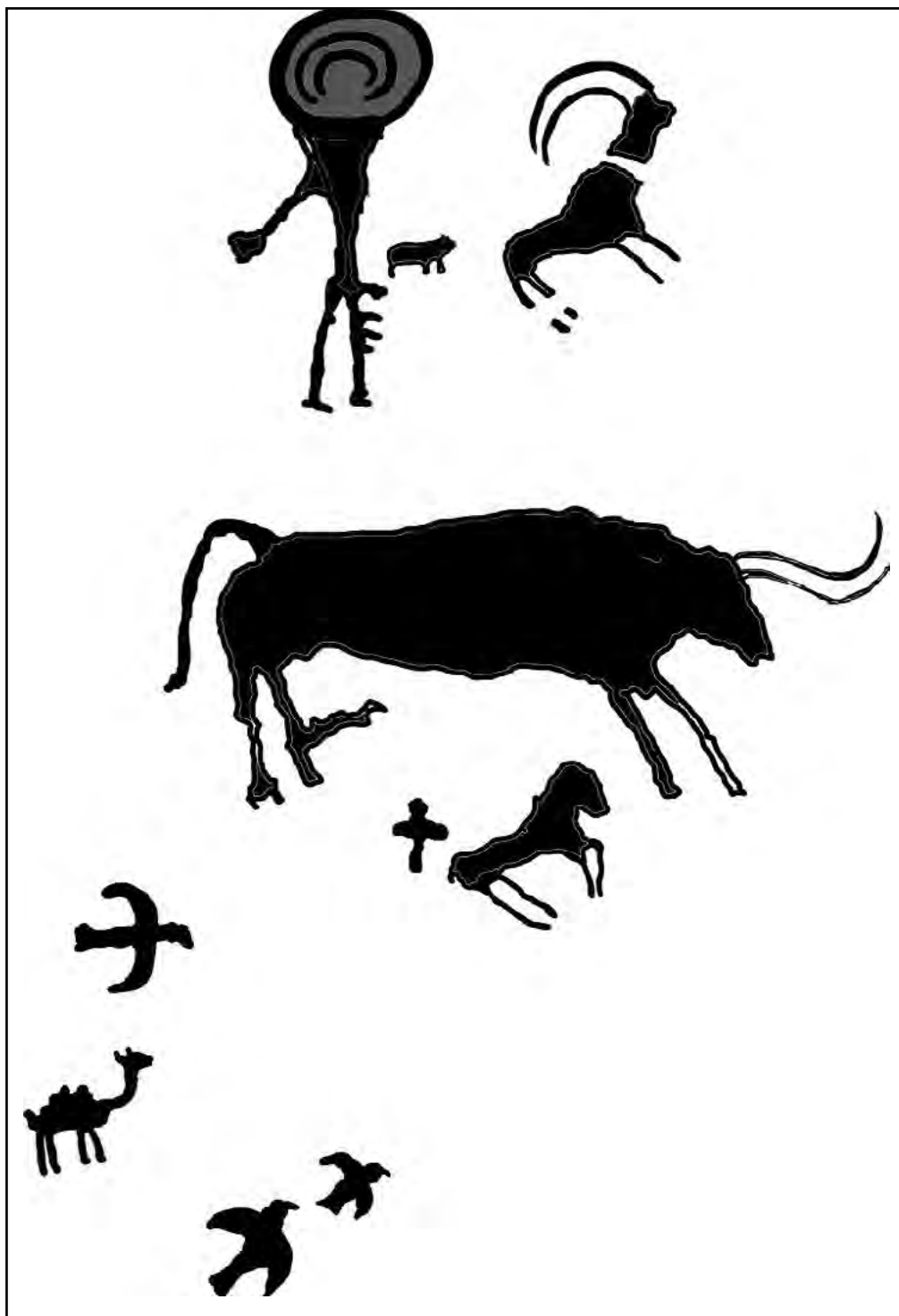

Рис. 2. «Луноголовое» над быком и позади архара, в сопровождении более мелких животных и летящих птиц. Бронзовый век, Аккайнар (прорисовка Железнякова А.Б.)

«солнцеголовых», быков, архаров, их рогов, других животных и антропоморфных с дисками, колесами и др.

В разное время представления о том, как выглядел этот сакральный центр отдельной территории или микрорегиона (места локального проживания группы общин) менялись под влиянием постоянно развивавшейся мифологии. Самая известная алтарная плоскость с выбитыми на скале изображениями

в Жетысу – 118 пл. IV группы петроглифов Тамгалы с 6-ю или, как представляется некоторым, с 7-ю «солнцеголовыми». А.Е. Рогожинский характеризует изображения на этой плоскости в совокупности как: грандиозного панно с изображениями «солнцеголовых божеств», а также «шедевром наскального искусства..., объединившим божественные персонажи в единый пантеон» (Рогожинский, 2011, с. 81, с. 187). Образ успел рас-

пространиться от Ферганы до Саян на самых главных святилищах. Иерархия святилищ эпохи бронзы – вполне очевидна, в том числе и исходя из наличия этого образа для соответствующего периода. Достаточно многочисленный и плотный пласт петроглифов Тамгалы эпохи средней бронзы еще не вполне проанализирован именно с мифологической точки зрения. Однако, можно сделать такое логичное предположение, что «пантеон» – собрание богов не вполне подходит как объяснение для композиции, состоящей из шести различного типа «солнцеголовых» Тамгалы, прежде всего, поскольку логично эти изображения рассматривать как «солнцеподобных», т.е. солнечных богов, но никак не водных, плодородия и растительности и всех прочих божеств, по-видимому, принятого уже в то время пантеона.

Несмотря на всю, подлинную «шедевральность» образов «солнцеголовых» Тамгалы, их уникальность и лаконичность, интересны и другие подобные алтарные плоскости, очевидно, более поздних этапов бронзового века, переходного к раннему железному веку в Жетысу. Они также должны привлекать подлинный интерес, в том числе и постольку, что святилище в Тамгалы существовало весьма ограниченное время. Население, устроившее святилище, судя по всему, мигрировало далее на юг, а иконография «солнцеголовых» образов именно в такой форме, очевидно, быстро изжила себя, но воскрешалась периодически вплоть до позднего средневековья и современности в Центральной Азии, в том числе и петроглифах.

Сюжеты с оленями. В определенный период древности сюжет с двумя оленями, их разветвляющимися рогами становится центральным в религиозном искусстве не только Жетысу. Наблюдения за природой в самых разных ее проявлениях (возможно и астрономия), в частности, в развитии рогов млекопитающих и росте деревьев оставляли значительные варианты их интерпретации, в основу которых была положена «магия изображения» (Evers, 1994). Очевидно, что устойчивая изобразительная традиция могла иметь место у населения, близко знавшего этого благородного животного. Учитывая, что одни

элитарные сюжеты заменяли другие, можно предположить, что на смену астральным символам: «солнце- луноголовым», турам с длинными рогами, часто с теми же «солнцеголовыми», изображенными над ними (помимо Тамгалы, найдены в Аккайнаре (Hermann, 2015) (рис. 2), архарами со спиралевидными рогами, солярными знакам самых различных видов (особое разнообразие дает символика БМАК, получившая отражение и на скалах хребта Каратау (Рогожинский, 2011)) и многому другому, приходит сюжет с оленями, с ветвистыми рогами и окруженными значительным числом мелких изображений.

Наскальный сюжет из Кайши.

Предварительные исследования памятника наскального искусства Кайши были проведены в 2011 г. и их результаты опубликованы в 2012 г. (Потапов и др., 2012). В своей иностранной публикации автор публикует материал по трем-четырем памятникам, расположенным относительно компактно на южных склонах Жетысуйского (Джунгарского) Алатау и его западного отрога Кояндытау (Hermann, 2011), в том числе и по уже известному памятнику Усек (Марьяшев, Горячев, 1998). Будучи опубликованная в Европе и в новом формате (books by demand) осталась малозамеченной в Казахстане. Опубликованные памятники, за исключением Усека, нуждаются в тщательном исследовании, чем однократный осмотр, и публикации систематизировано изложенного материала.

Исследования памятника наскального искусства Кайши, расположенного в предгорьях Кояндытау (юго-западный отрог Жетысуйского (Джунгарского) Алатау), были продолжены уже самостоятельно Железняковым Б.А. в 2013 г., обследовано еще несколько сотен валунов с изображениями. Уже в ходе кратковременных разведок в июне 2015 г. с фиксацией наиболее ценных плоскостей с петроглифами, проведенной на памятнике, была зафиксирована ранее неизвестная плоскость с целым шлейфом более мелких анимистических изображений (рис. 3).

Исходя из результатов предварительных исследований 2011 г. по своей художественной ценности и уникальности изображений, а также

Рис. 3. Мифологическая сцена с животными (пара крупных оленей в центре, мелкие изображения на переднем и заднем плане: олень, козлы-архары, верблюды и, редкие для петроглифов птицы – дрофы (?).
(рис. А.Б. Железнякова).

составляющей ландшафта, именно Кайши значительно выделяется своими масштабами сравнительно с двумя другими памятниками (Сарытау, Сарыбастау), впервые опубликованными Л. Херманном. Также и с Усеком, по количеству петроглифов, а также значительным числом петроглифов эпохи бронзы и определенной последовательностью в переходе к изображениям раннего железного века. С одной стороны, благодаря более широкой хронологической датировке петроглифов Кайши, где еще в эпоху бронзы были выбиты уникальные шедевры, «презентующие» воззрения той эпохи, некая «недосказанность» компенсировалась высоким уровнем образности, резко изменившей облик петроглифов ближе к переходному этапу к

раннему железному веку. Мифология того динамично развивавшегося общества степной зоны Евразии уже никак не «вмещалась» в преимущественно натуралистические, но совершенно статичные образы тучных животных, представлявших «небесное стадо».

Как, впрочем, и другие антропоморфные образы, некоторые изображали жрецов во время совершения ритуалов, в том числе «солнцеголовых», которые также символизировали светило в разных циклах, очевидно, во время его движения по дневному или ночному небосводу (скорее, соответствует образу «луноголового»).

Знакомство с соседними цивилизациями не оставляло выбора в целеустремленном и динамичном достижении высоких целей.

Общество подошло к своеобразному краю старого мировоззрения и, соответственно, к сложившейся системе ее отражения в искусстве своей эпохи. Образы наскального искусства Кайши, этого относительного недавно открытого памятника наскального искусства, отчетливо подтверждают это предположение.

Известно, что на периферии евразийской цивилизации раннего железного века, например в лесной зоне, столь яркий «звериный» стиль развития не получил. По понятным причинам развития в эпоху раннего железного века, например, в Скандинавии, где выбито гигантское количество лодок. Там их на порядок больше (по плотности изображений), чем колесниц в Центральной Азии (Dodd, 2010). Особенно наглядно исследователи приводят изображения лодок, которые, конечно же, имеют характерные хронологические особенности. Например, в средней бронзе: 1600–1100 гг. до н.э. изображения носов кораблей было «внутри», в поздней бронзе, 1100–500 гг. до н.э. – «наружу», заканчиваясь звериной мордой. В период раннего железного века 500–300 гг. до н.э. изображения лодок (их носов) были симметричными. Додд в схемах и описаниях доводит изображения лодок до 400 г. н.э., но это уже, скорее, знаки-символы, которые максимально упростили этот канонизированный образ и он был похож на знак-символ, нежели, чем на реальные лодки и корабли, которыми они пользовались (Goldhahn, Ling, 2013).

Общая изобразительная традиция Северной Европы «доживает» до V в. н.э., то есть даже на позднем этапе раннего железного века, смена эпох не повлияла на основные сюжеты скандинавского наскального искусства (Dodd, 2010; Goldhahn, Ling, 2013, 283) и изображения на художественных бронзах (Kaul, 1998, 134), менялась стилистика, но не сами образы. В итоге, там к этому времени и сама традиция наскальных изображений утрачивается.

Как уверенно предполагают ученые, лодки являлись «средством передвижения» Солнца по небосклону (Kristiansen, 2012, 74–78). В Центральной Азии развитие мифологии и средств ее художественного выражения, образов, воплощавших эту идеологию, было значительно больше и не только за счет бо-

гатого разнообразия животного мира. Выявление закономерностей развития иконографии наскального искусства этого региона, значительно более тяжелая задача.

В отечественной публикации петроглифов Кайши 2012 г. было отмечено, что памятник находится на бывшем моренном склоне, усеянном, в том числе и достаточно крупными окатанными валунами из гранитных пород, покрытых патиной, сформировавшейся на их поверхности за прошедший с периодов оледенения десятков тысячелетий. На значительном числе валунов выбиты рисунки, число зафиксированных поверхностей явно перевалило за полтысячи (требуется полная фиксация петроглифов). До сих пор еще точно не выяснены границы памятника (если на моренном участке плато они локализованы наличием валунов, удобных для нанесения выбивки на патинированные поверхности, то в подгорной части на поверхностях скал они могут тянуться на несколько километров в обе стороны). Значительная по площади территория, где еще могут располагаться скалы и камни с петроглифами, остается необследованной. Даже на самом изученном памятнике Тамгалы случаются находки новых изображений.

Первая разведка памятников археологии региона южных отрогов Жетысуского Алатау (Приджунгарья), организованная заповедником – музеем «Танбалы» и лично директором Е. Жанпеисом, была совершена совместно с “Художественной галереей Абылхана Кастеева” (г. Жаркент) в 2011 г. Тогда, в Кайши была фрагментарно просмотрена лишь компактная моренная (относительно равнинная) часть этого памятника, площадью, приблизительно менее 1 х 0,5 км. Отмечено, что большинство изображений относятся к периоду поздней бронзы и начальному этапу раннего железного века. Видимо, природные условия того исторического периода способствовали освоению этой ландшафтной ниши именно с конца II тысячелетия и в первые века I тыс. до н.э. Хотя, как показали дальнейшие исследования, имеются и более ранние изображения.

На памятнике также отмечены многочисленные кладки из камней (ограды) значительных размеров, врытых в землю, структура которых

также нуждается в документации и исследовании, а также курганные захоронения.

Плоскость на скале с выбитыми изображениями – **единая композиция из двух крупных оленей и более мелких различных животных** ориентирована на запад.

Скала с изображениями животных (двух крупных – явно героев мифа – оленей и значительно большего, но строго дозированного количества изображений других видов животных меньших размеров) находится в зоне прилавков, там, где склоны южных отрогов нависают над плавно спускающемуся к югу от основного хребта Кояндытау среднегорного равнинного плато Кайши (высота 1770-1800 м над ур. моря). Рядом, в ущелье должен был располагаться источник воды, к нашему времени высохший. Местные гранитные породы имеют слабую патинизацию и рисунки не вполне разборчивы на фото, в том числе из-за обилия изображенных мелких животных и подновлений крупных рогов центрального образа.

На удобной для нанесения рисунка и обзора вертикальной плоскости скалы с ровной поверхностью, образованной сколом, расположенной в 2,5-3 км от основного скопления петроглифов к северо-западу, был обнаружен данный сюжет. Здесь же отмечено еще несколько других разновременных изображений, главным образом козлов, относящихся к раннему железному веку. Но, судя по всему, с ранней датировкой и значительных размеров данное изображение – единственное.

Рога центрального и самого крупного оленя-самца выбиты в иной, отличной манере от рогов соседнего крупного изображения самки оленя и мелких оленей, да и других видов подобных животных, то есть манеры, в которой изначально был выполнен весь сюжет с животными и птицами. Кроме того, весь силуэт центральной выбивки углублен, очевидно, вслед за рогами, которые были подновлены в виде округлых рогов, в отличие от изначально вертикально-ветвистого вида рогов, символизировавших мировое древо. Возможно, тогда же был выбит фаллос, поскольку ни у одного из мелких животных нет его изображения. Необходимо отметить, что, главным образом вследствие дополнений и

подновлений, не вся плоскость ясно «прочитывается». Так, имеется более темная выбивка между новыми, геральдическими рогами, по-видимому, это узко расположенные и короткие рога, которые были изначально у центрального оленя-самца. Над самкой изображено четыре фигуры (одна из которых, «прорастает», продолжает ее рога). Вероятнее всего, птицы на заднем фоне имеют достаточно крупные размеры, несут головы с короткими клювами на длинных шеях предположительно из отряда дрофиных.

Важнейший доминирующий образ в зверином пантеоне скифо-сибирского стиля Центральной Азии — олень (Бобров, 1973). По мере продвижения на запад количество этих изображений уменьшается (Королькова, 2006, 39). М.П. Грязнов также убедительно показал, что в Саяно-Алтайском регионе в культуре ранних кочевников I тыс. до н.э. изображали благородного оленя (марала). Соответственно, в оленях из Кайши мы, скорее всего, наблюдаем «восточную» (относительно Жетысу) традицию изображений и мифопоэтического содержания (Алтай и далее на восток и юго-восток) образов (Дэвлет, 2009, 99, табл. 47), привнесенную сюда, уже, по-видимому, на среднем этапе бронзового века. В Кайши отмечено значительное число сюжетов, которые уверенно могут быть датированы, по крайней мере, поздним этапом андроновской культуры (выбивки колесниц, солярных «очковидных» знаков, и многое другое). Еще богаче поздний этап бронзового века: архаров «со звездами» на рогах, орнаментно-мифологических конструкций с верблюдами внутри круга.

На поверхности отдельного, расположенного на относительно крутом склоне фрагмента скалы, размерами 1-1,5х1,8-1,9 м, выбиты два крупных оленя, размерами 47х80 и 49х67 см. Именно эти выбивки на этой плоскости и имели первостепенное значение для «пользователей» данной плоскости. Остальные изображения животных имели, к моменту подновления рогов главного персонажа, «фоновое» значение. Сцена содержит животных: двух крупных оленей, нескольких мелких животных: быка, козла, расположенных рядом с длинными стилизованными под «мировое древо» рогами второго оленя, как бы выскакивающих из

его завитков, а также оленей, рядом с ногами первого.

Притом, если изображение всех животных сделано в одной стилистике, то впереди стоящего оленя, со «странными» рогами, явно напоминающие форму «личины» – более светлое и глубокой выбивки. Центральный образ – самец был подновлен относительно скоро, как нам представляется, после выбивки всей сцены. Это видно по фото при косом освещении, по рельефной более глубокой выбивке. «Новые рога» требовали тщательной «забивки» и, возможно, шлифовки старых.

Кроме того, в «перебитых» – подновленных рогах, прослеживается личина, скорее, более сложный знак, объединяющий несколько фундаментальных образов, рога оленя – личина (огненно–солнечная) – Мировое древо. Судя по всему, простая трактовка комплексного знака «рога-древу» уже не удовлетворяла ту группу людей, художник от которой воплотил эти изображения на скале Кайши. Помимо более сложной семантики изображения, она несла в себе еще и значение иной местности, где подобные личины имели, по-видимому, более широкое распространение.

Хорошо известно, что наскальные изображения личин-масок имели широкий регион распространения от Западной Сибири до Приамурья. Исследованию проблемы посвящена значительная литература и мы, действительно, не имеем возможности уделить ей значительное внимание. Упомянем М.А. и Е.Г. Дэвлет (Дэвлет, 1997; Дэвлет, Дэвлет, 2006), Ю.Н. Есина (Есин, 2012), А.Л. Заику (Заика, 2009). Феномен изображений личин в культурах бронзового века упомянутого региона носит всеобъемлющий характер, начинаясь с ранней окуневской и других культур Южной Сибири. При этом явно диссонируя с изображениями бронзового века Западной Евразии.

Датировка основной сцены не должна отличаться от традиционной для этих сюжетов – сибирской, где подобные сюжеты датируются преимущественно эпохой бронзы. «Примитивно-натуралистические изображения оленей с двумя древообразными рогами и четырьмя ногами» могут датироваться широким хронологическим периодом» (Дэвлет,

2009, 40-41). Однако, аналогичные нашим рогам, явно гипертрофированным, сходным с изображениями на памятнике Мозага Комужап, М.А. Дэвлет, скорее всего, датирует эпохой бронзы (Дэвлет, 2009, 40-41). Аналогичное, но, все же упрощенное изображение животного с высокими разветвляющимися рогами вынесено на обложку известной монографии... Возможно, мы об этом можем судить еще определеннее, что в нашем случае это поздний этап средней бронзы или уже поздняя.

Если, согласиться с тем, что перед нами не просто рога, но силуэт личины, где волосы и борода – лучи (а иначе, зачем было столько труда, положенного на изменение их формы?). При этом хорошо известно, что «личина – маска» имеет прямое отношение к символике, связанной с почитанием огня и света (Михайлов, 2004, 23-24). Подобная интерпретация хорошо согласуется и с особенностями данного изображения и с его датировкой, когда «двойственность» визуального восприятия, как бы «перемножала» энергетическую значимость.

Видимо, вслед за племенами из Западной Сибири, которые не могли (мифологически) существовать без образа оленя (с древовидными рогами), пришли племена из Восточной Сибири, для которых подобная трактовка рогов у ключевого для местности персонажа была принципиальной. Очевидно, что найти подходящую плоскость можно было без труда, но это было принципиальным вопросом идеологии. Сами по себе древовидные рога символизировали алтарь/место, где находился главный алтарь местности, где поклонялись акту «Происхождения/сотворения». «Солнцеликая» личина добавляла в этот ритуал традицию поклонения солнцу, делая этот образ более сложным. Образ самки (левый), при этом, в «солнцеликий» превращать не потребовалось. Стилистика изображения рогов мифологического оленя, близких к трактовке сибирской «солнцеголовой» личины, свидетельствуют о синкретизме изображения и о соответствующей попытке синтеза в идеологии. Хронология возникновения алогичных изображений в окуневской, каракольской, самусьской культурах достаточно разнится от исследователя к исследователю, вплоть до неолита, но по общему заключению, она имела

устойчивое бытование на рубеже III-II тысячелетия и на стадии вырождения «доживает» до раннего железного века.

Как утверждают некоторые исследователи, в философии образов личин проявилась тенденция антропоморфной трактовки иконографии (невидимого) божества, которая наблюдалась на Востоке Евразии. В Среднеазиатском регионе достаточно устойчиво наблюдалась иная традиция – зооморфная. Видимо, в процессе миграций и культурных обменов конца II тыс. до н.э., ограниченная группа носителей восточной традиции в эпоху позднего бронзового века или переходного к раннему железному веку обнаружив алтарь прежних насельников, возможно, с сибирскими корнями, также, адаптировала его иконографию под свою. Поскольку понятное изображение оленя с ветвистыми рогами, никак не вязалось с их более «антропоморфными» взглядами на естество и облик верховного божества, сакрализировав ее по своей изобразительной

стилистике и принеся сакральные образы «лучеголовых» личин на древнюю землю Жетысу.

Мелкие животные были расположены в некой строгой мифологической последовательности: кверху от рогов оленя с древовидными рогами и у ног молодого оленя. Динамизм некоторых изображений сцены является исключением для эпохи бронзы и вряд ли может быть отнесен непосредственно к эпохе предшествовавшей этапу сложения «звериного стиля». Видимо, нужно подчеркнуть центрально-азиатскую особенность, что все животные изображены идущими направо, что особенно характерно именно для эпохи бронзы.

В Кайши пока зафиксировано одно наскальное изображение «солнцеголового» (рис. 4). Оно расположено справа от небольшой фигуры человека на одном из небольших и весьма многочисленных валунов в нижней (центральной) части памятника, которая преимущественно датируется эпохой бронзы. Оно

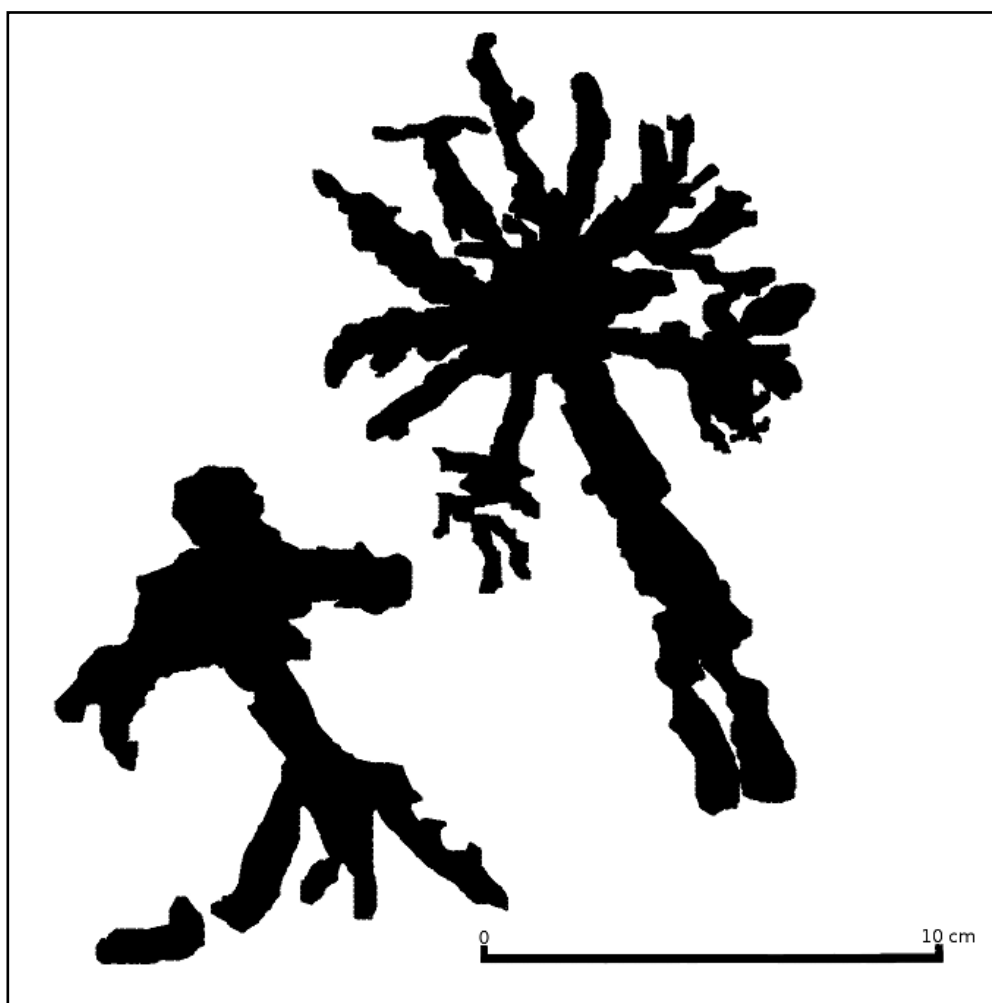

Рис. 4. Изображение «солнцеголового», Кайши, эпоха бронзы (размеры, высота: 20 см, человека: 11 см)
Прорисовка Л. Херманна.

выбито прямо над землей, как будто бы без особого пиитета перед объектом изображения. Изучение памятников наскального искусства поздней бронзы и переходного этапа к раннему железу наталкивает на мысль об изживании традиции «солнцеголовых» на определенном этапе развития мифологии в общем устремлении к иносказательности и зооморфизации изображительного ряда. Е.Е. Кузьмина, одну из своих работ посвятила расшифровке семантики сцены терзания, сделала попытку установить и проследить развитие этого мотива в евразийском искусстве. Ссылаясь на мнения исследователей переднеазиатского искусства об астрально-космологическом характере подобных композиций и приводя собственные аргументы, она приходит к выводу о том, что семантика сцен терзания сводится к символике весеннего возрождения и царского могущества (Кузьмина, 2011). По-видимому, с тем же смыслом хронологически предшествуют сцены жертвоприношений (быков, лошадей, других животных, людьми с луками, травля собаками и иными изобразительными мерами), которые обладают широким временным диапазоном. Это мнение дискуссионное и не принято исследователями.

Рассматривая искусство скифов и саков, поневоле обращаешь внимание на то, что в западной части этого мира значительное внимание уделялось антропоморфным изображениям. Это можно было бы связать с греческим влиянием, но логичнее со скифской генеалогической легендой. Подробнее других о нем писал Д.С. Раевский (Погребова, Раевский, 2005, 584-585).

Изображения животных с рогами, помимо традиционного восприятия, как доминирующих самцов, по-видимому, имело и еще одно, скорей уже сугубо мифологическое значение. Древовидные или изогнутые рога указывали на духовную жизнь и мощь. Взяв для рассмотрения одно из изображений архара, невольно замечаешь явное подчеркивание главного солярного знака – солнца во всех его проявлениях: свет, тепло, жизнь и т.д.

На рисунке (рис. 5) изображены два архара, очевидно, раннесакского времени, одного вполне можно характеризовать как «солнцегового». В стилистике чувствуется

еще посыл к естественности эпохи бронзы, которая во многом довлеет, однако, переход уже состоялся, судя по трактовке ног. Но, при этом важно, что рога – «не до крупа», их венчает символика солнца, которая «раскрывалась» таким образом для новообращенных современников, уже отходящих от понимания основных образов эпохи бронзы и привыкшим к другим зрительным символам с тем же значением, например, курганные захоронения, орнамента костюма; образы становятся значительно разнообразнее и все более иносказательно передававшие «первообразы», связанные с солнцем.

Памятник наскального искусства Актерек изучается Б. Железняковым и Л. Херманном уже в течение нескольких лет, и предварительные результаты были опубликованы (Hermann, Zheleznyakov, 2016; Железняков и др., 2017).

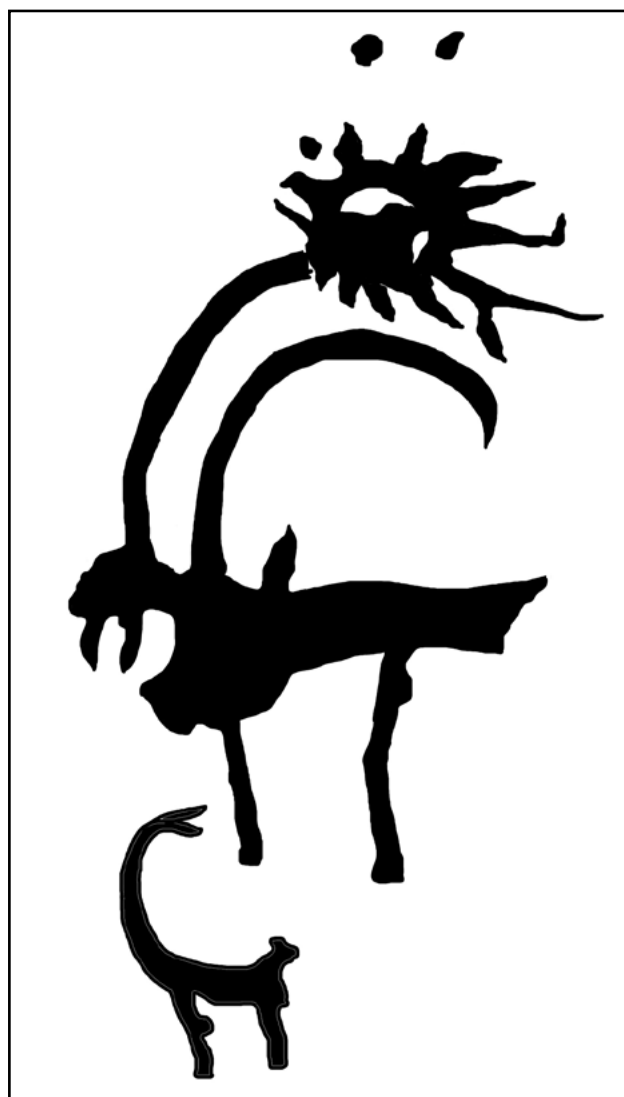

Рис. 5. Изображение «солнцегового» козла или архара, Кайши (рис. А.Б. Железнякова, публикуется впервые).

Аалтарная плоскость из Актерека (рис. 6) содержит изображение двух крупных оленей – ее центральных образов и нескольких более мелких животных и людей, трое из которых целятся в «основного» (более грациозного и подвижного) оленя стрелами из луков, один с неким предметом, который может быть сопоставлен с арканом. На центральной плоскости (состоящей из двух частей: левой и правой, разделенных широкой трещиной) была выбита сцена, общими размерами 145х72 см. На ней изображены два оленя с древовидными рогами. Они значительно крупнее остальных выбивок, в том числе людей с луками, которые охотятся на одного из двух животных (на левой части плоскости). Первое находится в более динамичной позе и явно может относиться к периоду, когда уже формировался «звериный стиль». Второе, скорей всего, также относится к тому же периоду, но его образ вобрал в себя более классические черты искусства поздней бронзы. В отношении половой принадлежности, то она не подчеркнута, как на большинстве изображений эпохи бронзы. Косвенно на принадлежность к мужскому полу могут указывать рога, но у северных оленей они

растут и у самок, правда, меньших размеров. Кроме того, на плоскости выбиты трое человек, чуть меньшего размера и в более схематичной манере, расположенные на переднем плане, которые могли быть дополнены позже к основной композиции, так же, как и некоторые животные.

Детально и реалистично изображен двугорбый верблюд-бактриан, на котором уже более схематично погонщик. Шагающий верблюд, несущий хозяина меж своих горбов, очевидно более позднее изображение, чем переход от бронзы к раннему железному веку. По некоторым данным, бактриан был одомашнен только в 10 в. до н.э. в Аравии или Западном Китае, а название этого животного происходит от известной области в среднем течение Аму-дарьи, в узком понимании. Изображение выдержано в другой стилистике: в движении «налево», и относится, по-видимому, к средневековому периоду, когда уже торговые караваны проходили по ущелью. Главное, что караванщик, никак не участвует в сцене общей охоты или жертвоприношения оленя-красавца, что может изменить «ход истории» судя по накалу страстей на этом каменном «полотне».

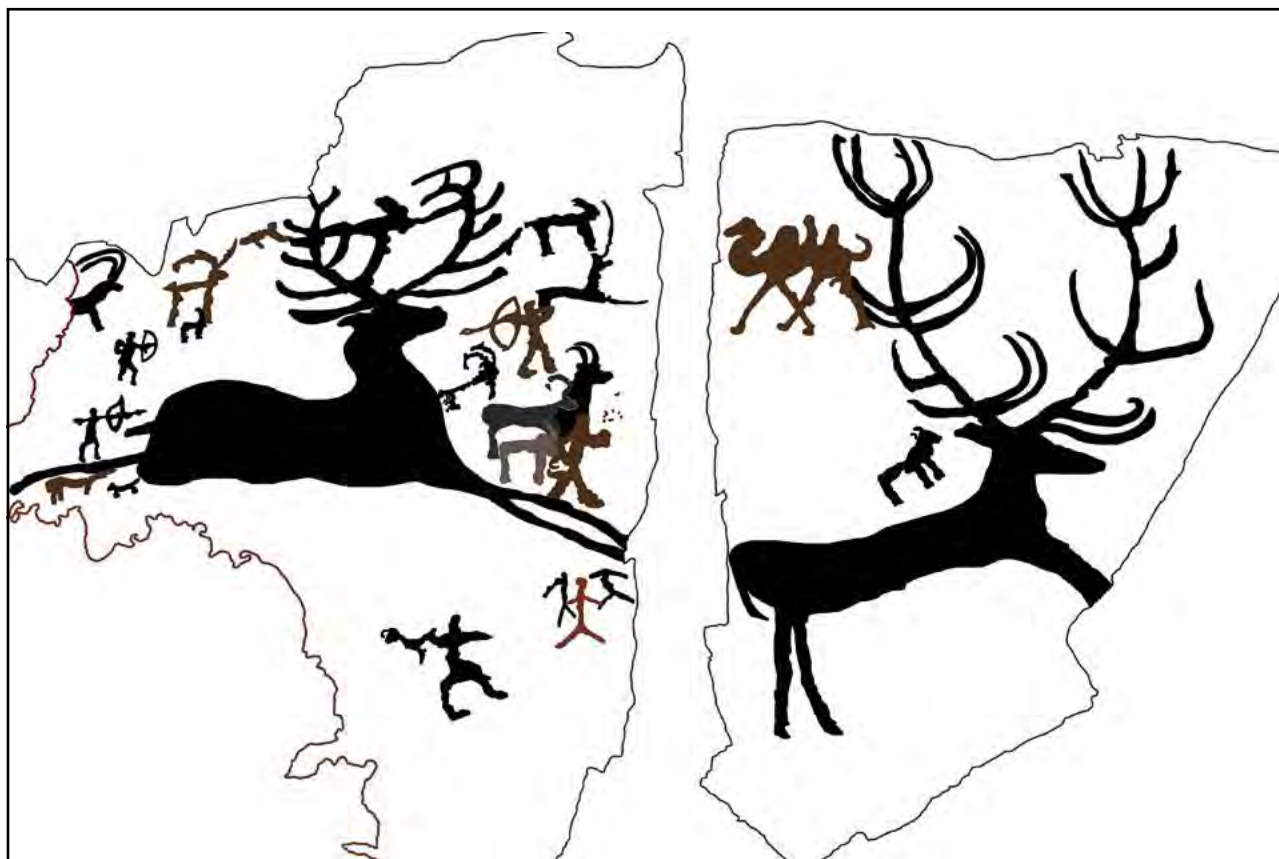

Рис. 6. Прорисовка плоскости из Актерека (рис. А.Б. Железнякова).

Восприятие сцены как алтарной усиливает центральное положение этой крупной плоскости, расположенной в центре огромного по числу плоскостей локального скопления, где только возможна выбивка изображений и занята ими. Притом в этой свите разновременные изображения, безусловно, имеют свой строй и обусловленность. Логично предположить, что центральное изображение должно соответствовать наиболее ранним из массовых изображениям из «свиты» – сопутствующих петроглифам, а это, именно эпоха поздней бронзы.

Вся композиция явно может относиться к некоему (основному на момент производства выбивки) мифологическому сюжету. Как мы знаем, в Северной Европе мифологические представления, судя по изобразительной практике менялись очень медленно и концентрировались вокруг «циклов движения солнца» на протяжении не одного тысячелетия. Очевидно, что мифология Центральной Азии развивалась значительно быстрее, ее могли наполнять мифы самых разных древних народов о глубинах мироздания, в том числе и о зарождении жизни, о ее развитии – длинные и разветвляющиеся рога оленей, древо жизни, солнечные личины. Тем самым, по-видимому, уже не сам первообраз оленя был ценен, но те зрительные образы, которые можно было представить в наиболее характерных его чертах.

Заключение. Две главные сцены, публикуемые в статье, и все остальные композиции бронзового века не смогли бы полноценно «существовать» без рогов у этих образов, даже самых маленьких, это их и роднит. В заключении уже будет невозможно подробно остановиться на семантике рогов, иконографии их изображений. В частности, исследователями подчеркивалась значимость Аполлона Рогатого как божества гиперборейцев. Из труда Р. Генона «Очерки о традиции и метафизике» известно, что Александр Македонский носит имя Эль-Искандар дхуль-карнейн, то есть «Двурогий» (Арабское слово карн (qarn) есть то же самое, что и «corne», так как корень KRN легко превращается в QRN, а также в HRN, как в английском хорн (horn). Это слово – карн имеет также и другое значение, именно «эпоха» или «цикл», а чаще всего «век»), что чаще всего

толкуется в смысле двойного могущества, простирающегося на Восток и на Запад. Возможно еще и то, что Александр носил шлем, украшенный двумя рогами. Известно, что рогатые каски были в ходу у очень многих древних народов. У ассиро-вавилонян рогатая тиара была характерным атрибутом божеств. Тем самым, наскальные изображения Жетысу несут тот же самый метафизический срез и традицию, разделяемые всем античным миром. Рога были неизменным атрибутом тех зооморфных образов, которые, возможно заменяли солнечные диски у антропоморфных.

В Актереке имеется и уникальное изображение антропоморфного с двумя нимбами, то есть «солнцеголового». Чуть выше него второе аналогичное изображение, но упавшего «солнцеголового». Изобразительное «повержение» богоподобного образа могло означать «преодоление» этого культа в общественном сознании и закрепление этого факта на вечных скалах Актерека, под которыми, очевидно проходило оживленное движение. Камень находится в изначальном положении и все остальные животные и второе «солнцеголовое» изображены в вертикальном положении (Железняков и др., 2017, 52).

На скалах Кайши мы видим уже комбинированный образ оленя с рогами и – не сколько дерева, сколько (солнцеликой) личины. Подобная изобразительная традиция привела к тому, что изобразительные образы максимально комбинировались. Это и «клювовидные» олени, и «перевернутые» олени-птицы, и многие другие образы сакской поры. Сведенные в один мотив или розетку композиция с рогами, или, скорее, с деревом обрела форму, так называемого «кошкар муиза» (Смагулов, 1994). Срез формирования композиции на период тюркско-кангюйского объединения в регионе Средней Арыси, «осененный» знаком креста зафиксирован на период конца VIII – начала IX вв. (Железняков, 2010).

Сакральные места, устроенные в естественных условиях Жетысу представляют огромный интерес не только с точки зрения иконографии образов, выбитых на скалах, но и своим устройством. Оба эти аспекта изучения духовной культуры крайне важны для реконструкции истории мирового наскального искус-

ства и понимания генезиса культурных ландшафтов, в том числе и таких уникальных памятников древнего искусства, отразивших весьма значительную ступень развития мировоззрения местного населения. Они хранят

бесценные свидетельства начала процесса сложения уникальных казахских орнаментов, которые позже уже на керамике и на стенах культовых построек были сформированы окончательно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобров В.В. Олень в скифо-сибирском искусстве звериного стиля (тагарская культура). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – Новосибирск, 1973. – 28 с.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Художественные бронзы Жетысу. – Алматы, 2013. – 120 с.

Дэвлет М.А. Мозага-Комужап — памятник наскального искусства в зоне затопления Саянской ГЭС. – М. 2009. – 178 с.

Дэвлет М.А. Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб. 1997. – С. 240-250.

Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г. Антропоморфные личины как маркеры путей древних миграций// Окуневский сборник. Культура и ее окружение. Вып. 2. – СПб., 2006. – С. 325-229.

Есин Ю.Н. Малоарбатская писаница: изображения эпохи бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2012. № 3 (51). – С. 67–75.

Железняков Б.А. К истокам синкретизма в караханидском орнаментальном сюжете. Фарн и крест// Материалы II Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения-2010». – Актобе, 2010. – С. 139-145.

Железняков Б.А., Садуакасулы А., Херманн Л. Петроглифы Актерека// Материалы МНМК «IX Оразбаевские чтения». Ч. I. – Алматы, 2017. – С. 45-52.

Заика А.Л. Антропоморфные личины и «неолитическая революция» в культуре древних народов Северной Азии. Вестник НГУ, 2009, № 3. – С. 98-112.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII-IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. – СПб, 2006. – 272 с.

Кузьмина Е.Е. Сюжет борьбы хищника и копытного в искусстве “звериного” стиля евразийских степей скифской эпохи // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск, 1987. – С. 4–7.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. – Алматы, 1998. – 264 с.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири в эпоху бронзы// Автореф. дисс. на соискание науч. степени д.и.н. – Кемерово, 2004. – 47 с.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Звериный стиль скифской эпохи как lingua franca евразийских степей// Центральная Азия: источники, история, культура. М., 2005. С. 578-588.

Потапов С.А., Железняков Б.А., Херманн Л. Петроглифы Кайши // Известия НАН РК сер. обществ. наук. № 3(283). – Алматы, 2012. – С. 25-30.

Рогожинский А.Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. – Алматы. 2011. – 342 с.

Рогожинский А.Е. Наскальные изображения солнцеголовых из Тамгалы в контексте изобразительных традиций бронзового века Казахстана и Средней Азии // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Вып. 4. – Бишкек, 2009. – С. 53–64.

Рогожинский А.Е. Образы и реалии древнеземледельческой цивилизации в наскальном искусстве Южного Казахстана и Семиречья. Т. 2. – Кемерово, 2011. – С. 87-99.

Розвадовский А. Наскальное искусство и шаманизм: феноменология, контекст и этика// Теория и практика археологических исследований. № 2(10). – Барнаул, 2014. – С. 57-71;

Смагулов Е. Палеосемантика центральной композиции казахского орнамента // Известия НАН РК. Сер. Обществ. наук № 5(187). – Алматы, 1994. – С. 82-92.

Таймагамбетов Ж.К., Железняков Б.А. Образы шаманов в наскальном искусстве Жетысу в контексте изучения феномена шаманизма в петроглифах Центральной Азии // Памятники истории и культуры Казахстана: Сб. статей Казахского Общества охраны памятников истории и культуры: Вып. 12. – Алматы, 2016. – С. 13-41.

Goldhahn J., Ling J. Bronze Age Rock Art in Northern Europe: Contexts and Interpretations. The Oxford Handbook of the European Bronze Age // The Oxford Handbook of the European Bronze Age Print Publication, 2013. – P. 270-290.

Dodd J. Ships on Stone. A study in the chronology of Bronze Age and Pre-Roman Iron Age ship carvings in Hordaland, Western Norway // Adoranten, Tanum Museum, 2010. – P. 110-121.

Evers D. The magic of the Image. – Warmsroth. 1994. – 47 p.

Hermann L. Rock art of the Akkainar. Kazakhstan (Almaty oblys), INORA, 73. – Paris, 2015. – P. 5-13.

Hermann L. Die Petroglyphen vom Usektal in Kasachstan, – Paris, 2011. – 72 p.

Hermann L., Zheleznyakov B. The rock art site of Akterek in Kazakhstan (Almaty oblys). Situation and research history // INORA. – Paris, 2016, # 76. - P. 14-21;

Hygen A.-S., Bengtsson L. Rock Carvings in the Borderlands. Bohuslan and Ostfold. Gothenburg, 2000. – 224 p.

Kaul, F.. Ships on bronzes: a study in Bronze Age religion and iconography, Copenhagen. 1998. – P. 296.

Kristiansen K. Rock Art and Religion The sun journey in Indo-European mythology and Bronze Age rock art// Adoranten, Tanum Museum, 2012. – P. 69-86;

Kristiansen K. Religion and society of the Bronze Age. //The handbook of religions in Ancient Europe/Ed. by L. Bredholt Christensen, O. Hammer and D.A. Warburton. – Bristol, USA, 2013. – P. 79.

Rozwadowski A. Sun Gods or shamans? Interpreting the ‘solar-headed’ petroglyphs of Central Asia// The Archaeology of Shamanism.– London; New York: Routledge, 2001. – P. 65-86.

Железняков Б.А.

Жетісудың бұғысы бар алтарлық тасқа салынған суреттер құрамы (Қайшы, Ақтерек)

Түйін

Мақалада қола дәуірінің екінші жартысы (кейінгі қола) – ерте темір дәуіріне өтпелі кезеңіне жататын алтарлық жазықтығын түсіндіру бойынша материалдар дәлірек айтсақ Жетісудың екі ескерткішінің сюжеті – Қайшы- Шығыста (Қояндытау жотасы) және Ақтерек – Батыста (Жетіжол жотасы) жарияланып отыр. Жеке және ыңғайлы жерде орналасқан үлкен жазықтықтағы алтар болатындай суретте әшейінде төменіректе жай тастар мен жартас беттерінде орналасқан мыңдаған қашалған суреттерден сюжеті бөлініп тұрады. Және олардың көбін түсіндіріп береді. Біздің ойымызша үлкен ағаш тәрізді мүйізі бар бұғы суреті кейбір жағдайларда, ғибадатхананың алтарлық жазығындағы «күн шоқты» бейнесін алмастырды, скифтік-сақтық аң стилі алмастырғанға дейін көптеген кезеңдер бойына элитарлық бейне болып тұрды. Жекелеген археологиялық зерттеудің болмағандығынан әзірше толық мерзімдеу туралы айту қиын.

Summary

Materials on interpretation of the curved images from altar niches (panels) relating to the second half of the Bronze Age (Late Bronze?) – till the transition to the Early Iron Age, in our case plots originated from two sites of Zhetysu region are published in article: Kayshy rock art site in Eastern Zhetysu (Koyandytau Range) and Akterek rock art site in Western Zhetysu (Zhetyzhol Range). This carved images situated on separately and favourably located, large panels, obviously altar, allocate the plots which were depicted on it from thousands ordinary located below on regular stones and rock surfaces. Also it explains a lot of images and details on them. By our opinion, these complex images of deer with huge treelike horns, and in rare instances with similarity of masks, have replaced images of “sun headed” by relatively understandable reasons on the altar planes of sanctuaries and during the long period were elite plots while in, the next turn it changed by a bestiary of the Scythian Sakae “Animal style”. In situation of absence, even local archaeological researches of this sites, it is difficult to speak about more exact dating so far.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.
Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

Ars longa, vita brevis est.

И. Гёте, «Фауст»

О ТРАДИЦИИ УСТАНОВКИ СТЕЛ В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ САКСКОГО ВРЕМЕНИ КАЗАХСКИХ СТЕПЕЙ

В творчестве Ю. А. Мотова изучение каменных изваяний в культуре раннесредневекового Казахстана занимало почетное место. Им были обследованы многие памятники, расположенные порой в труднодоступных районах. Особенная тяга влекла Ю. А. Мотова к живописным ландшафтам Жамбылской области, где прошли его детство и юность и откуда происходят ярчайшие комплексы эпохи древних тюрок. Частенько, не скрывая искреннего смеха, он рассказывал о забавном случае с текстом телеграммы, посланной А. Н. Бернштамом в Ленинград: «Поистратился на баб. Пришлите денег». В этой короткой фразе, вызывавшей восторг Юрия Аркадьевича, скрывается подстрочный глубокий смысл, расшифровать который можно и так: вся жизнь исследователя, жизнь которого оборвалась на самом взлёте творческих сил, была посвящена любимому делу (средства израсходовались на изучение каменных изваяний древних тюрок в том числе). Такое отношение применимо и для характеристики Ю. А. Мотова, не мыслившего своё существование вне археологии. Выполняя скромную дань памяти археолога, представляем вниманию коллег предварительный анализ изучения традиции установки камней в погребальном обряде ранних кочевников Казахстана. Увы, положения, выносимые в данной статье, обсудить с Ю. А. Мотовым при жизни не удалось...

Введение

Статья построена на наблюдениях, полученных в ходе изучения памятников, расположенных в различных регионах нашей родины – Казахском Алтае, Жетысу и Тургае. Исследование объектов со стелами проводилось при участии авторов на протяжении полевых сезонов 2009, 2013–2017 гг.

В 2009 г. в составе Восточно-Казахстанской

археологической экспедиции Института археологии им. А. Х. Маргулана под руководством З. Самашева авторами исследовались два объекта в Маймерской степи (Джумабекова, Базарбаева, 2011). На вершине крупного кургана (№ 1) некогда был установлен оленный камень (Самашев и др., 1998; Марсадолов, Самашев, 1999).

В 2013–2016 гг. экспедицией Института археологии им. А. Х. Маргулана под руководством А. З. Бейсенова при участии авторов и коллег из научно-исследовательского центра Лигабуе (Венеция, Италия) раскопками и разведками исследовались памятники в окрестностях с. Каспан, в долине р. Быжы (Бижэ). Здесь также в двух объектах, представляющих собой курганы древней элиты, были выявлены стелы, находившиеся и на вершине и в пространстве у могильной ямы (Бейсенов и др., 2015; Джумабекова, Базарбаева, 2016; Beisenov et al., 2017).

В 2015–2017 гг. экспедицией Института археологии им. А. Х. Маргулана под руководством авторов исследовались объекты в окрестностях с. Ашутасты, близ г. Аркалыка (Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2015; Джумабекова, Базарбаева, 2016; Базарбаева, Джумабекова, 2016; 2017; Базарбаева, Джумабекова, Байдалы, 2016; Jumabekova, Bazarbayeva, 2017). Результатом исследований стало две стелы, одна антропоморфная стела и изваяние.

Таким образом, в предлагаемой статье обобщены данные нескольких лет полевых исследований и опыт, полученный в результате изучения традиции установки каменных стражей – молчаливых свидетелей давно ушедших эпох.

Могильник Каспан-6

Стела была выявлена при раскопках кургана № 1 могильника Каспан-6. Курган южный в цепочке. Высота – 3 м, диаметр – 36 м. С ВВЮ

стороны погребальной камеры выявлен дромос, перекрытый поперек жердями. В кургане находилось разграбленное погребение двух взрослых человек с ребенком. В грабительском лазе выявлен скелет собаки. Вероятно, здесь мы имеем дело с ритуалом ограбления могилы и последующим жертвоприношением животного. В западной части кургана среди камней крепиды была выявлена стела. Возможно, ее первоначально вкапывали или устанавливали среди камней узким концом вниз (?). Стела зафиксирована лежащей на боковой грани с наклоном. Размеры: 1,20 x 0,20 м.

Курган № 4 могильника Каспан-6 (высота кургана более 3 м, диаметр – более 30 м) – было выявлено четыре стелы. Первая – на вершине кургана под дерном, в упавшем состоянии (рис. 1). Размеры стелы: 83 x 45 (36) x 22 см.

Еще три стелы находились с восточной стороны могильной ямы (рис. 2). Одна из них – на отметке 0,4 м выше платформы кургана. Размеры плиты: 94 x 133 x 4–20 см. Она, видимо, стояла на узком торце, треугольном в сечении.

По уровню ее вершины выявлен еще камень, лежащий на длинной грани. Камень брусковидный (7–34 x 118 x 14–16 см), со следами подработки (обтесывания). Его подпирала небольшая плита с зауженным концом. Размеры: 137 x 23–44 x 13–16 см.

Стелы найдены в упавшем состоянии. Они находились на внутренней границе вала, идущего вокруг могильной ямы. Разница высот между стелами 1 и 3 составляет 0,80 м. На основании археологических данных и радиоуглеродных дат курганы №№ 1 и 4 мо-

Рис. 1. Могильник Каспан-6, курган № 4. Стела с вершины кургана

гильника Каспан-6 можно датировать в рамках периода VII – середины V вв. до н. э. (Бейсенов и др., 2015).

Стелы в конструкции курганов – один из характерных признаков раннесакских курганов. Например, две каменные стелы из некрополя Чинета-2 на Алтае. По мнению специалистов, они маркируют северную границу распространения памятников бийкенской археологической культуры. В памятниках бийкенской культуры стелы устанавливались в центре кургана. В семантическом отношении исследователи интерпретируют их как символы очага, дома, свидетельства права на территорию, оси мироздания (мировое древо) (Дашковский, 2014).

Такие элементы как дромос, стелы и подзахоронения животных характерны для раннесакских погребений майемерской культуры (Джумабекова, Базарбаева, 2011).

Могильник Майемер

Курган № 1, могильник Майемер: стела была выявлена в верхней части наземной конструкции. Ее вершина обработана сколами по бокам и отделена глубоким шлифованным

желобком. Высота стелы – 38 см, ширина – 21 см, толщина – 7 см максимально, ширина желобка – 2,5-3 см. Второй желобок в нижней части стелы намечен, но не шлифован.

Курган № 2: В процессе разборки кургана над ямой на отметке +1,28 м была выявлена «стела», узким концом направленная на юго-запад. В могильной яме находилось захоронение животных – лошади, мелкого рогатого скота и собаки. На основе данных погребального обряда, а также сравнительно-типологического анализа элементов конского снаряжения, курган датирован VII в. до н. э.

Могильники Ашутасты-1, 2

В западной части ареала тасмолинской культуры, в тургайских степях, были произведены раскопки кургана № 10 могильника Ашутасты-1. В юго-западном секторе среди камней панциря лежал большой камень – стела (рис. 3). Вероятно, низ – широкое основание. Зауженный, но более толстый торец – «голова» – был обращен на восток. От края кургана стела находилась на расстоянии 2,30 м к центру. Форма стелы трапецевидная (рис. 4). Высота стелы – 0,87 м; ширина основания – 0,45 м;

Рис. 2. Могильник Каспан-6, курган № 4. Стелы из околмогильного пространства

Рис. 3. Могильник Ашутасты-1, курган № 10. Расположение стелы

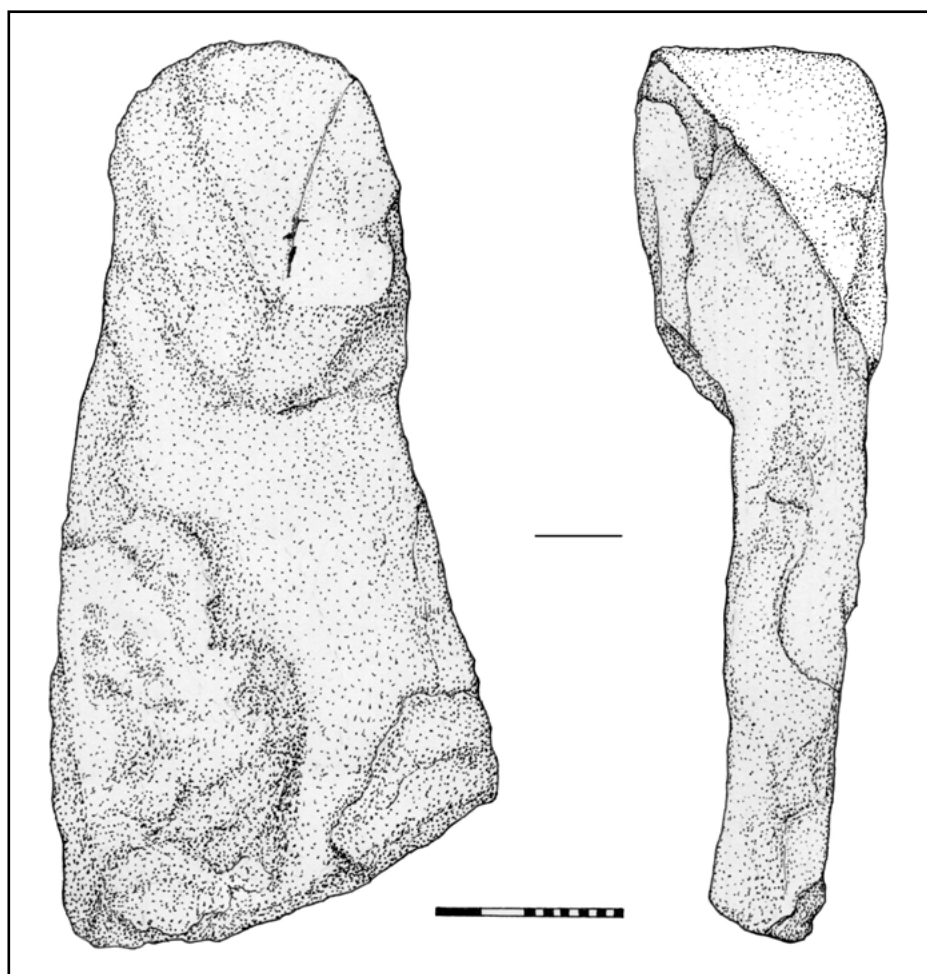

Рис. 4. Могильник Ашутасты-1, курган № 10. Стела

ширина «головы» – 0,15 м. Курган также датируется раннесакским временем.

Уникальные находки каменной скульптуры выявлены на могильнике Ашутасты-2. Памятник был найден в результате поисково-разведочных работ, проводившихся в полевом сезоне 2015 г. Он представляет собой могильник из четырех курганов, вытянутых цепочкой по линии север-юг. Основу памятника составляет крупный объект – курган № 3. Рядом с ним, с юго-восточной стороны, расположен курган-спутник, от которого в восточном направлении тянется две гряды – «уса». Курган-спутник (диаметр 8 x 10 м [СВ–ЮЗ], высота около 20 см) уплощенный, задернованный, на поверхности обилие мелких камней.

Южный «ус», длиной 110 м, находится на расстоянии 11 м от кургана-спутника. Длина северной гряды составляет 163 м*.

Начало северного «уса» диаметром 2,6 м, «ус» отстоит от спутника на 6,6 м. Северный «ус» оканчивается хорошо задернованным курганом диаметром 9 x 7,4 м (С–Ю), высотой 0,4 м, сложенным из камней крупных и средних размеров. Расстояние между началом «усов»: 24,6 м; расстояние между окончаниями усов – 110 м.

В каменной ограде, представляющей собой начало южной гряды, выявлено каменное изваяние, зафиксированное в лежащем состоянии по линии СВ–ЮЗ в слое дерна, лицевой частью вверх, головой на С–В. Параметры изваяния: 84 x 14 x 26 см.

В ходе исследования выяснилось, что конструкция, где первоначально находилось изваяние, представляет собой подпрямоугольную в плане ограду, ориентированную углами по странам света, размерами 2,0 x 2,3 м (рис. 5-7). Внутреннее пространство ограды имеет ровные стенки и определяется вертикально стоящими блоками и стеловидными камнями. Часть стенок сложена из горизонтально уложенных плиток. В целом камни установлены и уложены таким образом, что соединение горизонтально и вертикально установленных камней образуют «замок». Зазоры между крупными камнями забутованы более мелкими.

Снаружи камни стенок подперты стоящими на ребре плитами. Заполнение конструкции образовано горизонтально уложенными камнями, которые как бы «цепляются» друг за друга. В основании изваяния, под слоем дерна выявлена горизонтально лежащая плита, вероятно, маркирующая место установки изваяния (30 x 20 см). Нижняя часть изваяния была зажата блоком внешней стенки ограды и менее крупными камнями.

Изваяние отличается схематичностью. Голова с трех сторон отделена выемкой, обозначающей шею. Верх головы анфас скруглен, и лицевая часть разделена желобком носа на две части. Эта линия носа делит верхнюю часть головы также на две части, позволяя одновременно увидеть здесь дуги бровей или, скорее, прическу. У него обозначены уши. Низким рельефом – желобками – проработаны черты лица: нос, глаза, возможно, одновременно под носом полукружьями или скобками обозначен рот. Можно было бы предположить усы, но они, как правило, у изваяний ранних кочевников показаны вислыми. В середине изваяния вниз от линии пояса фиксируется выступ, обозначающий фаллос или, возможно, кинжал (рис. 8, 1). Иконографически изваяние близко скульптуре скифов Северного Причерноморья. Публикация изваяния осуществлена ранее (Базарбаева, Джумабекова, 2017).

Курган-спутник до начала исследований фиксировался как уплощенный курган с выступающими на поверхности задернованными камнями. После снятия дерна выяснилось, что границы «спутника» «наползают» на восточную полу основного кургана. Диаметр кургана-спутника после снятия дерна приобрел размеры: 11 (С–Ю) x 10 (З–В) м, высота 20-30 см. Курган-спутник заходит на восточную полу основного кургана не менее, чем на 3 м. Граница «спутника» и основного кургана очень четкая. Очевидно, что спутник сооружен позже. Он возвышается над уровнем восточной полу кургана как минимум на 0,4 м. Фиксируются вертикально установленные плиты в два-три ряда.

Верхний слой камней кургана-спутника – это мелкие, колотые камни. Основу его, ви-

*Ранее в публикации нами была допущена ошибка – перепутаны параметры гряд (Базарбаева, Джумабекова, 2017).

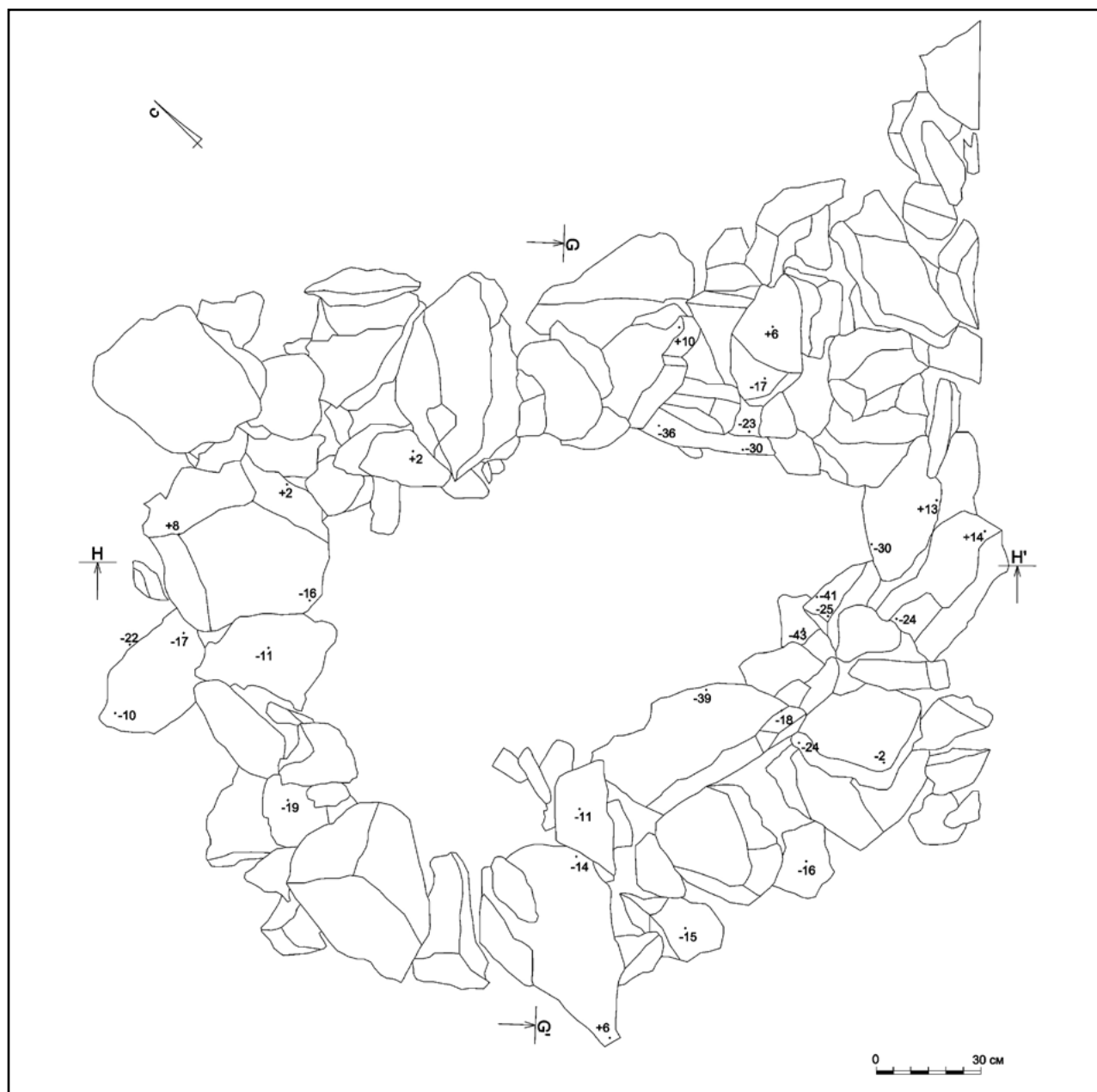

Рис. 5. Могильник Ашутасты-2, курган № 3А, начало южного «уса», ограда. План

димо, образует кольцо-ограда шириной около 1,65 м в северной половине кургана; 2,10 м – в южной. Местами внутренний край ограды определяется по вертикально установленным плитам. В целом камни ограды более крупные, чем в заполнении.

С северной, северо-восточной, юго-восточной сторон снаружи к кургану-спутнику примыкают ритуальные (?) оградки, сооруженные из камней-плит, уложенных в круг в один ряд и один слой. Внутри северо-восточной оградки (диаметр 1,3 м) зафиксирован камень, возможно, стела с двумя широкими гранями, узкие – выражены скругленным углом. Основание – широкое, верхняя часть

подострена, углом. Стела зафиксирована в центре – лежала в наклонном положении, вокруг находились более мелкие камни в разном положении плотно, примерно в 1-2 слоя.

Интерес представляет оградка, расположенная в южной поле кургана (рис. 9). Она имеет подпрямоугольную в плане форму, ориентированную углами по странам света. С восточной стороны у внутреннего края конструкции находилась стела в упавшем положении, вершиной обращенная внутрь оградки, на запад. Западная торцовая стенка образована горизонтально уложенными брусковидными камнями – крупным верхним и тремя (в два слоя) нижними; остальные –

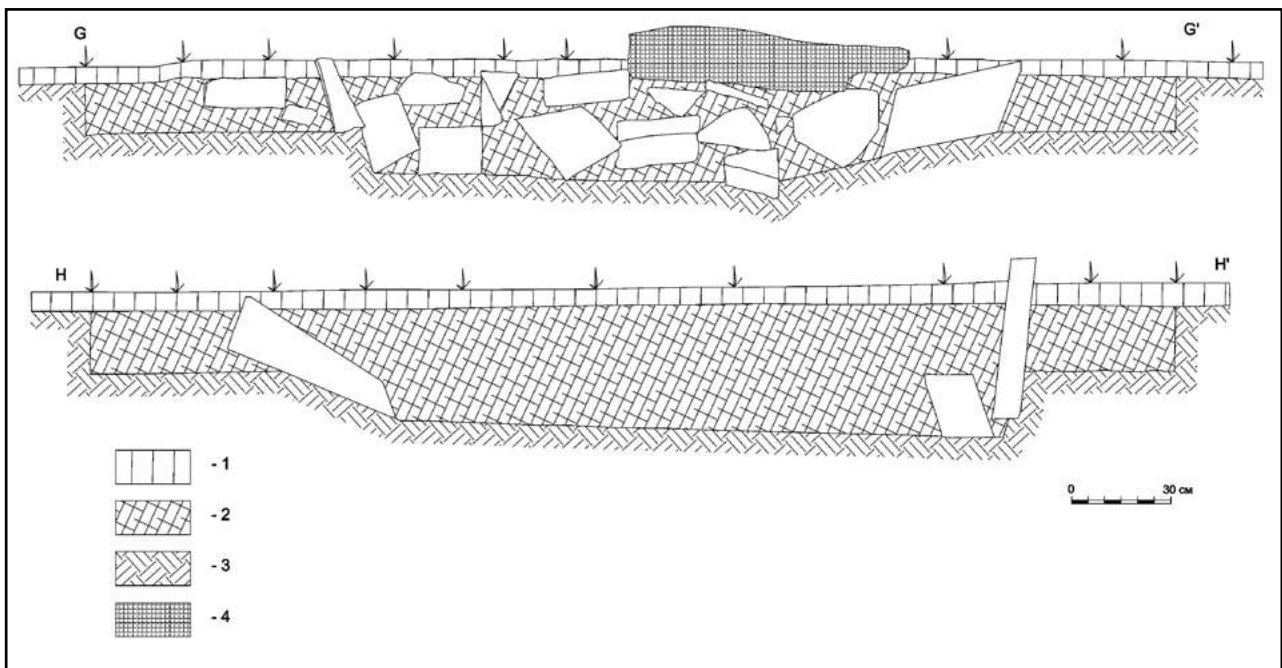

Рис. 6. Могильник Ашутасты-2, курган № 3А, начало южного «уса», ограда. Разрезы. Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – заполнение между камнями; 3 – материк; 4 – стела.

Рис. 7. Могильник Ашутасты-2, курган № 3А, начало южного «уса», ограда. Фасады стен

вертикально установленными плитами. С внешней стороны они подперты или обложены горизонтально или с наклоном уложенными камнями, плитками. Торцовые стенки более широкие. Западная стенка имеет большую высоту, что обусловлено рвом в южной части кургана – 0,6 м. Здесь особенно четко фиксируются по дну рва камни, подпирающие стенку ограды. Заполнение оградки – плотно уложенные камни (плиты и блоки) разного

размера, уложенные в «замок», плотно. Размеры выкладки: 3,6 x 2,4 м – по внешним границам; внутреннее пространство ограды – 2,1 x 0,8–1,10 м. Параметры конструкции внутри ограды, в целом, соотносятся с ростом человека. За южным углом оградки выявлены кости животных плохой сохранности.

Внутри кольца кургана-спутника в восточном секторе на глубине -0,31 м зафиксирован вкопанный сосуд из очень рыхлого, плохого

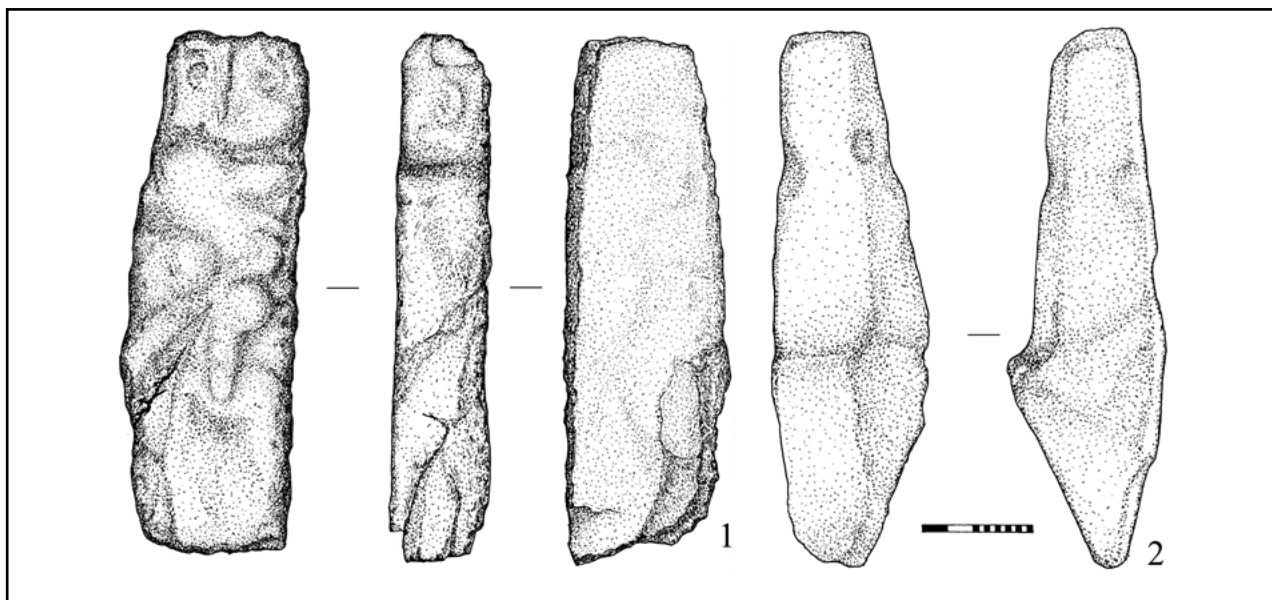

Рис. 8. Могильник Ашутасты-2, курган № 3А. 1 – изваяние, начало южного «уса»;
2 – антропоморфная стела, северный «ус»

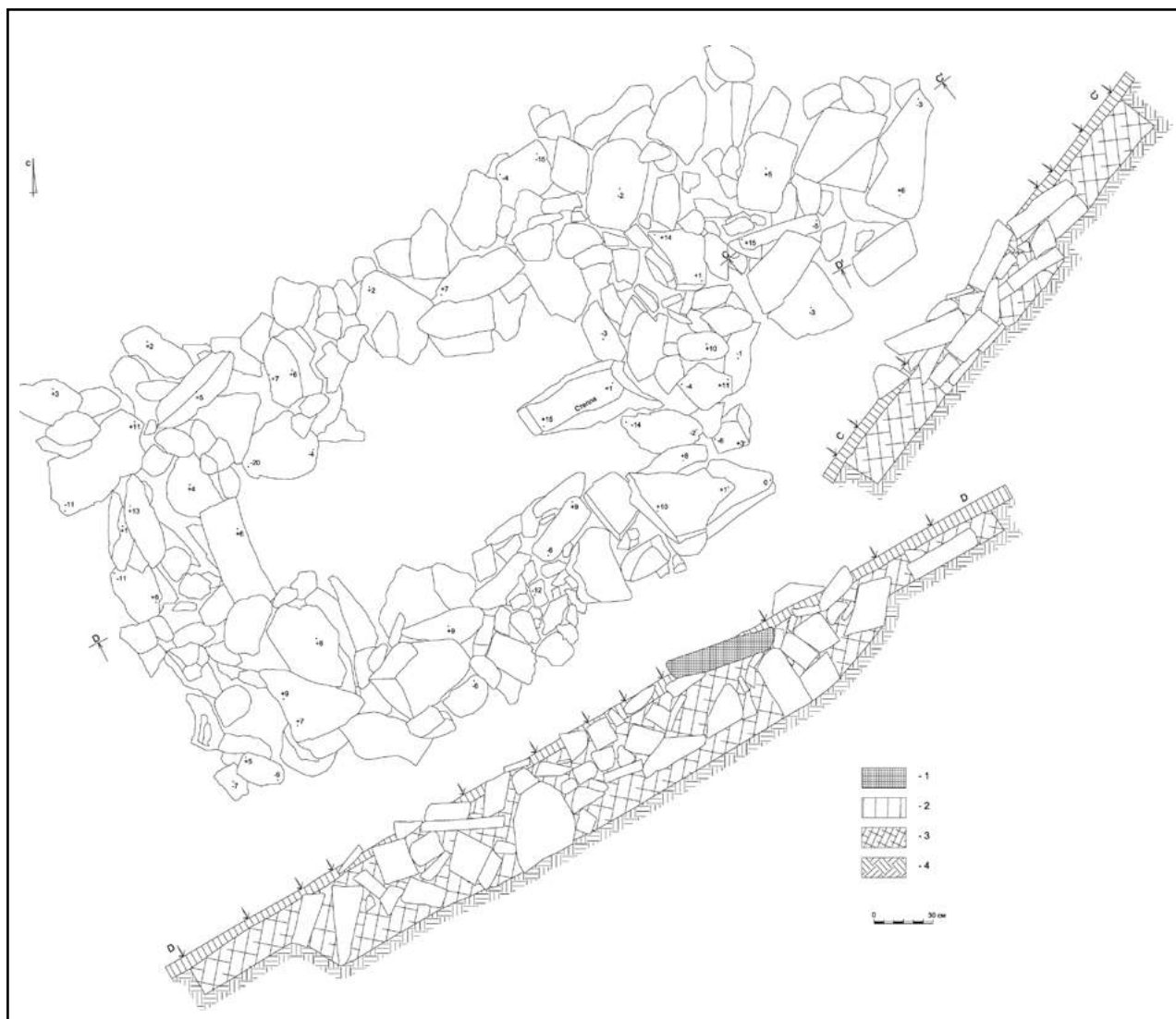

Рис. 9. Могильник Ашутасты-2, курган № 3А. Ограда, выявленная в южной поле кургана. План и разрезы.
Условные обозначения: 1 – стела; 2 – дерн; 3 – заполнение между камнями; 4 – материк

обжига глины. На глубине -0,49 м в южной части кургана у внутреннего края кольца зафиксировано золистое пятно, размерами 46 х 80 см. Над ним до высоты -20 см наблюдался очень мягкий и рыхлый однородный грунт.

Стела имеет широкие две грани и узкие торцовые, в сечении – трапецевидная. Верхний конец стопы – скошен, в нижнем конце есть небольшой выступ вниз в сторону. Размеры: высота – 78 см; ширина – от 15 см в верхней части до 31 см в основании; толщина – 7-12 см.

В северной гряде этого же кургана среди камней было выявлено очень схематичное каменное изваяние, скорее – антропоморфная стела (рис. 10). Возможно, использовав форму камня – естественный выступ, мастер смог выделить голову, лицо, выступающее на ровной поверхности прямоугольного в сечении блока с широким ровным основанием (рис. 8, 2). Высота стелы составляет 95 см; высота голо-

вы – 25 см; противоположный конец – заострен, длиной 39 см. Голова отделена от остальной части желобками шириной 7 см и глубиной 1,5 см.

В 2017 г. нами был исследован участок северной гряды, где находилась антропоморфная стела. Стела зафиксирована на расстоянии 90 м от начала и 73 м от окончания гряды. В результате выяснилось, что ширина «уса» на этом участке составляла 1,90 м.

Камни – колотые плиты – были довольно плотно уложены в два слоя. Среди камней было выявлено свободное от камней пространство глубиной 0,34 м, по форме соответствующее основанию стелы (рис. 10). Вероятнее всего, антропоморфная стела устанавливалась лицевой частью обращенной на север или юг.

Сооружение – окончание южного «уса» – представляет собой конструкцию, сложенную из камней различного характера в три слоя (рис. 11). Прослеживается граница, отделяющая

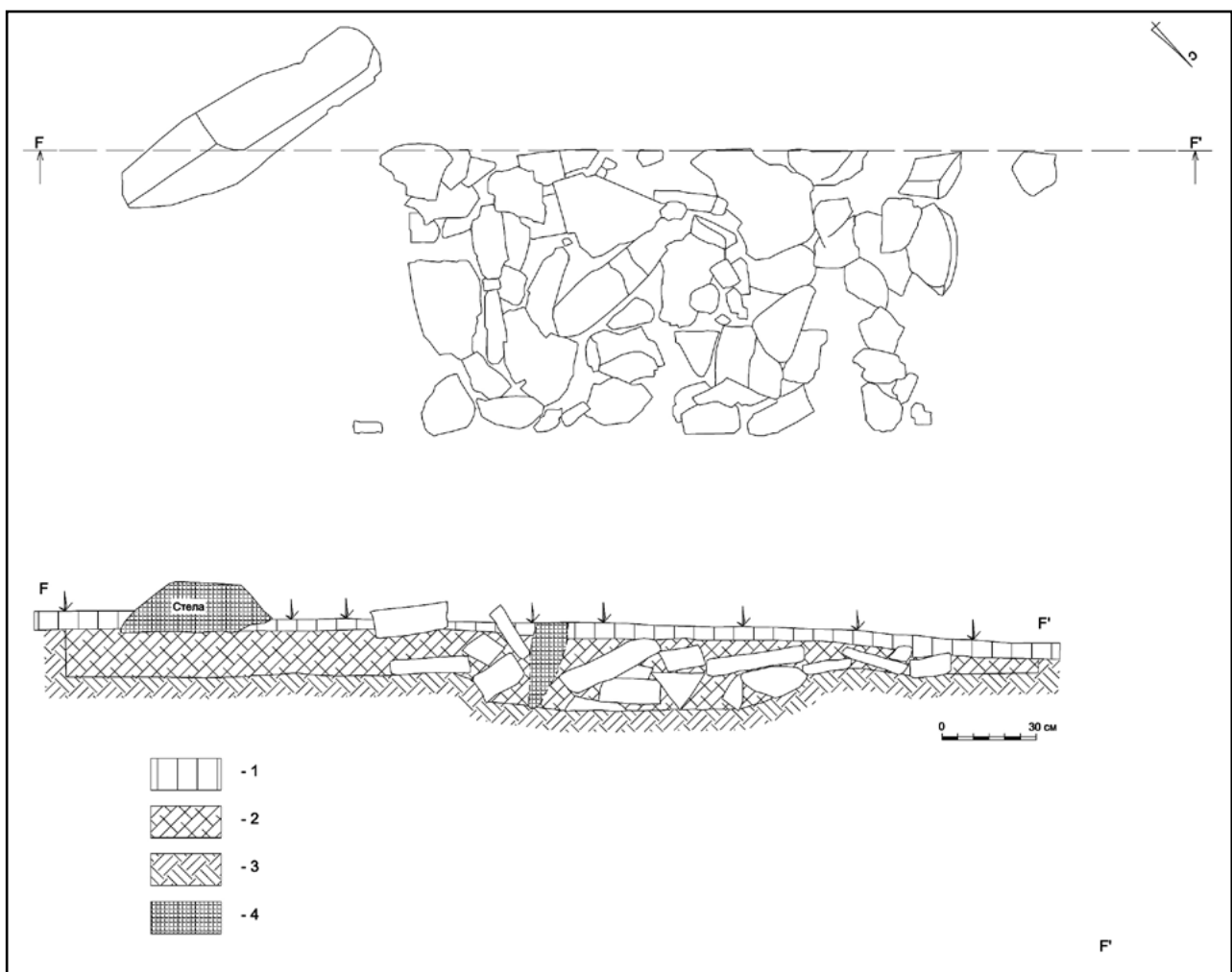

Рис. 10. Могильник Ашутасты-2, курган № 3А. Фрагмент северного «уса» с антропоморфной стелой. План и разрез. Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – заполнение между камнями; 3 – материк; 4 – стела. Пунктиром обозначено углубление, возможно, от стелы

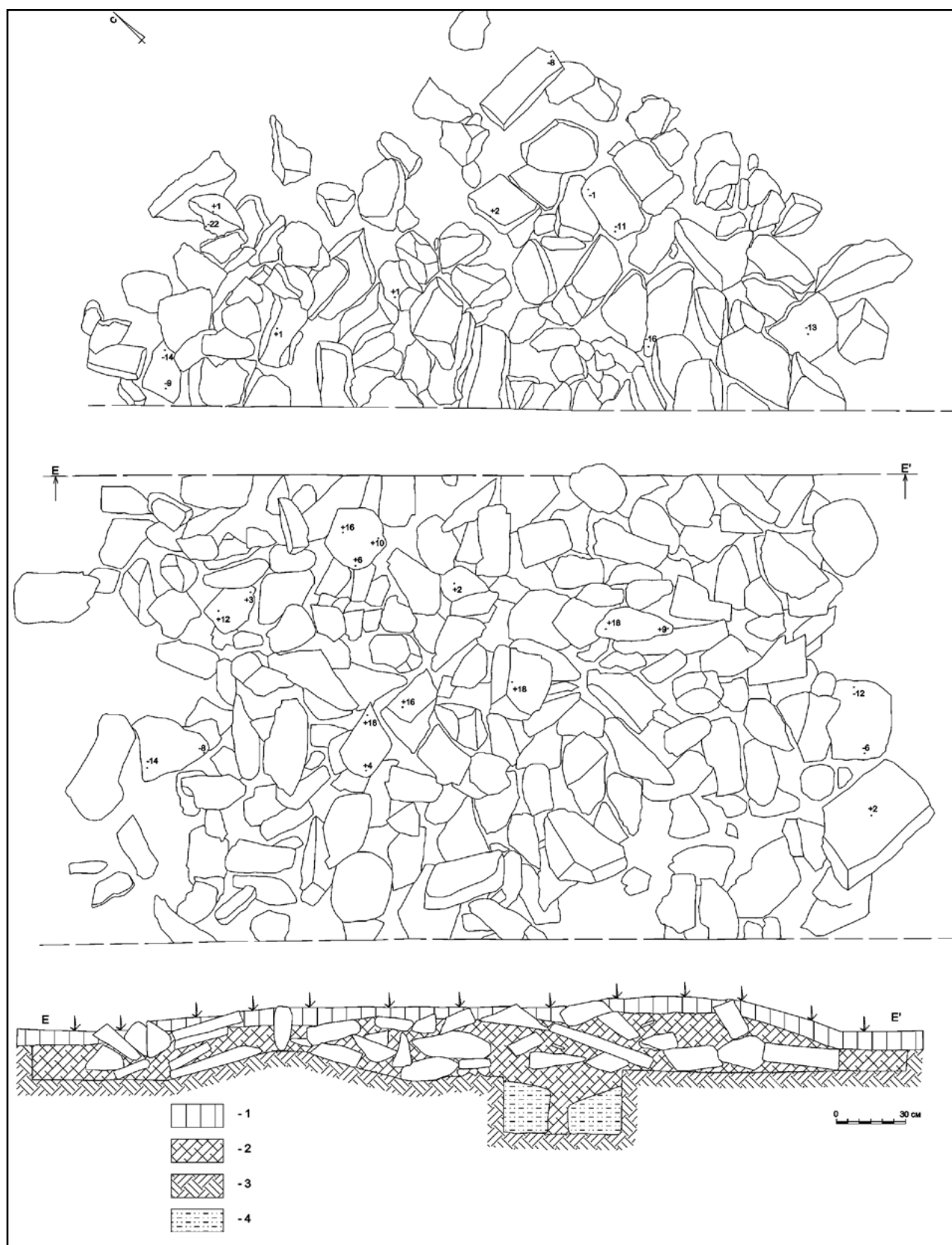

Рис. 11. Могильник Ашутасты-2, курган № 3А. Окончание южного «уса». План и разрез.
Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – заполнение между камнями; 3 – материк; 4 – крупные камни

окончание «уса» от самой гряды. Фиксируются вертикально установленные камни, снаружи подпертые плитами в наклонном положении. В заполнении – хаотично расположенные камни.

На глубине от -0,13 до -0,30 м найдены кости мелкого рогатого скота. На глубине -0,44 м, в углублении, пять брусковидных и плиточных камней установлены кучно на ребре.

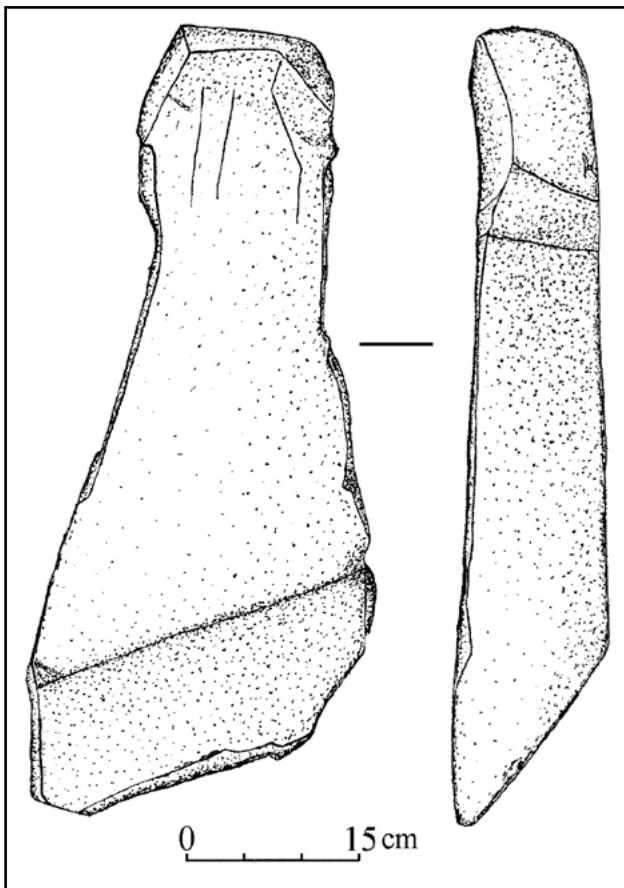

Рис. 12. Кургan Ашутасты-30. Стела
(по: Шевнина, Сеитов, 2014)

Следует заметить, что из окрестностей Ашутасты происходит курган со стелой (рис. 12), изучавшийся костанайскими археологами в 2013 г. (Шевнина, Сеитов, 2014). Обращает на себя внимание тот факт, что погребение принадлежало ребенку. Как считают И. В. Шевнина и А. М. Сеитов, сопровождение погребения ребенка стелой подчеркивает особое к нему отношение.

Таким образом, из окрестностей Ашутасты из изученных раскопками объектов известно шесть статуарных памятников: одно изваяние (южный «ус» кургана № 3А), одна антропоморфная стела (северный «ус» кургана № 3А) и несколько стел (курган № 10 мог. Ашутасты-1 (1); курган 3А (стела в ограде в южной поле кургана-спутника (1) и стела (?) в выкладке (1)); курган Ашутасты-30 (1)).

Обсуждение

Случаи обнаружения каменного изваяния в комплексе кургана с «усами» довольно редки. В публикациях указывается на три случая в Центральном Казахстане. Изваяние из местности Косагалы (Карагандинской обл.) найдено

лежащим возле выкладки. От нее отходит одна из гряд кургана с «усами». Изваяние с р. Атасу (Карагандинской обл.) найдено возле кургана с «усами» мог. Атасу. Изваяние с кургана Жыланды найдено на насыпи большого кургана раннего железного века. С восточной стороны кургана выявлены небольшие конструкции, от которых отходят разрушенные «усы» (Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015).

Достаточное количество изваяний эпохи ранних кочевников найдено в последнее время в Центральном Казахстане. В большинстве случаев они были выявлены при разборе наземной конструкции. Кургan выделялся либо своими большими размерами, либо оригинальностью конструкции (Ермоленко, Курманкулов, 2015; Бейсенов, Ермоленко, 2014). Кургan 7 могильника Талды-2, по мнению авторов публикации, являлся ритуальным сооружением, возведённым на краю могильника раннесакского периода.

Авторы публикаций относят рассмотренные изваяния из Сарыарки к группе скульптур раннего железного века. Устанавливается их связь с археологическими погребальными и погребально-ритуальными комплексами сакской эпохи. Археологические и радиоуглеродные датировки комплексов, в связи с которыми найдены изваяния, позволил определить время их существования рамками VII-V вв. до н. э.

Изваяния Сарыарки обнаруживают сходство со скифскими изваяниями VI-V вв. до н. э. из Северного Причерноморья и Северного Кавказа (Курманкулов, Ермоленко, 2014, с. 21). Близость раннесакских памятников Алтая и прилегающих регионов комплексам тасмолинской культуры по погребальному обряду, отмечаемая специалистами, предполагает необходимость сохранения определения «майэмирская культура» для раннескифских памятников северо-западных предгорий Алтая и прилегающей территории Восточного Казахстана.

Анализ погребальных памятников саков Сарыарки в контексте формирования раннесакского культурного комплекса привел А. З. Бейсенова к определенным выводам. Он включил в круг древностей начального периода сакской

эпохи памятники бийкенской и майемерской культур Алтая, тасмолинской культуры Центрального, Северного Казахстана и Южного Зауралья, тагарские курганы подгорновского этапа, памятники бесшатырской культуры Жетысу, генетически связанные с бегазы-дандыбаевской культурой. Близки к ним также мавзолеи предсакского времени Северного Тагискена (Бейсенов, 2014; 2015). Возможно, стелы и каменные изваяния являются дополнительным элементом, подтверждающим эту связь.

Значительное число каменных стел и антропоморфных изваяний обнаружено и в степной зоне Южного Урала, органически входящей в западную часть урало-казахстанских степей (Гуцалов, Таиров, 2000). Например, в заполнении могильной ямы, содержащей погребения 2 и 3 в кургане Имангазы-Карасу-2, каменная стела с тамгообразным знаком найдена в вертикальном положении. Стелу из Имангазы-Карасу-2 авторы рассматривают в совокупности с антропоморфными изваяниями раннего железного века урало-казахстанских степей, проявляющими сходство со скифской скульптурой. Некоторые из изваяний тоже обнаружены в засыпке могил (курган № 1 курганной группы Жанабаз (Урбаз) на р. Орь, курган № 1 могильника Наурзум-4 в Костанайской области), которые датируются V в.

до н. э. Согласно С. Ю. Гуцалову и А. Д. Таирову, наурзумские изваяния (рис. 13) могли быть также сначала установлены на вершине кургана. Специфично, что в кургане 1 могильника Наурзум-4 найдены два изваяния – одно почти целое и голова другого. В кургане 4 этого же могильника тоже обнаружены два изваяния. Изобразительные особенности сарыаркинских изваяний позволяют устанавливать аналогии со скифской скульптурой.

Появление в Сарыарке изваяний, отражающих влияние иконографии раннескифских изваяний, позволили некоторым исследователям говорить о западных истоках генезиса этого феномена, о «скифском» культурном импульсе (Гуцалов, 1998; Таиров, 1998). Однако этот тезис является спорным.

По своему назначению скифские антропоморфные изваяния делят на две группы. Изваяния первой группы устанавливались на вершинах курганов и выражали идею связи с предком-родоначальником. Изваяния второй группы были составной частью жертвенных комплексов — святилищ (Гуцалов, Таиров, 2000, с. 247).

Семантически близки стелам «оленные камни» — раннесакские антропоморфные стелы с изображениями оленей. Они более характерны для восточных регионов евразийского пояса степей. Исследователи связывают их назна-

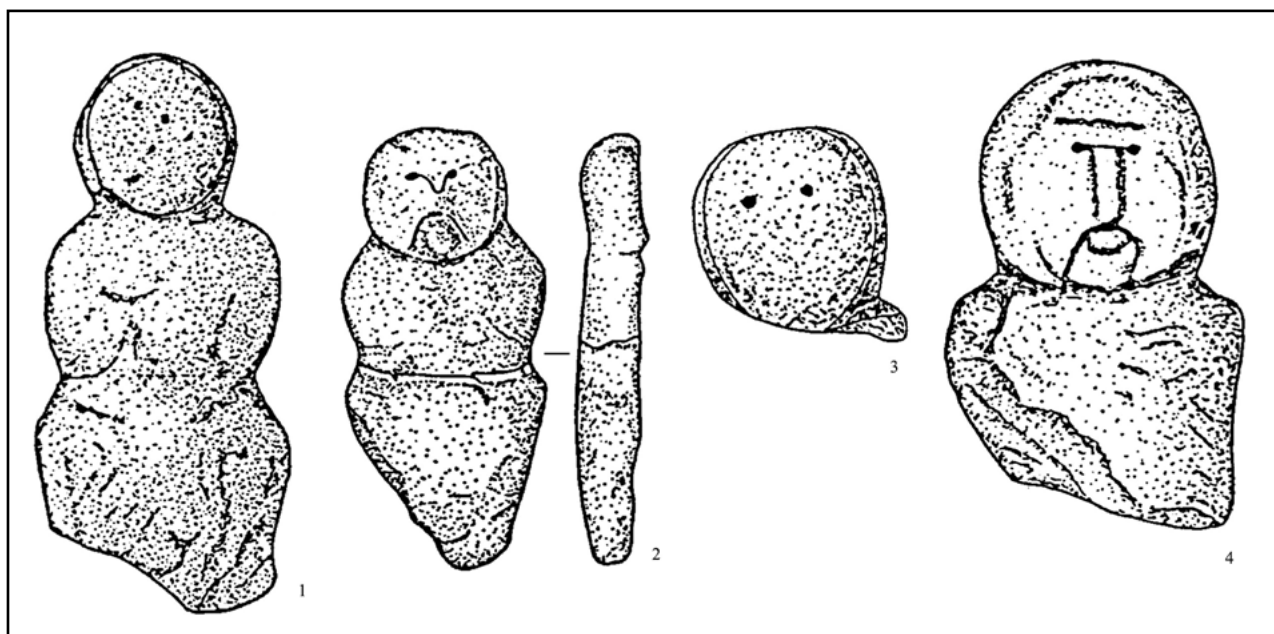

Рис. 13. Могильник Наурзум-4, изваяния (по: Гуцалов, Таиров, 2000). 1 – изваяние 1, к. 1; 2 – изваяние 3, к. 4; 3 – изваяние 4, к. 4; 4 – изваяние 2, к. 1

чение с идеей жертвоприношений. Вероятно, правы исследователи, связывающие генезис оленных камней с материальными объектами (вертикально установленные стелы, крупные камни и т. д.), первоначально не имеющими никаких знаковых отличий (Савинов, 1994, с. 138).

Эту роль могли играть стелы, деревянные столбы, зафиксированные в ряде погребений эпохи поздней бронзы в Минусинской котловине и Центральном Казахстане (Бобров, 1992). Столбы в качестве ритуальных атрибутов продолжали использовать и в сакскую эпоху. Очевидно, они просто не сохранились. Так, обработанный столб и бревно выявлены при исследовании могильника Догээ-Баары-2 в Туве, курган № 15 (VI V вв. до н. э.). Деревянные столбы, вертикально стоявшие рядом с перекрытием погребальной камеры, ранее фиксировались на могильнике Догээ-Баары. Зародившийся в степной зоне Евразии еще в эпоху бронзы этот обычай сохраняется и смыкается с традицией оленных камней, напомним, одной из функций которых являлась коммуникативная связь с предками и они использовались в погребально-поминальном ритуале. Для поздних памятников скифской эпохи каменные стелы и вертикальные столбы на перекрытиях срубов зафиксированы на могильнике Суглуг-Хем (Чугунов, 1996, с. 74).

Установлено, что по условиям нахождения оленные камни можно разделить на две большие группы: 1) установленные на специальных «жертвенниках» около мест захоронений; 2) связанные непосредственно с погребениями (Савинов, 1994, с. 143). Очевидно, определенные обстоятельства обнаружения стел и изваяний раннесакского времени из Казахстана демонстрируют принципиальное сходство в принципах их установки и проведения ритуальных действий.

Специалистами выявлено функциональное назначение оленных камней, установленных на площади курганов, – они предназначались для передачи регламентированных ритуалом ценностей и жертвоприношений (Савинов, 1994, с. 147).

Местонахождение каменных стел и раннесакских изваяний на вершине кургана или среди камней крепиды говорит о том, что их устанавливали на последнем этапе погребально-

поминального цикла. Пореконструкции К. В. Чугунова, оленные камни на кургане Аржан-2 в Туве устанавливали на третьем этапе погребального ритуала – при окончании похорон. После совершения последнего захоронения на площади кургана цикл функционирования открытого погребального пространства завершался. Воздвигалась первичная насыпь. В центре был размещен высокий оленный камень. Еще один оленный камень был установлен у края насыпи. Вместе со стелой, стоящей у самой северной точки стены, оленные камни образовывали ряд, ориентированный строго меридионально (Чугунов, 2011, с. 284).

Одним из вариантов раннесакских каменных стел являются, вероятно, каменные столбики. Такие элементы выявлены в ряде погребально-поминальных комплексов пазырыкской культуры Алтая. Они, вероятно, сооружались в ходе поминального обряда (Худяков, 1996).

Заключение

Таким образом, местонахождение каменных стел и изваяний в раннесакских памятниках Казахстана позволяет высказать предположение: вероятно, их устанавливали на заключительных этапах погребально-поминального цикла. Каменные стелы и изваяния выполняли определенную роль в поминальном ритуале. Функционально они исполняли роль, близкую стелам и столбам эпохи поздней бронзы, оленным камням восточных регионов степной Евразии. Возможно, в ряде регионов евразийского пояса степей традиция оленных камней не получила развития, их роль выполняли каменные стелы.

На территории Алтая, Юго-Восточного Казахстана оленные камни сосуществовали со стелами. Раннесакские каменные стелы, оленные камни и изваяния – один из маркеров кочевой культуры I тыс. до н. э. Их установка в погребально-поминальных комплексах начиная с эпохи поздней бронзы, обусловлена кардинальными изменениями в различных сферах жизни: социальной организации, идеологии, религиозных представлениях в обществе конных воинов. В свою очередь, новые ценностные ориентации и мировоззренческие установки отразились в ритуальной сфере, что демонстрируют каменные стелы, изваяния.

Независимо от того, каковы функции и

семантика изваяний скифского времени (Ольховский, 2005, с. 117), воплощенный в них образ обеспечивал возможность и необходимость «участия» изваяний в совершении обрядов. Эти обряды, в свою очередь, «являлись формами проявления целой группы культов...» (Ольховский, 2005, с. 117).

Вероятно, изваяния в курганах с «усами», сохранявших свое ритуальное значение и в последующую эпоху, отражают линию развития традиции каменных изваяний и антропоморфных стел. Так, в установке средне-

вековых изваяний также отражается связь с почитанием божества войны, вера в загробную судьбу доблестного воина и пр. Местонахождение же стел, в том числе антропоморфных, в системе комплекса – кургана с «усами», вероятно, подтверждает их ритуальное значение, долговременный многоступенчатый цикл погребально-поминальных действий.

Благодарности. Авторы искренне благодарят всех, кто принимал участие в раскопках памятников Казахского Алтая, Жетысу и Тургая. Помним, ценим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Культура кочевников Тургая: этноархеологические исследования // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. - Иркутск: изд-во ИГУ, 2016. - Вып. 5. - С. 265-271.

Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Новое изваяние эпохи ранних кочевников из Тургая // Самарский научный вестник. 2017. - Т. 6. - № 3 (19). - С. 117-121.

Базарбаева Г.А., Жумабекова Г.С., Байдалы Р.Ж. Ашутасты – Батыс Сарыарқадағы Тасмола мәдениетінің жаңа ескерткіші // Саки и савроматы казахских степей: контакт культур: сб. научн. статей, посвящ. памяти археолога Б. Нурмуханбетова. - Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. - С. 51-55.

Бейсенов А.З. Древние сокровища Сарыарки. - Алматы, 2014. - 196 с.

Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. памяти выдающегося казахского археолога К. А. Акишева. - Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. - С. 7-34.

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Изучение памятников тасмолинской культуры в Западной Сарыарке // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сборник статей, посвящ. 70-летию проф. Ю. Ф. Кирюшина. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. - С. 294-297.

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Баринаева Е., Крешиоли Л. Археологические исследования могильника раннего железного века Каспан-6 в Жетысу // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. памяти выдающегося казахского археолога К. А. Акишева. - Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. - С. 59-70.

Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н. Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки // Вестник КемГУ. 2014. - № 3 (59). - С. 36-40.

Бобров В.В. К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Северная Евразия от древности до средневековья: тез. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. - СПб., 1992. - С. 54-57.

Гуцалов С.Ю. Курган раннескифского времени на Илеке // Археологические памятники Оренбуржья. 1998. - Вып. II. - С. 127-136.

Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южно-уральских степей // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии: сб. статей. - М., 2000. - С. 226-251.

Дашковский П.К. Обнаружение каменных стел при исследовании памятников кочевников в

Северо-Западном Алтае // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии: сб. статей. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. - Вып. 4. (Алтай на перекрестке времен и смыслов). - С. 28-31.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. В поисках следов свернувшейся пантеры: к изучению памятников Майемерской степи // История и археология Семиречья. – вып. 4. - Алматы, 2011. - С. 67-88.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Погребение раннего железного века с изваянием в долине р. Айбас // Вестник КемГУ. 2015. - № 2 (62). Т. 6. - С. 29-34.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи // Вестник КемГУ. 2015. - № 1 (61). Т. 3. - С. 26-32.

Жұмабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Қазақстанның ерте көшпелілерінің жерлеу ғұрпындағы стелалар // Еуразия археологиясының өзекті мәселелері: Қазақстан Республикасы тәуелсіздігінің 25 жылдығына және Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының 25 жылдығына арналған халықар. ғыл.-тәж. конф. матер жинағы. Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2016. С. 253-161.

Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни Тувы (Часть 2. Сюжеты, стиль, семантика) // Археологические вести. 1999. - № 6. - С. 130-145.

Курманкулов Ж., Ермоленко Л. Древности Сарыарки: каменные изваяния. = Караганды: «Credos Ltd С», 2014. - 168 с.

Марсадоллов Л.С., Самашев З.С. Изучение археологических памятников Западного Алтая. Сер.: Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции ГосЭрмитажа. - СПб., 2000. - Вып. 3. - 76 с.

Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. - М.: Наука, 2005. - 299 с.: 156 ил.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. - СПб.: СПбГУ, 1994. - 208 с.

Самашев З.С., Франкфорт А.П., Ермолаева А.С., Жумабекова Г.С., Гий Э., Сунгатай С., Жетыбаев Ж.М., Омаров Г.К. Исследования культуры древних кочевников Казахского Алтая // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия: матер. Междунар. археол. конф. - Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 1998. - С. 174-202.

Таиров А.Д. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. - Оренбург, 1998. - Вып. II. - С. 87-96.

Худяков Ю.С. Поминальные памятники пазырыкской культуры Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: матер. междунар. конф. - СПб.: «Скифо-Сибирика», 1996. - С. 87-89.

Чугунов К.В. Погребальный комплекс с кенотафом из Тувы (К вопросу о некоторых параллелях археологических и письменных источников) // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: матер. междунар. конф. - СПб.: «Скифо-Сибирика», 1996. - С. 69-80.

Чугунов К.В. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. - СПб., 2011. - Т. 1. - С. 262-335.

Шевнина И.В., Сеитов А.М. Детское погребение раннего железного века из Тургая // Восхождение к вершинам археологии: сб. матер. междунар. научн. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. - Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. - С. 273-280.

Beisenov A.Z., Kreshioli L., Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A., Barinova E. The early iron age burial ground Kaspan-6 in Jetusy // Теория и практика археологических исследований. 2017.- № 2 (18). - С. 97-108.

Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A. New research results of Turgay nomads' culture // Теория и практика археологических исследований. 2017. - № 2 (18). - С. 109-117.

Г. Жұмабекова, Ғ. Базарбаева
Ә. Х. Марғұлан ат. Археология институты, Алматы, Қазақстан

ҚАЗАҚ ДАЛАСЫНДАҒЫ САҚ КЕЗЕҢІ ТҰРҒЫНДАРЫ МӘДЕНИЕТІНДЕГІ ТҰҒЫРТАСТАР ОРНАТУ ДӘСТҮРІ ТУРАЛЫ

Түйін

Мақала еліміздің Қазақ Алтайы, Жетісу және Торғай сияқты түрлі аймақтарында орналасқан ескерткіштерді зерттеу барысындағы бақылаулар негізінде түзілген. Тұғыртастары бар нысандарды зерттеу ісі авторлардың қатысуыменен 2009, 2013–2017 жылдар аралығындағы далалық маусымдарда жүргізілді.

Еуразия далалық белдеуіндегі ертесак кезеңінің жерлеу-аза тұту кешендерінің материалдарында тастан жасалған тұғыр тастары орнату дәстүрі сараланады; олардың бұғытастар мен ертесак кезеңінің тас мүсіндерімен семантикалық жақындықтары қарастырылады.

Түйін сөздер: Орталық Қазақстан, Торғай, Далалық Еуразияның шығысы, ертесак кезеңі, тұғыртастар, тас мүсіндер.

G.S. Jumabekova, G.A. Bazarbayeva
Archaeology institute after A.Kh. Margulan, Almaty, Kazakhstan

ON THE TRADITION OF THE STELAE INSTALLATION BY THE POPULATION OF THE SAKA TIME KAZAKH STEPPES

Summary

The article bases on the observations received during the studies of the monuments located in various regions of our country – the Kazakh Altay, Jetysu and Torgay. The research of a number of objects with steles was carried out with the participation of authors during the 2009, 2013–2017 field seasons.

The tradition of installing stone stelaes is analyzed based on the materials of the Early Saka burial memorial monuments of the Eurasian belt of the steppes; their semantic similarities to deer stones and early Saka stone statues is considered.

Keywords: Central Kazakhstan, Turgay, east of the Steppe Eurasia, early Saka period, stelaes, stone statues.

ЗОЛОТАЯ ПЛАСТИНА ИЗ УСУНЬСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ
В ГРОТЕ УЩЕЛЬЯ КАРГАЛЫ*Памяти алматинского археолога Б.Н. Дублицкого, первого исследователя
Каргалинского погребения*

На рубеже сентября и октября 1939 г. примерно в 50 км к западу от Алматы, в 12 км южнее поселка Фабричный, в одном из ответвлений горного ущелья Каргалы, в урочище Мынг Ошакты, на высоте около 2300 м, рабочий суконной фабрики Аркадий Назаренко во время охоты с 2-3 товарищами в горах, под миниатюрным скальным навесом длиной всего 2 м и шириной 1 м (рис. 1: 1) обнаружил не ограбленное элитное погребение, относящееся к «кочевой империи» Усунь, с 370 золотыми украшениями. К сожалению, оно оказалось в значительной степени разрушено любопытными находчиками. Сама история открытия, исследования и ряда публикаций материалов «Каргалинского клада» весьма необычна, полна неясностей и путаницы, а со временем обросла причудливыми слухами и легендами¹.

Был обнаружен скелет умершего (его кости Назаренко тут же перезахоронил поблизости, и они пропали для науки). На умершем были остатки одежды из тканей, которая к моменту обнаружения была хорошей сохранности. Золотые изделия, принадлежавшие ему, согласно воспоминаниям современников находки, лежали компактным скоплением рядом со скелетом и представляли собой аксессуары парадного костюма². Все находки примерно через две недели (16 октября) были переданы

в Центральный Музей Казахстана (Самашев, Григорьев, Джумабекова, 2005, с. 113) (рис. 1: 2).

Вскоре, между 17 и 21 октября, место погребения попытался доследовать с помощью сотрудников НКВД единственный в Алма-Ате того времени профессиональный археолог Б.Н. Дублицкий, заведовавший местным музеем (хотя в эти дни в ущелье были небольшие морозы и почва промерзла). Найденные вещи (поступившие в Центральный музей Казахстана 21 октября) были описаны в его отчете. Вскоре (в декабре того же года) Б.Н. Дублицкий бесследно исчез, и обстоятельства его дальнейшей жизни и смерти никому так и не удалось выяснить. Отчет Дублицкого о Каргалинской находке был его последней научной работой³. История находки (с авторскими изменениями) отразилась в известном романе Юрия Домбровского «Хранитель древностей». Реальную ее историю со слов еще живых свидетелей и на материалах отчета Б.Н. Дублицкого изложил в начале 2000-х годов в специальной статье алматинский археолог Владимир Васильевич Сараев. Однако статья не была издана и была потеряна в редакции вместе с подготовительными материалами к ней. В задачи нашего текста детальное описание обстоятельств открытия погребения не входит (этот сюжет будет освещен в готовящейся публикации В.В. Сараева).

¹Написание этого текста было бы невозможно без разносторонней помощи в первом полугодии 2017 г. алматинских коллег, которым я выражаю глубокую признательность (археологам: А.А. Горячеву – за ознакомление с рядом малодоступных публикаций, В.В. Сараеву – за информацию об обстоятельствах находки, Г.С. Джумабековой – за ознакомление с рукописью новой версии каталога ЦГМ РК по раннему железному веку; известному фотографу-натуралисту О. Белялову – за высококачественные слайды вещей из Каргалы примерно 20-летней давности в его архиве и серию зоологических атрибуций).

²К ним относился также золотой наконечник ремня (№ 24 готовящегося каталога Музея). Но, кроме деталей костюма, в могиле были найдены обломок серебряной ложки (№ 25) (подобной известным у обоих полов в синхронных могилах сарматской знати) и два куса кварца с вкраплениями самородного золота.

³Выше была приведена не опубликованная информация, любезно предоставленная В.В. Сараевым в марте-апреле 2017 г.

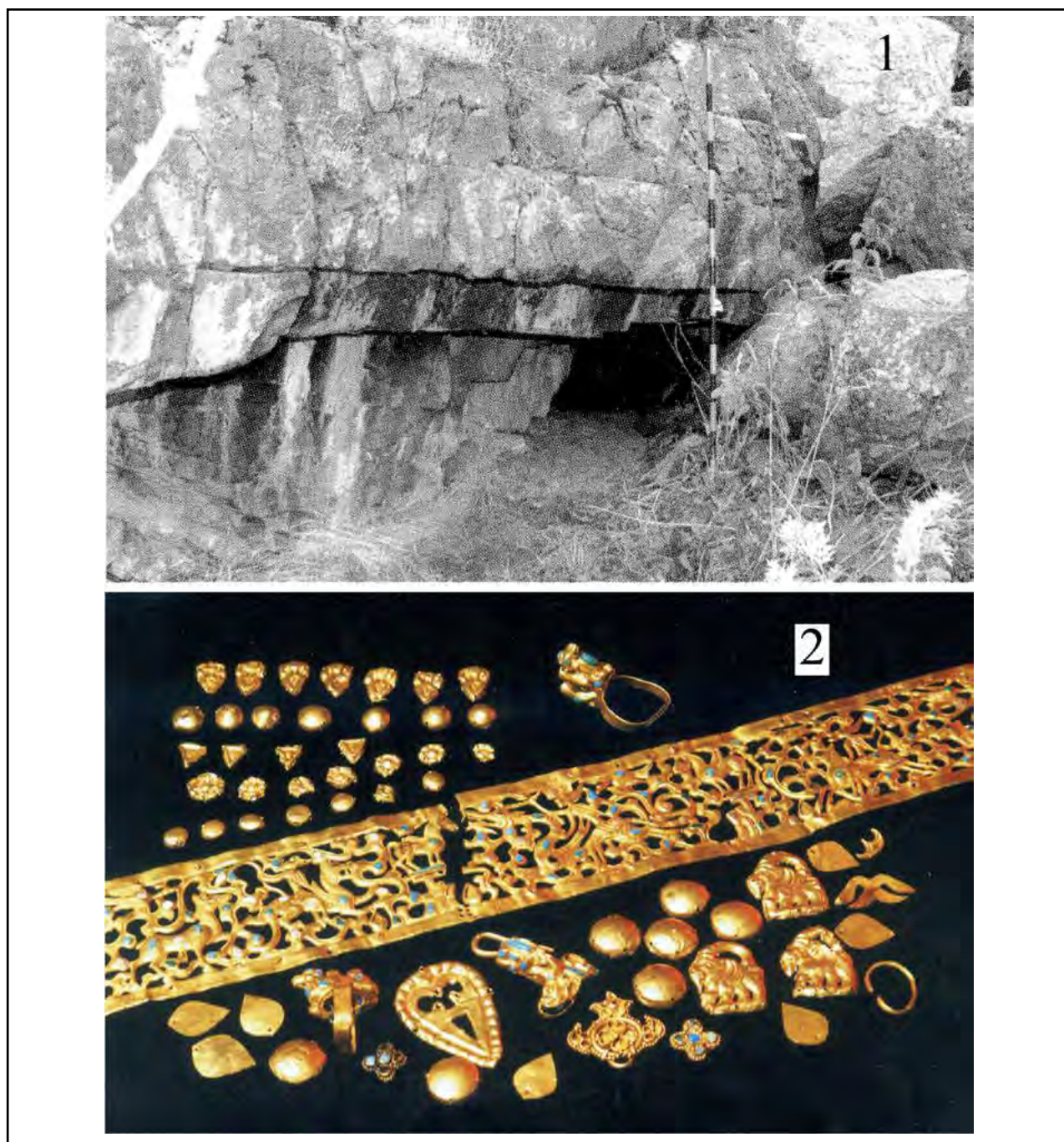

Рис. 1. Грот с усуньским погребением в ущелье Каргалы и образцы артефактов:
1 – скальный навес (с фото В.В. Сараева);
2 – типы золотых украшений (Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005, с. 113)

Главное, что нам известно об этом комплексе, содержится в *трех, не опубликованных пока, документах* – отчете Б.Н. Дублицкого, воспоминаниях современников находки, собранных В.В. Сараевым и в рукописи подготовленного к печати нового каталога ЦГМ РК по раннему железному веку (с. 68-91)⁴, дополняющего предыдущий каталог 2011 г. [Культура саков

и усуней, 2011], где подробно описаны все артефакты из Каргалы, с уточнением материала каменных вставок, технологии производства и размеров вещей.

Несмотря на множество переизданий 2-4 крупных предметов в разных странах и широкий мировой резонанс этой находки, полная аналитическая публикация артефактов из скального

⁴Материал любезно предоставлен Г.С. Джумабековой с согласия сотрудников Музея.

погребения в ущелье Каргалы пока не произведена. А.Н. Бернштам предположительно писал о погребении здесь мужчины («шаман») [Бернштам, 1940, с. 29]. Однако в пользу иной, *женской принадлежности* комплекса может свидетельствовать по совокупности то, что здесь найдены две серьги (одна фигурная, скульптурная – в виде напавшего на человека кабана, другая – проволочная), что здесь заметно больше золотых бляшек, чем в других могилах усуньской знати, а также было несколько (пара) перстней. Скальную могилу в Каргалы я отчасти могу типологически сблизить с позднесарматским женским погребением II-III вв. н.э. в гроте на бывшем озере Батырь на Мангышлаке [ср. Скалон, 1961, с. 114-140]. Трудно сказать, чем было вызвано столь необычное для усуней место погребения: обстоятельствами смерти, спецификой социального статуса, личными заслугами или чем-то иным.

Каково место данного погребения среди известных на сегодня могил усуньской знати (известных как в Семиречье, так и в китайских верховьях р. Или)? Прежде всего, в каждом из них, где сохранились *золотые бляшки* одежды, в том числе – в Талгаре [Акишев, 1983, с. 173-177] (рис. 2: 1) и в Байлекире / Baileqir [Grand View, 1999, р. 175, Ns. 0462-0463] (рис. 2: 2), их комплект отличается большой спецификой. В мужской могиле в Беткайнаре бляшек не было вовсе [Байпаков, Исмагил, Касенов, 1997, с. 15-24]. В Каргалы преобладали бляшки-полусферы (216 экз. трех вариантов) и в форме древесных листьев (30 экз.). Каргалинское погребение отличается также обликом двух найденных там перстней с верблюдами (рис. 2: 3d). Этот изобразительный сюжет – *местного происхождения*, чего не скажешь о греко-бактрийских (Беткайнар, подражание медальону с изображением Евкратиды) и кушанских (Нилка [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008, р. 251, Ns. 9-10]), а также о более западных мотивах на перстнях из *других* могил аристократии (перстень из Сиатай / Xiatai [Ibid., р. 257, No 7] аналогичен позднесарматскому, найденному в южноуральской Лебедёвке [Акишев, 1983, с. 184-185]) (рис. 2: 3а-с).

Особое внимание, как специалистов, так и широкой публики вызвала *золотая ажурная*

пластина в полихромном стиле, в которой еще в древности была выломана небольшая полоска в центральной части. Она и поныне известна в литературе как «каргалинская *диадема*» и стала одним из символов современного Казахстана.

Ее *общая длина* по нижнему краю – 36,3 см, ширина – 5 см, толщина – 6 мм. *Вес* на сегодняшний день – около 90 г. Несмотря на часть выпавших каменных вставок, сохранились 67 вставок из бирюзы, 49 вставок розового коралла и 9 вставок сердолика (мнение о наличии здесь вставок из граната и цветного стекла не подтвердилось). К сожалению, все фото и прорисовки этого важного для понимания истории и культуры усуней артефакта делались *лишь с лицевой стороны*, а его торцы и обратная сторона пока никак не документировались. Сегодня сделать это в Музее ни его сотрудникам, ни автору нереально в силу обстоятельств. Я опираюсь в своей работе, прежде всего, на высококачественное *фото* из личного архива Олега Белялова (рис. 3: 1).

К сожалению, *пластине не повезло с публикациями*. Так, не раз происходила редакционная ошибка, и каждый из двух обломков печатался не в подлинном виде, а в *зеркальном отражении*, что подчас заметно влияло на корректную интерпретацию изображений на пластине (см., например [Байпаков, Савельева, 2004, фото на с. 78-79; Самашев З., Григорьев, Жумабекова, 2005, фото на с. 114-115]) (рис. 3: 2). Однако подобные ошибки – не редкость в издательском деле.

Более необычна публикация пластины в таком широко известном альбоме еще советских времен, как «Древнее золото Казахстана» К.А. Акишева [Акишев, 1983, фото на с. 158-169] (рис. 3: 3): фотографии, видимо, сделаны не с подлинника, и даже не с копии, а с *некой реконструкции*. Дело в том, что при внимательном сличении этих фото А. Стребкова, В. Стукалова и В. Суслина, с более поздними фото такого признанного мастера, как Олег Белялов, ясно видно, что в первом случае *все* многочисленные каменные вставки – на месте в их гнездах, тогда как на деле из изделия выпали 16 каменных вставок (!) из «стеклянной пасты» (по более позднему определению экспертов – розового коралла) и из бирюзы. Кроме того, в альбоме 1983 года все каменные

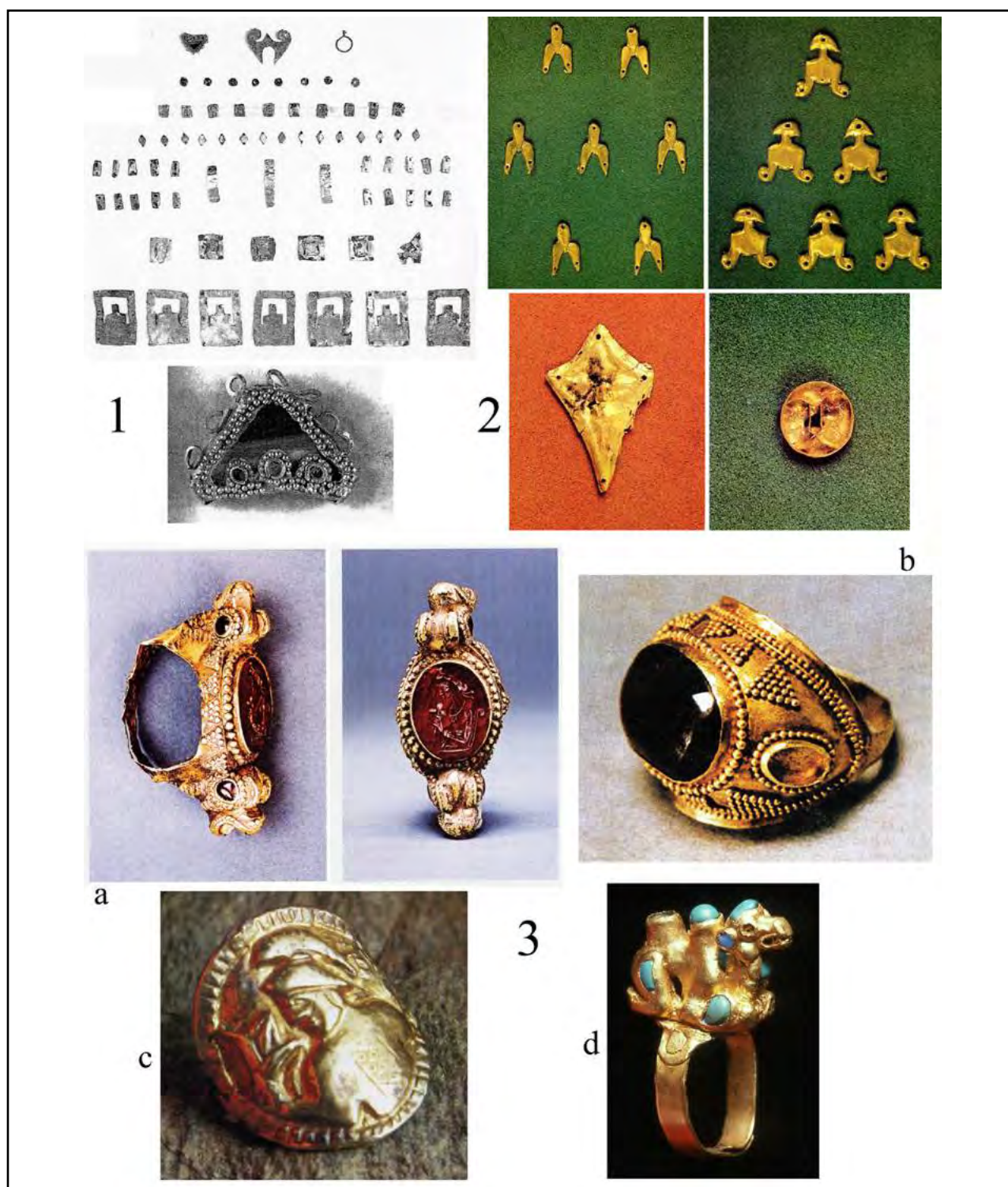

Рис. 2. Костюмные аксессуары из могил усуньской знати: 1 – нашивные аппликации, Талгар, Семиречье (Акишев, 1983); 2 – нашивные аппликации, Байлекир, северный Синьцзян (Grand View, 1999); 3 – перстни (а – Нилка; б – Сиатай (Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008); с – Беткайнар (Байпаков, Савельева, 2004); д – Каргалы, (архив О. Белялова)

вставки-кабошоны одинаково гладкие, более светлые, чем в подлиннике и одинаково блестят как стеклянные, тогда как на детальном фото О. Белялова сердоликовые вставки в глазах ряда животных («дракона», оленей, одного из коней) явно имеют шероховатую, не заглаженную поверхность. Поверхность

штифтов и гвоздиков передана явно неточно. В иллюстрации (рис. 3: 3) показаны три участка пластины с наиболее выраженными повреждениями (основными выпавшими каменными вставками): на фото они выглядят «новенькими», как будто сделаны вчера. Откуда и зачем взяли фотографы А. Стребков, В. Стукалов и

В. Суслин такой объект для тиражирования в научной среде, остается для меня загадкой.

Единственной до сих пор *детальной прорисовкой* изделия является та, что была недавно подготовлена художником М.А. Черновым [Чернов, 2015, рис. 1; 2016, рис. 1] (рис. 4: 1). К сожалению, она не очень удобна в использовании из-за того, что тела зоо- и антропоморфных персонажей перегружены деталями тончайшей гравировки фактуры их поверхности. Есть в этой прорисовке также и серия небольших ошибок (прежде всего, они касаются расположения отверстий, штифтов и гвоздиков). Неточно переданы и *контуры краев* пластины (так, концы двух фрагментов по верхнему краю у М.А. Чернова не совпадают, что отчасти оправдывало его версию об утрате большого фрагмента композиции в центре).

На деле же оба края хорошо сходятся). Все эти неточности и излишняя перегруженность фигур мельчайшими деталями устранены в *моей прорисовке* (рис. 4: 2); на ней черным цветом выделены наличные вставки минералов и отверстия для крепления).

Многие твердые убеждения коллег относительно этого изделия кажутся мне сегодня ничем всерьез не подтвержденными.

Вызывает недоумение довольно популярное сегодня утверждение, что в центральной части якобы был *выломан значительный по размеру кусок*. А.Н. Бернштам ничего подобного не высказывал, считая персонажа на «драконе» (лун)⁵ центральным [Бернштам, 1940, с. 25], не писал такого и К.А. Акишев. Однако у ряда исследователей закрепилась именно такая идея (ср. в новой версии Каталога ЦГМ РК:

Рис. 3. Золотая ажурная полихромная пластина из Каргалы: 1 – фото из архива О. Беялова (фото двух фрагментов объединены автором); 2 – зеркальное отражение в публикации (Самашев, Григорьев, Джумабекова, 2005); 3 – реконструкция вместо подлинника (Акишев, 1983); 4 – реконструкция предполагаемой центральной части М.А. Черновым (Чернов, 2015)

⁵Будем помнить, что этот китайский персонаж и по внешнему виду и по связанным с ним верованиям имел весьма отдаленное отношение к тому, которого римляне называли dragon.

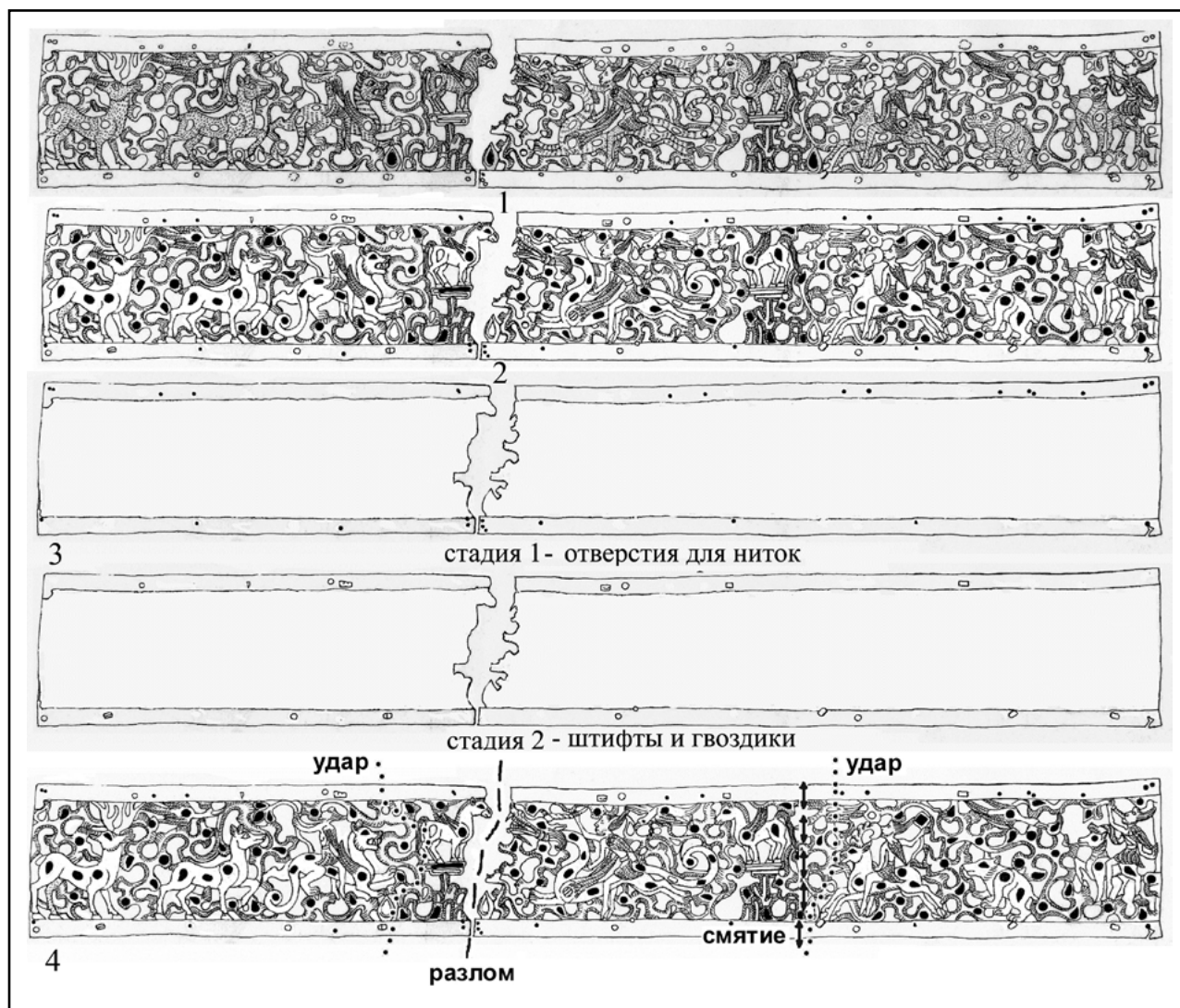

Рис. 4. Золотая ажурная полихромная пластина из Каргалы: 1 – прорисовка М.А. Чернова (Чернов, 2015); 2 – уточненная прорисовка С.А. Яценко; 3 – две системы креплений; 4 – основные типы повреждений поверхности

«Центральная часть утрачена»). Полагаю, *единственным* основанием для этого были слухи (не имеющие реальных подтверждений), что находчики якобы разделили пластину на три части, и одна из них, якобы, пропала (на деле же все мало-мальски ценные находки были переданы в Музей нашедшими клад во избежание неприятностей по указанию директора суконной фабрики, который, получив звонок из Алма-Аты, распорядился своим помощникам найти охотников и объяснить им ситуацию). Но, во-первых, если приставить обе части изделия впритык, то композиция выйдет симметричной и практически завершенной (М.А. Чернову представляется, что для уравновешивания композиции не хватает, как минимум, второго «дракона», т.к. его смущает, что с обеих сторон по трое животных движутся к

всаднику на «драконе», «грозя столкновением» [Чернов, 2015, с. 377]. Эта версия выглядит слишком экзотичной. Во-вторых, после небольшого повреждения в центре, нижние края были соединены дополнительно нитками с помощью малых круглых отверстий. На этом нижнем участке практически никаких потерь в композиции, на мой взгляд, не было. В-третьих, как уже отмечалось, из-за нескольких фото обеих частей в неудачном освещении у части авторов возникла мысль, что верхние концы диадемы не сходятся. Следовательно, надо додумать большой недостающий кусок... Однако на наиболее качественных фото Олега Белялова при грамотно поставленном освещении хорошо видно, что края диадемы прекрасно сходятся... Между тем, именно этот момент подвиг М.А. Чернова на очень сложную и вполне

фантастическую, на мой взгляд, «реконструкцию недостающей центральной части» композиции [Чернов, 2015, рис. 7] (рис. 3: 4).

Далее, в *атрибуции предмета* именно как *диадемы* есть несколько весьма уязвимых моментов. Интересующая меня пластина была признана по фотографиям диадемой первым ее публикатором Александром Натановичем Бернштамом в 1940 году [Бернштам, 1940, с. 25]. В дальнейшем эта точка зрения автоматически воспроизводилась во всех последующих изданиях. Между тем, приходится признать, что для подобного утверждения *нет серьезных оснований* (1). С момента находки пластина была *совершенно прямой*, а вовсе не изогнутой дугой, как положено диадеме, охватывающей голову. При этом на ней нет реальных следов более позднего продольного выпрямления. (2). Предмет имеет *двойную систему креплений по краям*, дублирующие одна другую, что для такого легкого и тонкого изделия совершенно излишне (рис. 4: 3). Я согласен с недавним выводом В.В. Сараяева о том, что это свидетельствует в пользу *вторичного использования* предмета. Думается, на *первой стадии* использования были проделанная серия узких круглых отверстий, предназначавшихся для крепления нитками. Они проделывались по углам, а по верхнему краю обычно – парами.

На *второй стадии* появился ряд круглых золотых заклепок-штифтов и гвоздиков с прямоугольными шляпками для крепления к более прочному материалу. По верхнему и нижнему краям они образуют среди прочего, по две пары. На торцах креплений не было.

Всего на поверхности пластины фиксируются, на мой взгляд, *три типа повреждений*, нанесенных, скорее всего, в разное время (рис. 4: 4). *Во-первых*, это вероятный ручной разлом в самом центре композиции. *Во-вторых*, это два поперечных удара, которые пришлось за спинами обоих крылатых коней (в результате в обоих случаях образовались полосы с выпавшими каменными вставками). *В-третьих*, это отчетливо видная при боковом освещении аккуратная полоса небольшого поперечного смятия.

В отличие от буквально всех коллег, интересовавшихся этим предметом, я не собираюсь предполагать очередную «сенсационную»

трактовку сюжета пластины и тем более – ее сакрального назначения. Я ясно понимаю, что мы, видимо, *никогда* не сможем выявить детали ее сюжета. Причины этого очень просты. *Во-первых*, от усуней (буквально – «внуков вóронов» – Wūsūn / 烏孫 в передаче иероглифами) до нас не дошло ни одного текста, тем более – мифологического или фольклорного (не считая очень краткого сюжета о воспитании одного из ранних их правителей (но не первого) – Liejiaomi волчицей и вóронами, отраженного в китайской хронике Сыма Цяня «Шицзы» / Shiji / 史記, 123). Разрыв в культурной традиции в данном случае оказывается слишком велик. *Во-вторых*, эта композиция, чтобы ни писали А.Н. Бернштам с Е.Е. Кузьминой [Кузьмина, 1987, с. 158-181], увы, не имеет близких аналогов в мировом искусстве, и, соответственно, мы не сможем ее корректно «расшифровать». Кроме того, мы также не знаем сколько-нибудь определенно, какова была *языковая принадлежность* усуней (единичные усуньские имена и географические названия в специфической китайской иероглифической передаче допускают самые разные толкования). Первоначально ученые единодушно считали усуней тюрками, вслед за Ф. Хиртом и К. Сиратори [Hirth, 1898, P. 49; Shiratori, 1902, p. 103-140]. Но с 60-х годов минувшего века разными специалистами, вслед за Э.Г. Пуллиблэнком, было предложено много серьезных аргументов в пользу их иранской принадлежности [см., например: Pulleyblank, 1966, p. 9-39; Mair, 1994; Beckwith, 2009, p. 29-38, 376-377]. И, наконец, есть основания полагать, что эта пластина – лишь часть единой композиции более крупного изделия (см. ниже); по сохранившемуся «фрагменту» восстановить целое будет крайне сложно.

Уже первый интерпретатор комплекса А.Н. Бернштам (это очевидно из его текста) не видел не только подлинников вещей, но даже их качественных фото (наличные ему предоставил историк из казахстанского филиала Академии Наук В. Ф. Шахматов). Но, обладая очень живой фантазией, исследователь принял вполне обычных *летающих птиц* вроде уток за «фениксов» / fenghuang / 鳳凰, которые якобы «преследуют» главных персонажей-всадников, оригинальную прическу последних – за «кочев-

нический головной убор», *постаменты* для статуэток крылатых коней – за большие *грибы*, морды самих коней почему-то назвал “грифоноподобными” и т.п. [Бернштам, 1940, с. 23-25]. Он не видел также многочисленных штифтов на “диадеме” и решил, что были лишь отверстия для пришивания нитками. Не видел он и сколько-нибудь полно и личного набора нашивных украшений костюма... Трактовка умершего как *шамана*, практиковавшего *шаманизм тюркского типа и имевшего шаманский костюм*, также вызывает мое искреннее удивление. Дело в том, что оформление реальных костюмов шаманов народов алтайской языковой семьи было совершенно иным (это наглядно демонстрирует единственная мини-монография по данной теме Е.Д. Прокофьевой [Прокофьева, 1971, с. 5-100]), а комплект шаманских атрибутов, характерных для тюркских народов (см. специальную монографию Н.А. Алексеева [Алексеев, 1984, с. 179-199]) здесь практически отсутствует.

Не менее экзотической представляется мне версия Е.Е. Кузьминой о том, что здесь представлен «Дионис у усуней» в предполагаемой ею бактрийской версии этого божества [Кузьмина, 1987, с. 158-181]. Дело в том, что ни одно из характерных иконографических проявлений бога Dionysos (тирс, венок, сосуд для вина и не крылатая пантера у него самого; его пешие спутницы – менады и Силен на осле, мотив вянущих переданных листьев винограда и т.п.) на каргалинской пластине не отмечено [ср. Lexicon, 1988]. Приходится сожалеть, что Е.Е. Кузьмина не пыталась всерьез разобраться в античной иконографии этого бога (в т.ч. в версии «Дионис в Азии», за исключением сомнительного привлечения образа медведя, который в античной иконографии спутников Диониса визуально практически не проявляется).

Еще одно очень популярное заблуждение касается *центрального персонажа* пластины – всадника на «драконе» (лун / loong / 龍). В разных публикациях мы постоянно читаем, что это, якобы, *женщина*, тогда как остальные

персонажи – мужские. На деле же персонаж имеет небольшую бородку, а его скромные костюм и высокая коническая прическа (на изображении хорошо видны именно волосы, а не головной убор, как думал А.Н. Бернштам), сама фигура и фактура ее поверхности практически не отличаются от прочих изображений китайских полузооморфных духов на этом изделии. Его единственное отличие – наличие узкой *повязки-диадемы* (она-то как раз и осталась не замеченной коллегами). Подобные даосские персонажи на «драконе» – весьма обычный сюжет в искусстве ханьского Китая (рис. 5: 1)⁶. Иногда они, как и в Каргалы, держатся рукой за козлиные рога «дракона», имеют крылья и короткую юбочку. Сходный «дракон» с хвостом тигра или барса также был обычным для позднечжоусской и ханьской иконографии (рис. 5: 2).

Композиция изделия подчинена определенному ритму. Этот ритм во многом связан с числом «4»: по 4 фигуры по сторонам главного персонажа, по 4 копытных (справа – со всадниками, слева – без них) и 4 крылатых животных в целом. В центре находилась фигура главного персонажа на «драконе», имеющая максимально большую длину. Она окаймлена двумя симметричными скульптурками крылатых коней на особых постаментах. Справа изображены два всадника на копытных, левее – два всадника на крылатых животных с хвостом барса. Два крайних всадника держат перед собой крупные трилистные побеги (оба делают это левой рукой), в то время как следующий за «драконом» всадник на козле держит в правой руке цветок или бутон (в форме ромба). По краям по два животных идут, всадники в центре движутся быстро. Лица всех всадников (независимо от направления движения) повернуты влево (это мы видим и у крайнего слева оленя), к какому-то важному объекту, который нам неизвестен. Кроме центрального, остальные всадники смотрят на соседнюю с ними птицу, а у всадника на «драконе» она находится за спиной; при этом у крайних всадников птица движется вправо, у двух центральных – влево.

Изображения млекопитающих животных

⁶Здесь и ниже используется моя подборка по искусству Хань, размещенная в Интернете (www.pinterest.com/sergey1305/ancient-jewelry/).

Рис. 5. Аналогии в искусстве ханьского Китая: 1 – даосские персонажи на «драконе»;
2 – нефритовые изображения «драконов» с хвостом кошачьего (www.pinterest.com/sergey1305/ancient-jewelry/)

имеют стандартное размещение каменных вставок (дело лишь в том, показана ли вся фигура животного, либо центральная часть туловища отчасти закрыта фигуркой всадника): глаза имеют подтреугольные вставки сердолика, на плече – круглая вставка, на боку – овальная, на бедре – каплевидная.

Важным аргументом в пользу *местного, а не китайского производства изделия* у А.Н. Бернштама являлось наличие здесь животных, обитающих в Средней Азии (олений, медведей, горных козлов и баранов). Увы, эти же млекопитающие встречались и на границах ханьского Китая. На мой взгляд, куда более важным аргументом в пользу этого может служить наличие здесь фантастических зооморфных образов, характерных в это время для

индоевропейских (в том числе – иранских) *народов* – крылатых барсов и крылатых коней. Не забудем и то, что, по языческим верованиям индо-иранских и иранских народов Гиндукуша и Памира, духи гор особенно тесно связаны именно с ритуально «чистыми» высокогорными копытными – дикими козлами и баранами (как это мы и видим на данной пластине) [см., например, Йеттмар, 1975, с. 63-64, 109, 233-234, 379].

Согласно любезной консультации такого знатока природы Центральной Азии, как Олег Белялов, *весьма достоверно* на пластине переданы лишь *копытные* (маралы, горные козел и баран). Медведь изображен с рядом неточностей. Остальные животные, возможно, вполне сознательно были сделаны

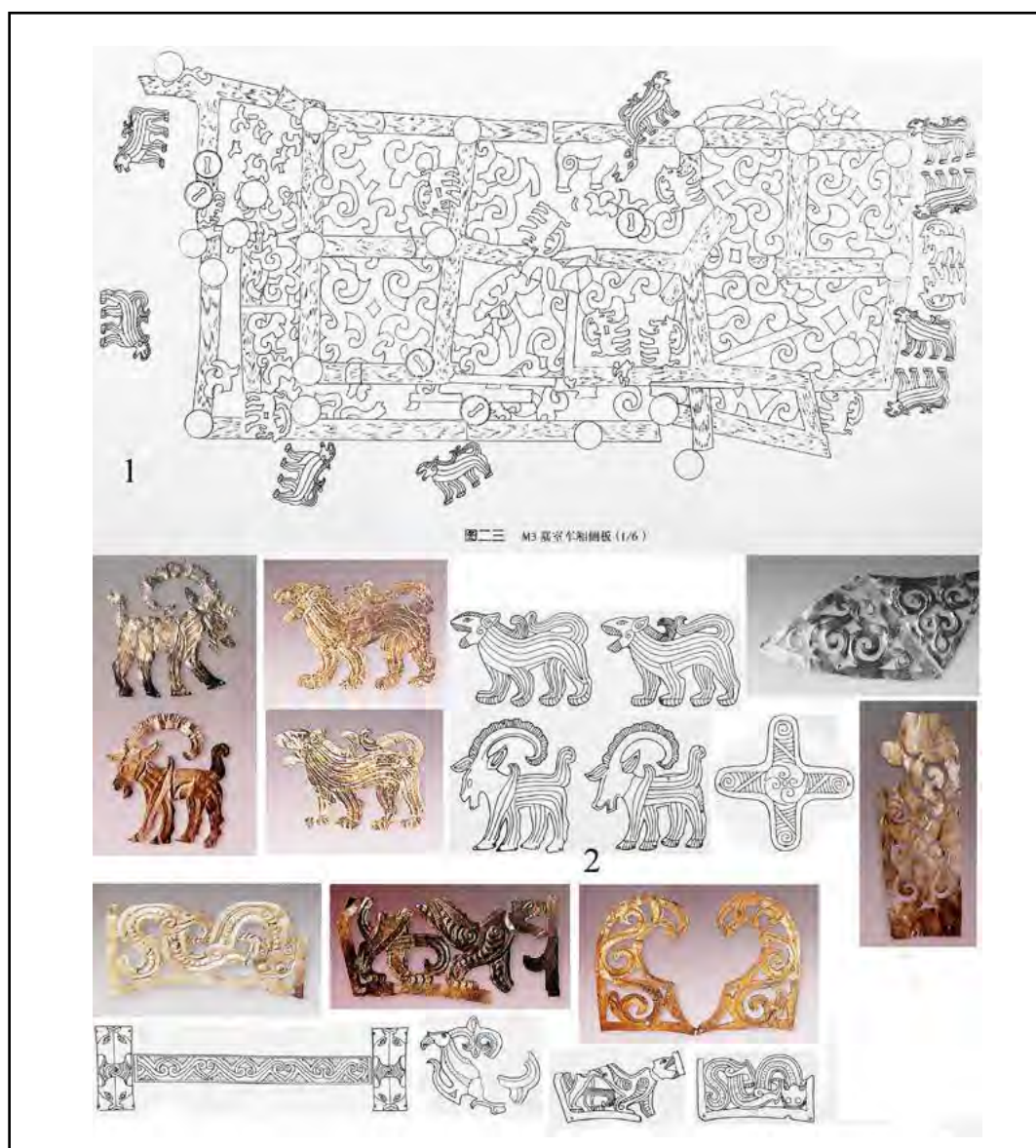

Рис. 6. Ритуальные повозки из могил 1 и 3 в некрополе Мацзиюань, провинция Ганьсу: 1 – повозка из могилы 3; 2 – золотые аппликации повозок (Excavations on the Majiayuan, 2008)

синкретичными. Так, крылатый хищник на малом (левом) фрагменте является синкретическим кошачьим. У большинства летящих «уток» клюв действительно утиный, но хвост для уток слишком длинный. А за главным персонажем на драконе, по О. Белялову, летит *хищная* птица, хотя и представленная с ошибками.

Думаю, изделие создано местным мастером, но во многом на основе китайских образцов, в т.ч. отражающих формирующиеся даосские представления (что изначально отмечал А.Н. Бернштам). Последнее не удивительно, т.к., согласно китайским хроникам, во времена Старшей Хань китайцы дарили местной знати произведения искусства, в т.ч. золотые статуи китайской работы. В ставку правителя в 107 г. до н.э. прибыла китайская принцесса с богатыми дарами, и в ее свите указаны ремесленники. Это повторилось в 64 г. до н.э... В усуньской столице Чигу подчас квартировал китайский гарнизон, пребывали военные советники и т.п.

Если наша пластина не была металлической деталью диадемы (что весьма вероятно), то *к какому изделию она могла относиться?* Применительно к тогдашнему кочевому быту наш выбор очень невелик. Считать ее деталью некоего ларца нет оснований, т.к. никаких реальных аналогий мы не знаем.

Видеть ее пластиной богато декорированного колчана или горита (вроде скифского из Солевой Могилы) [L'Or, 2001, No 154] тоже нет причин, т.к. в хунно-сарматское время

подобные роскошные предметы у кочевников уже исчезли. Вполне реальным кажется мне, например, предположение, что в могилу умершей в условиях большой тесноты узкого скального навеса была *символически* помещена деталь особой ритуальной *погребальной повозки* (по принципу «часть вместо целого»). Дело в том, что мы имеем для этого ряд типологически достаточно близких археологических параллелей. Особенно ценны находки, сделанные несколько лет назад на территории, примыкающей к исторической родине усуней в провинции Ганьсу, на землях кочевого племени ран / Rang, зависимого от царства Цинь. Здесь, в некрополе Мацзиюань / Majiayuan, в не разграбленных могилах №№ 1 и 3 IV-III вв. до н.э. были обнаружены интересные погребальные повозки [Excavations on the Majiayuan, 2008, p. 13, 25; Rise, Growth, 2012, p. 280] (рис. 6: 1). Они были сплошь украшены ажурными золотыми пластинами с фигурками животных. Основной набор их образов уже знаком нам – «драконы», крылатые барсы, горные козлы, птицы... Показательны и такие известные на каргалинской пластине мотивы, как трилистники и перевитые заросли растительных побегов⁷ (рис. 6: 2).

В целом мы сегодня уже знаем немало о загадочной пластине из Каргалы. К сожалению, это не слишком проясняет смысл ее композиции (наверняка хорошо понятный усуням), особенно если верно то, что она была частью композиции более крупного изделия.

⁷Их многие коллеги без какого-либо иконографического анализа почему-то объявляют китайскими изображениями облаков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). - Новосибирск, 1984. - 233 с.
- Байпаков К.М., Исмагил Р., Касенов М.С. Раскопки могильника Беткайнар на Курдайском перевале // Известия МН-АН РК. Серия общественных наук. - Алматы, 1997. - № 1.
- Байпаков К.М., Савельева Т.В. Древние сокровища Алматы и Жетысу. - Алматы, 2004. - 172 с.
- Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке // КСИИМК. - Вып. 5. - 1940.
- Акишев К.А. Древнее золото Казахстана. - Алма-Ата, 1983. - 264 с.
- Йеттмар К. Религии Гиндукуша. - М., 1975. - 524 с.
- Культура саков и усуней Казахстана в археологических коллекциях Центрального государственного музея Республики Казахстан. Научный каталог. - Алматы, 2011. - 320 с.
- Кузьмина Е.Е. Дионис у усуней: о семантике каргалинской диадемы // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. - М., 1987.
- Прокофьева Е.Д., Шаманские костюмы народов Сибири // МАЭ. - Вып. XXVII. - Л., 1971.
- Самашев З., Григорьев Ф., Джумабекова Г. Древности Алматы. - Алматы, 2005. - 184 с.
- Скалон К.М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время // АСГЭ. - Вып. 2. - 1961.
- Чернов М.А. Композиционный строй каргалинской диадемы: опыт реконструкции // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии (Отв. ред. А.З. Бейсенов). - Алматы, 2015.
- Чернов М.А. К вопросу о семантическом прочтении композиции каргалинской диадемы // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбыльского района (Отв. ред. А. Садуакасулы, Б.А. Батанаев). - Алматы, 2016.
- Beckwith C.I.. Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. - Princeton: Princeton Univ. Press, 2009. - 512 p.
- Excavations on the Majiayuan Cemetery of the Warring States Period in Zhangjiachuan Autonomous County of Hui Nationality, Gansu // Wenwu, 2008. - No. 9.
- A Grand View of Xinjiang Cultural Relics and Historic Sites (ed. by V. Mair). Urumqi. 1999. - 440 p.
- Hirth F. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. - St. Petersburg, 1898.
- Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. T. III. - Zürich, München, 1988.
- L'Or des rois Scythes (direc. E.D. Reeder). - Paris, 2001. - 352 p.
- Mair V.N. The Shorter Columbia Anthology of Traditional Chinese Literature. - New York. 1994. - 1335 p.
- Pulleyblank E.G. Chinese and Indo-Europeans // Journal of the Royal Asiatic Society. - New Series. - Vol. 98/1. - London, 1966.
- Qi Xiaoshan, Wang Bo The Ancient Culture of Xinjiang along the Silk Road. - Urumqi, 2008. - 304 p.
- Rise, Growth and Cultural Integration. The Quintessential Culture During the East Zhou Period (Mengya, chegchang, ronghe. Dongzhou shiqi beifang qintong wenhua qincui) (ed. by Cao Wei). Xi'an, 2012. - 312 p.
- Shiratori K. Über die Wu-sun Stamm in Zentral Asien // Keleti Szemle. T. 2-3. - Budapest, 1902.

Қарғалы шатқалындағы үйсін жерлеуінен алынған алтын пластина

Түйін

«Қарғалы диадемаcы» (сурет 3: 1; 4: 2) деген атпен белгілі алтын оюлы пластина, басында ол бүгілмеген болған. Ол әр түрлі мақсатқа пайдаланылды, өйткені екі әртүрлі жүйедегі қыстырғыштар анықталды (жіп өткізілетін және қапсырма тесігі) (сурет 4: 3). Ортасынан қолмен бөлінуі мен екі рет ұрғаннан болаған бүліну пластинаның негізгі бүлінуі болды (сурет 4: 4). Бұл көбінесе қытай үлгісінен көшірген үйсін зергерінің жұмысы (сурет 5). Үйсін діні туралы мәлімет өте аз, композицияның ойын қалпына келтіру мүмкіндігі тіптен жоқ. Пластина ғұрыптық арбаның әрлеу кешеніне қойылған аппликация болуы да мүмкін, мұндай зооморфтық және өсімдік бейнесі (сурет 6) бар ұқсас зат б.з.д. ІҮ-ІІІ ғғ. Мацзюань некрополінің 1 және 2 жерлеу орнынан табылды. Мақалаларда пластина бірнеше рет, нақты өзінің орнына айнаға түскен бейнесі тіпті кейде қайта қалпына (сурет 3: 2-3). келтірген түрі қате берілді.

S.A. YATSENKO

GOLDEN PLATE FROM WUSUN GRAVE IN GROTTA OF KARGALY GORGE

SUMMARY

The golden plate known as “Kargaly diadem” (fig. 3: 1; 4: 2) was not the artifact of such type because it was initially arched. It was used for different purposes because it had two different fastening systems (holes for a thread and rivets) (fig. 4: 3). The main damage of the plate was the hands’ rift in the center and two cross punches (fig. 4: 4). The plate was the product of Wusun jeweler who mainly copied the Chinese models (fig. 5). The information on Wusun religion is very meager and it is almost no chance to reconstruct the meaning of its composition. The plate was probably the symbolic detail, the part of applications complex of a ritual vehicle similar to samples found in graves 1 and 3 of Majiayuan necropolis in Gansu Province, the 4th-3rd cc. BCE, here met the similar zoomorphic and floral motifs (fig. 6). In plate’s publications were some mistakes: instead the original the mirror reflection or reconstruction was placed (fig. 3: 2-3).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
 Сб МАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии.
 ЦГМ РК – Центральный государственный музей Республики Казахстан.

¹Байпаков К.М., Савельева Т.В., ²Петров П.Н.
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан;
Институт археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ГОРОДА ИЛАНБАЛЫК (ИЛАНБАЛИ) В ИЛИЙСКОЙ ДОЛИНЕ

В XIII веке сформировалась мощная Монгольская империя. Исключительно сложная историческая обстановка, создававшаяся в Евразии в XIII-XIV веках, способствовала укреплению весьма странных, на первый взгляд, связей. Партнерами и союзниками оказались папская курия, русские князья, ильханы монгольского Ирана, короли Франции и генуэзские купцы, монахи францисканского и доминиканского орденов, властители Киликийской Армении и царедворцы великого монгольского каана.

Прямые связи Запада и Востока прервались в 40-60-х годах XIV века, когда окончательно развалилась монгольская империя – громоздкая и неустойчивая политическая система, сложившаяся в Азии в ходе завоеваний Чингисхана и его ближайших преемников.

А в XIII-XIV веках путешественники один за другим ехали в велико-ханскую орду в Монголию. Причины тому были разные: одни искали там союзников против врагов своих, другие устраивали торговые дела под покровительством новых завоевателей, третьи просили за своих подданных – оградить их от лихоимства монгольских наместников, четвертые – были просто авантюристами и шпионами.

Древние землепроходцы оставили нам дневники или продиктовали свои впечатления историкам, о некоторых путешественниках дошли лишь воспоминания современников. Записи разные по своему значению, что объясняется и целями путешествия и личными качествами путешественников.

Среди имен великих путешественников этого времени – знаменитый венецианец Марко Поло, послы папы Иннокентия IV, монах-францисканец Плано Карпини, француз Андре де Лонжюмо, итальянец Асцелин, посол французского короля Людовика IX – монах Гильом Рубрук, великий арабский пу-

тешественник Ибн-Батута, который проехал более 75 тысячи миль, побывал в западной Африке, Индии и Испании, Турции и Иране, в Поволжье и Средней Азии. В плеяде этих великолепных имен нельзя не назвать имя царя Малой Килики Гетума I.

Когда в 30-х годах XIII века монголы вторглись в Великую Армению, правители Киликийской Армении отсиделись за высокими хребтами Тавра. А в 40-х годах царь Гетум I ценой признания вассальной зависимости от монголов обезопасил свою маленькую страну от их нашествий и приобрел в лице монголов сильных союзников.

Для этого в 1253 году к Менгу-каану отправляется посольство во главе с Гетумом I. Оно выехало скрытно, чтобы просить помощи против притеснений Аргуна, наместника монголов в Закавказье. Оправляясь в путь, Гетум переоделся погонщиком мулов и с небольшим числом людей добирался до Каракорума маршрутом, о котором известно очень мало. Упоминаются лишь Волга, Яик, земли найманов и каракитаев. Хорошо принятое в ставке Менгу посольство заключило договор с монголами и получило обещания уменьшить налоги.

В 1254 году Гетум I отправился на родину и «по тому пути, который он (раньше) прошел тайком, возвращался, подобно льву...». Обратный маршрут, подробно описанный источником, представляет большой интерес.

Итак, 1 ноября 1254 года Гетум отправился в обратный путь из Каракорума. «Он прибыл в Гумсгур, [оттуда] он поехал в Пералех, [затем] в Пешпалек... Оттуда они поехали через Арлек, Куллу, Енках, Тчанпалех. Хутана и Анкипелех.

Затем вступили в Туркестан: отсюда в Екопрук, Динкапелех и Пулат, пройдя через Сут-Гол и Молочное море, прибыли в Алаулех (Алмалык) и Иланбалех (Иланбалык), затем

переправившись через реку, называемую Илансу, перевалив через отроги Таврских гор, прибыл в Далас (Тараз), а оттуда через Отрар, Джизак, Бухару, Тебриз вернулся на Родину». В этом списке есть точно локализованные города – это Алмалык и Тараз, которые соответствуют городам Алаулеху – Алмалыку и Даласу – Таразу.

Благодаря этому маршрутному пути можно определить и местоположение города Иланбалех (Или-бали – по китайским источникам или Иланбалык – по мусульманским источникам 1329-1331 годов). Однако городище, которое можно было бы уверенно отождествить с этим городом, археологи найти долго не могли. История поиска его затянулась. Но различные предложения о локализации этого города высказывались.

В свое время востоковед В.В. Бартольд, совершивший в 1893-1894 годах научную поездку по маршруту Ташкент–Чимкент–Пишпек–Кегень–Джаркент–Верный, отождествил ряд средневековых городов с конкретными археологическими памятниками. Ученый полагал, что Иланбалык соответствует городу, имевшему название Икиогуз, известного по сообщениям Махмуда Кашгарского (XII век) и Эквиусу Гильома Рубрука (XIII век). Он предложил отождествить его с городищем «Чингильды», которое находилось на правом берегу Или на участке дороги Верный–Джаркент, в 35 километрах восточнее переправы через реку Или.

Интересно, что о городище «Чингильды» первым написал Ч.Ч. Валиханов в связи с находками там водопроводных труб.

А.Н. Бернштам согласился с тождеством Иланбалыка и Икиогуза – Эквиуса и поместил его также на месте городища «Чингильды».

Позже археологические исследования, которые были проведены на территории Илийской долины (Северо-восточного Жетысу) позволили открыть здесь несколько десятков новых городищ и убедительно доказать, что город Ики-Огуз Махмуда Кашгарского, Эквиус Г. Рубрука следует отождествить с городищем «Дунгене», расположенном в 20 километрах западнее г. Талдыкоргана в селе Балпык-би (бывшее Кировское).

Было поставлено под сомнение тождество

города Йки-Огуза – Эквиуса и городища «Чингильды», поскольку последнее, как выяснилось, является остатками небольшого городища, скорее всего караван-сарая.

Было высказано предположение о том, что город Иланбалык находился между селами Кок-Тал и Панфилов (нынешний город Джаркент) и, возможно, соответствует городищу «Учарал».

В 2014 году появились новые материалы, которые позволяют более уверенно высказаться в пользу тождества города Иланбалыка и городища «Учарал».

Во-первых, на этом городище была собрана богатая коллекция монет, что уже само по себе свидетельствует о значимости города, который стоял на этом месте. Удалось зафиксировать три монетных клада и 123 единичные монетные находки. Все три клада состоят, в основном, из дирхамов периода XIII-XV веков:

- клад 1. Медные посеребренные дирхамы Алмалыка [656-660 / 1258-1262 годов] в количестве 8 штук. Сокрытие – первая половина 660 / 1262 годов;

- клад 2. Состоит из 7 серебряных дирхамов государства Чагатаидов (государства Кайду). Клад сокрыт на рубеже XIII-XIV веков;

- клад 3. Состоит из 40 серебряных динаров XIV века. Клад сокрыт не ранее 740 / 1340 годов. Удалось зафиксировать 37 экземпляров, из которых 36 – монеты Чагатаидского государства и одна монета Ильхана Абу Сайда. Комплекс единичных находок можно разделить на три группы: первая – монеты, чеканенные до монгольского завоевания; вторая – монеты Великой монгольской империи; третья – монеты государства Чагатаидов. Ни одной монеты, чеканенной позднее середины XIV века, пока не обнаружено.

Итак, к монетам первой группы относятся семь дирхамов Караханидов XI-XII веков (5,7% от всех зафиксированных единичных находок). Старшей из них является дирхам Богра-карахакана, битый в Тункете в 444 / 1052-1053 годах. Зафиксировано две монеты китайской династии Северная Сун, старшая из которых датируется началом XI века – тяньшэн юаиь-бао (девиз правления эмитента использовался в 1023-1032 годах). К этой же группе относятся монеты начала XIII века – один серебряный динар и обломок крупного медного

посеребренного дирхама Караханидов или хорезмшахов Ануштегинидов. Итого к первой группе относятся 11 монет, что составляет почти 9% от количества зафиксированных находок.

К монетам второй группы следует отнести 93 экземпляра, то есть почти 76% от всех нумизматических находок. Наибольшая активность товарно-денежных отношений в розничной торговле в этом населенном пункте (по собранной информации) наблюдается именно в период с 630 / 1232 по 666 / 1268 годов. В составе монет Монгольской империи есть и обломок золотого динара (возможно, сам динар чеканился еще до монгольского завоевания) и 12 серебряных дирхамов, но основную массу составляют медные посеребренные дирхамы Алмалыка и медные фалсы, чеканенные в правление Мунке-хана и вскоре после его смерти.

Нельзя не обратить внимания на то, что подавляющее большинство имперских монет, найденных на месте городища «Учарал» чеканилось на монетном дворе Алмалыка. То есть, город Иланбалык в XIII века входил в сферу экономического влияния города Алмалыка – столичного центра Чагатайского улуса, располагавшегося не более чем в двух днях пути (ныне на территории КНР). Даже небольшое количество находок серебряных монет первой половины XIII века указывает на непрерывность поступления дирхамов на рынки изучаемого города с 630/1233 по 662 / 1264 год. А медные посеребренные дирхамы позволяют проследить эту хронологическую цепочку до 666 / 1268 года.

Кроме алмалыкских монет в комплексе присутствует продукция соседнего монетного двора Каялыка и монетных дворов Пулада и Имила, а также не установленного пока монетного двора.

Третья группа монет не столь представительная в количественном плане – всего 16 монет (13%). Однако состав монетной массы качественно иной. Из 93 монет во второй группе на серебряные дирхамы приходится в количественном отношении 12 экземпляров (13%), первенство принадлежит медным фалсам (16 экземпляров) и медным посеребренным дирхамам (68 экземпляров). В третьей группе серебряных монет 11 из 16

штук, то есть 69%. Младшие из монет – фалсы Алмалыка с уйгурской легендой в поле и годом 742/1341-1342 годов.

И клады, и единичные находки с этого памятника указывают на активнейшие товарно-денежные отношения на территории города в XIII первой половине XIV века.

Благодаря нумизматическим находкам можно утверждать, что в начале XI века этот населенный пункт уже существовал. Остается выразить надежду, что со временем удастся собрать необходимое количество информации о монетных находках для статистической обработки и составить нумизматический паспорт этого городища, которое более всего подходит для тождества с городом Иланбалыком.

Во-вторых, на городище найден кайрак – надгробный камень с несторианским крестом и надписью, которая пока не расшифрована. Это интересно еще и тем, что несторианские кайраки найдены и на Алмалыке.

Алмалык в мусульманских источниках согласно В.В. Бартольду, упоминается незадолго до монгольского владычества. Он был столицей владетеля Озара (Бузара), который прошел путь от разбойника и конокрада до владетеля Алмалыка и ряда соседних городов. Позднее он добровольно подчинился Чингисхану. Его династия, по крайней мере, в течение двух поколений, продолжала владеть Алмалыком. Местоположение города определено благодаря маршруту Чан-Чуны, который помешает город на расстоянии одного дня пути к западу от выхода из перевала Талки.

Известно также, что от Отрара до Алмалыка в системе Великого Шелкового пути было 45 дней пути, от Алмалыка до Бишбалыка (столицы Уйгурии) – 2 недели.

В качестве главного города чагатайских владений Алмалык был одним из центров деятельности средневековых европейских миссионеров, распространявших католичество в монгольских владениях. В 30-х годах XIV века при хане Дженкши католики имели в Алмалыке епископа и церковь. Конец деятельности католиков положило кровавое гонение против христиан, начатое в 1339 (или 1340) году Али-Султаном.

В.В. Бартольд посетил, скорее всего, развалины Алмалыка, где сохранился мавзолей

Туклук Тимура, первого из владельцев восточной части чагатайского улуса, принявшего ислам, который умер в 1362-1363 годах.

В.В. Бартольд охарактеризовал мавзолей Алмалыка и отметил, что он повторяет стиль аналогичных сооружений Средней Азии. Рядом находился еще один меньший по размерам мавзолей, принадлежавший, по мнению местных жителей, сыну Туклук-Тимура Шир-ильхану.

В 1902 году Алмалык посетил востоковед, выпускник Санкт-Петербургского университета

Н.И. Пантусов, занимавший высокие должности в администрации г. Верного. В Кульдже ему были показаны находки из Алмалыка – два кайрака с нанесенными на них крестами и надписями.

Таким образом, находки несторианских кайраков и на городище «Алмалык» и на городище «Учарал» также являются аргументами в пользу того, что Учарал является развалинами Иланбалыка, названного в дорожке Гетума сразу же за Алмалыком.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

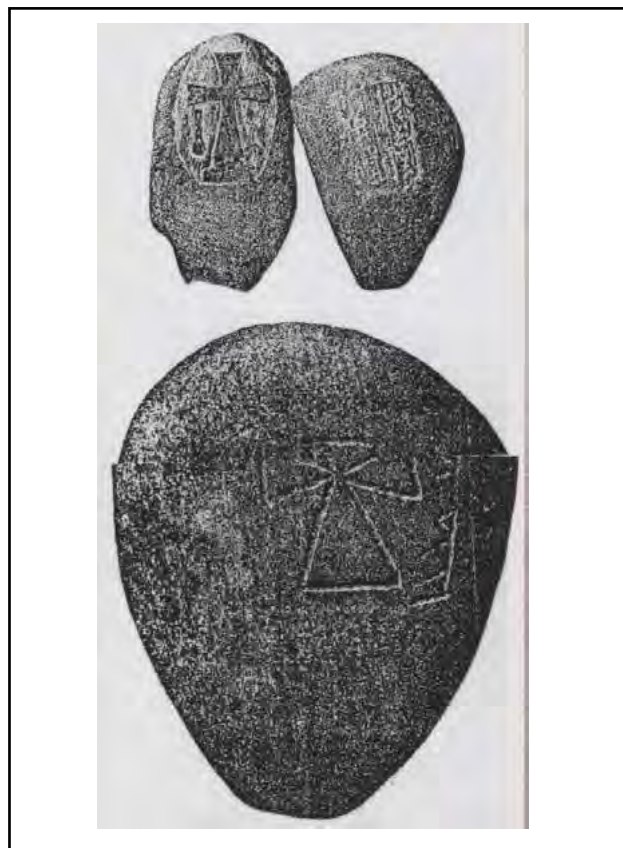
Городище Учарал – город Иланбалык. Аэрофото.

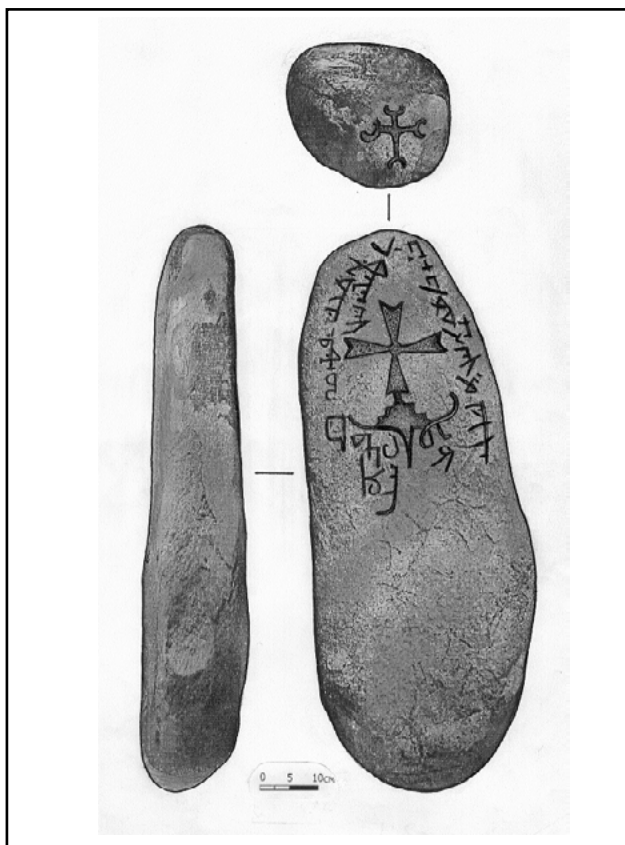
Мавзолей Алмалыка справа.

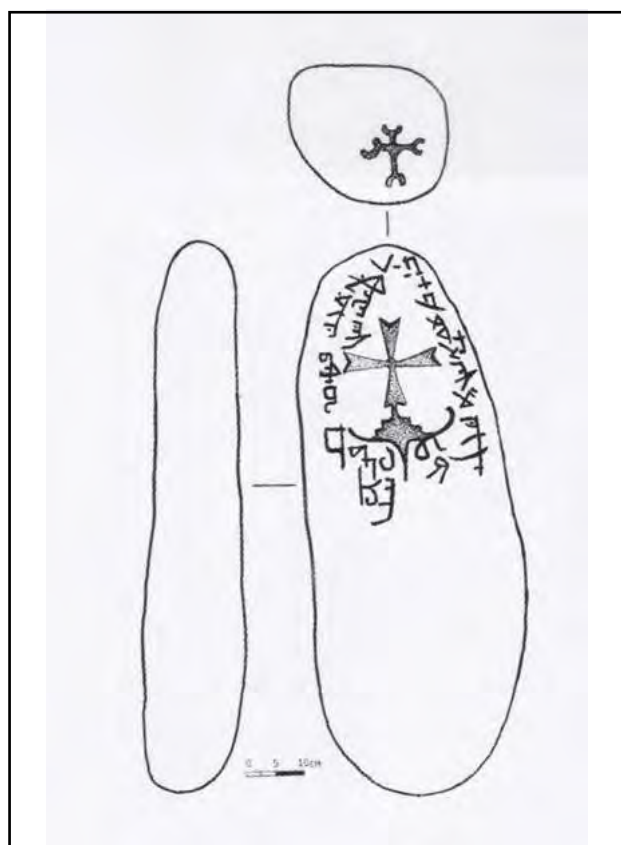
Городище Учарал – город Иланбалык. Кайрак.

Городище Алмалык. Кайрак.

Городище Учарал – город Иланбалык. Кайрак.

Кайрак. Прорисовка.

Байпаков К.М., Савельева Т.В., Петров П.Н.

Іле жазығындағы Иланбалық қаласының локализациясы

Түйін

Мақала уақыттар өте келе ақпарат жоғалып кеткен Иланбалық қаласының орнын іздеуге арналған. Оны іздеу тарихы созылып кетті – автор Ұлы Жібек жолы бойындағы ортағасырлық қалалардың орналасу жүйесі туралы пікірлер келтіреді. Жазба деректерінің нәтижелеріне сүйене келе және жаңа табылған археологиялық заттарға қарап (тиындар, неосториандық кресті мен жазуы бар қайрак) Иланбалық қаласы археологиялық ескерткіш Үшарал қаласының орнында болған болу керек деген болжамдар айтылады.

Хабдулина М.К.
НИИ им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан

ПОЗДНЕТЮРКСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА¹

В полевом сезоне 1991 г. во время раскопок поселения раннего железного века Кеноткель-10 было случайно открыто средневековое погребение, расположенное рядом с поселением.

Курган находился на правом берегу р. Шагала (Чаглинка), в 1 км западнее с. Кеноткель Зерендинского района (ныне Акмолинской области). Здесь в среднем течении реки к ее правому берегу примыкает мелкосопочный рельеф Кокшетауской возвышенности, что создает удобные для обитания ниши, защищенные от суровых зимних северо-западных ветров. У села Кеноткель река Шагала принимает правый приток – речку Кошкарбай. Ландшафт местности – степь, расчлененная увалами, березовыми колками.

Данный участок активно осваивался человеком от каменного века до нового времени. На территории поселения раннего железного века и вокруг фиксируются всхолмления полузаплывших камней от фундаментов домов казахской зимовки начала XX в. В настоящее время участок вдоль берега реки используется под огороды и выпас скота.

Визуально курган читался как легкое возвышение каменного наброса. Он привлек внимание необычным расположением на пологом склоне останца, а не на горизонтальной плоскости. Останец образован древним руслом ручья, ныне высохшего и превратившегося в сеть болотистых стариц. С целью проверки была заложена разведочная траншея и после расчистки камней, уходящих вглубь, насыпь стала сниматься с оставлением бровки север-юг (рис. 1).

Диаметр кургана 7 м, высота – 0,1 м. Сразу под дерном в центре расчищено каменное покрытие подквадратной формы с длиной сторон 3 м. После снятия камней и зачистки на уровне материка (-40 см) в северо-западном секторе появились очертания ровика

шириной 0,3–0,4 м. В центре подкурганной площадки появилось пятно могильной ямы подпрямоугольной формы. Могильная яма обрамлена узкой (0,1 м) полоской гумуса, повторяющей контуры верхнего скопления камней (рис. 1, 1). Происхождение этой полосы связано, вероятно, с затеканием гумуса в трещины материка, образовавшиеся вследствие перепада плотности наземной части кургана, покрытого камнем.

Могильная яма, размерами 2,0 x 1,2 м, ориентирована по линии запад-восток (рис. 1, 2). Западная половина ее забутована камнем. Среди камней выделяется довольно мощная плита, возвышающаяся на 0,4 м и уходящая наклонно вглубь ямы. Заполнение северной части состоит из чистой глины, что придает яме вид двухслойной. Каменный завал продолжался до уровня (-70–80 см). Глина заполнения вязкая, мокрая, в заполнении встречаются угольки. На глубине (-80 см) яма сузилась до размеров 2,0 x 1,0 м. Вдоль южной стенки появились торцы уходящих вглубь горбылей диаметром 0,2–0,25 м. Дальнейшим вскрытием установлено, что это остатки мощного поперечного наката, бревна которого расчищены в пределах отметок (-80–120 см). Судя по расположению, южным концом бревна перекрытия опирались на уступ продольной южной стены, сделанной на уровне (-80 см). Как крепилась противоположная сторона наката, осталось неясным.

На глубине (-120 см) под фрагментами деревянного перекрытия зафиксирована горизонтальная плаха шириной 0,25 м, тянущаяся вдоль южной стены. При выведении всей площади ямы на этот горизонт (-120 см) в западной половине под северной стенкой обнаружен череп лошади на боку, мордой на запад. На нижней челюсти его лежали железные кольчатые удила. Под черепом и рядом фиксируются углистые плашки (рис. 1, 2). Под

¹Работа выполнена при поддержке КН МОН РК, проект № 5489/ГФ4 «Древние скотоводы долины реки Шагала».

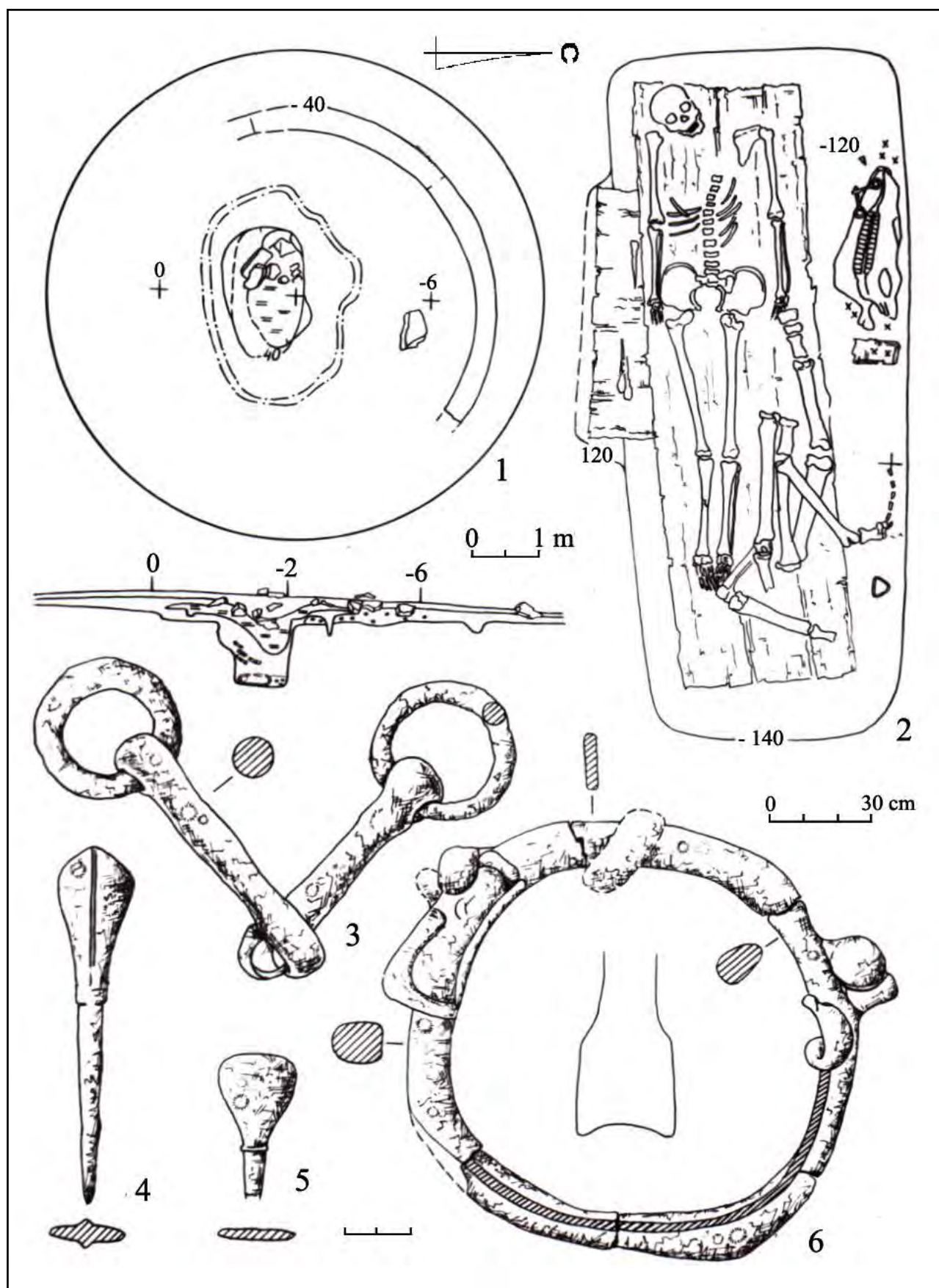

Рис. 1. Курган древнетюркского времени на реке Шагала. 1 – план и разрез кургана;
2 – план могильной ямы; 3–6 – вещи, железо

северной стенкой ближе к восточному углу обнаружено вертикально стоящее железное стремя. В восточной половине ямы расчищена груда костей – трубчатые кости с копытами и хвостовые позвонки лошади. Под ними идет древесный тлен.

Погребальная камера на дне (-140 см) приняла прямоугольные очертания, размерами 2,10 x 0,85 м. В западной торцовой стенке сделан легкий подбой шириной 0,2 м. Скелет человека длиной 1,5 м лежал вытянуто на спине головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища. На костях скелета и под ним фиксируется древесный тлен. Влажное заполнение ямы затрудняло фиксацию многих деталей. Дерево сохранилось только в виде отпечатков. Судя по тонкому срезу и размерам распространения древесных волокон, умерший был погребен в гробовище, вероятно, из коры, размерами 1,85 x 0,5 м. Оно было сдвинуто к южной стенке погребальной камеры. Череп человека упирался в линию среза западной торцовой стенки гробовища, в то время как в ногах оставалось свободное пространство. Видимо, когда гробовище опускали в яму, наклонили западную часть, чтобы подсунуть в подбой и погребенный сместился.

На уровне (-120 см) под южную стенку уходил древесный тлен. При выборке обнаружилось, что это остатки берестяного колчана, положенного поверх гробовища и краем засунутого в нишу в стене (рис. 1, 2). Длина колчана 0,75 см, устьем направлен вверх. В его пределах расчищено два железных черешковых плоских наконечника стрелы и отпечаток третьего. Таким образом, все вещи, сопровождавшие умершего, находились на 0,2 м выше дна могильной ямы. И приходились на уровень поверхности гробовища. На него были положены кости ног и, вероятно, шкура лошади (хвостовые позвонки).

Перед нами погребение человека со шкурой коня – традиция, получившая широкое распространение в евразийских степях с древнетюркского времени. Конструкция кургана дает представление об особенностях погребального обряда. Площадка вокруг ямы была углублена до материка, вероятно, для придания ей горизонтальной поверхности. Погребальная камера глубиной 1,4 м от дневной поверхности,

на уровне 80 см имела поперечное перекрытие. Пространство от перекрытия до дна высотой 0,5–0,6 м оставалось полом. На дне, в гробовище был захоронен человек. Судя по горизонтальной плахе, расчищенной вдоль южной стенки, поверх гробовища был сделан деревянный настил, на котором было размещено «чучело» коня и вещи.

Над могилой была возведена насыпь подквадратной формы, сложенная из глины выкида и покрытая сверху камнем. Вероятно, с западной стороны над изголовьем стояла плита, затекшая впоследствии в заполнение. Канавка, зафиксированная в северо-западном секторе, судя по ее расположению с самой высокой стороны останца, предохраняла насыпь от стекающих вод.

Описание вещей

Железные черешковые наконечники стрел по сечению пера относятся к двухлопастной и плоской типам стрел. Двухлопастной наконечник с асимметрично-ромбической формой головки имеет длину пера 5 см, ширину – 2,4 см, длину черешка – 6 см. Плоский наконечник принадлежит к типу секторных. Длина пера – 2,8 см, ширина – 2,2 см, черешок обломан. Наконечник с округлым острием, пологими сторонами, покатыми плечиками, с упором (рис. 1, 4, 5).

Железные кольчатые удила относятся к типу двусоставных, имеющих подвижное соединение внешних трензельных колец. Длина звена с кольцом 11–11,5 см, диаметр колец 4–4,5 см. Дротики звеньев и колец круглые в сечении (рис. 1, 3).

Железное стремя круглое, диаметром 13 см без петли для путлища (рис. 1, 6). Подножка шириной 3 см в виде пластины вогнутой внутрь. Дужка выполнена из железного прута подпрямоугольного в сечении. Верхняя часть ее расплющена, но отверстия в ней нет. На поверхности пластинчатой части дужки читается налп (а может это результат коррозии?). Боковины дужки оформлены какими-то налпами в виде завитков. Функциональное назначение их непонятно. Возможно, это украшение. Четкая форма и конструкция налпов не прослеживается из-за коррозии металла. Пластинчатость верхней части дужки при

отсутствии в ней отверстия предполагает, что путлище могло завязываться или крепиться на этой специально уплощенной части дужки.

Вещевой комплекс (стрема и наконечники стрел) позволяют датировать курган началом II тыс. н. э. – в пределах XI–XII вв. Погребальный обряд находит яркие соответствия в обряде огузов VIII–XI вв. Это западная ориентировка человека, гробовище, деревянное перекрытие и захоронение черепа, ног с копытами и шкуры коня над останками человека [Бисембаев, 2003, с. 101; Кригер, 2012, с. 59–60; Гарустович, Иванов, 2001, с. 94].

Единичные открытия погребений с таким обрядом в степях Казахстана подтверждают мнение А. Х. Маргулана об обитании огузов

в раннем средневековье севернее Арала и Сырдарьи [Маргулан, 1978, с. 35].

А. Х. Маргулан, исследуя средневековые города Улытау, по керамическому материалу, имеющему сходство с керамикой огузов и печенегов южнорусских степей, считал, что до переселения на запад, огузы обитали в степях Центрального Казахстана. Позднее по результатам раскопок средневековых городищ Улытау Жезказганского региона этот тезис был развернут Ж. Смаиловым [Смаилов, 1997, с. 57–60]. Сводка казахстанских погребений со шкурой коня приведена в статье Б. М. Хасеновой при публикации материалов кургана могильника Ащитасть 27 [Хасенова, 2015, с. 219–220].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бисембаев А.А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана. - Уральск, 2003. - 235 с.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. - Уфа, 2001. - 212 с.
- Кригер В.А. Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XIV вв.). - Уральск, 2012. - 200 с.
- Маргулан А.Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1978. - С. 3–37
- Смаилов Ж.Е. Памятники археологии западной Сары-Арки (Средневековые городища и поселения). - Балхаш, 1997. - 88 с.
- Хасенова Б.М. Курган тюркского времени могильника Ащитасть 27 в Тургае // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое: сборник научных статей. - Костанай – Алматы, 2015. - С. 212–222.

Хабдулина М.К.

СОЛТҮСТІК ҚАЗАҚСТАННАН ТАБЫЛҒАН КЕЙІНГІ ТҮРКІЛІК ЖЕРЛЕУ

Түйін

Мақалада, жылқының терісі қоса жерленген ортағасырлық жерлеуді зерттеу барысында алынған мәліметтер ғылыми айналымға енгізіледі. Оба ерте темір дәуірінің Кеңөткел-10 қонысының маңында орналасқан. Қазба жұмыстары 1991 жылдың далалық маусымында жүргізілді. Оба диаметрі 7 м, биіктігі 0,1 м. Мола шұңқырының мөлшерлері 2,0 x 1,2 м және солтүстік-батыс бағыты бойынша бағытталған. Оба сырты 0,3–0,4 м болатын ормен қоршалған. Мола шұңқырының бетіне көлденең етіліп ағаштар төселген. Мола шұңқырының тереңдігі 140 см. Батыс жақ қабырғасынан ені 0,2 м болатын кішігіріп ақым қазылған. Адам қаңқасы арқасымен созыла, басымен батысқа қаратыла жерленген. Қоса жерленген кешендерден – жебе ұштары бар қорамсақ, ауыздық, үзеңгі тіркелді. Жерлеу рәсімінде VIII–XI ғғ. оғыздардың жерлеулерімен ұқсастықтары байқалады.

LATE TURKIC BURIAL FROM NORTH KAZAKHSTAN

Abstract

In the present article, the data received in the course of the studies of a medieval burial accompanied by the horse skin is introduced into the scientific use. The barrow is located next to the early Iron Age settlement Kenotkel-10. Excavations were organized in the field season of 1991. The diameter of the barrow is 7 m, the height is 0.1 m. The burial pit is 2.0 x 1.2 m in size, oriented along the line west-east, it was surrounded by 0.3–0.4 m wide ditch. The grave was overlapped by a transverse nurl. The depth of the grave pit is 140 cm. In the western end of the wall, 0.2 m wide cutting is made. The human skeleton lay stretched on the back with head oriented to the west. A quiver with tips, tips, stirrups were revealed along with the elements of the accompanying complex. The burial rite finds certain correspondences in the Oghuz rite of the VIII–XI centuries.

Варфоломеев В.В., Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А.
Сарыаркинский археологический институт при КарГУ им. Е.А. Букетова,
г. Караганда, Казахстан

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У АУЛА АЮЛЫ¹

Сведения о племенах, населявших Центральный Казахстан в эпоху развитого средневековья, основаны преимущественно на сохранившихся письменных источниках [Ахинжанов, 1995]. В то же время археологическими исследованиями данный период истории региона охвачен довольно фрагментарно. В этом ракурсе довольно интересны материалы исследования погребения у аула Аюлы.

В июне 2011 г. от жителя Бухаржырауского района Карагандинской области поступило сообщение об обнаружении человеческих останков в сурчиной норе на краю коренной террасы р. Карасу. На месте находки авторами статьи были осуществлены археологические раскопки, выявившие одиночное погребение эпохи средневековья.

Памятник находится на территории Бельагашского сельского округа, в 17 км северо-восточнее п. Шешенкара, в 10 км к востоку-северо-востоку от моста через р. Ащису, в 1,5 км севернее аула Аюлы и располагается на правом берегу р. Карасу правого притока р. Ащису, между речкой и грейдером, соединяющим поселок Белагаш с трассой Караганда – Каркаралинск (рис. 1).

Над захоронением, не обозначенным на поверхности надмогильным сооружением, находился крупный камень, возможно, маркировавший место погребения для соплеменников. В процессе раскопок было установлено, что могила представляла собой грунтовую яму неправильно овальной формы, размерами 2,1х1,32х0,65 м, ориентированную длинной осью в широтном направлении, в которой на глубине 40 см от условного нуля были расчищены человеческие останки, располагавшиеся в анатомическом порядке (рис. 2).

Погребенный был уложен на спине в вытя-

нутом положении и ориентирован головой на запад. Кости рук уложены вдоль туловища, а кисти покоились на бедренных костях. Ноги располагались на ширине плеч. Лицевой отдел черепа был направлен на юго-восток.

С левой стороны черепа, в районе «уха» обнаружена серьга. У левого плеча зафиксирована лопатка барана, а возле костей правой руки расчищены роговая фронтальная накладда на лук, пряжка и три наконечника стрел (два железных и один костяной). На костях таза находилось кресало и фрагменты плохо сохранившегося изделия из железа. При выборке заполнения могилы были обнаружены кремь и метаподий барана.

Металлическая серьга – свернутая в кольцо округлой формы, с отходящим вниз коротким вертикальным стержнем, на конце которого прикреплена бусина в виде кубической формы многогранника со сторонами 0,5 см, покрытая серебром. Общая длина изделия составила 2,4 см (рис. 3: 8).

Срединная фронтальная роговая накладда на рукоять лука – длиной 17,7 см, шириной в центральной части 1,7 см, к концам несколько уплощается и расширяется до 2,1-2,4 см (рис. 3: 9).

Изделие из железа (нож?) – фрагментировано, сохранившаяся часть изготовлена из плоской пластины, длиной 7 см, с максимальной шириной на одном из концов до 3,4 см (рис. 3: 4).

Изделие из кремня – изготовлено на отщепе подтреугольной формы с вогнутыми сторонами, размерами 2,5 х 1,7 см, толщиной до 0,65 см. По краям визуальнo фиксируются многочисленные следы сколов (рис. 3: 6).

Железное кресало – калачевидное, с загнутыми концами, длиной – 6 см, шириной – 3 см. Внутренний край дуги слегка заострен (рис. 3: 7).

Железная пряжка – без специального приспособ-

¹Работа выполнена при поддержке грантовых проектов МОН РК 0286/ГФ4 «Археологическое и антропологическое исследование раннебегазинского могильника Бада» и 1344/ГФ4 «Исследование социально-стратифицированных погребальных комплексов Сарыарки в эпоху бронзы»

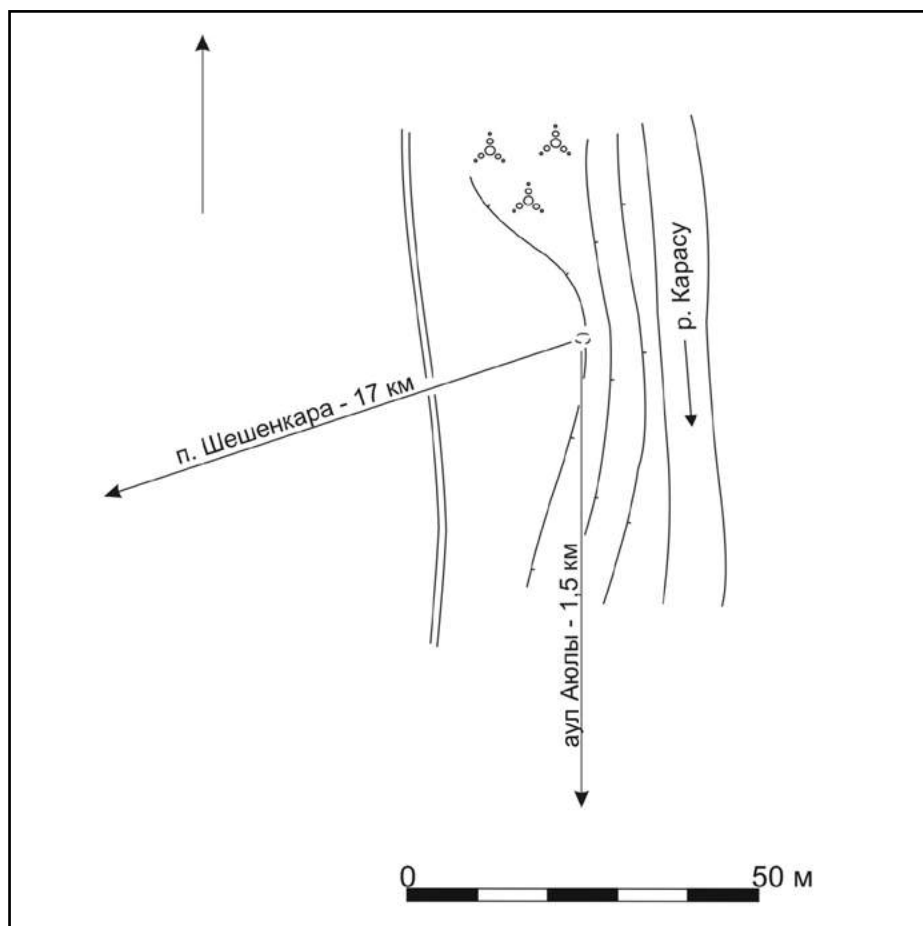

Рис. 1. План памятника

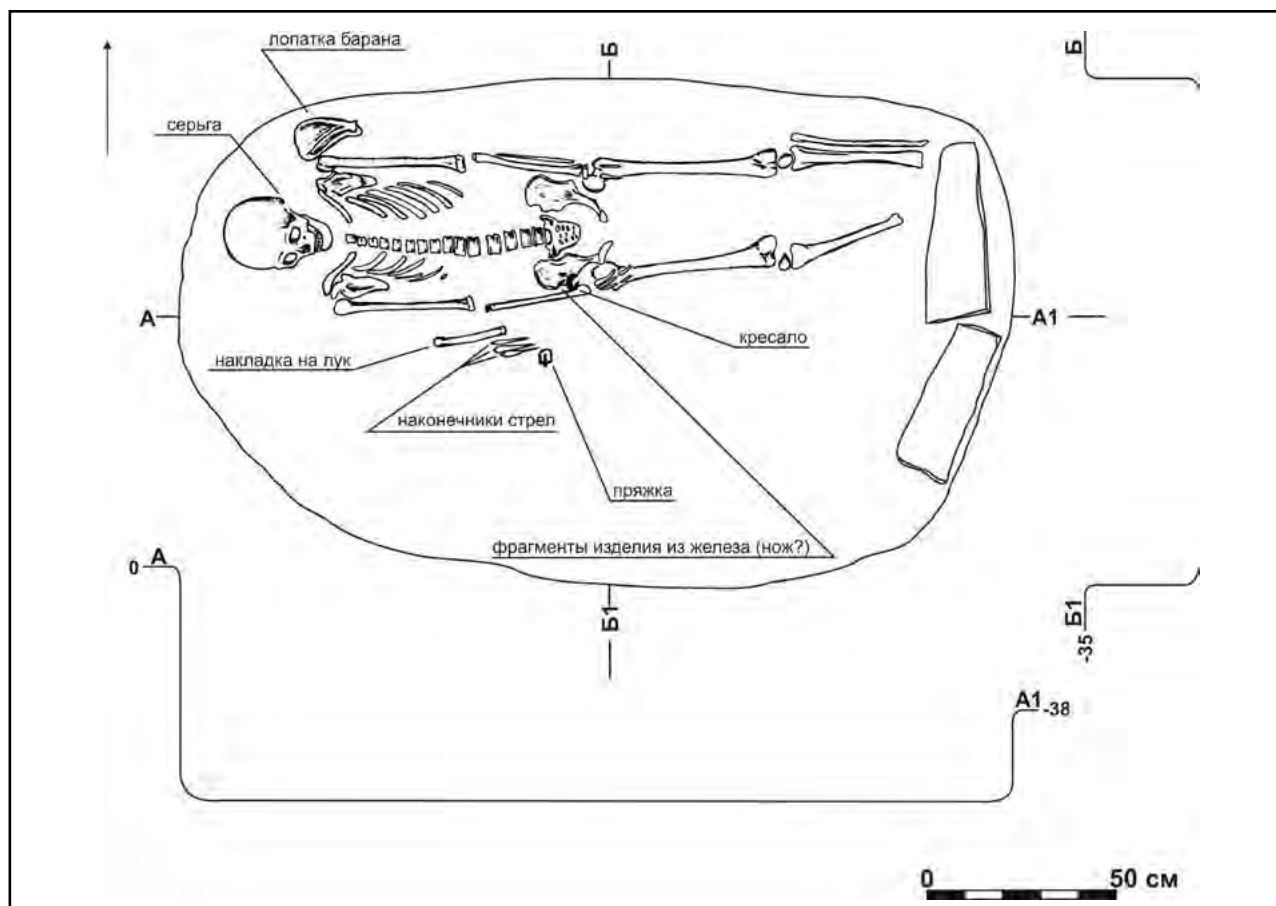

Рис. 2. План и разрезы погребения

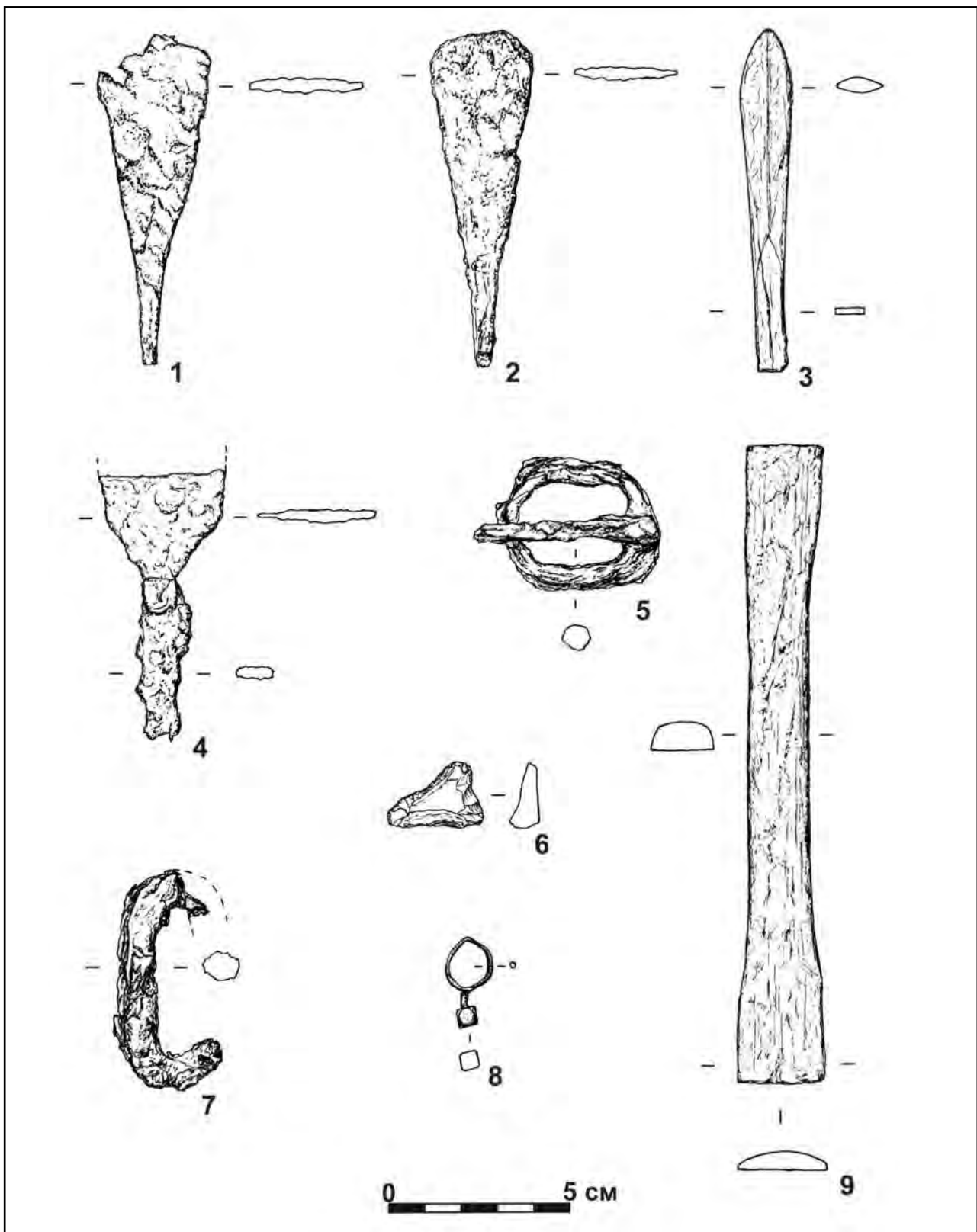

Рис. 3. Инвентарь захоронения. 1, 2, 4, 5, 7, 8 – металл; 3, 9 – кость, рог; 6 – камень

собрания для крепления ремня, который охватывал часть рамки, подовальной в плане формы, размерами 4,3х3 см, изготовленной из прута, с размерами сечения – 0,4 х 0,5 см. Изделие имеет подвижный язычок длиной до 4,8 см (рис. 3: 5).

Железный наконечник стрелы – плоский, имеет прямую ударную грань, длиной 2,5 см, боковые стороны лопастей ровные (длиной 5,5 см), сходящиеся у подквадратного упора, размерами 0,7 х 0,7 см, переходящего в округлый в сечении (с максимальным диаметром 0,5 см),

ребристый черешок, обломленный на конце. На его поверхности фиксируются остатки древка (рис. 3: 2).

Фрагменты железного наконечника стрелы – имеет плоскую проникающую часть. Ударные грани длиной по 1,8 см сходились под тупым углом. Вероятно, наконечник имел аналогичный с первым экземпляром черешок (рис. 3: 1).

Костяной наконечник стрелы – черешковый, вытянуто иволистной в плане формы. Проникающая часть длиной 6 см, вытянуто ромбическая в сечении, размерами 1,7х0,3-0,45 см. Верхние ударные грани заострены. Черешок уплощенный, шириной 0,8 см, длиной 3,5 см. Общая длина изделия – 9,5 см (рис. 3: 3).

Палеоантропологические и половозрастные определения, проведенные Е.П. Китовым², позволили установить, что костяк принадлежал мужчине 25-35 лет (более вероятным будет определение биологического возраста нижней половиной указанного интервала). Череп брахикранный (значение указателя близко к нижней границе брахикрании) при средних величинах продольного и поперечного диаметров. Высота свода от *ba* характеризуется малой величиной, высотный диаметр от *po* относится к категории средних размеров. Наименьшая ширина лба малая, наибольшая ширина средняя в мировом масштабе. Угол профиля лба от *n* малый. Основание черепа характеризуется очень малой длиной и очень большой шириной. Затылочная кость широкая.

Лицевой скелет очень высокий, в вертикальной плоскости ортогнатный. Абсолютные значения всех трех основных углов лица относятся к очень большим величинам. Ширина лица большая по значению верхней ширины и скулового диаметра и очень большая в среднем ярусе. Нос лепторинный при средней ширине и очень большой высоте. Угол выступания носовых костей оценивается как малый. Переносье малое в ширину и среднее в высоту. Орбиты широкие при средней высоте, по соотношению размеров мезоконхные.

В горизонтальной плоскости лицо средне

профилировано на уровне передних зигмаксиллярных точек и резко – в верхнем ярусе. Клыковая ямка совершенно не выражена.

Реконструкция лица (рис. 4, 5) по черепу³ наглядно демонстрирует близость погребенного (кипчака) к современному населению Казахстана.

Датировка исследованного комплекса определяется по аналогиям изделий, обнаруженных в погребении.

Украшения в виде «знака вопроса», видимо, являются несколько поздними из известных в захоронениях XI-XIV вв. разновидностей серег [Археология ..., 1981, с. 198]. Они встречаются во множестве в памятниках этого периода в Саяно-Алтае, Казахстане и Восточной Европе в XII-XIV вв. и приводить все известные изделия в рамках данной статьи излишне.

Граненые бусины на серьгах появляются еще в предшествующий период раннего средневековья и зафиксированы в турбаслинской культуре [Археология ..., 1981, рис. 12: 62]. Наиболее близкие по формально-типологическим признакам экземпляры известны в золотоордынское время среди украшений болгарских ювелиров [Археология ..., 1981, рис. 79: 4] и на могильнике Крестьянское-III в лесостепном Алтае [Тишкин, 2009, рис. 62: 4], отличительная особенность последних заключается в обмотке короткого вертикального стержня, отсутствовавшей на серьге из Аюлы.

Интересна находка фронтальной роговой накладки на лук, которая придавала средней части (рукояти), где опасность перелома велика, большую жесткость. Они широко известны в погребениях Саяно-Алтая и довольно редки в могилах кочевников Средней Азии и Казахстана. Такая особенность объяснялась, во-первых, возможным обрядовым запретом, во-вторых, тем, что к XIV в. стали употреблять луки без накладок [Археология ..., 1981, с. 196]. При этом, необходимо отметить, что в саяно-алтайских памятниках в XIII-XIV в. фиксируются врезанные фронтальные роговые накладки, имевшие лопатковидные концы [Археология ..., 1981, с. 196], аналогичные

²Китов Е.П. (к.и.н., научный сотрудник Отдела физической антропологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН).

³Реконструкция лица по черепу выполнена Нечвалодой А.И.

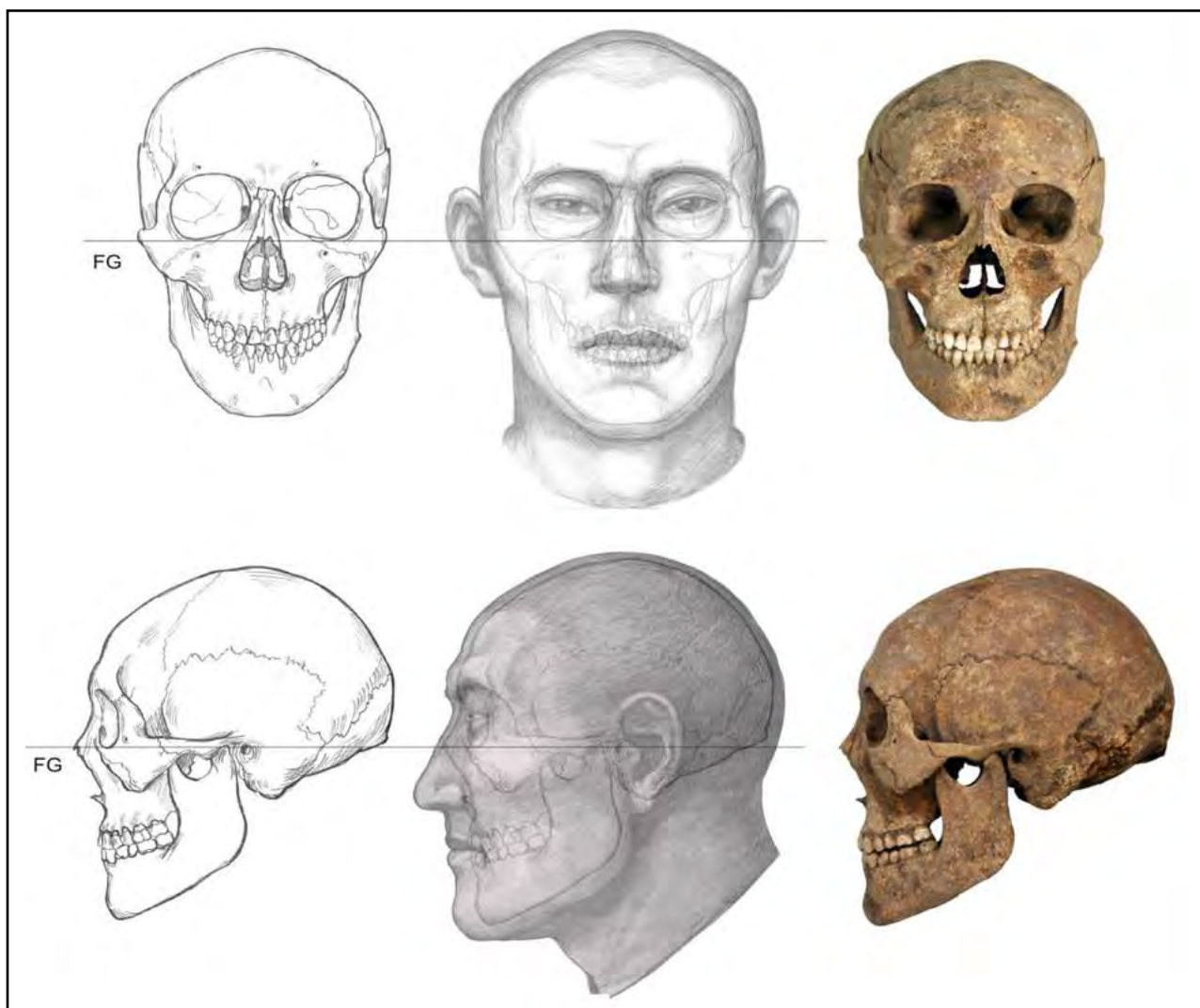

Рис. 4. Этапы графической реконструкции облика по черепу из погребения

[Тишкин, 2009, рис. 8: 1; 27: 7; 64: 10; 68: 6; 71: 2; 79: 1; 97] экземпляру, найденному у аула Аюлы, что позволяет провести линию синхронизации.

Очевидно, что лук был сложным. Как отмечал Г.А. Федоров-Давыдов, простые экземпляры в погребениях поздних кочевников не зафиксированы [Федоров-Давыдов, 1966, с. 25].

Калачевидные кресала встречаются повсеместно в Сибири, Казахстане и Средней Азии в XIII-XIV вв., а получают распространение еще в предшествующий период XI-XII в. [Археология ..., 1981, с. 195]. Наиболее близкие по форме изделия отмечены в Ждановском могильнике, Тасмола IV [Археология ..., 1981, рис. 72: 49-51, 70], а также в лесостепном Алтае [Тишкин, 2009, рис. 13: 24].

Многообразие форм пряжек и их широкое хронологическое и территориальное распространение делает данные изделия малоприспо-

ными для установления конкретной даты комплекса. Наиболее ранняя и близкая по форме аюлинской пряжка происходит из могильника Уйгурского каганата – Булук [Археология ..., 1981, рис. 30 (окончание): 93]. В памятниках золотоордынского времени отметим находку на могильнике Ближние Елбаны-VI в лесостепном Алтае [Тишкин, 2009, рис. 36: 9].

Одной из самых многочисленных категорий изделий встречающихся в захоронениях эпохи средневековья являются наконечники стрел. Их типология и хронология достаточно четко выстроена и предпринимаются попытки при- дать им этнодиагностирующую функцию.

Некоторые исследователи интерпретируют плоские черешковые железные наконечники в качестве этнического маркера монголов. Однако, как справедливо отмечал И.Л. Кызласов [Кызласов, 1980], они не только распространены на огромной территории расселения кыпчаков,

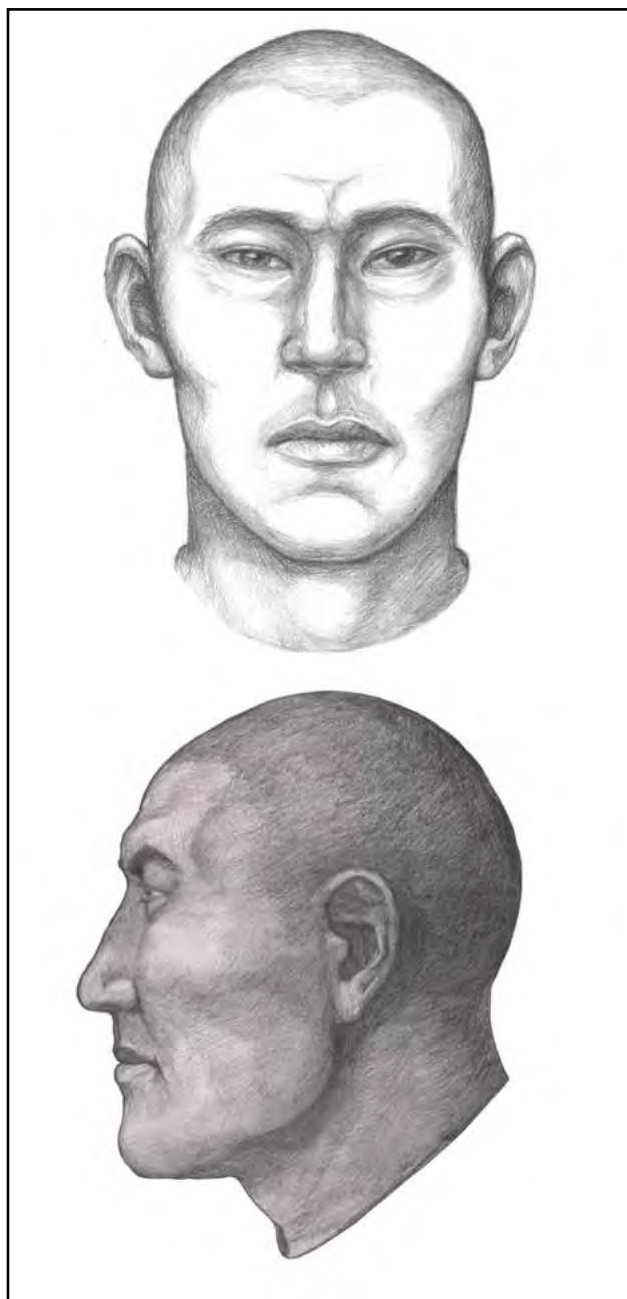

Рис. 5. Облик погребенного. Анфас и профиль

но и обнаружены в собственно кыпчакских погребениях более раннего времени, предшествующего монгольскому завоеванию, что документируется, к примеру, находками в Ждановском могильнике [Археология ..., 1981, рис. 72: 32].

Наиболее ранний экземпляр с ровной удар-

ной гранью обнаружен в материалах хойцегорской культуры (IX-X вв.) Западного Забайкалья [Археология ..., 1981, рис. 35: 12]. Типологически близкие изделия распространяются в степном поясе Евразии в XI-XIV вв. Они известны в Новгороде, Городце на Волге, в курганах у деревень Бережновки и Двоенки, Каракоруме [Медведев, 1966, табл. 24: 4, 5; 26: 27-29; 29: 5], могильнике Королевка и древностях Волжской Болгарии [Археология ..., 1981, рис. 72: 86; 78: 64]. В лесостепном Алтае они происходят из могильников Ближние Елбаны-XIV, Кармацкий, Усть-Алейка [Тишкин, 2009, рис. 24: 1; 49: 2; 88: 2; 96: 6].

Наконечники стрел со сходящимися под тупым углом ударными гранями аналогичные аюлинскому известны в памятниках XIII-XIV вв. в Старой Рязани, Молчановке, Каракоруме [Медведев, 1966, табл. 24: 6; 26: 32; 29: 3], Ближние Елбаны-XI, Кармацкий [Тишкин, 2009, рис. 24: 2; 54: 3, 4].

Иволистные черешковые костяные наконечники во множестве известны на могильниках монгольского времени в лесостепном Алтае [Тишкин, 2009, рис. 24: 4, 6; 41: 3].

Довольно показательно, что по типам помещенных в могилу наконечников стрел, а также в целом, в наборе инвентаря и обрядности, погребение у аула Аюлы, практически аналогично захоронению 6 могильника Ближние Елбаны-XIV [Тишкин, 2009, рис. 24], что позволяет их синхронизировать. Думается, ярко выраженный монголоидный облик погребенного, а также помещение в могилу лука, что как выше отмечалось нетипично для данного региона, позволяет предположить связь умершего с Саяно-Алтаем и в целом указать на его сопряженность с движением масс нового населения с востока (из Центральной Азии). Таким образом, материалы, полученные при исследовании захоронения у аула Аюлы, позволяют датировать памятник XII-XIV вв. с вероятным сужением интервала до XIII-XIV вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология СССР. Том 18. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – 303 с.
- Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алматы: Гылым, 1995. – 296 с.
- Кызласов И.Л. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. // Советская Археология. – М.-Л., 1980. – №2. – С. 80-93.
- Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел (VIII-XIV вв.) // Свод археологических источников. – М., 1966. – Вып. Е1-36. – 184 с.
- Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). – Барнаул: Азбука, 2009. – 208 с.
- Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: Изд-во Московского университета, 1966. – 274 с.

Варфоломеев В.В., Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А.

Түйін

Орталық Қазақстанды мекендейтін дамыған ортағасыр тайпалары бойынша мәліметтер жазба дереккөздерге сүйенеді. Осы кезеннің археологиялық ескерткіштерінің арасында ең жақсы зерттелген қоныс-мекендер және қалашықтар болып табылады, сонымен бірге жерлеу кешендері, өкінішке орай, нашар зерттелген. 2011 жылы Аюлы аулының жанында жүргізілген зерттеу жұмысының материалдарың жариялауы ғалымдардың арасында ғылыми қызығушылықты тудырып, қыпшақ тайпаларының XII/XIII-XIV ғғ. материалдық мәдениеті және жерлеу салты бойынша көріністерді кеңейтуге мүмкіндік береді. Жерленген қыпшақтың бет бойынша бас сүйектің реконструкциясы оның Қазақстанның қазіргі заман халқымен ұқсастығын көрсетеді.

Summary

Information about the tribes who inhabited Central Kazakhstan in the era of the Middle Ages is based mainly on the written sources. Archaeological sites are mainly represented by settlements and mounds, burial complexes have been studied very little. Publication of the works in 2011 at the Ayuly Aul is of undoubted scientific interest, and aims to expand our understanding of the peculiarities of the burial rite and the material culture of Kipchak tribes of XII / XIII – XIV centuries. Performed facial reconstruction from the skull demonstrates the closeness of the deceased (Kipchak) to the modern population of Kazakhstan.

Ерофеева И.В.
Государственный музей. Центр сближения культур,
г. Алматы, Казахстан

ПАМЯТНИКИ ТИБЕТСКОГО БУДДИЗМА В СЕМИРЕЧЬЕ: ТЕКЕЛИЙСКАЯ СТЕЛА И ИКОНОГРАФИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА ТАМГАЛЫТАС

Тибетский буддизм, утвердившийся в течение первой половины XVII в. на территории Восточного Казахстана и Семиречья в среде западномонгольских, т.е. ойратских, племен, представляет собой *тантрический буддизм*, или учение *Ваджраяны* – особое направление в буддизме Махаяны, которое зародилось в начале второй половины I тыс. н.э. в Индии на основе религиозных идей глубокой древности. Оно формировалось в Тибете с VII в. под влиянием различных идейных течений и школ, в тесном взаимодействии с местным учением бон и другими автохтонными религиями и окончательно сложилось к середине XI века.

Название *Ваджраяна* образовано лексическим сочетанием двух знаковых слов-понятий: *Яна* – «Колесница», в смысле – «путь» и *Ваджра*, основное значение которого – «алмаз». Слово «ваджра» первоначально употреблялось для обозначения громового скипетра индийского Зевса – ведийского бога Индры, но позднее, в идейном контексте буддийского учения стало символизировать совершенную природу пробужденного сознания, несокрушимую как алмаз, и само пробуждение, или просветление, подобное мгновенному удару грома, либо вспышке молнии. На этом основании название *Ваджраяна* переводится большей частью как «Алмазная колесница», или «Алмазный путь» [Кычанов, Савицкий, 2006, с. 291; Торчинов, 2008, с. 180].

Своеобразие «Алмазной колесницы» по отношению к буддизму классической Махаяны состоит в учении о методах (*упая*) обретения состояния Будды для спасения всех живых существ. Учение Ваджраяны утверждает, что его методы позволяют более быстро и успешно совершить «восьмеричный путь» к освобождению от страдания, который человек может преодолеть в течение одной жизни (т.е. одного рождения), а не трех неизмеримых жизненных циклов-кальп. Самым важным этапом на этом пути последователи «Алмазной

колесницы» считали последний (восьмой) шаг – глубокое и сосредоточенное созерцание, т.е. медитацию. Поэтому большое значение в тантрическом буддизме придавалось различным мистическим обрядам и практике чтения мантр.

В 1635 г. кочевники-ойраты, заселившие к тому времени земли в бассейне верхнего и среднего течения Иртыша, территорию Восточного Семиречья и всю правобережную сторону долины р. Или, основали собственное государство – Джунгарское ханство. Благодаря этому обстоятельству тибетский тантрический буддизм за короткий период существенно упрочил свои позиции во всех четырех ойратских племенах (чорос, хошут, дэрбет, торгут) и родах и к середине XVII в. стал официальной идеологией нового кочевого государства.

В 40–60-х гг. XVII в. ведущую роль в распространении буддизма Ваджраяны на территории Джунгарского ханства играли хошутские князья, в первую очередь, соправитель Батура-хунтайджи (1635–1654), а с 1655 г., его старшего сына и правопреемника Сэнге (1655–1670) – Очирту-тайджи (?–1680), который дважды, в 1653 и 1665/66 гг., посетил официальную резиденцию Далай-ламы [*Раднабхадра*, 1999, с. 72, 88–89]. Во время второго визита Очирту-тайджи в Тибет Далай-лама наделил его именем *Цэчен* и титулом хан (тиб. – *Se chen rgyal po*) [*Раднабхадра*, 1999, с. 89].

В 70–80-х гг. XVII в. инициатива в развитии тесных культурных взаимосвязей ойратской знати с тибетскими иерархами принадлежала верховному правителю Джунгарского ханства Галдану-хунтайджи (1671–1697), удостоенному в 1678 г. от Далай-ламы имени *Галдан-Бошохту* и титула *тензин-хан*. Он был единственным главой кочевого государства ойратов, который прошел полный курс религиозного обучения в Тибете в монастыре Ташилхунпо и получил высшую ученую степень *лхарампа* [Ерофеева, 2010, с. 501–505].

После возвращения из Тибета на родину Галдан не только показал себя сильным и талантливым государственным деятелем, но и активно способствовал укреплению позиций буддизма Ваджраяны в духовной жизни ойратских племен. Так, в некоторых тибетских и монгольских источниках встречаются краткие упоминания о том, что в 1670-х гг. он построил на территории Джунгарии три буддийских храма, в которых «поклонялся и приносил жертвы», а затем основал при них три тантрические школы – *Тарни-ин разанг* (*Tarni yin rasang*), *Ламрам разанг* (*Lamram rasang*) и *Шабдан-разанг* (*Šabdan rasang*). Но конкретные названия и местонахождение этих монастырей авторами выявленных источников не указаны [История Кукунора, 1972, с. 103; Heissig, 1944, P. 113].

Один из первых буддийских монастырей на территории Семиречья был построен во второй половине XVII в. в западных предгорьях Джунгарского Алатау на горе Лабашоки (бывш. Лаба), около реки Каратал влиятельным правителем хошутов Очирту-Цэцен-ханом (1638-1680), либо его политическим соперником, а затем и правопреемником в Джунгарии Галданом-Бошохту-ханом и просуществовал не менее 80-90 лет [АРГО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 5. Л. 3-6; Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 6; Абрамов, 1867, с. 278]. На карте Й.-Г. Рената он обозначен талтером на правой стороне Каратала (*Charatal*), у подножия западного склона вышеназванного хребта, между стекающими с гор реками Кызылагаш (*Sekde*) и Кайынды (*Chain-Ussun*).

В 1858 г. местность, где еще столетие назад располагалось обширное по площади святилище ойратов, обследовал военный инженер-поручик П.С. Нечогин, а два года спустя – член-сотрудник Русского географического общества Н.А. Абрамов. Оба путешественника основательно осмотрели руины развалившихся зданий, записали со слов местных казахов исторические предания о бывшем «буддийско-ламайском монастыре» и собрали на территории памятника различные мелкие предметы, сделанные из глины, с изображениями буддийских божеств. Вблизи старинных развалин на отвесных скалах горы Лабашоки П.С. Нечогин обнаружил также буддийские молитвенные надписи, вырезанные

тибетским письмом и сделал рукописные копии этих текстов [АИИМК. Рук. отд. Ф. 1. Оп. 1. 1888. Д. 5. Л. 1-9; АРГО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-9; Ф. 69. Оп. 1. Д. 5. Л. 3-6; Абрамов, 1867, с. 275-278].

Согласно составленному Н.А. Абрамовым описанию обследованного участка, здесь в свое время располагались 16 разных по величине глиняных зданий, построенных на каменном фундаменте, со стенами из необожженного кирпича, оштукатуренными изнутри белой глиной, которые находились на относительно небольшом расстоянии друг от друга. Самое крупное из них длиной 6 сажен и шириной 4,5 сажени представляло собой, по определению исследователя, буддийский храм, так как внутри бывшего здания семиреченские казаки в 1855 г. обнаружили несколько глиняных овальных плиток «с отчетливо вытиснутым на каждой бурханом женского пола с венцом; некоторые – с признаком бывшей алой краски и позолоты» [Абрамов, 1867, с. 276].

Судя по отмеченному автором статьи характеру восприятия семиреченскими казаками неизвестного божества «женского пола с венцом», как «изображения богоматери» и «олицетворения благ земли и всего того, что она может доставить человеку», на сохранившихся в развалинах храма ритуальных глиняных медальонах был изображен самый дорогой сердцу каждого приверженца «Алмазной колесницы» персонаж тибетского пантеона – бодхисаттва Авалокитешвара – «владыка, вззирающий на существа милостиво». Особая популярность этого бодхисаттвы у последователей учения Ваджраяны объясняется тем, что он замещает Будду Шакьямуни в нашем мире, вплоть до прихода бодхисаттвы и Будды грядущего мирового порядка Майтреи. Общий список его различных иконографических форм включает 108 изображений [Елихина, 2010а, с. 213-259; Альфонсо, Карлова, Кореньяко, 2013, с. 39; об Авалокитешваре см. ниже по тексту].

На уцелевшем фундаменте другого здания бывшего монастырского комплекса, располагавшегося в свое время на более или менее значительном удалении от буддийского храма и других монастырских построек, вдоль реки Каратал, Н.А. Абрамов обнаружил «в куче глины уложенные очень плотно и правильно

глиняные пирамидки трех видов; на средних из них заметна кругом вытиснутая в одну строку тибетская надпись». Внутри каждой «пирамидки» находились по 3-4 полуистлевших пшеничных зерна [Абрамов, 1867, с. 277]. В данном случае речь идет об одном из канонических атрибутов буддийских монастырских комплексов тибетцев и монгольских народов – миниатюрных глиняных ступах, или субурганах, называемых *ца-ца*. Их обычно помещали на храмовые и домашние алтари, на особо важных местах остановки паломников и внутри ступ [Альфонсо, Карлова, Коренько, 2013, с. 81; о ступах см. ниже по тексту].

Как уже упоминалось выше, в течение второй половины XVIII – середины XIX в. стены всех зданий ойратского монастыря разрушились до основания, и в настоящее время руины их фактически не прослеживаются в ландшафте. Среди сохранившихся до наших дней отдельных следов существования этого буддийского комплекса ойратов большой интерес представляет Текелийская стела, известная местным краеведам с конца XIX в. под казахским названием *Келиншектас* («Камень-молодуха»). Первое сообщение о ней было сделано в 1898 г. известным семиреченским исследователем Н.Н. Пантусовым [Археология Семиречья, 2011, с. 476-477]. В 2008 г. стела была обследована экспедицией КазНИИ ПКНН (И.В. Ерофеева, А.Е. Рогожинский). Современный перевод тибетских текстов выполнен монголоведом к.ф.н. Н.С. Яхонтовой (ИВР, г. Санкт-Петербург).

Памятник находится на правом берегу реки Кора – правого притока р. Каратал при выходе ее из ущелья в западной части Жетысуского (Джунгарского) Алатау, в окрестностях современного г. Текели, в 30 км южнее г. Талдыкорган (рис. 1). Он представляет собой сложное сооружение. На каменной платформе округлой формы (диаметр – 8 м, высота – 1,5 м) из крупных речных валунов установлена глыба серого песчаника (основание – 3,0 x 4,2; высота – 3,6 м), на верхнюю и боковую (западную) грани которой нанесены изображения и над-

писи. К северу от платформы имеется сложенная из галечника каменная выкладка.

К востоку от памятника расположены пять каменно-земляных насыпей диаметром 8-10 м, высотой – до 1 м¹.

На верхней плоской поверхности камня, обращенной в сторону реки (73 x 60 x 51 см), выбиты в центре *символ Калачакры* («Колесо времени») и несколько молитвенных надписей, написанных тибетским письмом *учен* и письмом *ланца* (тиб. *lantsa*) (рис. 2). Символ Калачакры представляет собой сложную магическую монограмму, состоящую из десяти слогов, или «могучих букв» (тиб. – *rnam bcu dbang ldan*). Это семь слогов-символов: *ham*, *ksan*, *ma*, *la*, *va*, *ra*, *ya* и три дополнительных элемента: полумесяц (*visagra*), диск (*anusvāra* или *bindu*) и стилизованный язычок пламени с тремя изгибами (*nāda* или *tilaka*). Изображенный знак схематично иллюстрирует различные аспекты буддийского тантрического учения о том, что все внешние явления и процессы взаимосвязаны с внутренними, т.е. с телом и психикой человека. Меняя самого себя, человек тем самым воздействует и на окружающий мир. Можно сказать, что Калачакра описывает три уровня преобразования индивидуумом своей собственной природы и окружающего бытия: внешний, внутренний и иной, тайный, что соответствует символическому постижению вселенной, взаимоотношениям тела и ума и медиативной практике самосовершенствования себя и получения блаженства. Справа и слева от калачакры – еще два символа, написанные вертикальным письмом «ланца». Выше и ниже калачакры находятся две горизонтальные строки тибетского текста. Верхняя строка: *o dge rtsa bar bur nad sod rims lam sod ya ma ya ti sa da ya sod ti* – в переводе Н.С. Яхонтовой содержит просьбу избавить от болезней и эпидемии. Нижняя представляет собой запись тибетскими буквами мантры на санскрите: *om ta mo nīp ha tah rgyun na pa sva ha*.

На нижней плоскости каменной стелы изображена в виде пирамиды Ступа с фигурой сидящего внутри нее Будды Шакьямуни

¹Ниже по тексту при описании буддийской символики Текелийской стелы использованы материалы ОФ «Культурное наследие Гималаев» (г. Алматы), подготовленные московским тибетологом В.Ю. Еромолиным по результатам проведенного им в 2012–2013 гг. полевого обследования памятника.

Рис. 1. Текелийская стела. Келиншиктас. Общий вид. Фото А. Е. Рогожинского

(санскр. – *Śakyamuni*, тиб. – *sangs-rgyas sha-kya mu-ni thub-pa*, монг. – *šigemiüni burqan, burqan hayši*, ойрат. – *burxan bayši*) – последнего земного Будды, проповедовавшего буддийское учение в Северной Индии. Он является одним из главных персонажей буддийского пантеона, поэтому иконографические изображения данного божества широко распространены во всех странах, где исповедовался буддизм.

На поверхности Текелийской стелы Шакьямуни изображен восседающим на лotosовом престоле в алмазной позе (*ваджрасана*). Он облачен в монашеское одеяние, правая рука его представлена в жесте касания земли (*бхумиспарша-мудра*), в левой руке Будда держит патру – чашу для сбора подаяний. Согласно легендам, эта иконографическая традиция изображает Будду в момент Просветления под

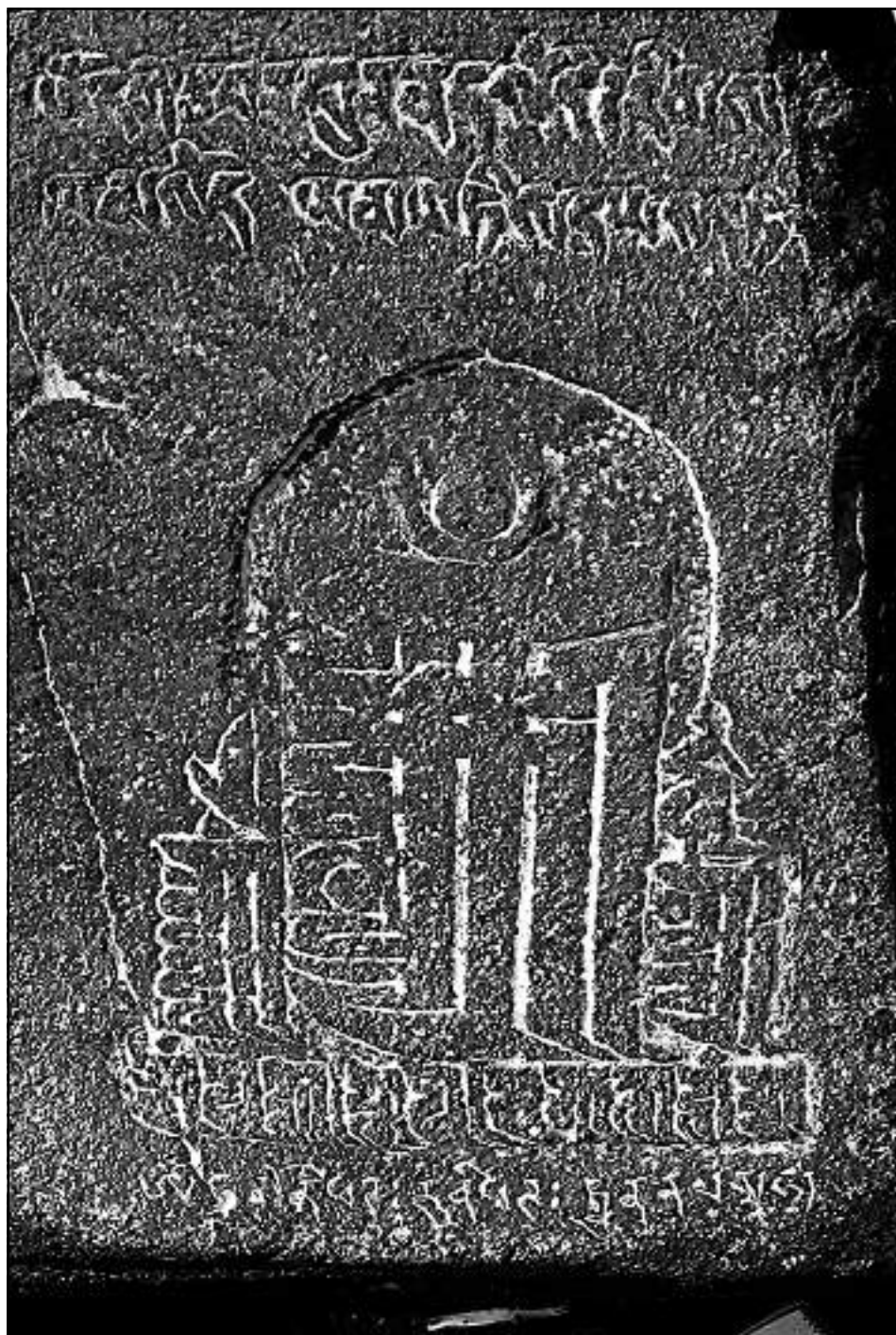

Рис. 2. Текелийская стела. Келиншиктас. Символ Калачакры. Фото А. Е. Рогожинского

деревом Бодхи (*bodhi*), когда прикосновение к земле помогло ему победить демона зла Мару и позволило достичь особого состояния сознания, т.е. уйти в нирвану [Елихина, 2010, с. 461].

В жизни Будды Шакьямуни обычно выделяют 12 основных деяний или событий: 1) нисхождение с небес Аканишта на небеса Тушита; 2) зачатие, когда мать увидела во сне белого слона, входившего в ее бок; 3) рождение из бока матери; 4) накопление мирских знаний; 5) жизнь в удовольствиях; 6) отказ от жизни,

наполненной удовольствиями; 7) уход из дворца; 8) аскетизм; 9) победа над демоном зла Марой; 10) просветление; 11) проповедь учения; 12) достижение нирваны [Ольденбург, 1994; Торчинов, 2008, с. 12-20; Елихина, 2010, с. 461].

В позднем средневековье Будда Шакьямуни повсеместно изображался тибетскими и монгольскими мастерами согласно иконографическому канону Ваджраяны сидя или стоя на лотосовом престоле, а характерные положе-

ния рук этого божества, или жесты-мудры, символизировали какое-нибудь одно из перечисленных выше двенадцати основных событий в его жизни. Так, например, жест *дхьяна-мудра* символически иллюстрирует его размышления под деревом Бодхи, *бхумиспарша-мудра* – достигнутое просветление и победу над демоном Марой, *дхармачакра-мудра* – первую проповедь учения в Оленьем парке вблизи Варанаси, означающую «поворот колеса учения» – дхармы и т.п. [Альфонсо, Карлова, Коренько, 2013, с. 38]. Вырезанная на Текелийской стеле иконографическая форма Будды Шакьямуни символизирует десятое по счету событие в его земной жизни, когда будущий Будда достиг наивысшего уровня сосредоточения, и «перед ним засиял свет нерушимого покоя нирваны, Великого освобождения» [Торчинов, 2008, с. 16].

Как известно, ступы строились, либо графически изображались на вертикальной поверхности крупных камней в ознаменование наиболее значимых событий в жизни Будды Шакьямуни, в священных местах, так или иначе связанных с этими событиями. Ступа, называемая по-тибетски *чортен* (*mchod-rten*), а по-монгольски – *субурган* (*suburyan*) – это самый древний и вместе с тем самый знаковый памятник буддийской архитектуры. В отличие от мандалы (санскр. – «круглый диск, круг»), являющейся закодированной в символах горизонтальной схемой космического мироустройства, ступа представляет собой вертикальную модель строения духовного мира вселенной.

Согласно одной из буддийских легенд, ученики Будды Шакьямуни однажды спросили его, как следует почитать им своего Учителя после того, как он покинет этот свет. В ответ на заданный вопрос Будда расстелил на земле свой плащ, в середине его поместил перевернутую чашу для подаяния, а сверху водрузил свой посох – сооружение именно такой формы должно было увековечить память о нем среди последователей нового учения [Альфонсо, Карлова, Коренько, 2013, с. 21].

Основным конструктивным элементом ранних ступ являлась полусфера, но со временем первоначальная сферическая форма ступы претерпела значительные изменения:

появилось ступенчатое основание, собственно реликварий мог иметь форму колокола, либо усеченного перевернутого конуса, а шпиль приобрел 13 горизонтальных ступеней [Альфонсо, Карлова, Коренько, 2013, с. 23].

Именно такие башни-ступы в XVII–XVIII вв. получили широкое распространение в Тибете, Северной Монголии и некоторых других странах Центральной Азии, повсеместно являясь обязательным элементом буддийского монастырского комплекса. Из известных в тибетской традиции изображений восьми видов ступ, связанных со знаковыми событиями жизни Будды Шакьямуни, вырезанная на Текелийской стеле форма ступы больше всего напоминает *Ступу Просветления*.

Эту Ступу снизу поддерживает стоящий на задних лапах Снежный лев (тиб. – *sengge, seng ge dkar*) – один из основных символов тибетского буддизма. Лев относится к числу самых популярных зооморфных персонажей буддийской мифологии и символизирует землю как одну из стихий. Он – верный слуга будд и бодхисаттв, наделенный такими качествами, как: отвага, жизнестойкость и решительность. Кроме того, лев считается покровителем западной стороны света [Альфонсо, Карлова, Коренько, 2013, с. 26], что, по-видимому, и побудило безымянных создателей Текелийской стелы четко обозначить пространственное местоположение священной ступы в западной части ареала тибетского буддизма символическим изображением мифической фигуры этого зверя.

Белый снежный лев с бирюзовой гривой – главное местное божество тибетских горных снежных хребтов. В новое и новейшее время он стал национальным символом Тибета, его изображение можно видеть на государственном флаге (с 1913 г.), монетах, печатях, банкнотах, марках и штампах этой страны. В иконографии буддизма неоднократно встречается изображение восьми львов, поддерживающих трон Будды Шакьямуни по восьми сторонам света [Тибетские буддийские символы, 2013, с. 94–96]. В данном случае значение снежного льва заключается в поддержании Ступы Просветления.

В целом, необходимо отметить, что выбитые на стеле канонические изображения и

надписи не имеют общего смысла. Каждый из рассмотренных выше элементов несет здесь отдельную функцию, поэтому всю композицию можно рассматривать не иначе, как набор благоприятных символов.

Ко второй половине XVII в. относится также время создания тибетскими и ойратскими мастерами по инициативе и при активном участии Галдана-хунтайджи (1671-1678), будущего Галдана-Бошохту-хана (1678-1696) замечательного храма «под открытым небом» на правом берегу реки Или, в урочище Хабцагай (совр. – *Капшагай*), расположенном между устьем ее левого притока Курты и небольшой степной речкой Шенгельды, севернее горы Капшагай. Несколько десятилетий спустя бывшее ойратское святилище получило у перекочевавших в долину Или казахов выразительное название *Тамга*, или *Тамгалытас* [Ерофеева, 2010, с. 508–509], которое сохранилось в топонимике Семиречья до нашего времени.

Памятник представляет собой небольшой скальный массив на берегу реки, у подножия которого на 15 отдельных глыбах сосредоточены крупные изображения буддийских божеств и разновременные тибетские и ойратские надписи (рис. 3). Начиная с середины XIX в., на протяжении около 175 лет эти фигуры и молитвенные тексты изучались многими исследователями: Ч.Ч. Валихановым (1856 г.), К.А. Ларионовым (1877 г.), Ф.В. Поярковым (1898 г.), Н.Н. Пантусовым и А.М. Позднеевым (1896-1898 гг.), А.Х. Маргуланом (1972 г.), Ф.П. Григорьевым (1981, 2010 г.), А.Н. Марьяшевым и С.А. Потаповым, Б.А. Железняковым

(2010 г.) и др. [Археология Семиречья, 2011, с. 62-65, 411, 420-426, 440-443, 467-473; Рогожинский, 2010, с. 474-480; Григорьев, Железняков, 2010, с. 440-457]. В 2008-2010 гг. Тамгалытас, как памятник истории и монументального искусства XVII-XVIII вв., стал объектом комплексных междисциплинарных исследований группы специалистов (И.В. Ерофеева, А.Е. Рогожинский, Б.Ж. Аубекеров, Р. Сала, Ж.-М. Деом) при участии российских монголоведов (Н.С. Яхонтова, Ю.И. Елихина, г. Санкт-Петербург).

Впечатляющая иконографическая панорама на прибрежных скалах урочища Тамгалытас состоит из пяти изображений главных божеств тибетского пантеона: Будды Шакьямуни, бодхисаттвы Авалокитешвары, Будды Бхайшаджьягуру, Будды Нагешварараджи и Будды Акшобхьи с сопровождающими тибетскими надписями на каменных панно [Елихина, 2010, с. 459-472; От Алтая до Каспия, Т. 2, с. 121-123].

Камень с изображением Будды Нагешварараджи (пл. № 2) находится у самого края широкой горизонтальной площадки, возвышающейся над долиной Или на расстояние около 2-3 м. Он развернут к реке лицевой гранью, которая имеет одинаковое простираение с расположенным за ним центральным панно (рис. 4). Вполне вероятно, что камень был установлен в таком положении самими создателями святилища [Рогожинский, 2010, с. 483].

Будда Нагешварараджа (санскр. – *Nāgavararāja*, *sangs-rgyas klu-dbang rgyal-po*, монг. – *luus-un erketü burqan*, ойрат. – *luus-un erketü*

Рис. 3. Тамгалытас на р. Или. Индексированная панорама. Фото Д. Каппасовой и А.Е. Рогожинского. 2008 год

Рис. 4. Тамгалытас на р. Или. Изображение Будды Нагешварараджы. Фото А.Е. Рогожинского

burxan), изображенный на этом камне – один из 35 Будд покаяния, к числу которых относится и упомянутый выше Будда Шакьямуни. Его имя в переводе означает: «Высший владыка нагов (змей)». Нагешварараджа представлен на каменной гравюре восседающим на лotosовом престоле в алмазной позе (*ваджрасана*), на престоле видны хвосты змей. Вокруг нимба, окружающего его фигуру, изображены головы змей. Обе руки Будды сложены в жесте «покрытие нагов» [Елихина, 2010, с. 463].

Появление наскального иконографического изображения Нагешварараджы на берегу реки глубоко символично, так как наги, змееподобные полубожеества, обитают в воде. Змея, или наг (тиб. – *klu*) – популярный персонаж буддийской мифологии, который получил в ней неоднозначную трактовку. С одной стороны, змеи почитаются как хранители природных водоемов, хтонические божества; но в то же время считается, что они могут вредить людям и вызывать некоторые болезни. Поэтому нагов нужно подавлять, чтобы они не создавали препятствий и не насылали болезни [Елихина, 2010, с. 463].

Правее относительно небольшой по размерам плиты с изображением Нагешварараджы расположен более крупный осколок скалы, на поверхности которого выбиты двойным кон-

туром две горизонтальные надписи, выполненные тибетским письмом ланца (пл. № 3). Верхняя надпись состоит из двух строк и представляет собой мантру Будды Шакьямуни: *om tu ni tu ni // ta hä tu ni shakya // tu ni om svä ha*. Некоторые знаки в обеих строках нечетко прорисованы в камне, но поскольку мантра Шакьямуни известна, Н.С. Яхонтова восстановила неподдающиеся прочтению слова и перевела весь тибетский текст, как: «Ом, мудрец, мудрец, великий мудрец, Шакья мудрец».

Ниже этой мантры вырезана по-тибетски другая молитвенная формула: *bla ma mkyed* – «Лама, думай обо мне». Перевод процитированной надписи в современной трактовке Н.С. Яхонтовой несколько отличается по смыслу от ее буквального перевода, сделанного в конце XIX в. монголоведом А.И. Позднеевым: «Ты (сам) ведай, Лама». Согласно пояснению первого переводчика этой мантры, она является, как и верхняя надпись, одной из наиболее популярных среди буддистов форм молитвенного обращения к Будде Шакьямуни, особенно в «покаянных молитвах» [Археология Семиречья, 2011, с. 471 (сн. №16)].

Центральное местоположение на территории сакрального участка занимает самая крупная по размерам и площади изобразительной по-

верхности каменная глыба, возвышающаяся над долиной реки на 5-7 м, с нанесенными на ней изображениями трех буддийских божеств и адресованными им тибетскими текстами (пл. № 4). Изображенные на этом панно три живописные фигуры и тибетские знаки глубоко выбиты металлическим инструментом на поверхности камня, имеют большие размеры и хорошо обозрываются с расстояния 25-50 м от берега Или (рис. 5).

На левой периферии плоскости вырезана фигура Будды Шакьямуни, которая выполнена в той же иконографической традиции, что и облик этого персонажа буддийского пантеона на каменной стеле Келиншектас, но превосходит его по качеству исполнения и по размерам. Под изображением этого божества выбита тибетская надпись: *sangs rgyas sha kya thub pa na to* – «Поклоняюсь Будде Шакьямуни» (пер. Н.С. Яхонтовой).

На противоположной, правой, стороне панно изображена фигура Будды Бхайшаджьягуру (санскр. – *Bhaiṣaīyaguru*, тиб. – *sangs-rgyas*,

sman-kyi lha; монг. – *manla burqan*, *otačin burqan*; ойрат. – *otačin burxan*), что в переводе означает «Врач-учитель». По-тибетски он называется *Манла*, а по-ойратски – *Оточи* [Елихина, 2010, с. 461]. Будда Бхайшаджьягуру на этой гравюре восседает в алмазной позе (*ваджрасана*) на лotosовом престоле, в правой руке он держит «исцеляющий все болезни» плод *мирабалана*, который издавна широко применяют в тибетской медицине. В левой руке у Будды закрытая на замок *патра* – чаша для сбора подаяний [Елихина, 2010, с. 462; Археология Семиречья, 2011, с. 468-469]. Под изображением четко выгравирована тибетская мантра: *sangs rgyas sman kyilha la na to* – «Поклоняюсь Будде – божеству лекарств» (пер. Н.С. Яхонтовой). Будда Бхайшаджьягуру, обитает в своей чистой земле (сфере духовного влияния) *Вайдурья-нирбхасе*. Он проповедует буддийское учение – *дхарму*, излечивает болезни и продлевает жизнь.

В разных странах, входивших в свое время в ареал тибетского буддизма, существовало

Рис. 5. Тамгалытас на р. Или. Изображение двух Будд: Шакьямуни, Бхайшаджьягуру и бодхисаттвы Авалокитешвары. Фото А.Е. Рогожинского

поверье, что достаточно только молитвенного прикосновения к образу Будды врачевания, чтобы наступило исцеление [Елихина, 2010, с. 461-462]. Это обстоятельство во многом объясняет мотивы воспроизведения иконографического облика «Божества лекарств» на скалах Тамгалытаса, вдоль которых в XVII – середине XVIII в. пролегал один из наиболее оживленных путей движения караванов, дипломатических миссий и религиозных паломников из внутренней части Евразии в Китай и Тибет.

В центре главного панно выгравировано крупным планом изображение *бодхисаттвы Авалокитешвары* (санскр. *Avalokiteśvara*, тиб. – *spyan-rasgzigs*, монг. – *avalokita-išvari, niduber üjegči, arya-balo*; ойрат. – *arya-balo*) – бодхисаттвы милосердия, божества – хранителя Тибета. Он является одним из самых почитаемых персонажей буддизма Ваджраяны. Земными воплощениями (тиб. – *sprul-sku*) этого божества считаются Далай-ламы и буддийские иерархии школы Кармапа [Ishihama, 2003, P. 542-550; Елихина, 2010а, с. 122-127, 158-172 и др.].

Фигура Авалокитешвары занимает господствующее положение на сакральной территории и заметно выделяется своим монументальным обликом и детальной точностью прорисовок ее канонических атрибутов среди всех остальных художественных образов Тамгалытаса.

В иконографии основных персонажей буддийского пантеона известно 108 тантрических форм бодхисаттвы Авалокитешвары, под которыми следует иметь ввиду разнообразные одноликие, многоликие и многорукие изображения этого божества, основанные на особых религиозных текстах – *тантрах* [подробнее об этих формах и их прорисовки см.: Елихина, 2010а, с. 213–259]. Одной из наиболее важных и широко распространенных иконографических форм Авалокитешвары является Авалокитешвара-Шадакшари (санскр. – *Avalokiteśvara-Ṣaḍakṣarī*, тиб. – *spyan-rasgzig syi-ge-drug-pa*, монг. – *avalokita-išvari jiryuyan üsüg-yin ta ni*). *Шадакшари* – санскр. «состоящий из шести слогов». Она представляет собой изображение бодхисаттвы милосердия в образе одноликого божества, восседающего на лотосовом престоле в алмазной позе (*вадж-*

расана) с двумя скрещенными ногами и с четырьмя руками. Две основные руки находятся в жесте *анджали-мудра* (поднесения драгоценности), в двух других – лотос и четки. Верх прически бодхисаттвы украшен головой Будды Амитабхи – одного из пяти Будд созерцания, эманацией которого является Авалокитешвара [Елихина, 2010, с. 464].

Земными воплощениями именно этой формы признавались Далай-ламы [Елихина, 2010а, с. 158-164, 168, 175, 219 и др.], что, вероятно, и побудило инициаторов создания буддийского святилища на скалистом берегу реки Или выбрать из множества известных им одноликих образов Авалокитешвары, как милостивых, так и гневных, знаковую в указанном теократическом смысле форму Авалокитешвара-Шадакшари для графического воспроизведения ее на центральном панно. Поскольку же выгравированный в камне в Илийском Капшагае образ «милостивого» бодхисаттвы имеет свою особую символику в тибетском буддизме, приведем здесь подробное литературное описание этой формы.

«Трон Авалокитешвары состоит из белого лотоса и диска луны. Он белый и источает свет. У него одно лицо, четыре руки и две ноги в ваджрной позе. Часть волос собрана в пучок, другая распущена по плечам тонкими прядями. Его левое плечо украшает шкура мифической лани. Он одет в пять одежд: ленты, которые развеваются вокруг его короны; рубашка, накидка, драпирующая его плечи; пояс и юбка. Они сделаны из тонких, легких, переливающихся шелковых тканей. На нем также пять украшений: корона с пятью драгоценными камнями, серьги, браслеты на предплечьях, запястьях и щиколотках; колье и ожерелье с подвесками, кольца. <...> Белизна тела бодхисаттвы символизирует чистоту незапятнанного духа. Один лик представляет собой дхармакаю, вневременное и двойственное состояние, пустоту и всепроникающую высшую реальность, духовное тело Будды; две ноги в ваджрасане – нераздельность сансары и нирваны; четыре руки – любовь, сострадание, сорадость и равенность. Лотос и луна, на которых он восседает, обозначают абсолютную (пустоту) и относительную (сострадание) бодхичитту (состоя-

ние сознания – авт.). Драгоценность, которую он держит в руках, символизирует просветление и способность исполнять все желания. Хрустальные четки являют собой силу освободителя. Лотос представляет собой чистоту средств, которые он использует ради блага всех живых существ. Одежды и украшения обозначают самбохокайю, тело блаженства; в нем пребывают Будды и бодхисаттвы до их воплощения на земле; богатство и разнообразие качеств Авалокитешвары. Шкура мифической лани на левом плече бодхисаттвы являет собой не агрессивность. Эта лань олицетворяет мир и не причинение вреда живым существам» [Лама Дени Тендруп, 1990, с. 40-41, 46-48; цит. по: Елихина, 2010а, с. 219-220].

На каменной плоскости с изображением бодхисаттвы Авалокитешвары под его фигурой высечена тибетским письмом адресованная этому божеству молитвенная надпись: *phags pa spyun ras gzigs na mo* – «Поклоняюсь святому Авалоките» (пер. Н.С. Яхонтовой). В правой нижней части панно находится еще одна горизонтальная тибетская надпись: *om-ta-ni rad-me hum*. Правее она повторена на том же камне вертикальным способом.

Эта надпись представляет собой шестисловую мантру Авалокитешвары, которая является одним из главных заклинаний в тибетском буддизме. Появившись в странах Юго-Восточной Азии, где исповедывается буддизм, еще в I в. н.э., она проникла в Тибет с возникновением тибетского алфавита в VII в. и входит в особый раздел Ганджура «Тантра» (тиб. – *rgyud*) [Дандарон, 1973, с. 466; Елихина, 2010а, с. 72].

Мантра *om-ta-ni rad-me hum* произносится ради блага и спасения живых существ, обитающих в *кама-дхату* (тиб. – *'dong-khams*) – одной из областей сансары, под которой в буддизме понимают процесс непрерывных перерождений земных существ в шести мирах. Шесть слогов ее соответствуют этим мирам буддийской космологии: 1) небожителей; 2) асуров, или полубогов; 3) людей; 4) животных; 5) претов – живых существ с очень узким горлом, постоянно страдающих от голода и жажды в прошлых жизнях; 6) горячих и холодных адов [Елихина, 2010, с. 464].

«Слово *om*, – констатируется в специаль-

ном исследовании Ю.И. Елихиной, – создает во внутреннем видении бодхисаттву Авалокитешвару белого цвета, очищающего все грехи и способного переправить мир небожителей в нирвану. Слог *ta* соответствует Будде Вайрочане синего цвета, который переправляет мир асуров в нирвану. Слог *ni* порождает Будду Ваджрасаттву белого цвета, переправляющего в нирвану мир людей. Слог *rad* создает Будду Ратнасамбхаву желтого цвета, он может переправить в нирвану мир животных. Слог *me* образует Будду Ами табху красного цвета, обладающего способностью очищать все клеши (т.е. аффекты – авт.) и переправлять в нирвану мир претов. Слог *hum* создает Будду Амогхасиддхи зеленого цвета, полностью уничтожающего ошибки и кармические грехи, и адепт обретает способность переправить мир адов в нирвану» [Елихина, 2010а, с. 70-71].

По буддийским представлениям, верующий, произнося шестисловую мантру, непременно должен созерцать ее слоги-символы и размышлять над их содержанием. Необходимо, чтобы мысли об этом заполнили все его сознание [Дандарон, 1973, с. 465]. В целом же, мантра призвана способствовать устранению шести психических коренных аффектов (*клешей*): гордыни, зависти, привязанности, глупости, жадности и агрессивности [Елихина, 2010а, с. 71]. В данном контексте П.С. Паллас писал в конце XVIII в. по поводу особой значимости магической формулы Авалокитешвары для священнослужителей западных монголов: «Между ламами имеется весьма важная молитва, которая произносится *Ом-ма-ни-пад-ме-хум*, или как у калмыков, – *Ом-ма-ни-бат-ме-хунг*. Эту молитву они творят беспрестанно, перебирая свои четки. Она у них изображается на холсте, на бумаге, на камне; пишется ими на скалах и утесах, на знаменах, особо поставленных для моления при кумирнях и по дорогам ... и т.д.» [Pallas, 1801, T. 2, S. 88].

Завершающим звеном в изобразительном ряду святилища Тамгалытас является иконографический образ Будды *Акшобхьи* (санскр. – *Akṣobhya*, тиб. – *mi-khrugs-pa*, *mi bskyod-pa*; ойрат. – *mintukhba*), который высечен на поверхности крупного обломка скалы, расположенного правее центрального панно,

в нижней части завала (пл. № 10) (рис. 6). Будда Акшобхья, названный по разговорному произношению одного из своих тибетских имен «невозмутимый», а другого – «непоколебимый», изображен на камне сидящим в *падмасане* (поза лотоса) на лotosовом престоле; правая рука его находится в жесте *бхумиспарша-мудра* (касания земли), в левой он держит *ваджру* (алмазный скипетр). Ваджра является основным атрибутом буддизма Ваджраяны, изначально в индийской мифологии она представляла собой оружие (жезл, палицу) бога-громовержца Индры.

Этот Будда относится к группе пяти *Дхьяни-Будд* – Будд созерцания, которую составляют: *Вайрочана*, *Амитабха*, *Акшобхья*, *Ратнасамбхава* и *Амогхасиддхи*. Каждый из них занимает определенное место в *мандале* (космической модели Вселенной) и имеет свой цвет, *праджню* (высшую мудрость, в виде женской ипостаси различных божеств), *бодхисаттву*, элемент и функцию [Елихина, 2010а, с. 275]. Одной из эманаций Акшобхьи является бодхисаттва

мудрости *Манджушри*. Главная функция «Невозмутимого» Будды заключается в трансформации гнева в абсолютную мудрость (рукописная информация Ю.И. Елихиной).

Слева от изображения Будды Акшобхьи на том же камне нанесены пять обращенных к нему строк тибетских ритуальных охранительных формул – *дхарани*, но, по признанию А.И. Позднеева [Археология Семиречья, 2011, с. 470] и позднее – Н.С. Яхонтовой, перевести их невозможно. Кроме того, в верхнем левом углу камня выбиты тибетскими знаками две шестисложные мантры *от-та-ни рад-те хум* и ниже текста, адресованного Будде Акшобхьи – две такие же шестисложные надписи, выполненные ойратским «ясным письмом».

Одновременно или немного позже появления этих надписей были выбиты различные тибетские тексты на каменных валунах, лежащих ниже обломков скал с изображениями будд и у подножия скального массива (пл. 6, 7, 9, 12, 14). К этой группе относятся две вырезанные на одном из камней мантры Буд-

Рис. 6. Тамгалытас на р. Или. Изображение Будды Акшобхьи. Фото А.Е. Рогожинского

ды Манчжуши, изображение которого на памятнике отсутствует. Они состоят из трех горизонтальных строк: первая строка – *om wa gui sho ri num*, вторая – *om-ta-ni rad-me hum hri*, третья – *om ta ri sa ta*, а под ней – *swa-ha*. Между второй и третьей строкой тибетских знаков нанесена по-ойратски мантра Авалокитешвары – *om-ta-ni rad-me hum*.

На другом камне (пл. № 11) тибетским письмом в одну строку выбито обращение к бывшему духовному наставнику верховного правителя ойратов Галдана-Бошохту-хана IV-му Панчен-ламе Тибета Лобсану Чойчжи Чжалсану (1570-1662): *chos kyi rgyal mtshan la na to* – «Поклоняюсь Победоносному знамени Учения», т.е. Чойчжи Чжалсану (перевод Н.С. Яхонтовой). А.И. Позднеев в свое время перевел эту надпись, как: «Поклоняюсь Чойчжи Чжалсану» [см.: Археология Семиречья, 2011, с. 472].

К той же группе тибетских текстов принадлежат четыре шестисложные мантры *om-ta-ni rad-me hum* на разных камнях, расположенных по периферии завала (пл. № 1, 5, 13, 16) [Рогожинский, 2010, с. 483–484].

Позднее эти тексты были дополнены другими тибетскими надписями: тремя шестисложными мантрами аналогичного содержания, надписью: ... *bla ma blo ba bzang grags ... mkhyen thugs rdze ba ru* ... – «Славься лама с хорошим умом..., знание и милосердие», обращенной к Будде Шакьямуни (пл. № 8) (пер. Н.С. Яхонтовой) и двумя мантрами Манчжуши: *a ra pa sa na dhī* и *om wa gui* – на южной периферии сакрального участка (пл. № 17). Наряду с ними были созданы десять однообразных текстов шестисложной мантры *om-ta-ni rad-me hum*, выполненных ойратским «ясным письмом» (пл. № 10, 13-15, 17) [Рогожинский, 2010, с. 484-485].

Позднейшей по времени возникновения молитвенной надписью в Тамгалытасе является самый длинный по вертикали и самый объемный по количеству строк ойратский текст, выбитый курсивным «ясным письмом» бежавшими в 1771 г. в долину Или волжскими калмыками (пл. № 11). В течение последних 150 лет многие знаки этой ойратской надписи были плотно закрыты мелкими кустистыми растениями, и поэтому уже с конца XIX в.

все 11 строк ее не поддавались сколько-нибудь точному копированию и прочтению.

Но благодаря проведенным девять лет назад сотрудниками ТОО «Остров Крым» (г. Алматы) консервационным работам по удалению лишайников с изобразительных поверхностей памятника этот текст впервые был прочитан в полном объеме и переведен на русский язык в 2010 г. монголоведом Н.С. Яхонтовой.

Транслитерация прочитанной ею ойратской надписи выглядит следующим образом:

1. Om swa-sti erketü čidaqči
2. dēdū otoči kigēd akšobya burxan
3. erketü yeke nigülesüqči terigöüteni
4. ebečin ēce zudayin ayoul daruxuyin
5. tula bosxoboi.ene
6. zūq-tu sayin
7. amuyūulang ürgülji tasural
8. ügei bolxu boltuyai
9. töündü gemčü yölloxui
10. sedkili bükündü
11. tebčiqdebei.

Перевод:

1. Ом сва сти. Могущественного владыки,
2. высшего Оточи и будду Акшобью,
3. владыку Великого сострадательного,
4. чтобы преодолеть опасности [начиная] от болезней до бескормицы,
5. [их образы] воздвигли. В этой
6. стороне прекрасное
7. спокойствие продолжительно и беспрерывно
8. пусть будет.
9. У них (?) на грехе сконцентрированные
10. мысли полностью (?)
11. отброшены.

Приведенный в начале текста иносказательный вариант обозначения собственного имени всеильного божества – «Могущественный владыка» представляет собой один из эпитетов Будды Шакьямуни, «Оточи» – это ойратское имя Будды врачевания Бхайшаджьягуру; термином «владыка Великий сострадательный», согласно буддийской традиции, обозначен бодхисаттва Авалокитешвара. Ниже, в двух следующих строках констатируется присутствие иконографических образов трех этих божеств и Будды Акшобхьи на близлежащих обломках скал и их высшее пред-

назначение, заключающееся в спасении людей от всевозможных страданий и неблагополучного существования в сансаре. В целом же, ойратский текст в современном переводе Н.С. Яхонтовой содержит благодарственное обращение к изображенным здесь четырем буддам и бодхисаттве Авалокитешваре за «преодоление опасности ... от болезней до бескормицы» и желание обрести «в этой стороне прекрасное спокойствие продолжительно и непрерывно» [Рогожинский, 2010, с. 485-486; Ерофеева, 2010, с. 521-524].

Судя по упомянутой в «Биографии Заяпандиты» его учеником Рабнадхадрой исторической дате пребывания в Илийском Капшагае кочевой ставки (урги) Галдана-хунтайджи (с декабря 1676 по март 1677 г.) и времени становления в тибетской иконографии фигуры бодхисаттвы Авалокитешвары-Шадакшари в образе божества с четырьмя руками, восседающим на лotosовом престоле в алмазной позе-ваджрасана (1660-е–1670-е гг.), этот своеобразный буддийский храм, или точнее – «иконостас» будущего святилища, был создан Галданом в начале 1677 года, а затем в течение последующих пяти лет несколько усовершенствован путем воспроизведения на скалах Тамгалытаса еще одной серии тибетских мантр [Ерофеева, 2010, с. 506-515; Елихина, 2010, с. 464-470].

Персональная причастность знаменитого джунгарского правителя к созданию святилища подтверждается его фанатичной религиозностью, глубоким знанием буддийской символики, техники тибетской живописи и тибетских иконографических канонов. С последним обстоятельством тесно связано присутствие на центральном панно Тамгалытаса изображения Авалокитешвары-Шадакшари в форме «одноликого и четырехрукого» бодхисаттвы, т.е. божества-покровителя владык Тибета, эманацией которого, начиная с 1660 г., считался Великий Пятый Далай-лама Нгаван Лобсан Гьяцо (1617-1682) [Елихина, 2010, с. 464-465]; а также лаконичного текста посвящения глубоко чтимому в то время в Лхасе тибетскому иерарху Чойчжи Чжалсану – многолетнему наставнику Галдана [Ерофеева, 2010, с. 502-503]. В пользу этого убеждения свидетельствует и такой примечательный

факт, как официальное пожалование Галдану Далай-ламой Лобсаном Гьяцо 30 июня 1678 г., т.е. год спустя после пребывания джунгарского хунтайджи в Илийском Капшагае, высшего в монгольском мире монархического титула – *Галдан Тензин Бошогту-хан* (тиб. – *d'Ga'ldan bstan 'dzin bo shog thu khan*) – «Благословенный хан веры, опора учения». Другим пожалованным ему в Тибете престижным титулом являлся *Палдзин-хан* (тиб. – *dpal 'dzin*), который переводится как: «Великий, поддерживающий счастье, процветание» [Ishihama, 1992, P. 503-506; Ерофеева, 2010, с. 510-514].

Известно, что титулы *Тензин-хан* (тиб. – *rten-'dzin*) и *Палдзин-хан* Далай-лама даровал (с 1638 по 1670-е гг.) только тем монгольским князьям (в частности, отдельным правителям хошутов), от которых он уже получил определенный вклад в усиление идеологических позиций школы Гелугпа в Тибете и соседних странах Центральной Азии и мог ожидать в дальнейшем от них еще более активного участия в реализации ее интересов. Подобная избирательность фактически означала, что обладатель данного титула должен был являться активным поборником «желтого учения», то есть действовать в ходе борьбы за власть исключительно «от имени учения» и заботиться «единственно об учении» [Ishihama, 1992, P. 506–507]. Отсюда нетрудно понять, что для его получения Галдану-хунтайджи необходимо было отличиться перед высшим тибетским иерархом своей непревзойденной заботой о вере. Одним из конкретных плодов этих стараний и стал, по-видимому, искусно созданный Галданом за полгода до поездки к Далай-ламе в Тибет прекрасный живописный «храм под открытым небом» на правом берегу Или у речной переправы.

При этом необходимо отметить, что ни по составу представленных в Тамгалытасе персонажей тибетского пантеона, ни по их размерам, ни по количеству буддийских текстов, разных по содержанию и языку, он не имеет себе аналогов в западной части Центральной Азии [Рогожинский, 2010, с. 486-487]. Тамгалытас заметно выделяется среди других памятников тибетского буддизма того же исторического периода на территории Казахстана и соседних стран региона своей монументальностью, ху-

дожественной репрезентативностью и разнообразием эпиграфических текстов, что отражает особую значимость святилища на берегу реки Или в эпоху его возникновения и функционирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Н.А. Река Каратал с ее окрестностями // Записки РГО по общей географии. - Т. 1. - СПб., 1867. - С. 269-278.
- Альфонсо Н.Г., Карлова Е.М., Коренько В.А. Перевал. Гималайская мозаика: культурное разнообразие и единство. Каталог выставки. - М.: ГМВ, 2013.
- Археология Семиречья. 1857-1912 гг. Сб-к документов и материалов / Отв. ред. Б.Т. Жанаев, сост. И.М. Самигулин. - Алматы, 2011.
- Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. В 5 томах. - Т. 2. - Алма-Ата, 1985.
- Григорьев Ф.П., Железняков Б.А. Ламаистское святилище Тамгалытас на реке Или // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. - Алматы, 2010. - С. 440-457.
- Дандарон Б.Д. Содержание мантры ОМ-МА-НИ ПАД-МЕ-ХУМ // Труды по востоковедению. - Т. 2. - Тарту, 1973. - С. 463-477.
- Елихина Ю.И. Иконография буддийских изображений Тамгалытаса // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. - Алматы, 2010. - С. 459-473.
- Елихина Ю.И. Культы основных бодхисаттв и их земных воплощений в истории и искусстве буддизма. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. (2010а).
- Ерофеева И.В. История формирования культового комплекса Тамгалытас (1677-1771 гг.) // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. - Алматы, 2010. - С. 490-529.
- Ерофеева И.В. Религиозно-культовые центры тибетского буддизма на территории Восточного Казахстана в XVII – середине XVIII веков // Буддизм ваджраяны в России: от контактов к взаимодействию. - М.: «Алмазный путь», 2012. - С. 335-346.
- История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы». Сочинение Сумба-Хамбо / Пер. с тиб., введ. и примеч. Б.Д. Дандарона. - М., 1972.
- Кукеев Д.Г. К вопросу об оседлых ойратских сооружениях // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы V Междун. науч. конф.: в 2 ч. - Ч. 1. - Кызыл, 2014. - С. 230-235.
- Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Люди и боги страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. - СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006.
- Лама Дени Тендруп. Краткая садхана Авалокитешвары. - СПб., 1990.
- Ольденбург С.Ф. Жизнь Будды. Изд. 2-е. - Новосибирск, 1994.
- Раднабхадра. Лунный свет: история рабджам Зая-пандиты / Пер. с ойратского Г.Н. Румянцева и А.Г. Сазыкина. - СПб., 1999.
- Рогожинский А.Е. История изучения и новые исследования культового комплекса Тамгалытас на реке Или // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. - Алматы, 2010. - С. 474-507.
- Тибетские буддийские символы. Справочник / Роберт Бир; пер. с англ. Л. Бубенковой. - М.: Ориентация, 2013.
- Торчинов Е. Краткая история буддизма. - СПб.: Амфора, 2008.
- Heissig W. Ein Mongolisches Textfragment über den Ölötenfürsten Galdan // Sinologische Arbeiten. Bd. 2. 1944.
- Ishihama Y. A study of the Seals and Titles Conferred by the Dalai Lamas // Tibetan Studies. Proceeding of the 5th Seminar of the International Association for Tibetan Studies. - Narita. 1989. - Vol. 2. Naritasan Shinshojl, 1992. P. 500-512.

Ishihama Y. On the Dissemination of the belief on the Dalai-lama as a Manifestation of the Bodhisattva Avalokitesvara // The History of Tibet. The Medieval Period: c. 850 - 1895. The development of Buddhist Paramountcy / Ed. by Alex McKay. - London; New York, 2003.

Pallas P.S. Sammlungen historisches Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. T. 2. Spb., 1801.

Uppsala universitetsbibliotek / Uppsala University Library Sweden. Kart & bildavdelningen / Map & Print Department. Kart-och bildenheten unter signum; Kartor, utl. St. form. Renats kartor.

Yerofeeva I. Lamaist Buddhism in Kazakhstan (Seventeenth to Mid Nineteenth Century) // Kazakhstan. Religions and Society in the History of Central Eurasia / Ed. by Gian Luca Bonora, Nicolo Pianciola and Paolo Sartori. Turin – London – Venice – New York: Umberto Allemandi & C, 2009. P. 137-151.

Ерофеева И.В.

**Жетісудағы тибет буддизмінің ескерткіштері: Текелі стелласы және Тамғалытастың
иконографиялық панорамасы**

Түйін

Мақала Жетісу территориясындағы Ваджраян будда өнерінің екі ескерткішіне арналған. Мұнда Текелі стелласының және Тамғалытас иконографиялық суреті панорамасының жасалған уақыты нақты көрсетілген, алғаш рет әдебиетте Қора мен Іле өзендері бойындағы тас жазықтықтардың бетіне қашалып жазылған латынша белгілеулер мен тибет және ойрат жазбаларының көпшілігінің орысша аудармасы берілген; будда бейнесі мен символы екі ескерткіште дәл анықталып берілген және олардың әрқайсысының тибет буддизміндегі орны мен ролі толықтай көрсетілген.

Григорьев Ф.П.
Научно-исследовательский и проектный филиал
РГП «Казреставрация», г. Алматы, Казахстан

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ НА ТЕРРИТОРИИ г. АЛМАТЫ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ В 1920-е – 1960 гг.

В предыдущем выпуске сборника «История и археология Семиречья» была опубликована первая часть нашего исследования по истории археологического изучения древних памятников и случайным находкам на территории г. Алматы и его окрестностей [Григорьев, 2011, с. 15-25]. В ней рассмотрено изучение алматинских древностей на протяжении более 60-ти лет, начиная с образования в урочище Алматы укрепления Верное и до Октябрьской революции. В 1854-1917 гг. около укрепления, а затем на территории г. Верного и его окрестностей (в пределах урочища Алматы) были выявлены разнообразные археологические памятники, проведены первые археологические раскопки, местными жителями найдено большое количество различных предметов древности. Почти все находки носили случайный характер, а их археологическое исследование, как и изучение древностей Алматы в целом, сводилось в основном к регистрации найденных артефактов. Но это был важный период накопления ценных археологических сведений, свидетельствующих о многовековой истории города и края, где он был расположен.

В советское время изучением археологических памятников Алматы занимались различные научно-исследовательские учреждения – Джетысуйский областной, а затем Центральный музеи Казахстана, Казахский научно – исследовательский институт национальной культуры, Казахский филиал АН СССР, Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, Общество охраны памятников Казахской ССР и институт «Казпроектреставрация».

В первую половину 20-х годов, до переезда в Туркмению, широкую работу по изучению и охране памятников в г. Алма-Аты¹ проводит

заведующий Семиреченским областным музеем В.Д. Городецкий.

Летом 1922 г. В.Д. Городецкий открыл, а спустя два года обследовал и описал остатки средневекового городища, названного им поселением. Поселение располагалось в междуречье Малой Алматинки (Киши Алматы) и Весновки (Есентай) в 1 км южнее Алма-Аты (рис. 1). Начиная от входа в ущелье, занимало долинное пространство площадью около 1,5 кв. км (Городецкий, 1927, с. 145-150). По наблюдениям Городецкого наиболее заселенной, судя по топографии, была западная часть поселения, ближе к р. Весновке. На поселении еще сохранялись следы построек (вероятно, усадеб) в виде земляных валов четырехугольной формы, высотой не более 1 м, разных размеров: наибольшие 15х25 м, иногда 18х40 м [Городецкий, 1927, с. 150]. Местами были видны фундаменты квадратных строений из речных валунов. Через поселение тянулись два старых арыка, около которых исследователем была зафиксирована двадцать одна мельничная насыпь. В.Д. Городецкий отметил, что в этом районе – на берегу р. Весновки найдена плоская каменная гиря [Городецкий, 1927, с. 145]. Ранее в окрестностях памятника были обнаружены два крупных керамических сосуда конической формы, высотой около 70 см, вероятно, хумчи, а также фрагменты больших глиняных корчаг, бронзовая восточная ваза [Городецкий, 1927, с. 150]. А в дореволюционное время – уже упомянутые нами чагатайские медные и серебряные монеты XIII-XIV вв. и средневековый глиняный сосуд [Григорьев, 2011, с. 20, 22].

В опубликованной в 1927 г. статье В.Д. Городецкий пришел к выводу, что поселение в долине р. Киши Алматы представляло собой “небольшой земледельческий поселок”, с се-

¹Город Верный был переименован в Алма-Ату 14 марта 1921 г.

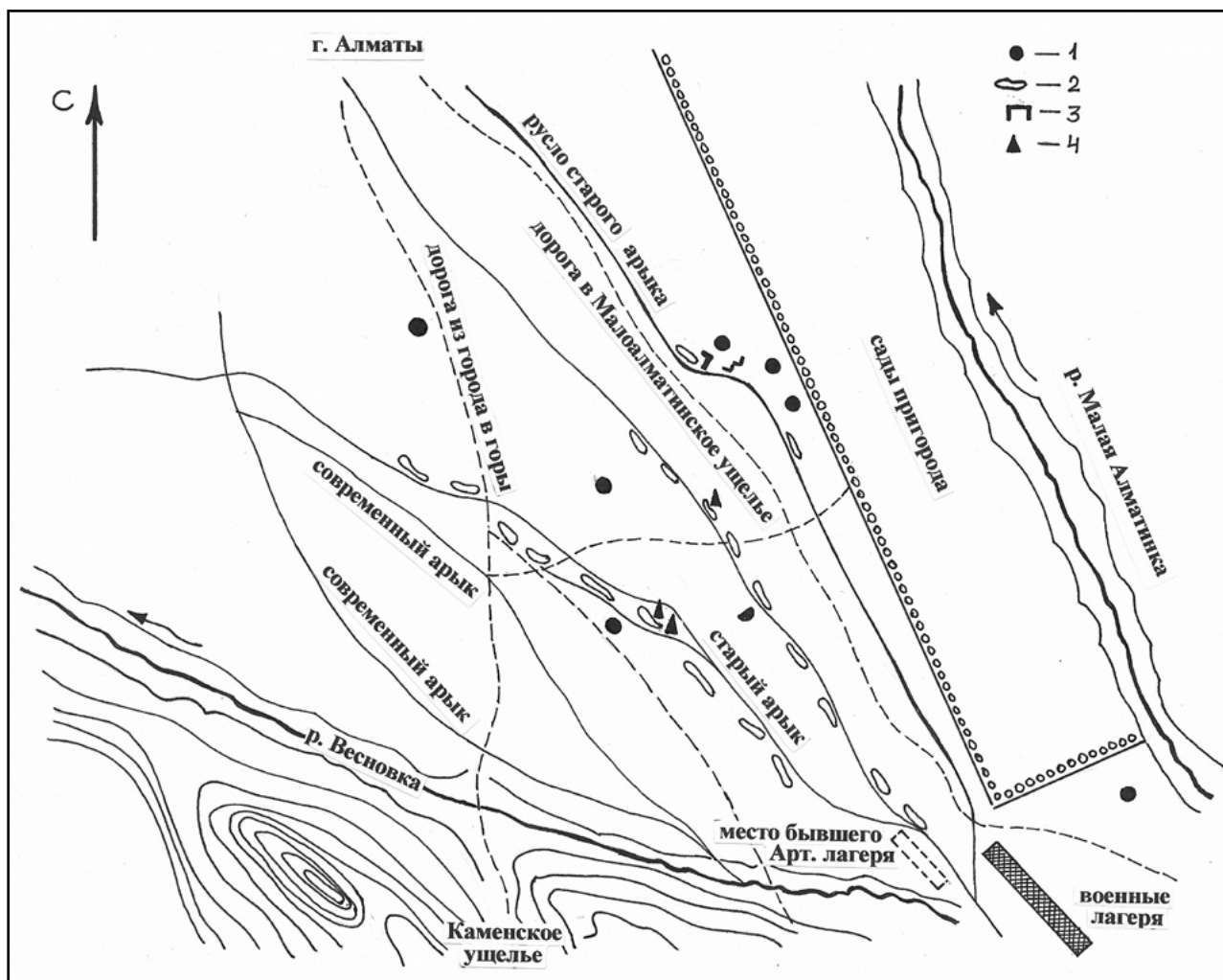

Рис. 1. Остатки средневекового поселения в междуречье Малой Алматинки и Весновки.
Рисунок со съемки В. Д. Городецкого (Городецкий, 1927): 1 – курганы; 2 – старые мельничные насыпи;
3 – валы; 4 – остатки разрушенных стен.

верной стороны которого располагались возделываемые поля [Городецкий, 1927, с. 150]. Он предположил, что это – остатки средневекового поселения Алматы, упоминаемого в письменных источниках [Городецкий, 1927, с. 145]. Позднее локализации средневекового Алматы на месте поселения (городища) в междуречье Киши Алматы и Есентай стали придерживаться все последующие исследователи [Маргулан, 1961, с. 696, тоже Валиханов, 1985, с. 387, сноска 38; Джусупбеков, 1980, с. 17; Савельева, 1989, с. 47; 1999, с. 44, 49; Савельева, Зиняков, Воякин, 1998, с. 15-16; Байпаков, 2000, с. 30; 2004, с. 203-204; 2008, с. 25; Байпаков, Савельева, Чанг, 2002, с. 123; 2005].

В настоящее время памятник полностью сnivelирован. На его территории расположены улицы Достык, Тайманова, переулки, жилые дома, капитальные здания бывшего Погранучилища, Института материнства и др.

Южная граница памятника доходила почти до ул. Кажымукана.

В.Д. Городецким на этой пригородной территории было также отмечено скопление курганов. Курганные могильники, вытянутые «цепочками», располагались к югу и северу от военного лазарета (бывшее Управление Турксиба) (рис. 2). В южной «цепочке» насчитывалось семь курганов, в северной – пять. Еще один курган, наполовину скрытый, располагался южнее кирпичного завода [Городецкий, 1927, с. 150].

В 1924 г. В.Д. Городецкий составил перечень древних памятников и археологических находок в Семиречье, систематизировав их по разделам: города и поселения, курганы, каменные изваяния, случайные находки, сообщения и данные дореволюционных исследователей и др. [Городецкий, 1924]. В перечне содержатся сведения и о находках на тер-

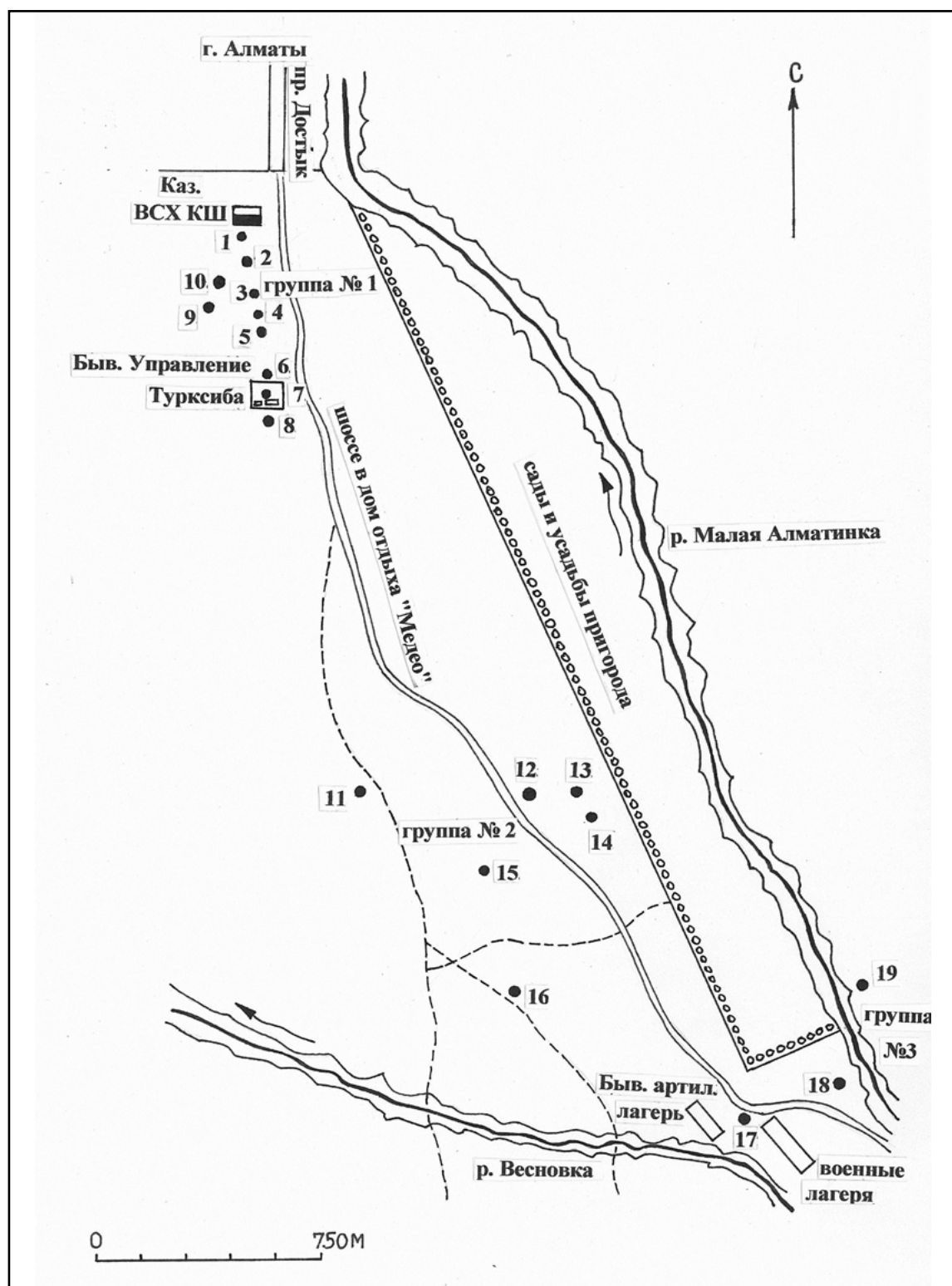

Рис. 2. Рисунок с Карты курганных групп на южной окраине г. Алма-Аты (Дублицкий, 1937б, карта № 2).

ритории г. Алматы в конце XIX – середине 20 гг. XX в. Рукописная работа (журнал) Городецкого не потеряла своего значения до сих пор, как ценный источник информации. В журнале отмечена находка средневекового железного шлема при рытье траншеи для фундамента дома в г. Верном, а к северу от города, у аэродрома, было разрыто погребение,

в котором обнаружен кувшинообразный глиняный сосуд без ручек, с округлым дном, стоявший около головы скелета [Городецкий, 1924, с. 153, 171], по-видимому, усуньского времени.

Осенью 1924 г. Городецкий побывал на поселении расположенном у входа в Большое Алматинское (Улкен Алматы) ущелье. На поселении были случайно обнаружены намо-

гильный камень (кайрак) с мусульманской надписью и два чугунных котла, а в горловине ущелья – остатки кирпичной постройки и половина верхней части жернова, лежавшего около мельничной насыпи [Городецкий, 1924, с. 115; 1927, с. 148-149]. Это была последняя археологическая информация о городище на р. Большая Алматинка.

В 1923 г. на Каменском плато (Терисбутак), около дома отдыха “Турксиб” случайно найден клад из 8 бронзовых котлов эпохи ранних кочевников [Бернштам, 1949, с. 345; Спасская, 1958, с. 180, № 10-17].

Осенью 1928 г. сотрудниками Алма-Атинского окружного музея Б.Н. Дублицким и А.И. Мордухай-Болтовским раскопан двухметровый курган на территории Управления Туркестано-Сибирской железной дороги (Южтурксиба) [Мордухай-Болтовский, Дублицкий, 1928; Дублицкий, 1937а, с. 81-95; Маргулан, Агеева, 1948, с. 125]. Курган входил в группу насыпей, вытянутых цепочкой вдоль левого берега р. Малой Алматинки². В кургане обнаружены две грунтовые могилы. В южной могиле – скорченный скелет коня без всякого инвентаря. В северной – кости человека.

Над захоронением человека зафиксирована кладка (“свод”) из неформованного сырцового кирпича. Погребенный лежал на толстой доске в вытянутом положении на спине, череп был положен на небольшую доску, помещенную на грудную клетку. Около скелета найдены кусок красной краски – реальгара и медная монета I в. н.э., выпущенная царем Северо-западной Индии Мренасом³. Погребение отнесено к гунской эпохе [Дублицкий, 1939б, с. 16; 1939 г, с. 4].

В конце 20-х – начале 30-х гг. продолжались случайные находки археологических предметов.

В 1928 г. недалеко от угла участка школы

№ 10, расположенной севернее ул. Калинина (ныне ул. Кабанбай батыра), угол ул. Панфилова⁴, случайно найден каменный молоток, суживающийся от середины к концу, длиной 22 см, окружностью в центре 21,5 см [Дублицкий, 1939а, с. 31; 1939б, с. 36; Маргулан, Агеева, 1948, с. 126]⁵. Судя по описанию, молоток может быть датирован неолитом или периодом ранней бронзы⁶.

В 1930 г. на территории с/х комбината “Красная заря” (левый берег р. Киши Алматы, напротив военных лагерей) У. Эмельбаевым и Х. Абдулхановым найден медный котел на ножке с двумя ручками на тулове [Спасская, 1958, с. 180, № 19; ср. АКК, 1960, № 4392]⁷.

В 1933 г. в Алма-Ате на ул. Дачной (ныне ул. Бегалина) случайно была найдена римская монета. Надпись на ней расшифровали так: “Император хранит мир эллинов, Санабар”. Санабар был ошибочно назван римским наместником первой половины I в. н.э., хотя в действительности являлся независимым правителем Маргианы (Мургабский оазис) – северо-восточной провинции Парфянской державы⁸. Неправильная расшифровка монетной легенды и идентификация правителя привели к появлению в местной газете статьи с выводом, что Казахстан в древности являлся провинцией Рима [Кораблев, 1935а; 1935б].

Это вызвало резкую критику и возражения М.Е. Массона. Изучив находку позднее, он установил, что найденная монета является низкопробным серебряным динаром, принадлежавшим чекану Аврелиана Августа (270-275 гг.), чье имя и два титула заключены в его сокращенно изображенной легенде. Такие динары были широко распространены на территории Средней Азии в III веке [Массон М., 1956, с. 136]⁹.

²В работе А.Н. Бернштама местонахождение раскопанного кургана указано неверно – на р. Весновке, между р. Большой Алматинкой и Карасу [Бернштам, 1949а, с. 7-8].

³Монета была определена специалистами Гос. Эрмитажа. Материалы раскопок были переданы на хранение в ЦГМ [Маргулан, Агеева, 1948, с. 125].

⁴На месте школы № 10 в настоящее время находится фонтан и здание гостиницы “Алма-Ата”.

⁵Хранится в ЦГМ РК [АКК, 1960, № 4362; Маргулан, Агеева, 1948, с. 125].

⁶Устная консультация археолога А.К.Акишева [Институт Востоковедения МОН РК].

⁷Хранится в ЦГМ РК [Спасская, 1958, с. 180, № 19].

⁸Монеты Санабара датируются последней третью I в. н.э., т.е. относятся к периоду развала поздней Парфии [Массон В., 1966, с. 111-113].

Находка римской монеты стала поводом для организации раскопок вблизи того места, где она была найдена. В 1935 г. археологической экспедицией Казахского научно-исследовательского института национальной культуры был раскопан курган около домов № 10-12 по ул. Дачной. Здесь, на правом р. Киши Алматы за домами № 10-20, тянулась цепочка курганов с каменно-земляными насыпями.

В раскопанном кургане оказалось две могильные ямы. В широкой прямоугольной могиле (4х2 м), стенки которой были обложены валунами, расчищено одиночное захоронение человека ориентированного головой на запад, с тремя сосудами у изголовья. В другой могиле найдено разграбленное захоронение человека с конем, фрагменты разбитой посуды [Дублицкий, 1937а; 1939 г, с. 5-6].

В октябре 1935 г. на территории артиллерийского батальона (угол улиц Гоголя и Дунганской (ныне ул. Масанчи)), в 11 м северо-западнее главного здания, красноармейцами, рывшими яму, на глубине 1,9 м найден крупный медный котел с двумя ручками и петлями на корпусе, без подставки, украшенный по тулову тремя рядами рельефного веревочного орнамента. Около котла лежали обломки крупного горшка, много костей барана, верблюда, лошади, козла. Культурного слоя вокруг котла зафиксировано не было [Дублицкий, 1935; Спасская, 1958, с. 181, № 20; 191, рис. 1]¹⁰.

В этом же году на углу улиц Дунганской (ныне Масанчи) и Пастера (ныне Макатаева) были обнаружены глиняные цилиндрические водопроводные трубы, уложенные на глубине 1 м. Трубы имели длину 55 см, наружный диаметр

8 см и были соединены цилиндрическими глиняными муфтами [«Интересная», 1935, № 90]. Находку ошибочно датировали средними веками [АКК, 1960, № 4360]. Хотя, судя по описаниям конструкций водопровода, он относится к верненскому периоду истории г. Алматы, т.е. к концу XIX – началу XX вв.¹¹

В 1935 г. вышла статья К. Ходжикова «Древнейшие памятники Семиречья». В ней говорилось о различных памятниках района Алма-Аты, делались попытки исторической интерпретации археологических находок. К. Ходжиков сообщил о каменной бабе перед зданием Комитета по радиовещанию на ул. К. Маркса (ныне ул. Д. Кунаева) [Ходжиков, 1935, с. 42-50].

В связи с интенсивным ростом и застройкой г. Алма-Аты в южном и юго-западном направлениях, экспедицией Казахского филиала АН СССР в 1937 г. проведено обследование курганных групп этой пригородной зоны. Составлены планы и описания курганов междуречья Малой Алматинки и Весновки (по обеим сторонам дороги из г. Алматы в д/о «Медео»), курганных полей левого берега р. Поганки (Карасу) – по Каргалинской дороге (ныне ул. Джандосова)¹² и правого берега р. Большой Алматинки, в районе Плодоконсервного комбината [Дублицкий, 1937б, с. 1-6, карты № 1-2].

В междуречье Малой Алматинки и Весновки было закартографировано 19 курганов, расположенных тремя группами (рис. 2). Первая группа (южная) располагалась на левом берегу р. Киши Алматы, с правой стороны от дороги в д/о «Медео», между территориями военного лазарета (бывшее Управление Турксиба) и

⁹Пребывание римлян на территории Семиречья, судя по письменным источникам, было связано с событиями 34(36) г. до н. э. – войной Ханьского Китая с гунским шаньюем Чжи чжи. Римские легионеры входили в состав войска шаньюя и участвовали в обороне его ставки – города, построенного в верховьях р. Талас [Зуев, 1959, с. 167-168; то же Байпаков 1998а, с. 52-55; 1998б, с. 75-78].

¹⁰Хранится в ЦГМ РК КП 4041

¹¹Керамические водопроводы с аналогичными по устройству, технике изготовления, формам и размерам труб были вскрыты во время строительных работ на пересечении улиц Тулебаева и Курмангазы в 1981 г. и улиц Фурманова и Горького (ныне Жибек жолы) в 1989 г. В некоторых исследованиях говорится, что на территории г. Алматы были найдены средневековые водопроводные трубы [Байпаков, Савельева, 2004, с. 20]. Возможно, это утверждение основано на упомянутых материалах «Археологической карты Казахстана». В действительности же находок средневековых водопроводных труб на памятниках Алматы пока неизвестно.

¹²Каргалинская дорога – гужевой путь к лесоразработкам в ущелье р. Большая Алматинка и местам добычи известняков и мрамора в Каскеленском ущелье. Сформировалась в 70-х гг. XIX в. С развитием г. Алма-Ата в юго-западном направлении превратилась в городские улицы Курмангазы и Джандосова [Алма-Ата, 1983, с. 293].

Каз ВСХКШ и включала десять курганов, вытянутых цепочкой в меридиональном направлении [Дублицкий, 1937б, с. 1-2, карта № 2]¹³. Вторая группа из шести курганов находилась в 7 км юго-восточнее города, слева и справа от дороги в д/о «Медео». Расположение курганов было бессистемное [Дублицкий, 1937б, с. 2, карта № 2].

Третья группа – 3 кургана в районе бывших военных лагерей, в междуречье Киши Алматы и Есентай, перед входом в ущелье, также имели бессистемную планировку [Дублицкий, 1937б, с. 2, карта № 2].

Курганное поле на левом берегу р. Поганки (Карасу) – левом притоке р. Есентай, располагалось по обеим сторонам дороги г. Алма-Ата – с. Каргалинка, на территории между Плодоовощным и Биокомбинатами (рис. 3). Состояло из двух групп курганов [Дублицкий, 1937б, с. 3, карта № 1]¹⁴. Первая группа (восточная) располагалась на землях совхоза Госбанка и включала три кургана вытянутых ССЗ-ЮЮВ. Продолжением этой цепи были три кургана, находившиеся на некотором удалении южнее – на территории Ботанического сада¹⁵. Вторая группа (западная) состояла из трех курганов: большого царского и двух средних, высотой 3,5 м. Курганы были рас-

положены бессистемно на опытном поле Казахского Института земледелия (КИЗ)¹⁶.

Курганное поле правого берега р. Большой Алматинки насчитывало около тридцати высоких курганов, сгруппированных в четыре цепочки¹⁷. Это был крупный некрополь ранних кочевников, включавший большие, так называемые «царские» курганы. Исполинские размеры и грандиозность погребальных сооружений правого берега р. Улькен Алматы привлекли внимание исследователей еще в XIX в. [Пантусов, 1899; Бартольд, 1966, с. 83].

Обследование некрополя в 1937 г. показало, что первая цепочка (южная) состоит из 9-ти, вторая из 7-ми, третья из 4-х, четвертая (северная) – из 7 курганов. На план была нанесена и описана лишь четвертая (северная) цепочка курганов (рис. 3, группа 3, цепь 1). Она начиналась у восточной стены Плодоовощного комбината, пересекала Каргалинскую дорогу и уходила вниз в С–С–З направлении, заканчиваясь на границе с. Тастак – 21 линия [Дублицкий, 1937б, с. 4, карта 1; 1939в, с. 7; 1939 г., с. 19-21]¹⁸. В районе второй цепи в 1912 г. был найден Малый семиреченский алтарь (клад Бендюкова) [Дублицкий, 1937б, с. 4].

В 1938 г. сотрудниками Центрального музея Казахстана было заложено несколько

¹³О курганах этой группы в перв. пол. 20-х гг. впервые сообщил В.Д. Городецкий [Городецкий, 1927, с. 150].

¹⁴В отчете Дублицкого написано, что курганное поле р. Поганки состоит из трех групп насыпей. К третьей группе он сначала отнес четвертую цепочку курганов правого берега р. Улькен Алматы, а затем при описании справедливо включил ее именно в некрополь правого берега р. Улькен Алматы [Дублицкий, 1937б, с. 3-4].

¹⁵В настоящее время в Ботаническом саду сохранился лишь один курган от этой цепочки. Он находится в 200 м юго-западнее оранжереи, справа от центральной аллеи.

¹⁶Южнее этой группы на некотором удалении располагались еще курганы. Один из них до недавнего времени сохранялся в юго-западном углу территории КЦДС «Атакент» (бывшее ВДНХ). В настоящее время сnivelирован.

¹⁷От курганного поля правого берега р. Улькен Алматы сохранились отдельные курганы, зафиксированные археологической экспедицией института «Казпроектреставрация» в 1984-1986 гг. в разных местах юго-западной части города: перекресток ул. Виноградова (ул. Карасай батыра) и Гайдара; между ул. Руднева (ныне ул. Брусиловского) и Туркебаева при пересечении с ул. Кавказской; на ул. Маршака; перекресток улиц Штрауса и Комарова, угол ул. Комсомольской (Толе би) и Баумана (Тургут Озала); перекресток ул. Кихтенко (ныне ул. Байкадамова) и Кулешова; на ул. Рахманинова, 83 при пересечении с ул. Карасай батыра; остатки курганов по ул. Умурзакова, 116 и 130, при пересечении с ул. Мынбаева и Абая [Григорьев, 1987, 1988; Григорьев, Исмагилов, 1985, с. 4-6]. На курганы были составлены паспорта.

¹⁸Остатками этой цепочки являются 4 деформированных частной застройкой кургана, которые были зафиксированы экспедицией института «Казпроектреставрация» в 1984 г. [Григорьев, Исмагилов, 1985, с. 5; Григорьев, 1987]. Курганы располагались в квадрате улиц Жандосова, 22 линия, 19 линия, 20 линия, переулок 20 линии в районе АТП 2.

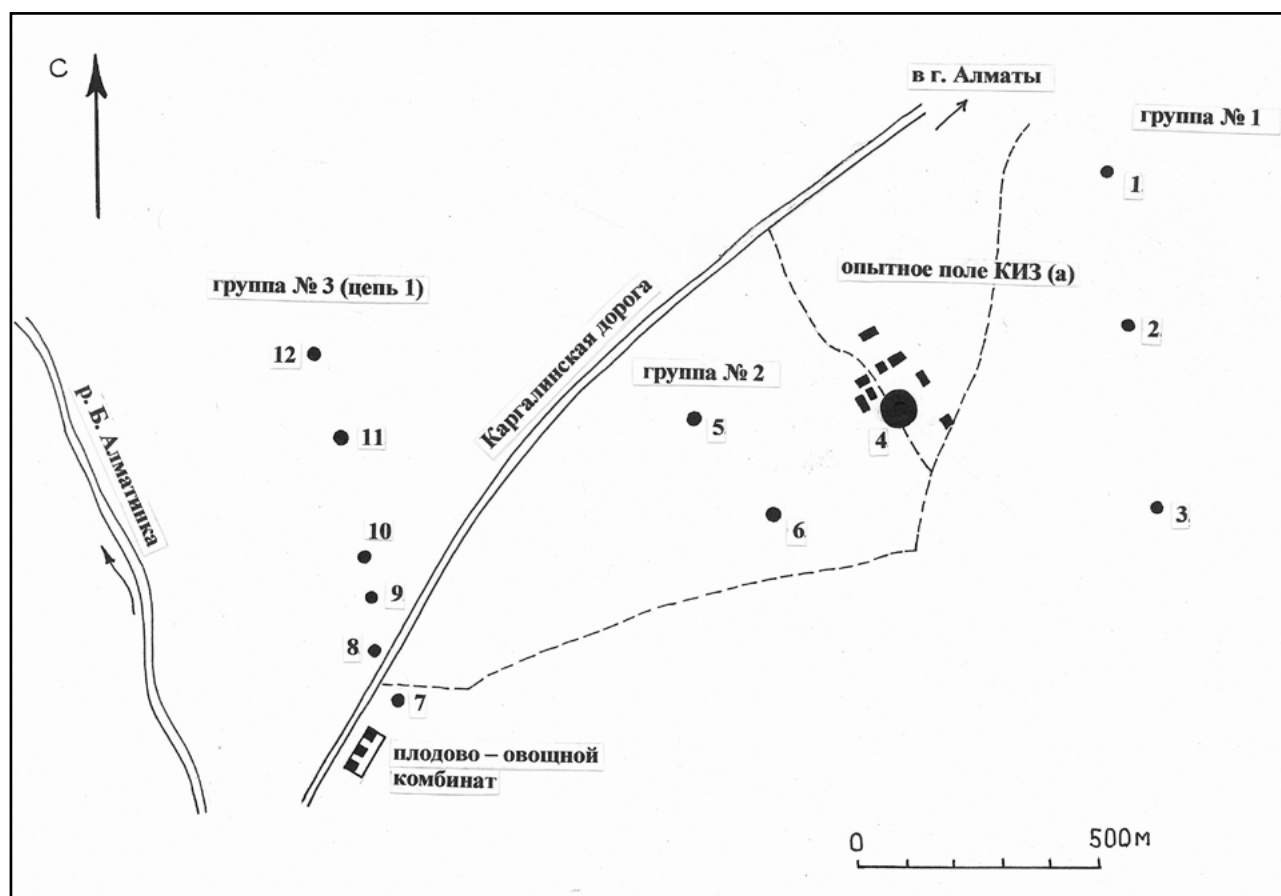

Рис. 3. Рисунок с Карты расположения курганов в районе опытного поля КИЗ(а) и Плодоовощного комбината (Дублицкий, 1937б, карта № 1).

разведывательных шурфов на средневековом поселении¹⁹, расположенном под горами на правом берегу р. Есентай (Весновки), на участке бригады № 6 колхоза «Горный гигант»²⁰. В шурфах найдено большое количество фрагментов керамики различных эпох, в том числе Караханидского времени (X-XI вв.). Среди обломков глиняной посуды встречались также фрагменты с «резным солярным орнаментом, очень близким к орнаментировке ... усуньского периода» [Дублицкий, 1939б, с. 15-16; Маргулан, Агеева, 1948, с. 125].

В 1939 г. в окрестностях г. Алматы продолжались работы совместной экспедиции Казахского филиала АН СССР и Центрального музея. Экспедицией были раскопаны три кургана около Дома отдыха матери и ребенка,

обследовано средневековое поселение на правом берегу р. Весновки (на территории 6-ой бригады колхоза «Горный гигант»), расчищены 5 грунтовых могил, случайно обнаруженных в горах на территории гидростанции и продолжена съемка планов курганных групп правого (Фруктоконсервный комбинат – с. Тастак) и левого (Дом отдыха матери и ребенка – дорога Алматы-Каскелен) берегов р. Большой Алматинки [Дублицкий, 1939в, с. 1-7; 1939д].

На участке 6-й бригады «Горного гиганта» экспедиция продолжила изучение средневекового поселения. Здесь были выявлены два «селища», защищенные с трех сторон глубоким оврагом [Дублицкий, 1939в, с. 2-4]²¹.

Одно из «селищ» представляло довольно крупный, хорошо сохранившийся квадратный

¹⁹Неверная информация о начале, характере и результатах работ на памятнике, а также путаница их с материалами раскопок этого поселения в 1939 г. содержатся в публикациях: [Савельева, 1980 с. 186; 1994, с. 16; Байпаков, Савельева, Чанг, 2002, с. 22; 2005].

²⁰Участок бригады № 6 находился на правом берегу р. Есентай, южнее проспекта Аль-Фараби. Материалы раскопок находятся в ЦГМ РК [Маргулан, Агеева, 1948, с. 125].

²¹В настоящее время памятники полностью сnivelированы и их местоположение утеряно.

торткуль, площадью 2 га (140x140 м.)²². Торткуль был окружен по периметру глинобитным валом. На территории памятника находилась усадьба с фруктовым садом председателя колхоза.

Второе «селище» располагалось недалеко от первого. В отчете не говорится о его оборонительных сооружениях, которые, возможно, не сохранились. Сообщается лишь, что памятник имел размеры 85 x 40 м. На этом небольшом торткуле был заложен стратиграфический раскоп, площадью 40 м² (8x5 м.). Раскопки выявили многослойность поселения.

В верхнем слое памятника на глубине 0,3-1,1 м были найдены обломки неполивной, слабо орнаментированной керамики кругового изготовления, а также немного посуды ручной лепки, куски тандыра, бусина из сердолика, железные гвозди, нож и кости животных.

На глубине 1,1 м вскрыт жилой комплекс, предположительно, землянка с каменным очагом, тандыром и мусорной ямой. Около очага найден обломок сосуда кругового изготовления, «украшенный штампованным орнаментом в виде солнц, косых крестов и двойных сердец». Недалеко от тандыра лежал фрагмент зернотерки и обугленные зерна. Из мусорной ямы извлечены фрагменты глиняной посуды, подобной керамике городищ Тараза и Каялыка.

Жилой комплекс среднего горизонта культурного слоя селища в отчете экспедиции был ориентировочно отнесен к VII-IX вв. [Дублицкий, 1939в, с. 3]. В публикациях А.Н. Бернштама он датируется VII-X вв. и IX-X вв. [Бернштам, 1949а, с. 10; 1948, с. 91].

Важной находкой, уточняющей хронологию жилища, на наш взгляд, является упомянутый в экспедиционном отчете фрагмент сосуда кругового изготовления со штампованным орнаментом, найденный на полу около очага. Подобная керамика, украшенная широкой полосой нарядного тисненого декора по плечикам, была распространена на поселениях и в городах Южного Казахстана в X-XI вв.

[Байпаков, 1986, с. 105, рис. 33]. Хотя отдельные элементы штампа (сердечки, розетки и др.) встречаются на различных изделиях из глины и в более раннее время [Агеева, 1950, с. 109, рис. 5]. Примечательно, что обломок сосуда из жилища аналогичен по типу узоров и технике исполнения фрагменту горшка с ручками, также кругового изготовления, поступившему в 1941 г. в Центральный музей Казахстана с городища Талгар [Нифонтова, 1948, с. 120, 122, таблица 4, рис. 3; АКК, 1960, таблица VIII, рис. 202] вместе с находкой XII – нач. XIII в. – бронзовым блюдом с фигурами крылатых сфинксов и более поздними по времени китайскими фарфоровыми чашами (4) с подглазурным гравированным орнаментом и обломком японской чаши, найденными колхозниками при земляных работах на этом городище [Нифонтова, 1948, с. 117-122; Байпаков, Савельева, Чанг, 2002, с. 126-127, 133; 2005]. Не исключено, что поступившие в музей фрагмент керамики и бронзовое блюдо происходили из одного слоя культурных напластований Талгара, датированных Бернштамом, как известно, временем не ранее эпохи Караханидов [Бернштам, 1948, с. 80], а по результатам новейших археологических исследований относящихся на большей части памятника к X – нач. XIII в. [Савельева, 1994, с. 23-33]²³. Учитывая данные обстоятельства, находки и аналогии, средний горизонт культурного слоя малого селища на территории 6-й бригады колхоза «Горный гигант», которое в археологической литературе часто называется городищем Алматы I, следует датировать временем не ранее X – XI вв., или, возможно, несколько позднее.

То есть отнести появление этого городища к периоду «наибольшего развития» и расцвета средневековой городской и земледельческой культуры в крае [Бернштам, 1948, с. 91; Савельева, 1999, с. 44, 47], что согласуется с общим историческим процессом образования подавляющего большинства средневековых поселений и городов в Северо-Восточном

²²В «Археологической карте Казахстана» селища почему-то названы стоянками, размеры квадратного торткуля указаны неверно [см. АКК, 1960, №439].

²³За много лет археологических исследований на городище Талгар, только в одном шурфе были получены материалы VIII-X вв. [Савельева, 1994, с. 24-26], в остальных случаях нижние слои раскопов содержали находки X-XII или XI-XIII вв. [Савельева, 1994, с. 23-33]. VIII в. для городища Талгар основан на радиоуглеродных датировках [Савельева, 1999, с. 47].

Семиречье [Байпаков, 1968а, с. 82; 1996, с. 456]. В таком случае это городище становится в один хронологический ряд с другими средневековыми памятниками на территории г. Алматы и региона в целом.

К.М. Байпаков городище в 6-й бригаде «Горного гиганта» также датирует X-XIII вв. [Байпаков, 2000, с. 30]. В других публикациях возникновение этого памятника как самого раннего на территории Алматы (Алматы I), относится к IX-X вв. [Байпаков, 1968, с. 82; 2004, с. 202; 2008, с. 23 Байпаков, Савельева, 2012, с. 16; Байпаков, Савельева, Чанг, 2002, с. 29; 2005; Савельева, 1994, с. 42] или даже к VIII в. [Байпаков, 2000, с. 29]. Исследователи, которые предполагают возникновение городища Алматы I в VIII-IX вв. [Савельева, 1999, с. 18, 41], отмечают, что к числу городищ Северо-Восточного Жетысу со слоями VIII-IX вв. относятся городища Талгар, Чилик, Дунгене, Каялык (Антоновское), Сумбе [Савельева, 1999, с. 47; Байпаков, Савельева, Чанг, 2002, с. 148; 2005].

Все это говорит о спорном и недостаточно археологически доказанном периоде VIII-IX вв. как времени возникновения Алматы I, основанном лишь на материалах предварительной, то есть ориентировочной датировки керамических находок, как указано в отчете Б.Н. Дублицкого. Отсутствие дополнительных исследований участка 6-й бригады, где находилось городище, попыток поиска его местонахождения с целью выяснения реальной хронологии, отсутствие стратиграфических раскопок на других средневековых памятниках г. Алматы, оставляют открытым вопрос о существовании здесь поселений VIII-IX вв. вообще, и времени возникновения городища Алматы I в этот период в частности.

В нижнем слое городища на территории 6-й бригады «Горного Гиганта» на глубине 1,4 м были обнаружены остатки поселения ранних кочевников: два очага из камней, две неглубокие мусорные ямы, заполненные кос-

тями животных, зола, угли, обломки глиняной посуды ручной лепки с отпечатками матерчатого штампа с внутренней стороны. По находкам керамики с «сетчатыми отпечатками изнутри» этот слой был предварительно датирован III-I вв. до н.э. [Дублицкий, 1939в, с. 3]²⁴.

Другим объектом работ экспедиции в том же году²⁵ стала строительная площадка Алма-тинской гидроэлектростанции в ущелье р. Малая Алматинка. Во время прокладки канала в склоне горы строителями в стенках траншеи были замечены 8 грунтовых могил, поврежденных трассой канала. Археологам удалось раскопать пять захоронений, из которых только два (могилы № 3 и 4) имели хорошую сохранность [Дублицкий, 1939в, с. 4-6; Агеева, Максимова, 1957-1958].

Судя по инвентарю, внутреннему устройству погребальных сооружений и элементам обряда, грунтовые могилы, не имевшие наземных признаков и расположенные на крутом склоне ущелья, являлись разновременными захоронениями. Большинство погребений было совершено в простых грунтовых ямах, глубиной 1,8-2,1 м. В них находились одиночные захоронения с северной ориентацией покойника. В сохранившейся могиле № 4 скелет лежал вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Справа от черепа стояли два глиняных сосуда — глубокая чаша и баночной формы сосуд, вставленные друг в друга. Обломки красноглиняной неорнаментированной керамики были обнаружены и в разрушенных могилах. Одна из могил (№ 1) внутри имела обкладку крупными камнями.

От этих погребений по устройству могильной ямы и обряду захоронения отличалось захоронение № 3. Могила глубиной 1,3 м, с восточной стороны имела кладку из камней, вероятно, остатки «заклада» подбойной ниши. В могиле-нише лежал скелет на спине, руки скрещены на груди. Головой он был ориентирован на северо-запад, лицо повернуто к западу. Инвентарь отсутствовал.

²⁴В археологической литературе встречаются и другие датировки нижнего слоя малого торткуля: рубеж нашей эры [Акишев, Агеева, 1958, с. 3]. В «Археологической карте» поселение датируется I-III вв. [(АКК, 1960. № 4391).

²⁵Ср. [АКК, 1960, № 4388].

²⁶В одном из отчетов говорится, что могила была перекрыта продольно лежащими брусками ели [Дублицкий, 1939 г.].

Малочисленность археологического инвентаря затрудняла датировку погребений. А.Н. Бернштам, отметив невозможность точно установить их «время и принадлежность определенному народу», позднее отнес вскрытые могилы к памятникам первых веков н. э., то есть к периоду вторжения в Семиречье гуннов [Бернштам, 1949а, с. 8]. Соглашаясь с этой датировкой, заметим, что могила № 3 по устройству и элементам погребального обряда близка и вероятно, относится к периоду поздних кочевников, населявших горные районы Тянь-Шаня в послемонгольское время и принявших исламскую религию.

На левом берегу р. Улькен Алматы экспедицией Каз ФАН и Центрального музея были проведены картографирование и раскопки курганного некрополя, вытянутого вдоль берега на протяжении 2 км от Дома отдыха матери и ребенка до дороги на Каскелен. Погребальный комплекс располагался на землях колхоза им. Сталина, включал пять цепочек и одну группу бессистемно расположенных насыпей. Всего в нем насчитывался 21 курган.

В центральной части некрополя находились три больших сакских кургана, высотой 8 м, диаметром 54 м (цепочка № 3). Другие погребальные сооружения могильника имели высоту 0,8-2 м, диаметр 12-20 м [Дублицкий 1939в, с. 6-7; 1939 г., с. 6-8, 16-18]. Три небольших распаханных кургана около дороги на Каскелен были раскопаны. Они входили в северную меридионального направления цепочку №1 [Дублицкий 1939в, с. 1-2; 1939 г., с. 8-15].

Выяснилось, что курганы земляные, сверху обложены в один слой валунами. В могильных ямах 1,3 х 3 м, ориентированных в широтном направлении, стенки которых в нижней части были обложены небольшими валунами, а дно выстлано небольшими тесаными брусками из тянь-шаньской ели²⁶, обнаружены останки скелетов на спине, головой на восток. Захоронения оказались разграбленными. В могилах найдены золотая проволочная серьга в виде спирали с подвеской (курган 1), накладка в виде тонкого золотого листочка с рельефным, спиралевидным орнаментом (курган 3), грубая

неорнаментированная красноглиняная посуда, изготовленная на круге, обломки каких-то железных предметов, фрагмент каменного пряслица, позвонки барана. Ознакомившись с материалами раскопок захоронений у Дома матери и ребенка, А.Н. Бернштам отнес их ориентировочно к рубежу нашей эры, определив как усуньские [Дублицкий, 1939 г., с. 15; Бернштам, 1949а, с. 7]²⁷.

В районе Плодоконсервного комбината – новой части города на правом берегу р. Улькен Алматы, экспедицией была зафиксирована новая цепочка из 6-и небольших курганов, высотой 1-1,5 м, расположенная в 130 м западнее основной цепи из крупных насыпей, исследованной еще в 1937 году. Дублицкий заметил, что курганы около комбината разрушаются: некоторые насыпи вошли в участки размеченных жилых усадеб, маленькие курганы распахиваются, а из больших производится выемка земли [Дублицкий, 1939в, с. 7; 1939 г., с. 19-21, 1939д].

В отчете Б.Н. Дублицкий написал: «частые археологические находки в окрестностях г. Алма-Аты («рогожная» керамика, бронзовые жертвенники ахеменидского периода, усуньские бронзовые котлы и др.) указывают о наличии постоянного населения в Алматинском оазисе, начиная с очень древних времен, и создают все предпосылки для успешного изучения древней истории территории столицы ... Казахстана» [Дублицкий, 1939 г., с. 6]. Здесь же он изложил историю изучения курганных могильников окрестностей Алма-Аты за пятьдесят лет (1885-1935 гг.) [Дублицкий, 1939 г., с. 2-4].

Большое значение для реконструкции древней истории Алматы и Жетысу имели работы САЭ под руководством А.Н. Бернштама. Семиреченская археологическая экспедиция (1936-1940 гг.) провела широкие исследования территории Жетысу и Южного Казахстана.

В 1939 г. САЭ обследовала археологические памятники Алма-Атинской области в долинах рек Или, Коксу, Каратала. Здесь были открыты, картографированы и описаны множество курганных могильников и городищ, на некоторых памятниках были проведены неболь-

²⁷В «Археологической карте» курганы, раскопанные в 1939 г. на левом берегу р. Большой Алматинки, ошибочно датированы VII-VIII вв. [АКК, 1960, № 4393, ср. также № 4387].

шие стационарные раскопки [Бернштам, 1939; 1948, с. 79-91]. Археологическая разведка была совершена вокруг г. Алма-Аты, по рекам Улькен и Киши Алматы, на территории 6-й бригады «Горного Гиганта» [Бернштам, 1948, с. 79]. Работы экспедиции дали ценную археологическую информацию, позволившую осветить многие важные вопросы древней и средневековой истории края, наметить этапы урбанизации Алматы [Бернштам, 1948, с. 79, 90-91; 1949а].

Случайные находки различных предметов древности на территории г. Алматы продолжались в конце 30-х и 40-е гг.

В 1939 г. в Татарской слободке на ул. Восточной, 2 (за усадьбой «Пимокат») при срезе склона горы жителем Лоскутовым на гл. 2 м обнаружены два треногих бронзовых котла с двумя горизонтальными ручками и двумя вертикальными петлями. Котлы лежали ножками вверх, на расстоянии 1,5 м один от другого. Ножки одного из котлов были оформлены в виде ног копытного животного, в верхней части до сгиба украшены полуовальными выступами, имитирующими складки кожи [Спаская, 1954-1955, приложение 2, с. 3-4; 1958, с. 181, № 22-23; АКК, 1960, № 4353, с. 314, рис. 33]²⁸.

В том же году на улице Кашгарской, 42, на глубине 1,5 м от уровня современной поверхности под слоем галечника найдена полированная каменная мотыга, датированная А.Н. Бернштамом III-II тыс. до н. э. [Бернштам, 1949а, с. 3]²⁹.

В мае 1946 г. на земельном участке д/о «Турксиб», расположенном между Каменским плато и р. Малой Алматинкой, местный житель Оленчин, вскапывая огород, лопатой задел ножку треногого бронзового котла [Нифонтова, 1948, с. 23, рис. 2; Спаская, 1958, с. 181, № 24]. Котел лежал на глубине 0,8 м, ножками вверх, имел две горизонтальные ручки и две вертикальные петли. Тулово его было украшено рядами веревочного орнамента, а ножки оформлены в виде ног копытного животного и до сгиба орнаментированы полуовальными (в виде складок кожи) выступами.

На территории Ботанического сада на глубине 3 м был обнаружен средневековый хум [АКК, 1960, № 4373].

С 1946 г. исследованиями и раскопками археологических памятников г. Алматы и его окрестностей занимается отдел археологии Института истории, археологии и этнографии созданной Академии наук Казахской ССР. Все сообщения о находках древностей на территории столицы не остаются без внимания его сотрудников.

В мае 1947 г. при строительстве обсерватории АН Казахской ССР, на Каменском плато, у подножия отрога Терсбута, примерно в 4 км западнее д/о «Турксиб» обнаружено погребение без каких-либо признаков на поверхности земли. В грунтовой яме, на глубине 2,25 м в вытянутом положении на спине, с кистями рук на костях таза, лежал скелет человека, ориентированный с севера на юг. Под ним остатки дерева, под черепом зола и угли. Около локтя правой руки, ступни правой ноги и у левой руки находилось по одному, плохо сохранившемуся железному предмету [Агеева, 1949, с. 148]. Четыре года спустя, археологом А.Г. Максимовой на территории обсерватории были раскопаны еще три случайно обнаруженных во время земляных работ, грунтовых захоронения. Могилы имели ориентацию ЮВ-СЗ.

В первой могиле найдены плоскодонный глиняный сосуд ручной лепки, железный нож с костяными накладками на рукояти, бронзовая пряжка без язычка.

Во второй могиле обнаружен лежащий на спине скелет человека. Погребальный инвентарь находился с левой стороны: около руки – глиняный сосуд, около черепа – каменное прищипце.

В третьей могиле скелет лежал также вытянуто на спине, около руки – маленький железный нож. Слева от человека находился костяк лошади, голова животного повернута на юго-запад [Агеева, Максимова, 1957-1958, с. 4; АКК, 1960, № 4404].

В 1948 году на территории д/о ЦК КПК,

²⁸Хранятся в ЦГМ Республики Казахстан. КП 2302, 2305.

²⁹Кашгарская улица расположена между ул. А. Байтурсынова и ул. Масанчи, от пр. Абая до ул. Райымбека (Ташкентская).

расположенном в ущелье р. Киши Алматы, в 15 км от города, был обнаружен клад эпохи ранних кочевников – 6 котлов, другие бронзовые предметы. Клад был найден рабочим дома отдыха К.А. Шевчуком под яблоней во время земляных работ в саду [Агеева, Сенигова, 1951; Агеева, Максимова, 1957-1958; Сенигова, 1951, с. 21; Сенигова, Агеева, б/г, с. 14; Спасская 1954-1955, приложение 2; Мартынов, 1955, с. 155]³⁰. Большая часть находок была превращена в лом и продана. Остатки клада – котел на трех ножках, украшенных рельефными полуovalами в верхней части до сгиба; небольшой котел без подставки; часть крышки котла в виде гофрированного обруча, имитирующего фактуру рогов архара и украшение в виде скульптурного изображения двух соединенных фигур крылатых горных козлов, были переданы в 1951 г. неким Денисенко на хранение в Центральный музей Казахстана [Спасская, 1954-1955, приложение 2, с. 5; 1958, с. 181-182, № 26-27]³¹. Клад датируется V-III вв. до н. э.

В горах Заилийского Алатау на берегу Большого Алматинского озера в 1948-1949 гг. найдены железная черешковая стрела, обломки керамики и кости животного, вероятно, остатки средневекового погребения [Агеева, 1951, с. 131].

В 1949 г. А.Н. Бернштам опубликовал историко-археологический очерк «Прошлое района Алма-Ата» [Бернштам, 1949а]. Это была первая сводная работа по древней и средневековой истории столицы Казахстана. В ней обобщался весь, накопленный к тому времени археологический материал – случайные находки, результаты раскопок, что позволило автору дать общую картину антропогенного освоения Алматы с III тыс. до н. э. до позднего средневековья. В своем очерке А.Н. Бернштам отметил нехватку археологического материала по многим периодам истории города, характеристика которых часто была основана на единичных или случайных находках. Учитывая это, известный археолог

дал соответствующее название книге, как бы подчеркнув, что на данном этапе археологического исследования памятников Алматы, речь может идти пока лишь о прошлом не города Алматы, а его района. Это особенно заметно в рассуждениях автора при описании средневекового периода истории Алматы [Бернштам, 1949а, с. 10-18]. Бернштам говорит, что города Заилийского Алатау, в том числе поселение – предшественник Алма-Аты, были рассредоточенного типа и небольших размеров. Он упоминает о средневековых поселениях в X-XIII вв. в колхозе «Горный Гигант» (6-я бригада) и «крепость» в Малой станице, но ничего не говорит о городище в междуречье Киши Алматы и Есентай. В конце очерка вскользь упоминает о поселении на берегу р. Улькен Алматы, которое существовало по его мнению подобно поселению городища Талгар еще и в XVI-XVIII вв. И делает неожиданный вывод: укрепление Верное было построено на базе старого города Алматы, развалины которого именуются у старого населения «крепостью», не приведя при этом никаких археологических доказательств [Бернштам, 1949а, с. 18].

В районе мясокомбината г. Алматы в 1952 г. было найдено каменное антропоморфное изваяние тюркского воина VII-VIII вв., с кубком в правой руке [Шер, 1966, с. 82, 84, табл. V/20]³².

В мае 1953 г. в южных окрестностях г. Алматы, на Каменском плато, на территории одноименного тубдиспансера на глубине 1 м был обнаружен клад бронзовых орудий труда и глиняный сосуд [Джусупов, 1956, с. 261-263; Акишев К.А., Кушаев, 1963, с. 109].

В него входили пальставообразное тесло, два втульчатых желобчатых долота и круглодонная керамическая чаша³³. Исследователь Каменского клада А. Джусупов определил время его бытования X-VIII вв. до н. э. [Джусупов, 1956, с. 263]. К. А. Акишев с учетом находки глиняного сосуда «типично сако-усуньского времени» датировал комплекс VI-IV вв. до н. э. [Акишев,

³⁰В литературе встречаются ссылки, что клад был найден в 1950 г. [АКК, 1960, № 4402] и даже в 1951 г. [Спасская, 1958, с. 182]. Местом находки указывается территория д/о Совета Министров, ее автором – Денисенко [Спасская, 1958, с. 182; 1954-1955, приложение 2, с. 5].

³¹Хранятся в ЦГМ РК: КП 7228 (котел), 7229 (котел), 12490 (обруч котла с имитацией рога архара), 23732 (скульптурное украшение в виде пары крылатых архаров).

³²Хранится в ЦГМ РК КП 16489

³³Бронзовые предметы клада хранятся в ЦГМ РК КП 11173/1-2.

Кушаев, 1963, с. 106-107]. Составители «Археологической карты Казахстана», исказив описание предметов, отнесли клад к IX-V вв. до н. э. [АКК, 1960, № 4401].

К столетию основания г. Верного в 1954 году археологом Е. Ю. Спасской была подготовлена большая статья, посвященная анализу, описанию и классификации медных котлов ранних кочевников найденных на территории Алматы [Спасская, 1954-1955]. В ней автор выделил тип треногих котлов, характерных в основном для района Алматы, назвав их алматинским (семиреченскими) типом. Е.Ю. Спасская справедливо отметила отсутствие планомерных и систематических раскопок на территории столицы Казахстана, хотя в пределах города было известно множество разновременных памятников, а в руках археологов имелось достаточно информации для изучения и восстановления древней истории Алматы [Спасская, 1954-1955, с. 2-3, 51]. «Древняя история прекрасной столицы Казахстана, – писала она, – разместившейся в живописной местности, облюбованной человеком с древнейших времен, заслуживает к себе большего внимания» [Спасская, 1954-1955, с. 51].

Уникальные находки высокохудожественных бронзовых изделий сако-усуньского времени, сконцентрированных на территории г. Алматы и ее окрестностей (котлы, светильники, алтари и др.), количество которых постоянно увеличивалось, свидетельствовали о существовании здесь мощного этнокультурного центра ранних кочевников. Эти находки стали ценным археологическим источником по истории, культуре, мифологии и искусству древних кочевников Казахстана и Средней Азии [Бернштам, 1952, с. 43-50; Спасская, 1956, с. 155-169; 1958, с. 178-193; Копылов, 1955, с. 38-51; 1957, с. 291-299; Литвинский, 1972, с. 149-155; Артамонов, 1973, с. 38-44; Акишев А., 1984 и др.].

Важным этапом в изучении археологических памятников г. Алматы стали работы отдела археологии ИИАЭ АН Казахской ССР по составлению археологической карты Казахстана во второй половине 50-х годов. С этой целью Семиреченская археологическая экспедиция

в 1956г. обследовала Алма-Атинскую и Талды-Курганскую области [Акишев, Агеева, 1958, 83-84, 90-94]. При подготовке карты были проведены не только разведка и учет существовавших археологических памятников, но и осуществлен сбор сведений обо всех ранее раскопанных объектах и случайных находках на территории республики, в том числе и в Алматинской области, в г. Алматы и его пригородной зоне [Агеева, Максимова, 1957-1958, с. 1-13], где были зафиксированы новые точки находок древности.

В Алматы на месте старого кладбища, расположенного выше (южнее) кирпичного завода, занимавшего территорию к югу от ул. Сапаяева, между улицами Фурманова и Космонавтов (ныне Байтурсынова), были найдены костяная поделка со шлифованной орнаментированной верхней частью и фрагмент сосуда ручной лепки с лощением снаружи. Верхняя часть поделки – полая. Ее острый и круглый конец, с двумя круглыми отверстиями на противоположных сторонах, украшен головками животного [Агеева, Максимова, 1957-1958]. Находки были датированы эпохой ранних кочевников [1960, АКК, № 4375]³⁴.

Заслуживают внимания, найденные случайным образом в окрестностях города, каменный пест бронзового века на правом берегу р. Проходной в 5,5 км южнее курорта «Арасан», бронзовый нож эпохи ранних кочевников на левом берегу этой же реки в 8 км к югу от курорта и бронзовый наконечник стрелы сакского времени в районе Большого Алматинского озера [АКК, 1960, № 4356, 4357, 4453].

В 1956 г. сотрудники отдела археологии Г.А. Кушаев и А.М. Оразбаев раскопали на территории Алма-Аты один из разрушенных позднесакских курганов [Акишев, Агеева, 1958, с. 84].

В 1957 г. на территории д/о «Турксиб» рабочие при рытье траншеи на глубине 3 м обнаружили клад металлических изделий. Турксибский клад состоял из 7 бронзовых предметов – вислообушного топора, наконечника копья, втульчатого копьевидного долота, ножа с обособленной рукояткой, двух целых

³⁴Хранится в Эрмитаже (г. Санкт – Петербург) : коллекция № 1655 [АКК, 1960, № 4375].

серпов и обломка третьего серпа, каменного песта и обломка глиняного сосуда [Акишев, Кушаев, 1963, с. 106-108, рис. 83]³⁵. Находки были датированы эпохой бронзы [АКК, 1960, №4396]. Однако К.А. Акишев, учитывая наличие в кладе массивного бронзового ножа, листовидного наконечника копья и, главное фрагмента сосуда сако-усуньского облика отнес комплекс к VI-V вв. до н. э. [Акишев, Кушаев, 1963, с. 106-107].

В том же году на южной окраине Алматы на третьем участке кирпичного завода № 3 случайно обнаружена гончарная печь, около которой стояли 16 хумов высотой 0,9-1,1 м, с овальным туловом и невысоким прямым или слегка отогнутым наружу венчиком [Воробьева, 1961, с. 172-173; Агеева, Максимова, 1957-1958]³⁶. Находки были определены как средневековые [АКК, 1960, № 4380].

В 1957-1961 гг. в Алма-Атинской области при случайных обстоятельствах были найдены 15 котлов, большая часть которых (12 железных и 1 медный) приходилась на окрестности г. Алматы. Эти находки в очередной раз доказали, что территория г. Алматы и его окрестностей являются зоной концентрации котлов – символов домашнего очага и благополучия древних кочевников [Акишев, Кушаев, 1963, с. 2].

Во время земляных работ на территории Ботанического сада АН Казахской ССР были обнаружены остатки погребения эпохи бронзы – череп человека и фрагменты горшка с острым ребром на плечике [Агеева, Максимова, 1957-1958; АКК, № 4378], а в окрестностях Алматы – бронзовый перстень V-VIII вв. с изображением идущего льва [Сенигова, Бурнашева, 1980, с. 65-67]³⁷. В 1958 г. на территории Ботанического сада было найдено каменное изваяние тюркского времени [АКК, 1960, № 4379].

В 1959-1960 гг. археологом Г.А. Кушаевым раскопаны 8 усуньских грунтовых захоронений: три – в юго-западном районе Алма-Аты, около д/о «Каргалинка» на стройплощадке СМУ-15, пять – западнее рощи Баума, на стройплощадке Казгорстройпроекта [Акишев, Кушаев, 1963, с. 273-274].

Около рощи Баума в узких неглубоких могилах, ориентированных в широтном направлении вскрыты одиночные погребения. Скелеты лежали вытянуто на спине, руки вдоль туловища, головой на запад. Около головы, с правой и левой стороны, стоял глиняный сосуд – единственный могильный инвентарь. Ни в одном погребении не найдены кости барана и железные ножи. Раскопанные могилы были интерпретированы как рядовые, бедные захоронения, свидетельствующие об экономическом и социальном расслоении усуньского общества [Акишев, Кушаев, 1963, с. 274].

В 1960 г. была издана «Археологическая карта» Казахстана, в которой учтены и описаны более пяти тысяч памятников археологии. Это был первый Реестр археологического наследия республики, выявленного к началу 60-х гг. XX века. Выпуск АКК стал определенным этапом в изучении памятников, подвел итог археологическим разведкам, исследованиям и случайным находкам на территории республики в дореволюционное время и первые сорок лет советского периода. Один из разделов этой ценной справочной книги содержал сведения о случайных находках и археологических памятниках г. Алматы и его окрестностей [АКК, 1960, с. 309, 314-320, № 4281-4282, 4350-4406, 4416-4417]. К сожалению, сведения эти имели неточности и ошибки в их локализации и находкам артефактов на территории города (№ 4322, 4352, 4355, 4392), в описании и времени обнаружения древностей, их составе (№ 4350, 4354, 4359, 4374, 4380, 4384 4399, 4401-4402), датировке (№ 4360, 4371 и др.); в описании и раскопках памятников (№ 4359, 4368, 4387, 4391, 4393), повторы (№ 4322 и 4386, 4374 и 4384, 4381 и 4390, 4405 и 4406) и т.д.

Но главным упущением «Археологической карты» при характеристике археологических памятников г. Алматы, стало то, что поездка В. Бартольда с архитектором П. Гурде в кон. XIX в. на городище левого берега р. Большой Алматинки и описание последнего были ошибочно перенесены на городище между-

³⁵Предметы клада хранятся в музее Института археологии им. А.Х. Маргулана.

³⁶Материалы раскопок хранятся в ЦГМ РК [АКК, 1960, №4380].

³⁷Перстень хранится в ЦГМ РК КП 9399 [см. Григорьев, 2012, с. 21, сн. 12].

речья р. Малой Алматинки и Весновки [см. АКК, 1960, № 4390]. Хотя Малоалматинское городище было открыто В. Городецким лишь в 1922 г., то есть значительно позднее командировки В. Бартольда в г. Верный. Следовательно, ни известный востоковед, ни П. Гурде осмотреть его никак не могли, так как не знали о существовании этого памятника.

Ошибка из «Археологической карты» позднее вошла во многие последующие исторические и археологические издания 60-х гг., в которых утверждается, что В.В. Бартольд и П. Гурде в 1894 г. обследовали Малоалматинское городище (городище на территории Погранучилища), описывается его топографии, которая дословно повторяет топографическую характеристику городища на реке Большой Алматы [Маргулан, 1961, с. 696; Валиханов, 1985, с. 387, сноска 38; Бартольд, 1966, с. 83, сноска 23; Савельева, 1989, с. 47; Савельева, Зиняков, Воякин, 1998, с. 15; Байпаков, 2000, с. 30; Байпаков, Савельева, Чанг, 2002, с. 123; 2005; Кузнецова, 1993, с. 63].

Сравнительное изучение архивных источников с публикациями показало, что именно составители Карты [Агеева, Максимова, 1957-1958] еще на стадии подготовки реестра по непонятным причинам использовали при описании Малоалматинского городища материалы Бартольда и наблюдения Гурде, полученные теми при обследовании городища на р. Большой Алматинке [Бартольд, 1966, с. 83]. Это подтверждается не только текстом «Отчета о поездке в Среднюю Азию» В. Бартольда, но и работами краеведа В.Д. Городецкого, имевшего сведения по обоим памятникам [Городецкий, 1924, с. 115; 1927, с. 148-150.]

Так, Малоалматинское городище получило в научной литературе «легенду» совершенно другого, синхронного ему памятника – городища на р. Большой Алматинке (Улькен Алматы). Большое Алматинское городище было исключено из перечня памятников г. Алматы и не значится в «Археологической карте», не упоминается в работах современных археологов

и в энциклопедической литературе по истории южной столицы Казахстана. Результатом этого, на наш взгляд, стала упрощенная трактовка вопроса о локализации средневекового Алматы на территории современного г. Алматы и определения его исторического центра (первоначального ядра).

Городище Улькен Алматы располагалось у входа в ущелье с проходным горным перевалом в Прииссыкулье и далее в Чуйскую, Таласскую и Ферганскую долины. Судя по описаниям кон. XIX в., имело большие размеры, остатки строений из жженого кирпича [Бартольд, 1966, с. 83]. Находки артефактов на нем продолжались до 1924 года. Мы полагаем, что городище Улькен Алматы имеет больше оснований считаться средневековым городом Алматы. Упомянутое в письменных источниках XIV в. селение Алмалык, если учесть, что войско Тимура прошло через перевал Арджату, который отождествляют с Арасаном, находилось на р. Улькен Алматы, где Бартольдом были зафиксированы остатки крупного городища XI-XIII вв.

Находка клада монет на Малоалматинском городище в 1979 году еще не факт, что монеты выпускались именно на этом памятнике. Монеты с надписью «Алмату» были найдены, например, и возле Бишкека на территории Киргизии. Клады в средневековье закапывались в разных местах урочища Алматы, о чем свидетельствуют находки монет в разных уголках территории современного города [Григорьев, 2011, с. 17, 20-21; Базылхан, 2004, с. 44-45].

Следовательно, вопросы об идентификации средневекового Алматы с конкретным памятником на территории современного города, как и определение его первоначального ядра, являются проблемными и до сих пор недостаточно изучены [Григорьев, 2005, с. 64-67]. Анализ дальнейших исследований археологических древностей Алматы в 70-е гг. – в начале 2000-х будет представлен автором в следующей части нашего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеева Е.И. Хроника археологических исследований и находок на территории Казахской ССР за 1947 год // Известия АН Каз ССР. Серия археологическая. - Вып. 2. - 1949.
- Агеева Е.И. Керамика городов и поселений среднего течения Сыр - Дарьи и Каратау // Известия АН Каз ССР. Серия археологическая. - Вып. 2. - 1950.
- Агеева Е.И. Хроника археологических раскопок и находок в Казахстане в 1948-1949 гг. // Известия АН Каз ССР. Серия археологическая. - Вып. 3. - 1951.
- Агеева Е.И., Максимова А.Г. Материалы к археологической карте Алма-атинской области. Алма-Ата. Рукопись // Архив ИА МОН РК. Ф. 2, д. 71. - 1957-1958.
- Агеева Е.И., Сенигова Т.Н. Интересная находка // Казахстанская правда. - 10 мая. - 1951.
- Акишев А. Искусство и мифология саков. - Алма-Ата, 1984.
- Акишев К.А., Агеева Е.И. Археологические работы 1956 года // Известия АН Каз ССР. Серия истории, археологии и этнографии. - Вып. 1 (6). - 1958.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. - Алма-Ата, 1963.
- Алма-Ата. Энциклопедия. - Алма-Ата, 1983.
- Артамонов М.И. Сокровища саков. - М., 1973.
- Археологическая карта Казахстана. - Алма-Ата. 1960.
- Ауэзов Е. К., Кунаева Г. С. Алматы. Энциклопедия. - Алматы, 2009.
- Байпаков К.М. Раннесредневековые города и поселения Северо-Восточного Семиречья // Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата, 1968.
- Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – нач. XIII вв.). - Алма-Ата, 1986.
- Байпаков К.М. Культура оседлого, городского и степного населения во второй половине IX – начале XIII веков // История Казахстана с древнейших времен до наших дней в четырех томах, - Т. 1. - Алматы, 1996.
- Байпаков К.М. Из далекого прошлого. // Золотая книга Алматы – 2000. - Алматы, 2000.
- Байпаков К.М. Жетысу в древности и средневековье: урбанизация и средневековый город Алматы // Shygys (Восток). - № 1. - Алматы, 2004.
- Байпаков К.М. Средневековый город Алматы // Алматы. История тысячелетия. Вып. I. - Алматы, 2008.
- Байпаков. К.М., Савельева Т.В. Древние сокровища Алмату и Жетысу. - Алматы, 2004.
- Байпаков. К.М., Савельева Т.В. Алматы – 1000 лет // Алматы. История тысячелетия. Вып. 3. - Алматы, 2012.
- Байпаков. К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. - Алматы, 2002.
- Байпаков. К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. - Алматы, 2005.
- Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 гг. // Соч., т. IV. - М., 1966.
- Бернштам А.Н. Памятники старины Алма-Атинской области (По материалам экспедиции 1939 года) // Известия АН Каз ССР. Серия археологическая. - Вып. 1 (№ 46). - 1948.
- Бернштам А.Н. Прошлое района Алма-Аты. Историко-археологический очерк. - Алма-Ата, 1949а.
- Бернштам А.Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. - Вып. XI. - 1949б.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. - №26. - М - Л., 1952.
- Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии // Соч. Т.3. - Алма-Ата, 1985.

Воробьева М.Г. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. - М - Л., 1961.

Городецкий В.Д. Древности Семиреченской (Джетысуйской) области. Верный (Алма-Ата). Рукопись // Архив ИА МОН РК. Ф.2.д.2. - 1924.

Городецкий В.Д. Остатки древнего поселения к югу от г. Алматы (Бывший г. Верный) // В.В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. - Ташкент, 1927.

Григорьев Ф.П. Археологические раскопки памятников г. Алма-Аты в 1985 году. Отчет. Алма-Ата. Рукопись // Архивы ИА МОН РК и НИПФ РГП «Казреставрация». - 1986.

Григорьев Ф.П. Археологические работы на территории г. Алма-Аты в 1986 году. Отчет. Алма-Ата. Рукопись // Архивы ИА МОН РК и НИПФ РГП «Казреставрация». - 1987.

Григорьев Ф.П. Исследование памятников археологии г. Алма-Аты и её пригородов в 1987 году. Отчет. Алма-Ата. Рукопись. // Архивы ИА МОН РК и НИПФ РГП «Казреставрация». - 1988.

Григорьев Ф.П. Проблемы археологического изучения средневекового Алматы // Кумбез. - № 1-2. - 2005.

Григорьев Ф.П. Изучение памятников древности и случайные находки на территории г. Алматы и его окрестностей. Часть 1: 1854-1917 гг. // История и археология Семиречья. - Вып. 4. - Алматы, 2011.

Григорьев Ф.П., Исмагилов Р.Б. Археологические исследования на территории г. Алма-Аты в 1984 году (научный отчет). Алма-Ата. Рукопись // Архивы ИА МОН РК и НИПФ РГП «Казреставрация». - 1985.

Джусупбеков С. Город Верный (Страницы истории). - Алма-Ата, 1980.

Джусупов А. Орудия эпохи бронзы из случайных находок в окрестностях Алма-аты // Труды ИИАЭ АН Казахской ССР. - Т. 1. - Алма-Ата, 1956.

Дублицкий Б.Н. О нахождении медного котла в расположении артиллерийского дивизиона в г. Алма-Ате. Рукопись // Архив ИА МОН РК. Ф. 2, д.83. - 1935.

Дублицкий Б.Н. Последние археологические находки на территории Казахстана. Рукопись // Архив ИА МОН РК. Ф. 2, д. 86. - 1937а.

Дублицкий Б.Н. Курганные группы ближайших окрестностей г. Алма-Ата. Рукопись. // Архив ИА МОН РК. Ф. 2, д. 86. - 1937б.

Дублицкий Б.Н. Стоянки и находки предметов каменного века на территории Казахской ССР (Инвентарь и археологическая карта). Алма-Ата. Рукопись // Архив ИА МОН РК. Ф. 2, д. 82. - 1939а.

Дублицкий Б.Н. Хроника археологических разведок и находок на территории Казахской ССР (1928-1938). Алма-Ата. Рукопись // Архив ИА МОН РК. Ф. 2, д. 39, 81, 81а, 81б. - 1939б.

Дублицкий Б.Н. Краткий отчет археологической разведки Казахского филиала Академии наук СССР и Центрального музея Казахстана в окрестностях Алма-Аты в 1939г. Алма-Ата. Рукопись. // Архив ИА МОН РК. Ф. 1, д. 162. - 1939в.

Дублицкий Б.Н. Курганный могильник у Алма-Атинского дома отдыха матери и ребенка и курганы окрестностей г. Алма-Ата. Рукопись // Архив ИА МОН РК. Ф.2, д.85. - 1939г.

Дублицкий Б.Н. Курганный могильник у алматинского консервного завода. Рукопись // Архив ИА МОН РК. Ф. 2, д. 88. - 1939д.

Зуев Ю.А. Поход гунского шаньюя Чжи-чжи на Талас и вопрос о так называемом «массовом проникновении гуннов» в Среднюю Азию // Труды КАЭЭ. - Т. III. - Фрунзе, 1959.

Интересная археологическая находка. // Казахстанская правда.- № 90. -1935.

Копылов И.И. К вопросу о составе древних бронз Семиречья // Ученые записки АГПИ. Серия гуманитарных наук. - Т. 9. - Алма - Ата, 1955.

Копылов И.И. Из истории техники литейного дела в сакское время // Ученые записки АГПИ. Серия общественно-политическая. - Т. XIV(2). - Алма-Ата, 1957.

Кораблев В.Н. Интересная археологическая находка в Алма-Ата // Казахстанская правда. 24 июня. - 1935а.

- Кораблев В.Н. Казахстан в древности был провинцией Рима // Казахстанская правда. №144. - 19356.
- Кузнецова О.В. Керамика с городища Алматы // Известия НАН РК. Серия общественных наук. - №5. - 1994.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». - М., 1972.
- Маргулан А.Х. Комментарии // Валиханов Ч.Ч. Соч. - Т.1. - Алма-Ата, 1961. Маргулан А.Х. Комментарии // Валиханов Ч.Ч. Соч. - Т. 3. - Алма-Ата, 1985. Маргулан А.Х., Агеева Е.И. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 гг.) // Известия АН Каз ССР. Серия археологическая. - Вып. 1. - 1948.
- Мартынов Г.С. Иссыкская находка // КСИИМК. - Вып. 59. - 1955.
- Массон В.М. Страна тысячи городов. - М., 1966.
- Массон М.Е. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Киргизской ССР до 1947 г. // Труды ИА АН Кирг ССР.- Вып. 2. - Фрунзе, 1956.
- Мордухай-Болтовский А.И., Дублицкий Б.Н. Курган скифского типа, вскрытый осенью 1928 г. Алма-Атинским окружным музеем в районе управления Южтурксиба. - Алма-Ата, 1928.
- Настич В. Н. Алматы – монетный двор XIII века // Древности Поволжья и других регионов. - Нижний Новгород, 2000.
- Нифонтова Л.К. Последние археологические поступления в Центральный государственный музей Казахской ССР // Известия АН Каз ССР. Серия археологическая. - Вып. 1. - 1948.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии. - Вып. I. - М., 1973.
- Пантусов Н.Н. Описание раскопок трех курганов, находящихся на западной стороне г. Верного, в апреле и мае 1889 г. // ПТКЛА, 1899 (1898-99 гг), год 4. Протокол от 25.IX. - 1899 г., прил.
- Савельева Т.В. Кузнечное ремесло жителей Илийской долины в XI-XII вв. // Известия АН Каз ССР. Серия общественных наук. - №1. - 1989.
- Савельева Т.В. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII-XIII вв. (по материалам раскопок городища Талгар и памятников его периферии). - Алматы, 1994.
- Савельева Т.В. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу (Семиречья). - Автореф. докт. дис. - Алматы, 1999.
- Савельева Т.В., Зиняков Н.М., Воякин Д.А. Кузнечное ремесло Северо-Восточного Семиречья. - Алматы, 1998.
- Сенигова Т.Н. Скифские котлы в районе Алма-Аты // Архив ИА МОН РК. Ф. 2, д. 57. - 1951.
- Сенигова Т.Н., Агеева Е.И. Хроника археологических исследований и находок на территории Казахстана (1950-1952) // Архив ИА МОН РК. Ф. 2, д. 34. - Б.г.
- Сенигова Т.Н., Бунашева Р.З. Изобразительный мотив льва в прикладном искусстве древнего Казахстана // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. - Алма-Ата, 1980.
- Спасская Е.Ю. Алма-атинские медные котлы (к 100-летию основания укрепления Верного 1854-1954 гг.) Алма-Ата. Рукопись // Архив ИА МОН РК. Ф. 2., д. 55. - 1954-1955.
- Спасская Е.Ю. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии // Ученые записки АГПИ. Серия общественно-политическая. - Т. 11 (1). - Вып. 1. - Алма-Ата, 1956.
- Спасская Е.Ю. Находки медных котлов ранних кочевников в Казахстане и Киргизии // Ученые записки АГПИ. Серия общественно-политическая. - Т. 15 (3). - Вып. 2. - Алма-Ата, 1958.
- Ходжиков К. Древнейшие памятники Семиречья // Труды КазНИИНК - Т. 1. - Алма-Ата - Москва, 1935.
- Шер С.Я. Каменные изваяния Семиречья. - М. - Л., 1966.

**Алматы қаласы және оның маңы 1920–1960 жж. археологиялық зертеу
және кездейсоқ табылған заттар**

ТҮЙІН

Қазіргі Алматы қаласы мен оның маңындағы 1920–1960 жж., кеңес уақыты кезіндегі қырық жыл бойғы анықталған археологиялық мұраларды тарихнамалық шолу. Кола дәуірі, ерте темір дәуірі және орта ғасырларға жататын ескерткіштерді ғылым казуда кездейсоқ табылған ескі жедігерлерге негізделген. Осы мезгілдерде жиналған археологиялық материалдар Қазақстан астанасы орналасқан аумақтың көп ғасырлық өткенін және қаланың мыңжылдық тарихын куаландырады. Мақалада Ұлкен Алматы өзенінің сол жақ жағасындағы шатқалға кіреберістегі орта ғасырдағы Алматы қаласына байланысты оқшаулау мәселесі көтерілген. XIX – ғасырдың соңында бұл жерде ескі үлкен қалашықтың орны табылған, бірақ бұл жайында Алматы қаласының (ең алғашқы) тарихи орталығы болғандығы жайлы шешімде ескерілмейді.

Grigoriev F.P.

**Archaeological research and accidental finds on
the territory of Almaty and its vicinity in 1920 (e) - 1960**

SUMMARY

A historiographical survey of the archaeological heritage discovered within the modern city of Almaty and its vicinity during the forty years of the Soviet period – from the 1920s to 1960. A large amount of factual material on accidental finds of antiquities and the results of scientific excavations of monuments dating from the Bronze Age, The early Iron and Middle Ages. Archaeological materials collected during this period testified to the centuries-old past of the territory where the capital of Kazakhstan were located and the millennial history of the city. The article raises the question of the localization of the medieval city of Almaty on the left bank of the Ulken river of Almaty at the entrance to the gorge. In the end of XIX century there were found remains of a large ancient settlement, information about which is not taken into account when deciding on the historical center (the original core) of Almaty town.

Список сокращений

АГПИ	– Алма-Атинский Государственный педагогический институт им. Абая
АН КазССР	– Академия наук Казахской ССР
АН КиргССР	– Академия наук Киргизской ССР
АКК	– Археологическая карта Казахстана
ИА МОН РК	– Институт археологии Министерства образования и науки Республики Казахстан
ИИАЭ АН КазССР	– Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова
КАЗНИИНК	– Казахский научно-исследовательский институт национальной культуры
КАЗФАН СССР	– Казахский филиал АН СССР
КАЭЭ	– Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
КИЗ	– Казахский институт земледелия
Л.	– Ленинград
М.	– Москва
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МН	– Министерство науки

НАН РК	– Национальная академия наук Республики Казахстан
НИПФ	– Научно-исследовательский и проектный филиал РГП «Казреставрация»
ПТКЛА	– Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
СА	– Советская археология
САЭ	– Семиреченская археологическая экспедиция
ЦГМ РК	– Центральный государственный музей Республики Казахстан

Список сокращений

АГПИ	– Алма-Атинский Государственный педагогический институт им. Абая
АН Каз ССР	– Академия наук Казахской ССР
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭАЕ	– Археология, этнография, антропология Евразии
ВДИ	– Вестник древней истории
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГМИНВ	– Государственный музей истории народов Востока
ЗООИД	– Записки Императорского Одесского общества истории и древностей
ИАК	– Известия Императорской Археологической комиссии
ИА КН МОН РК	– Институт археологии им. А.Х.Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Изв. АН СССР	– Известия
Изв.МН-АН РК	– Известия Министерства науки – Академии наук Республики Казастан
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии. Москва
Л.	– Ленинград
М.	– Москва
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИЭ	– Материалы и исследования по этнографии
МН	– Министерство науки
МНМ	– Мифы народов мира
МОН	– Министерство образования и науки
НАН РК	– Национальная академия наук Республики Казахстан
ОАК	– Отчеты Императорской Археологической комиссии
ПТКЛА	– Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
РА	– Российская археология
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РГО	– Российское географическое общество
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СЭ	– Семиреченская археологическая экспедиция
СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа. С-Пб
СМАЭ	– Сборник Музея антропологии и этнографии
СЭ	– Советская энциклопедия
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа
ТИЯЛИ	– Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР
ТИИЭА	– Труды Института истории, этнографии и археологии Академии наук Казахской ССР
ТС	– Тюркологический сборник
ЦГМ РК	– Центральный государственный музей Республики Казахстан
ЮККАЭ	– Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция
ЮУрГУ	– Южно-Уральский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

О Мотове Юрии Аркадьевиче

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ. Слово о Юрии Аркадьевиче Мотове	5
ЕРМОЛАЕВА А.С. Воспоминания о Юре	10
УСМАНОВА Э.Р. Один из последних казахстанских археологов-энциклопедистов, или Три встречи с Юрием Мотовым	12
ХАБДУЛИНА М.К. Мотов Ю.А. на городище Бозок	14

Статьи и публикации

КУКУШКИН И.А. Семантика социально-стратифицированных погребальных комплексов нурынско-федоровской культуры Центрального Казахстана	18
ДМИТРИЕВ Е.А. К вопросу о выделении нуринской культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана (взгляд сквозь призму историографии и современные реалии)	24
ГОРЯЧЕВ А.А., ЕГОРОВА Т.А. О знаковой символике в металлических украшениях эпохи бронзы Жетысу	32
ЛИХТЕР Ю.А., УСМАНОВА Э.Р. Бусы из египетского фаянса из казахстанских памятников андроновской общности	40
ГОРЯЧЕВ А.А. К вопросу о реконструкции жилищ поздней бронзы в горной зоне Заилийского Алатау	55
САРАЕВ В.В. Каргалинский древний историко-географический микрорайон	68
МАРЬЯШЕВ А.Н., ГОРЯЧЕВ А.А., ПОТАПОВ С.А. Древние поселения и могильники хребта Ешкиольмес	91
ЖЕЛЕЗНЯКОВ Б.А. Алтарные наскальные композиции с оленями Жетысу (Кайши, Актерек)	111
ДЖУМАБЕКОВА Г.С., БАЗАРБАЕВА Г.А. О традиции установки стел в культуре населения сакского времени казахских степей	127
ЯЦЕНКО С.А. Золотая пластина из усуньского погребения в гроте ущелья Каргалы	143
БАЙПАКОВ К.М., САВЕЛЬЕВА Т.В., ПЕТРОВ П.Н. Локализация города Иланбалык (Иланбали) в Илийской долине	156
ХАБДУЛИНА М.К. Позднетюркское погребение из Северного Казахстана	162
ВАРФОЛОМЕЕВ В.В., КУКУШКИН И.А., ДМИТРИЕВ Е.А. Средневековое погребение у аула Аюлы	167
ЕРОФЕЕВА И.В. Памятники тибетского буддизма в Семиречье: Текелйская стела и иконографическая панорама Тамгалытас	174
ГРИГОРЬЕВ Ф.П. Археологические исследования и случайные находки на территории г. Алматы и его окрестностей в 1920-е – 1960 г.г.	190
Список сокращений	210

**ЖЕТІСУ ӨЛКЕСІНІҢ ТАРИХЫ МЕН
АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ДЕРЕКТЕРІ**

МАҚАЛАР МЕН ЖАРИЯЛЫНЫМДАР ЖИНАҒЫ

**ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ
СЕМИРЕЧЬЯ**

СБОРНИК СТАТЕЙ И ПУБЛИКАЦИЙ

ВЫПУСК 5

Научное издание

Егорова Т.А. – шеф-редактор
Воскобойников К.А. – технический редактор
Манапова А.М. – перевод и редактирование казахского текста
Железняков Б.А. – перевод и редактирование английского текста

Сдано в набор 17.09.2017. Подписано в печать 10.10.2017.

Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 20. Тираж 300 экз.